

Н.И. Иванова

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК
В НАЧАЛЕ XXI В.

*Этносоциопсихолингвистический
аспект*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.К. АММОСОВА
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
«ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ АРКТИКИ»

Н.И. ИВАНОВА

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

**ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК
В НАЧАЛЕ XXI В.**

*Этносоциопсихолингвистический
аспект*

Ответственный редактор
доктор филологических наук *Г.А. Дырхеева*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2022

УДК 81'27
ББК 81:60.5
И20

Рецензенты

доктор филологических наук *Т.Г. Боргоякова*
доктор филологических наук *П.А. Слепцов*
доктор филологических наук *Г.Г. Филиппов*

Утверждено к печати Ученым советом Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Научно-техническим советом Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова

Издание осуществлено за счет средств, выделенных на реализацию научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (мегагрант Правительства Российской Федерации, № 075-15-2021-616)

Иванова Н.И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в начале XXI в. (этносоциопсихолингвистический аспект) / Н.И. Иванова. — Новосибирск: Наука, 2022. — 284 с. ISBN 978–5–02–041499–0.

Монография посвящена комплексному изучению языковой ситуации в Республике Саха (Якутия), сложившейся в первые 20 лет нового тысячелетия, на материале полиэтнического города Якутска и моноэтнического села Чай с позиций развития языка саха в общем контексте этноязыковых процессов. Разработанный автором междисциплинарный этносоциопсихолингвистический подход позволил установить эксплицитные и имплицитные тенденции формирования языковой ситуации, определить ресурсы этноязыковой идентичности носителей якутского языка, создать обширный эмпирический банк данных по итогам социолингвистических опросов (2007, 2014, 2016 гг.), интервьюирования экспертов, направленного ассоциативного эксперимента, анализа нормативной документации органов государственного и муниципального управления. Полученные результаты могут стать основой концептуализации проводимой в республике языковой политики, а предложенная методика исследования может быть применена в других регионах со сходной языковой ситуацией.

Для филологов, этно- и социолингвистов, аспирантов, студентов, сотрудников органов государственного и муниципального управления и всех, кто интересуется рассматриваемой проблематикой.

УДК 81'27
ББК 81:60.5

ISBN 978–5–02–041499–0

© Н.И. Иванова, 2022
© Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2022
© Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, 2022
© Редакционно-издательское оформление. ФГБУ «Издательство «Наука», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Г.А. Дырхеева)	5
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1	
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ	20
1.1. Основные методологические подходы к анализу языковой ситуации в контексте ведущих социолингвистических концепций	20
1.2. Социолингвистическая проблематика региона в трудах исследователей	40
1.3. Содержание термина «языковая ситуация» в рамках комплексного интегрированно-го изучения: этносоциопсихолингвистический аспект	44
ГЛАВА 2	
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ЯКУТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ	54
2.1. Динамика этнодемографической структуры населения и демолингвистической характеристики языков в контексте социально-экономического развития РС (Я)	55
2.2. Функциональная дистрибуция государственных якутского и русского языков в системе дошкольного, школьного, среднего профессионального и высшего образования	66
2.3. Функциональная дистрибуция якутского и русского языков в республиканских массмедиа	81
2.4. Этносоциальная функция якутского языка в сфере семейного общения	88
2.5. Этносоциальная функция якутского языка в повседневном (бытовом) и официальном общении	95
2.6. Этносоциальная функция якутского языка в сфере духовной культуры	104
2.7. Дистрибуция якутского, русского и других языков в лингвистическом ландшафте г. Якутска	114
ГЛАВА 3	
ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ САХА В ЯКУТСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ	122
3.1. Особенности демолингвистической характеристики РС (Я) по данным всероссийских переписей населения	122

3.2. Тенденции и динамика показателей уровня владения якутским и русским языками в социолингвистической корреляции	124
3.3. Языковая компетенция молодежи саха в качественном измерении	137
3.3.1. Экспликация языковой компетенции по итогам направленного ассоциативного эксперимента	137
3.3.2. Факторы снижения языковой компетенции саха в экспертных оценках	141
3.4. Основные виды нарушений орфоэпических, лексических, грамматических, стилистических и орфографических норм якутского литературного языка	146
3.5. Особенности устной речи саха на русском языке, обусловленные интерферентными явлениями	161

ГЛАВА 4

СУЩНОСТЬ И СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ САХА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РС (Я)	170
4.1. Основные параметры языковой идентичности саха и их языковые установки в доминантных коммуникативных сферах	170
4.1.1. Сущность и своеобразие языковой идентичности: этносоциопсихолингвистическая парадигма	170
4.1.2. Этноязыковая идентификация: этносоциопсихолингвистические детерминанты	178
4.1.3. Языковые установки саха в сфере образования	189
4.1.4. Языковые установки в сфере массмедиа	197
4.2. Современный риторический (коммуникативный) идеал как категория этноязыковой идентичности	201
4.2.1. Проблематика риторического идеала в современной филологии	201
4.2.2. Современный якутский риторический идеал: результаты психолингвистического эксперимента	204
4.3. Развитие двуязычной языковой ситуации в РС (Я): преобладающие языковые ориентации в национально-языковых отношениях	210
4.3.1. Динамика и тенденции национально-языковых отношений в социолингвистических опросах и психолингвистических экспериментах	211
4.3.2. Выявление мотивации в изучении якутского языка	223
4.3.3. Языковые установки русских респондентов	226
4.4. Состояние языкового законодательства РС (Я) в контексте нормативно-правовых актов федерального центра и их оценка экспертным сообществом	229
4.4.1. Республиканское законодательство в контексте последних изменений законодательства и нормативно-правовых актов РФ	230
4.4.2. Экспертные оценки содержания языкового законодательства и языковой политики РС (Я)	241
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	250
ПРИЛОЖЕНИЕ	258
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	260
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	261

ПРЕДИСЛОВИЕ

Усиление глобализации, динамичные изменения в политических и социальных структурах общества приводят в том числе к активизации языковых процессов и контактов. А поскольку язык — это один из важнейших признаков этнической самоидентификации и инструмент цивилизованного взаимодействия народов, то в условиях ускорения глобализации национальные языки еще более укореняются в качестве объектов мониторингового исследования и нуждаются в особом отношении со стороны властных структур и гражданского общества.

По мнению современных ученых, сегодня назрела настоятельная необходимость анализа сложившейся ситуации. Однако очевидно, что решение данного вопроса имеет значительные сложности в сфере научной реализации, так как указанная проблема обладает многомерным и многоуровневым характером. Поэтому исследование должно идти по многоступенчатому, многоэтапному пути познания крупных, блоковых процессов.

Настоящая монография в полной мере соответствует актуальным требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Во-первых, она является результатом многолетних наблюдений и анализа процессов, происходящих в языковой жизни Якутии и связанных с якутским языком — одним из государственных языков республики. В ней представлена научная оценка национально-языковых отношений двух последних десятилетий в Республике Саха (Якутия) с позиции социолингвистики, являющейся наименее изученным разделом исследовательского поля региональной языковедческой науки.

Во-вторых, автор пошла дальше ретрансляции мнений специалистов в области якутской и отечественной социолингвистики, разработала новые подходы, дала четкое теоретическое обоснование сложнейшей системы межъязыкового контактирования, учитывая не только функционально-семантическую, когнитивную, но и праг-

матическую и, в некоторой степени, лингвокультурологическую специфику языковой ситуации. То есть существенное отличие данного исследования заключается в разработке новой междисциплинарной интегративной этносоциопсихолингвистической концепции изучения языка автохтонов в условиях языковой неоднородности и, соответственно, попытке теоретического обоснования нового направления — этносоциопсихолингвистики.

Междисциплинарный статус выстроенной Н.И. Ивановой парадигмы видится в анализе макро- и микроуровня социальной реальности функционирования языка в динамичном режиме, а также различных аспектов языковой сферы (национально-гражданский аспект, региональная и этническая идентичность, межэтнические отношения, языковая и культурная политика, национальное образование и т.д.). При этом рассмотрение этносоциолингвистических изменений, происходящих в якутском языке под влиянием языка более крупной нации (русских), осуществляется в контексте общесударственных, национально-языковых проблем страны.

Таким образом, автором проведен анализ структуры языковой ситуации в республике во всем ее многообразии, предложена модель языковой ситуации на основе множества факторов. Теоретически представленная модель вписывается в теорию языкового континуума, включая контактную, диастратическую, диафазическую и временную оси.

Комплексный характер исследования предполагает и богатый корпус эмпирических источников: это и доктринальные документы, данные официальной статистики, собственные результаты массовых опросов и официальных интервью. Автору удалось собрать многообразный и объемный фактический материал, который, несомненно, представляет интерес и сам по себе, в том числе для дальнейшего сравнительного анализа.

Разнообразие представленных материалов, использованных методов и подходов объясняется не только сложностью предмета изучения, но и целью исследования и стремлением автора установить сложные междисциплинарные смысловые и функциональные связи. Это потребовало и несколько иной расстановки акцентов. Так, в работе делается попытка обратить особое внимание на субъективные, внутригрупповые детерминирующие факторы выбора языка: отношение к языку, включающее в себя оценочные языковые установки самой этнической группы, а также русских, проживающих в Якутии; стратегии, мотивации к использованию якутского языка; поведенческие и речевые стереотипы и др. В монографии выявляются особенности риторического (коммуникативного) идеала современных

носителей якутского языка, этноязыковые параметры идентичности саха и т.д. Интересный аспект — изучение зависимости активного и пассивного двуязычия и языковой лояльности к этническому языку от разных этнических и социальных факторов, формирующих языковую ситуацию. Важно то, что особое внимание в работе уделено языковой ситуации среди молодежи, что дает возможность обрисовать перспективу и сделать в какой-то мере прогноз состояния якутского языка на ближайшее будущее. Показано, что среди ее представителей идет укрепление чувства этнической идентичности, связанной с родиной и языком. Поэтому несмотря на то, что степень владения родным языком у них ниже, чем у старшего поколения, есть надежда, что якутский язык не только сохранит свои позиции, но и усилит их. Анализ полного структурного спектра этноязыковой идентичности, влияющего на перспективы развития языковой ситуации в республике, представлен с опорой на теорию «национального коммуникативного идеала».

Монография вносит значительный вклад в теорию взаимодействия языков, давая материал для теоретического осмысления актуальных вопросов изучения языковой ситуации (в частности, функционального развития якутского языка; трансформации языковой компетенции, этноязыковой идентичности носителей якутского языка в условиях внутренней массовой сельско-городской миграции; взаимодействия якутского и русского языков в ситуации активного контактного двуязычия). Представленные новые научные парадигмы «язык — человек», «язык — психические процессы», «язык — общество», «язык — этнос» позволяют вскрыть диалектику связи языковой ситуации как живого, динамичного объединения языковых образований на основе их функционирования в общей внеязыковой среде с эволюцией социума в целом.

Несомненно, что данная работа важна в плане мониторинга особенностей трансформации, динамики развития межъязыковых связей и языковых ситуаций в различных регионах Российской Федерации.

Как показывает время и результаты настоящего исследования, проблемы языкового развития требуют постоянного внимания, анализа и обсуждения, а также принятия решений, направленных на устранение недостатков и недочетов, связанных в том числе с разработкой языкового законодательства и языковых норм. К сожалению, сегодня в языкознании, и не только в якутском, можно констатировать недостаток исследований, посвященных языковому планированию, регулированию и прогнозированию по большинству малых языков.

Результаты представленного научного труда могут быть расширены и использованы для создания единого междисциплинарного

подхода к изучению взаимодействия языков, разрешения общих теоретических вопросов развития и функционирования языков в условиях дву- и многоязычия, проблем взаимодействия языка и общества, взаимосвязи языка и культуры, роли языков в формировании гармоничной личности. Прикладной аспект данного исследования заключается в поиске пути, обеспечивающего сохранение и развитие языка в конкретной ситуации сосуществования народов, решения проблемы устойчивого этнолингвистического развития. Представленные материалы можно применять для прогнозирования последующего развития языка и языковых ситуаций, сравнения национально-языковых отношений в различных регионах мира. Кроме того, они могут помочь стабилизации в области межнациональных отношений. В дальнейшем полученные данные можно будет использовать для сравнения и анализа эффективности мер, предпринимаемых сегодня для поддержания национальных языков в разных государствах.

Г.А. Дырхеева, доктор филологических наук,
профессор, главный научный сотрудник отдела языкознания
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

ВВЕДЕНИЕ

Активные глобализационные процессы вывели на авансцену вопросы унификации, стандартизации как серьезных социальных вызовов современности, создав для носителей недоминирующих языков сложную проблему сохранения языкового многообразия. В этой связи определение реальных тенденций и противоречий в развитии современных языковых ситуаций (ЯС) в российских субъектах, характеризующихся языковой неоднородностью, является **актуальной задачей** социолингвистической науки, разрабатывающей механизмы сохранения языков, требует постоянного осмысления и принятия взвешенных решений в области регулирования функционирования языков.

Понятие ЯС, ее типы и особенности, обозначенные в 1970-е годы в трудах классиков советской социолингвистики В.А. Аврорина, Ю.Д. Дешериева, Л.Б. Никольского, А.Д. Швейцера на основе анализа материалов полевых исследований, анкетирования, интервьюирования, заложили базу для последующих социолингвистических разработок. Однако, как признает В.М. Алпатов, «у нас и в 1920-е годы, и в 1960–1980-е годы больше занимались... лингвосociологией. Социальная роль тех или иных явлений изучалась больше, чем собственно языковые факторы, за отдельными исключениями, например вопросами интерференции при билингвизме» [2019, с. 7].

С середины 1990-х годов российская социолингвистика начала развиваться в рамках постсоветской традиции, исследование ЯС в субъектах Российской Федерации стало самостоятельным этносоциолингвистическим направлением. Ориентирование общества на гласность, демократию, рост национального самосознания придали стимул региональным социолингвистическим исследованиям языковой ситуации, языковой политики. На базе понятийного аппарата продолжавшего развиваться социолингвистического подхода стали активно появляться научные труды, основанные на материалах ис-

следований языкового пространства России и ближнего зарубежья [Трескова, 1989а, б; Хасанов, 1987; Орусбаев, 1990; Аргунова, 1992; Баскаков, 1992, 1995, 2000; Насырова, 1997; Аюпова, 2000; Буренина, 2000; Байрамова, 2001; Боргоякова, 2002а, б; Дырхеева, 2002; Биткеева, 2006; Искужина, 2008; и др.]. В указанные годы были получены важные и объективные результаты, касающиеся целесообразности создания условий для полноценного функционирования языков в условиях дву- и многоязычия [Иванова, 2011, с. 9]. Многие положения были взяты на вооружение региональными исследователями (социолингвистами, этносоциологами) большинства республик РФ для анализа ЯС и этноязыковых процессов.

На сегодняшний день якутский язык достаточно изучен на всех уровнях и продолжает изучаться. Однако динамичность человеческого бытия в новых условиях коммуникации в контексте глобализационных процессов предъявляет высокие требования к постоянному мониторингу динамики и основных тенденций языковой ситуации в целом, как и к оценке национально-языковых отношений с позиции социолингвистики.

Целью данного исследования является комплексное изучение этносоциолингвистических, лингвистических, психолингвистических особенностей количественных, качественных и эстимационных признаков ЯС в полиэтничном городе и моноэтничном селе с позиций якутского языка в общем контексте этноязыковых процессов при учете развивающихся динамических тенденций.

Для достижения указанной цели нами были решены следующие разноаспектные **задачи**:

1) представить теоретико-методологическое обоснование изучения ЯС в этносоциопсихолингвистическом аспекте в контексте ведущих социолингвистических концепций и с учетом региональных разработок социолингвистической проблематики;

2) изучить демолингвистические признаки сложившейся в Якутии ЯС в контексте социально-экономического развития и данных всероссийских переписей населения;

3) определить функциональную дистрибуцию якутского и русского языков в социально-коммуникативной системе (СКС) в их социолингвистической обусловленности с установлением реальных функциональных статусов;

4) установить социолингвистическую обусловленность языковой компетенции саха в якутском и русском языках, выявить динамичные тенденции языковой компетенции;

5) определить основные параметры этноязыковой идентичности саха в социолингвистической обусловленности;

6) описать субъективные факторы ЯС посредством установления этноязыковой идентичности саха, проявляемой в совокупности языковых ориентаций, установок, предпочтений;

7) дать экспликацию языковой компетенции, этноязыковой идентичности, современного риторического (коммуникативного) идеала, национально-языковых отношений, существующей языковой политики посредством фиксации языковых установок в коммуникативном сознании в ходе направленного ассоциативного эксперимента (НАЭ), экспертных интервью, анализа законодательных документов;

8) разработать модель изучения этноязыковой идентичности саха.

Объектом данного исследования являются особенности функционирования якутского языка как одного из основных компонентов ЯС в Республике Саха (Якутия) в современных социокультурных условиях, а также национально-культурная специфика коммуникативного сознания носителей якутского языка.

Выбор социального объекта, в качестве которого предстанут этнические якуты (саха), проживающие в условиях языковой неоднородности в г. Якутске, можно объяснить двумя факторами. Во-первых, в столице республики ЯС наиболее динамична и разнообразна в своих проявлениях вследствие сельско-городского миграционного движения, лавинообразно начавшегося в 90-е годы XX в. и продолжающегося в наши дни. Во-вторых, одной из особенностей этнодемографической ситуации в РС (Я) по итогам Всероссийской переписи населения (ВПН), проведенной в 2010 г., является сегрегированность расселения основных этнических групп: «...93,2 % русских проживают в городских, 65,3 % саха — в сельских поселениях Якутии. В связи с этим г. Якутск, где сконцентрирована четверть населения республики (25,95 %) и треть всех городских жителей (34,5 %), является почти “идеальной” моделью многонациональной Якутии. Кроме того, именно здесь численный паритет саха и русских выражен наиболее рельефно: 42,4 и 46,1 % соответственно» [Игнатьева, 2012а, с. 82]. Для сопоставления этноязыковых процессов, происходящих внутри этнической общности, изучено также население моноэтнического села Чай. Для выявления общего и различного в стратегии и тактиках использования языка, языковых установок актуализированы данные проведенного нами мониторингового исследования русского населения.

Комплексный, интегрированный подход, представленный этносоциолингвистическим, собственно лингвистическим и психолингвистическим аспектами исследования, позволил разработать следующие положения:

1. Процессы урбанизации, а именно рост количественных показателей городского населения за счет миграции сельского, увеличивая плотность титульного населения в столице республики, генерируют повышение качественных показателей этноязыковой идентичности в городе: прямой языковой самоидентификации, языковой компетенции, функционального статуса языка саха в нерегламентированных сферах СКС, этноязыковых установок.

2. Взаимодействие глобализационных тенденций и тенденций этнического возрождения, являясь постоянным признаком современной ЯС в республике, сформировало у молодежи языковую и социолингвистическую компетенции, образующие функционально-речевой континуум использования родного языка в интервале от 3,1 до 73,3 %, способствующий воспроизводству этнического языка, а также позитивные установки по отношению к родному и русскому языкам.

3. Анализ формулируемого носителями якутского языка национального риторического (коммуникативного) идеала, введенного нами в традиционную систему компонентов языковой ситуации и структуру этноязыковой идентичности, позволил выявить специфику якутского менталитета, которая заключается в особой значимости эстетической, регулятивной и когнитивной функций этнического языка.

4. Опозиция «свой/чужой» естественным образом встроена в структуру рассматриваемых нами национально-языковых отношений, однако толерантность, признаваемая прежде всего как позиция признания иных ценностей, взглядов и свойственная народу саха, является устойчивым признаком системы его ценностей.

5. Динамика этноязыковых процессов среди русского населения, выражающаяся в повышении их этнического самосознания и снижении интегрирующих установок посредством языка, исключает объективные предпосылки для установления паритетного двуязычия, но при ограничении новой идеологии унификации в государственной языковой политике, отличающейся избыточной поддержкой русского языка в системе образования, прогнозируются перспективы благоприятного неконфликтного развития массового якутско-русского и более локального русско-якутского двуязычия.

6. Этническая общность саха обладает высокими этническими ресурсами, но современные унифицирующие, стандартизирующие процессы ставят перед носителями недоминирующих языков сложную задачу сохранения языкового многообразия. В связи с этим выявлена потребность в активной стимулирующей позиции государства в роли субъекта языкового планирования для: а) развития якут-

ского языка в качестве государственного языка Республики Саха (Якутия), в частности, в сфере образования (гарантия включения обязательного изучения якутского языка в образовательный стандарт; экспертиза учебников по якутскому языку и якутской литературе с привлечением широкого круга специалистов; разработка механизма синхронизации процессов осознанного выбора родительским сообществом языка обучения их детей и обеспечения их конституционного права на получение образования на родном языке или изучения родного языка; изучение разговорного якутского языка и якутской культуры для всех обучающихся в образовательных учреждениях и заведениях республики как условие сохранения межэтнического согласия); б) полноценного функционирования якутского языка во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в официальных кругах, с целью установления сбалансированного двуязычного коммуникативного пространства; в) укрепления жизнеспособности якутского языка с внесением изменений в деятельность по развитию языков, направленную на использование всех возможностей, предоставленных федеральным законодательством; выработку мер языковой политики, основанных на аналитико-статистической информации исполнения принятых законов; синхронизацию мероприятий языковой политики с потребностями этнической общности; использование методов лингвистического прогнозирования при принятии решений в сфере языковой политики.

7. Этносоциопсихолингвистическое содержание ЯС, в которой социальным объектом выступают якутский этнический социум и носитель якутского языка, репрезентирует постоянство его ядерной характеристики в меняющихся внешних условиях. Якутский язык — этнообразующий фактор якутской этнической общности, имеющий высокий этносоциальный статус. Факт высокого уровня развития якутско-русского двуязычия определяет значимость российской/гражданской идентичности, несущественно снижая при этом первостепенность этноязыковой идентичности.

Теоретико-методологической базой нашего исследования послужили фундаментальные труды социолингвистов Е.Д. Поливанова, В.А. Аврорина, А.Д. Швейцера, В.Ю. Михальченко, В.М. Алпатова, В.А. Виноградова, А.Н. Баскакова, Л.Л. Аюповой, Г.А. Дырхеевой, Т.Г. Боргояковой, С.И. Тресковой.

При разработке психолингвистической части, служащей интерпретирующим базисом, мы опирались на труды И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Э.В. Хилхановой; в обосновании введения в научный оборот категории современного риторического (коммуникативного) идеала как компонента этноязыковой идентичности, но в авторском,

социолингвистическом, осмыслении, мы воспользовались идеей И.А. Стернина, приняли во внимание суждения А.К. Михальской, А.П. Сквородникова и С.С. Аверинцева.

Собственно лингвистическая часть исследования представлена записями телевизионной речи, при анализе которой были использованы социолингвистические принципы, разработанные С.В. Светаной, С.И. Тресковой, Л.Н. Федотовой. В анализе применялся нормативный аспект рассмотрения устно-речевых явлений в телевизионной речи как коммуникативно-функциональной разновидности устной литературной речи, выделяемой О.А. Лаптевой, когда ориентация на письменный текст и спонтанность, официальность / неофициальность (Е.А. Земская) выступают как переменные признаки [Иванова, 2011, с. 19].

В определении двуязычия и классификации ненормативного языкового материала мы следовали положениям, разработанным У. Вайнрайхом, Е.М. Верещагиным, В.Ю. Розенцвейгом, К.З. Закирьяновым, Ю.Ю. Дешериевой, В.Ю. Михальченко, А.И. Мучник и Е.А. Айбабиной. «Основным теоретическим источником в квалификации нарушений литературных норм русского и якутского языков стали труды В.В. Виноградова, М.В. Панова, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкой, Н.И. Гейльман, Л.Р. Зиндер, О.А. Лаптевой, В.А. Белашапковой, Е.А. Земской, В.Г. Костомарова, К.З. Закирьянова, Х.Г. Агишева, Ю.Ю. Дешериевой; исследователей-якутоведов В.М. Анисимова, Е.Н. Дмитриевой, Н.Д. Дьячковского, Н.Е. Петрова, П.П. Барашкова, П.А. Слепцова, Т.П. Самсоновой, К.Ф. Федорова, Л.Н. Харитоновна, М.А. Черосова» [Иванова, 2002, с. 4–5].

Этносоциолингвистическая проблематика исследования предполагает принятие во внимание позиций, сложившихся в этнологии, этносоциологии, вследствие чего при формулировке гипотезы исследования и интерпретации причинно-следственных связей мы опирались на разработки Л.М. Дробизевой и М.Н. Губогло.

Используемый нами метаязык описания базируется на терминологической традиции, основанной социолингвистами Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН (НИЦ НЯО РАН). Его важнейшие понятия представлены в Словаре социолингвистических терминов (ССТ) под редакцией В.Ю. Михальченко [2006]. В ряде случаев нами вводятся уточнения и авторские рабочие определения в соответствии с выбранным аспектом исследования.

Смежность исследовательского поля, метод триангуляции, комбинирующий количественные (социолингвистические опросы) и ка-

чественные (направленный ассоциативный эксперимент) процедуры, расширяют возможности получения репрезентативных результатов. Итоги НАЭ также экстраполируются на область исследования языковой компетенции, этноязыковой идентичности и национально-языковых отношений.

По мнению Р. Белла, социолингвистика объединяет в себе две разные отрасли знания, одну из которых отличает «изучение межгрупповой интеракции на уровне крупных групп, вплоть до контактирующих наций и государств» [1980, с. 45], она известна как макросоциолингвистика; изучение же индивида в совокупности неформальной внутригрупповой интеракции малых групп определяется как микросоциолингвистика.

В нашем случае на уровне макросоциолингвистики представлены количественные показатели итогов социолингвистических опросов в динамике 2007, 2014 гг., отражающие объективную языковую ситуацию:

1) результаты опроса «Социолингвистический портрет носителя якутского языка в контексте лингвистического ландшафта г. Якутска», проведенного в 2014 г. с охватом 467 респондентов — этнических якутов. Параллельно были опрошены 50 жителей моноэтнического якутского села Чай Вилюйского улуса с общим населением 506 чел. (по данным на 01.01.2015 г.);

2) вторичный анализ выборки этнических якутов, проживающих в г. Якутске ($n = 307$) и с. Чай ($n = 54$), из опроса «Социолингвистическая ситуация в Республике Саха (Якутия)», проведенного сотрудниками отдела языковой политики Института гуманитарных исследований Академии наук РС (Я) (ныне ИГИиПМНС СО РАН) под руководством Н.И. Ивановой в 2007 г.

Социально-демографические параметры респондентов, участвовавших в опросах 2007 и 2014 гг. в Якутске, представлены в нашей монографии, изданной в 2017 г. [Иванова, 2017, с. 14–16]. При формировании выборки мы ориентировались на многоступенчатую типологическую квотную стратификационную выборку, рассчитанную для г. Якутска И.И. Подойницыной [2012].

Контрастивным материалом служат итоги социолингвистических опросов русского населения г. Якутска, в том числе вторичный анализ выборки русских респондентов ($n = 191$) из опроса «Социолингвистическая ситуация в Республике Саха (Якутия)» (2007 г.) и результаты опроса «Исследование социолингвистической ситуации в г. Якутске», проведенного среди русского населения столицы республики в 2016 г. ($n = 267$).

В 2007 г. для выявления установок взрослого населения в изучении языков был предпринят специальный проект «Выявление мотивации в изучении якутского языка». В 2007–2008 гг. проведено 12 интервью ключевых информантов, наиболее интенсивно посещавших курсы изучения якутского языка в образовательном центре «Современный лидер» в г. Якутске. Их ответы были обобщены в первой и второй группах в качестве мотивов. В третью группу включены мнения, языковые ориентации этнических русских, установленные в беседах при проведении опросов. Отбор интервьюируемых осуществлялся с учетом следующих параметров: языковая компетенция, этническая принадлежность, пол, возраст, ранг в групповой иерархии; также принимались во внимание уровень осведомленности о предмете обсуждения, желание обсудить интересующие нас проблемы.

Кроме того, в 2007 г. совместно с Л.Н. Семеновой был проведен НАЭ, в ходе которого была поставлена задача определить и систематизировать формулировки якутского риторического (коммуникативного) идеала в понимании современных этнических якутов ($N = 570$, в том числе владеющих и не владеющих этническим языком), с помощью которых предполагалось выявить этноязыковые установки респондентов. Массив итогов НАЭ составил 2046 реакций, т.е. определенных ответов на вопрос, при этом сходные ответы не обобщались. Все реакции с учетом единичных ответов обобщены в 170 позиций. Эмпирический материал систематизирован в соответствии с тремя принципами: возрастным, принципом языковой ориентированности и принципом языкового предпочтения, согласно которым сформированы три группы. Первую группу составляет 321 респондент в возрасте 17–25 лет, в том числе 234 женщины (из них 147 жителей г. Якутска, 87 — сельской местности), 87 мужчин (из них 50 чел. проживают в г. Якутске, 37 — в сельской местности). Общее количество реакций — 1036. В НАЭ приняли участие студенты Якутского госуниверситета им. М.К. Аммосова, Якутского филиала Байкальского государственного университета экономики и права, Арктического государственного института культуры и искусств, Якутского музыкального училища, Якутского художественного училища (анкета заполнялась на якутском языке). Во вторую группу вошли 249 респондентов в возрасте 26 лет и старше, в том числе 158 женщин (из них 88 чел. проживают в г. Якутске, 70 — в сельской местности), 91 мужчина (из них 10 чел. проживают в г. Якутске, 81 — в сельской местности). Общее количество реакций — 717. Экспериментом были охвачены также жители сел Чай (Вилюйский улус), Нуорагана (Мегино-Кангаласский улус), Сунтар (Сунтарский улус), Чурапча (Чурапчинский улус); сотрудники Якутского научно-исследователь-

ского института сельского хозяйства, Института физико-технических проблем Севера СО РАН, Института гуманитарных исследований Академии наук РС (Я), факультета якутской филологии и культуры ЯГУ им. М.К. Аммосова, работники Национальной вещательной компании «Саха» (НВК «Саха»); участники республиканского конкурса ораторского мастерства «Аманас» (анкета заполнялась на якутском языке). Третью экспериментальную группу составили 113 респондентов в возрасте 17–36 лет. Общее количество реакций — 293. В эксперименте приняли участие студенты Якутского госуниверситета им. М.К. Аммосова.

Собственно лингвистическая часть заключается в мониторинговом исследовании устной речи молодых радио- и телеведущих республиканского канала. Для этого были проведены запись, расшифровка и анализ новостных, авторских и развлекательных телевизионных передач на предмет соблюдения литературных норм современных якутского и русского языков на уровне лексики, грамматики и орфоэпии. Полевой материал исследования составляют выборочные записи 17 еженедельных передач НВК «Саха», выходящих в эфир в 2000–2002 гг., что составило приблизительно 150 часов звучащей речи. Более поздние наблюдения сделаны нами в ходе мониторингов 2005–2006, 2012–2013 гг. (проанализированы записи 20 новостных передач с редакторами-билингвами общей длительностью 55 часов), а также 2017–2019 гг. (исследованы записи 10 новостных и развлекательных передач с редакторами-билингвами и носителями русского языка).

В аргументации ряда проблем функционирования, взаимодействия языков использовано экспертное мнение: в 2016 г. проведено интервьюирование на тему «Использование современного якутского языка в г. Якутске» 23 информантов, среди которых ученые (языковеды, философы), преподаватели вузов, учителя школ, журналисты и т.д. Социально-демографические параметры экспертов представлены в нашей ранее опубликованной работе [Иванова, 2017, с. 165–166].

Психолингвистическая часть исследования разработана на материале НАЭ, фиксирующего реакции на стимулы, обозначающие компоненты двуязычной языковой ситуации: «якутский язык» и «русский язык». Анализу подверглись реакции 111 студентов-саха и 90 студентов-русских (2008 г.), 126 студентов-саха и 300 взрослых (2014 г.), 106 русских студентов (2016–2017 гг.) на стимулы «якутский язык» и «русский язык».

Информационной базой послужили различные официальные источники (законы, указы, постановления), итоги ВПН разных

лет, полевые материалы автора, анонсы программы передач на неделю, по которым высчитывалась функциональная дистрибуция языков на ТВ.

* * *

Мы выражаем искреннюю признательность ответственному редактору монографии *Галине Александровне Дырхеевой*, доктору филологических наук, профессору, главному научному сотруднику отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, автору предисловия; рецензентам — *Тамаре Герасимовне Боргояковой*, доктору филологических наук, профессору, директору Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова; *Петру Алексеевичу Слепцову*, доктору филологических наук, главному научному сотруднику отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; *Гаврилу Гаврильевичу Филиппову*, доктору филологических наук, профессору кафедры якутского языка Института языков и культуры Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

Благодарим всех, кто в разные годы тем или иным образом помогал в работе над книгой: коллег-социолингвистов из Научно-исследовательского центра национально-языковых отношений Института языкознания РАН (рук. Центра член-корреспондент РАН В.М. Алпатов), научных сотрудников отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН (зав. сектором доктор филологических наук Н.И. Данилова) за оживленные дискуссии при обсуждении рукописи; *Ерофееву Елену Валентиновну*, доктора филологических наук, заведующую кафедрой теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета; *Салихову Эльвину Ахнафовну*, доктора филологических наук, профессора кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета; *Скачкову Ирину Ивановну*, доктора филологических наук, профессора кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Волгоградского института управления (филиал ФГБОУ ВО РАНХИГС при Президенте РФ), за высокую профессиональную оценку нашей работы и конструктивные замечания; коллектив кафедры общего языкознания и риторики (зав. кандидат филологических наук И.П. Павлова) и кафедры русского языка (зав. кандидат филологических наук М.В. Тарабукина) филологического факульте-

та Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова за помощь в опросе студентов.

Выражаем глубокую благодарность и признательность нашим помощникам-единомышленникам, которые вот уже 15 лет оказывают нам неоценимую помощь в обработке полевых материалов — старшему лаборанту отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН *Ие Петровне Калачёвой* и ведущему инженеру АО «Сахаэнерго» *Анатолию Андреевичу Иванову*. Спасибо огромное, что Вы с нами!

Сердечная благодарность всем нашим соотечественникам: респондентам, информантам, участникам экспертных опросов, носителям якутского и русского языков. Мы посвящаем эту книгу всем вам.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

1.1. Основные методологические подходы к анализу языковой ситуации в контексте ведущих социолингвистических концепций

Всестороннее развитие современной социолингвистики определяется полиэтничностью социума, углублением проблематики отношения «человек — общество» в условиях социального взаимодействия и расширением методологических подходов к решению ее актуальных задач. Нацеленность на многомерное изучение языка как социального феномена раздвинула рамки системно-структурного подхода и открыла исследовательское пространство для более детального анализа природы языка, предоставила возможность подробнее рассмотреть условия его функционирования и динамику развития, позволяя «представить в новом свете онтологическую картину языка как общественного явления» [Швейцер, 2009, с. 4].

В поиске атрибутивных связей между языком и социумом сформировались концепции, основанные на различных методологических позициях. Так, мысль о существовании двух взаимосвязанных сторон языка, структурной и социальной, поддерживающих его реальное функционирование, жизнеспособность, нашла отражение и развитие в трудах не только зарубежных, но и отечественных лингвистов (И.А. Бодуэна де Куртенэ, Фердинанда де Соссюра, Е.Д. Поливанова, Л.П. Якубинского, В.М. Жирмунского, А.М. Селищева, Р.О. Шор, Б.А. Ларина, Н.М. Каринского, Г.О. Винокура, А. Мейе, П. Лафарга, Ш. Балли, Б. Гавранека, А. Матезиуса и др.). Обращение к социолингвистической проблематике базисного понятия «языковая ситуация», не имеющего до сих пор общепризнанного определения среди исследователей, подводит нас к анализу собственно содержания данного термина в аспекте развития концепций, изложенных в трудах представителей отечественного и зарубежного языкознания, и обоснования их точки зрения при типологии социолингвистической модели. Как и любая классификация, производящаяся по наличию/отсутствию существенных дифференциальных

признаков в некоей системе, социолингвистическая типология строится на нескольких уровнях их анализа, в результате чего определяется конкретный тип языковой ситуации. Проблема изучения ЯС была признана В.А. Аврориным [1973] наиболее существенной и специфичной для современной социолингвистики областью знания, актуальность которой не снижается в любом обществе.

Зарождение социолингвистической науки в России, начавшееся с исследования проблем функционирования языков в обществе, связывают с именем И.А. Бодуэна де Куртенэ, впервые затронувшего вопросы языковой политики и ЯС (1906 г.). После революции его последователями Е.Д. Поливановым и Л.П. Якубинским велась активная деятельность по языковому строительству. Наряду с изданием работ общего характера о преобразовательном подходе к функционированию языков, об изменениях русского языка, ЯС в после-революционный период, осуществлялись масштабные мероприятия по созданию письменности для народов России, становлению их литературных языков.

Объективные предпосылки для развития советской социолингвистики появились лишь во второй половине 1950-х годов по прошествии сложного времени, когда научные разработки, связанные с этнической проблематикой, были под запретом. С конца 50-х по 70-е годы XX в. интенсивно развивались общетеоретические направления социолингвистики как научной дисциплины. Методологическое обоснование сущности и содержания понятия «языковая ситуация» нашло отражение в трудах советских ученых Л.Б. Никольского, А.Д. Швейцера, В.А. Аврорина, Ю.Д. Дешериева, Ф.П. Филина, В.Н. Ярцевой, В.А. Виноградова и др. В самом общем смысле под ЯС понимали совокупность языков и их форм, функционирующих в конкретном обществе на определенном этапе его развития. Выделяли также различные типы, признаки и параметры ЯС, факторы, влияющие на ее состояние.

Функциональная сторона языка признается В.А. Аврориным наиболее значимым признаком понятия «языковая ситуация». Поэтому он рассматривает ее в виде системы, структурированной из взаимно обусловленных компонентов, как «выполнение функций наличных форм существования языка во всех средах и сферах общественной деятельности при определенных социальных условиях» [Аврорин, 1975, с. 120], а также как «складывающийся под влиянием социальных условий характер функционирования различных форм существования языка и их взаимодействие с другими языками во всех сферах жизни конкретной этнической общности» [Там же, с. 51]. В позиции автора присутствует собственно лингвистический

аспект, указывающий на взаимодействие языков, а оценочный аспект не имеет смысловой нагрузки.

В своем определении ЯС в числе прочих аргументов А.Д. Швейцер подчеркивает оппозицию «синхрония/диахрония» и вводит в качестве экстралингвистического фактора принципиально важное дополнение — социальные установки членов социума: «...в самом общем виде языковая ситуация может быть определена как модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов» [2009, с. 133–134]. Кроме того, автором установлены важные с позиций современной социолингвистики объективные и субъективные признаки ЯС: к первым он отнес данные социальной дифференциации языка, ко вторым — ценностные ориентации членов языкового коллектива.

Языковая ситуация в понимании Л.Б. Никольского есть «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности» [1976, с. 79–80]. В данном определении находим общее с суждениями В.А. Аврорина в отношении функционального подхода. Так, оба исследователя берут за основу функциональное распределение языков или подязыков в части моно- либо полиэтничности социума, т.е. факт широкой представленности дву- и многоязычия в их дефинициях занимает важное место: «Языковая ситуация есть архисистема языковых систем или подсистем, распределенных по этническим, социальным или социально-территориальным общностям, входящим, однако, в одно общество. Другими словами, языковая ситуация есть система языковых систем или подсистем, каждая из которых принадлежит к определенному типу» [Там же, с. 80]. Л.Б. Никольский считает, что динамика во взаимоотношениях функционально-стратификационных языковых образований возможна вследствие воздействия социальных и лингвополитических факторов в виде некоего процесса. И поэтому зафиксированное статичное состояние системы может быть названо ЯС, а собственно динамичный процесс взаимоотношений функционально-стратификационных языковых образований есть языковой процесс [Там же, с. 126].

Концепция Г.В. Степанова построена на различии ЯС (синтагматический план) и языкового состояния (парадигматический

план) в общей организации функциональной системы языка. При этом ЯС определяется им как «отношение языка (или его части), характеризующегося данным состоянием, к другим языкам или к другой части того же языка, проявляющееся в различного рода пространственных и социальных взаимодействиях (синтагматический план)» [Степанов, 1976, с. 31]. Т.Б. Крючкова вслед за Г.В. Степановым дифференцирует эти понятия и считает, что «состояние языка является составной частью ЯС» [2010, с. 63].

В понимании чешского ученого А. Едлички ЯС это то, «как данная языковая (или же коммуникативная) общность, расчлененная по социальному признаку, региональному, возрастному признаку, употребляет формы существования национального языка: литературный язык, общий обиходно-разговорный язык (obecný běžně mluvený jazyk), диалект в различных сферах (обиходно-разговорной, специальной, публицистической, художественной и т.д.). Ее характеристика включает также установление интерференции средств отдельных форм существования в высказываниях, а также столкновение и взаимовлияние норм» (цит. по [Нещименко, 2003, с. 14]). В отличие от предыдущих трактовок, в данном определении представлена достаточно дифференцированная одноязычная ЯС.

При трактовке термина «языковая ситуация» («language situation») другой зарубежный исследователь — Ч. Фергюсон — особо подчеркивает значимость количественного и качественного факторов, коммуникативной мощности языка в определенном ареале в синхроническом соотношении, роль эстимационного фактора, отражающего языковые установки и мнения членов общности, говорящей на этом языке. Кроме того, с его точки зрения, важно установить, сколько языков и какие языки используются в данном ареале [Фергюсон, 1989]. То есть при преимущественно квантитативном характере дифференциации языков по их коммуникативной значимости автором позиционируется существенная роль субъективных факторов в отношении языков.

В.А. Виноградовым предложено следующее определение, ставшее в данное время традиционным: «Языковая ситуация — это совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Языкознание. БЭС, 1998, с. 616]. В представленной трактовке задана полиэтничность (многоязычие) как составляющая ЯС и взаимодействия языков.

Многоаспектность и многопризнаковость ЯС как явления предполагают сложность ее типологии. В круг наших интересов входили

наиболее устоявшиеся в современной социолингвистике варианты типологизации ЯС. Ряд отечественных и зарубежных ученых (Л.Б. Никольский, А.Д. Швейцер, В.А. Аврорин, Ю.Д. Дешериев, У. Стюарт, Ч. Фергюсон, Г. Клосс, В.А. Виноградов, М.А. Горячева и др.) предлагали классификационные модели, основанные на нескольких различительных признаках.

Типология Л.Б. Никольского [1976] отличается значительной поликомпонентностью: она включает этнолингвистический, социальный, профессиональный состав населения, экономические условия, существующий общественный строй, географическое расположение, возраст, пол, уровень образования, генеалогические различия языковых образований, их функционирование.

Л.Б. Никольским и А.Д. Швейцером языковые ситуации подразделяются на экзогlossные (возникают при функционировании различных языков на определенной территории) и эндогlossные (формируются при функционировании подсистем одного языка). То есть можно отметить, что данная типология основана на качественном признаке компонентов (язык, диалект, говор и т.п.). При функциональной равнозначности сосуществующих языков ЯС характеризуется как сбалансированная. Наличие несбалансированного функционирования в условиях экзогlossной ЯС может иметь двух- (местный язык и язык-макропосредник), трех- (местный язык, региональный язык и язык-макропосредник) и четырехкомпонентную (местный язык, региональный язык, язык-макропосредник и религиозный и/или профессиональный язык) структуры [Никольский, 1976, с. 79, 80–88, 103; Швейцер, 2009, с. 135–136].

Описание ЯС У. Стюартом и Ч. Фергюсоном интересно своим формульным выражением количественных и качественных признаков в определенной административно-территориальной единице. В структуру их типологии входят: число языков (большие и малые, обозначаемые L_{\max} и L_{\min}); характеристики языков (местный (V), литературный/стандартный (S), классический (C), пиджин (P), креольский (K), специальный (L_{spec})). Также значимы функциональные характеристики языков: этнический (g), официальный (o), лингва франка/койне (w), религиозный (r), межнациональный (i), изучаемый в школе (s), изучаемой на средней и старшей ступенях (e). Так, местный язык, изучаемый лишь в начальной школе, согласно их подходу, можно представить следующим образом — $L_{\min}(Vs)$. Подобное формульное выражение ЯС было предложено Х. Клоссом. А.Д. Швейцер [2009, с. 138] и В.А. Виноградов [1984, с. 8] считали формулу Стюарта–Фергюсона недостаточно детализированной. На наш взгляд, преимущество формализованной структуры состоит в ее

эргономичности, например, для представления той или иной ЯС в различных информационных базах данных.

Классификация В.А. Виноградова построена на основе количественных, качественных и оценочных признаков [Языкознание. БЭС, 1998, с. 616–617]. Так, по числу идиомов-компонентов он различает моно-, би- и поликомпонентные ЯС; количеству говорящих на каждом из идиомов — степень демографической мощности, в соответствии с чем выделяет мажоритарные и миноритарные языки; числу коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомом, — коммуникативную мощностъ идиомов, подразделяющихся на равновесные (совокупность равномошных языков) и разновесные (совокупность разновесных языков) ЯС; количеству функционально доминирующих идиомов — одно- и многополюсные языковые ситуации.

Под качественными признаками языковой ситуации В.А. Виноградов понимает лингвистические и экстралингвистические параметры языков: характер идиомов, типологизирующий структурно-генетические характеристики идиомов, дифференцирующих сходные, родственные и несходные, неродственные типы ЯС; одно- и поликомпонентные ЯС. Структурно-генетические характеристики, кроме последних типов, обуславливают выделение множества гомогенных и гомоморфных, гетерогенных и гетероморфных языковых ситуаций в любой их конфигурации. По признаку функциональной равнозначности/неравнозначности выделяются гармоничные языковые ситуации с равным юридическим статусом языков, где СКС имеет сбалансированный характер, и дисгармоничные ЯС с неодинаковым юридическим статусом языков, система которых определяется как функционально дополняющая друг друга. В данной классификации также значимы признаки доминирующего языка: автор по соотношению местного (языка коренного населения) и импортированного языков различает эндо- и экзогlossные ЯС, при этом эндогlossную ЯС отличает доминирование местного языка в регионе, экзогlossную — доминирование иностранного языка.

Система оценочных (эстимационных) признаков наиболее подробно описана у В.А. Виноградова. При этом языковая лояльность коллектива совершенно справедливо детерминруется совокупностью внутренних оценок, а внешняя и внутренняя оценки идиомов характеризуются с точки зрения коммуникативной пригодности, эстетичности, культурной престижности и т.д. [Языкознание. БЭС, 1998].

Оценочность как признак присутствует в трудах российских ученых А.Д. Швейцера, В.Ю. Михальченко, но, безусловно, более развита в публикациях зарубежных исследователей. Так, в 1956 г. П. Гарвин на теоретической платформе Пражской лингвистической школы в дополнение к типологии функций в речевой ситуации разработал типологию функций языка в обществе. Автор «выделяет пять типов, которым соответствуют специфические позиции носителей языка, реализующих эти функции: унифицирующую и дифференцирующую (*the unifying function and the separatist function*), престижную (*the prestige function*), партиципальную (*the participatory function*), обрамляющую (*the frame-of-reference function*)» (цит. по [Халина, 2015]).

Наибольшее развитие в экспликации субъективных факторов в социолингвистике получила престижная функция (*the prestige function*). В своей классификации Ч. Фергюсон [1989, с. 122–127] также опирается на субъективные факторы в описании языковых ситуаций. В целом с 1960-х годов «человеческий фактор» как компонент ЯС, являющийся отражением субъективной стороны функционирования языков и определяемый термином «языковые установки», активно задействован в теоретических и практических разработках западных социолингвистов.

Достаточно широкое распространение в социолингвистических исследованиях отечественных и зарубежных социолингвистов получила классификация языков по сферам и областям их функционирования, с точки зрения выполняемых ими общественных функций, т.е. сравнение функциональной мощности идиомов [Аврорин, 1975, с. 76–77; Дешериев, 1976, с. 86–87].

В функциональной классификации А. Мартине, представленной в виде пирамид, языки межнационального и международного общения (языки-посредники) занимают третий, наивысший, ярус. На первой ступени находятся языки, применяемые в ограниченных сферах общения представителями различных этнических групп, на второй — языки, используемые внутри одной страны [Martinet, 1962].

Л.Б. Никольским [1976] предложена классификация СКС по шести сферам общения: 1) общегосударственная; 2) региональная; 3) местная; 4) производственная; 5) семейно-бытовая; 6) ритуальная. Согласно ей, в многонациональном государстве выделяются языки-макропосредники, исконные и заимствованные языки. При этом «исконные языки-макропосредники относятся к виду универсальных образований, потому что кроме функций, присущих любому национальному языку как средству внутринационального общения, они, выполняя роль орудия связи между различными этнолингви-

стическими общностями, тем самым несут максимальное число возможных частных функций» [Никольский, 1976, с. 43]. Региональный же язык является языком нации или крупного этнического сообщества, играет роль центра этнической консолидации в регионе и при изменении определенных социально-политических условий может подняться на более высокую ступень и стать языком-макропосредником.

В.А. Аврорин [1975], описавший языки народов Сибири и Дальнего Востока, носители которых имели традиционную этническую культуру, выделяет следующие сферы функционирования этих языков: общественно-политической деятельности; организованного обучения; массовой информации; делопроизводства; науки; хозяйственной деятельности; быта; художественной литературы; эстетического воздействия; устного народного творчества; личной переписки; религиозного культа. По мнению ученого, сферы хозяйственной деятельности и организованного обучения наиболее значимы для жизнеспособности и полноценного функционирования миноритарных языков в условиях РФ, что взято на вооружение современной региональной социолингвистикой.

Кроме того, В.А. Аврорин выделяет восемь сред (семейное общение; общение внутри производственного коллектива; общение в рамках социальной группы; общение внутри населенного пункта или ограниченного региона; общение при временном организованном средоточии людей; общение внутри народа, независимо от его численности; межнациональное общение; общечеловеческое общение), определяя среду употребления языка как «вид общности людей, связанных между собой родственными, этническими, социальными или территориальными узами, в пределах которого реализуется общение» [Там же, с. 69].

Наибольшее количество функций языков, значимых для определения ЯС, выделено Ю.Д. Дешериевым. Так, ученый различает 22 функции языка, реализуемые в общественно-политической, производственной, социальной, культурной и научной сферах [Дешериев, 1977].

Ю.Д. Дешериевым [1981] была создана функционально-типологическая классификация языков советских народов, которая учитывает внутривидовое строение языка, дает представление о месте и роли каждого языка в жизни его носителей и других народов, в частности определяет его готовность выполнять те или иные социальные функции.

В описании современных языковых ситуаций в регионах РФ чрезвычайно важны выдвинутые В.А. Аврориным и Ю.Д. Дешерие-

вым положения, касающиеся необходимости учета объема и характера общественных функций языка, в соответствии с которыми выявление степени использования компонентов ЯС в различных сферах СКС становится важнейшей социолингвистической задачей.

Как отмечено выше, численность и смысловая наполненность сфер общения в СКС неравнозначны, существует деление на несколько более значимые сферы и подсферы. Таким образом, набор социально актуализированных сфер для каждого идиома индивидуален, а степень их значимости для СКС неодинакова. Самое общее определение понятия «сфера общения» находим в Словаре социолингвистических терминов, подготовленном сотрудниками Института языкознания РАН: «Сферы общения — различные сферы человеческой деятельности, каждая из которых характеризуется относительно однотипными условиями общения, обуславливающими определенные правила использования языка; основана на различиях социального взаимодействия и его оценке» [ССТ, 2006, с. 224]. Как абсолютно верно было отмечено А.Д. Швейцером, «номенклатура и исчисление сфер коммуникативной деятельности определяются социокультурной динамикой данного общества в тот или иной период его истории» [1983, с. 21].

В. Барнет также отмечал историческую обусловленность коммуникативных сфер [Barnet, 1977, p. 339]. В состав коммуникативных сфер, релевантных для типологии письменных текстов, он включает: «1) общенародное публичное официальное общение; 2) повседневное публичное неофициальное общение (общенародное или же потенциально общенародное); 3) региональное непубличное неофициальное общение; 4) неофициальное непубличное общение в коллективе, например профессиональном; 5) неофициальное непубличное общение в семье; 6) конфессиональное культовое общение» (цит. по [Нешименко, 2003, с. 41]).

А.Д. Швейцер помимо особенностей социальных функций обращает внимание на значимость учета юридического и фактического статуса языков, софункционирующих в едином коммуникативном пространстве, что стало особенно актуальным в исследованиях постсоветского периода: «Первый определяется законодательно закрепленным положением того или иного языка или его разновидности, второй — суммой характеристик, на основании которых можно судить о его фактическом положении в данном обществе (количество говорящих на нем людей по сравнению с другими языковыми коллективами, их социально-демографическими данными, диапазоном функционального использования данного языка, варианта, диалекта, наличием билингвизма или диглоссии среди его носителей, фактической реализацией его официального статуса)» [2009, с. 141].

В классификации функциональных типов языков В.Ю. Михальченко в качестве основных релевантных признаков функционального типа выделяются:

- «— наличие языковой общности, владеющей и использующей этот язык;
- демографическая мощьность языка данной языковой общности;
- его функциональная мощьность;
- функционирование данного языка в доминантных сферах общения;
- тенденции функционирования — расширение или сужение функций.

Функциональный тип занимает в социально-коммуникативной системе место, соответствующее объему его социальных функций в макро- или микроязыковой общности, находится с другими компонентами социально-коммуникативной системы в отношении функциональной дополнительности» [2010, с. 42–44].

В конце 80-х — начале 90-х годов XX в. на фоне глубоких общественно-политических трансформаций в российском обществе стартует новый этап в изучении вопросов языковой жизни. Потребность в расширении общественных функций этнических языков, проблемы их идентичности, жизнеспособности (витальности), сохранения и развития стали обоснованием для проведения многочисленных социолингвистических исследований, стремительного развития этнической (региональной) социолингвистики. Общественный интерес к оценке языковых ситуаций, этноязыковых процессов сформировал новые координаты их описания, базирующиеся на классических трудах социолингвистов XX в. и внесшие в концептуально-понятийный аппарат социолингвистики новые ориентиры.

Таким образом, на становление социолингвистики, обличающейся междисциплинарным, интегрированным характером, обусловленностью ее задач экстралингвистическими условиями, на данном этапе повлияли следующие составляющие: 1) устойчивые парадигмы, образующие систему социолингвистики: нация — язык, государство — язык, республика — язык, общественно-политические условия — язык, политика — язык, браки — язык (Б. Тошович); 2) дифференциальные признаки: признаки ЯС и оппозиции типов (Н.Б. Мечковская); 3) комплекс компонентов, формирующих языковой процесс: языковая общность — языковая традиция — языковая компетенция — речевая практика — ценностные ориентации — юридический статус языков — функциональный статус языков (уровень развития его функциональных стилей) (В.Ю. Михальченко);

4) совокупность этно-, социолингвистического и собственно лингвистического компонентов в определении ЯС (А.Н. Баскаков).

Б. Тошович в своем докладе «Сравнительная социолингвистическая парадигма югославско-советской языковой ситуации», понимая под социолингвистической парадигмой совокупность элементов, характерных для ЯС в определенной социокультурной среде, на основе анализа соотношения типичных и нетипичных элементов, симметричных и асимметричных компонентов социолингвистических парадигм языков вывел следующие социолингвистические парадигмы: язык — нация, республика — язык, государство — язык, общественно-исторические изменения — язык, политика — язык, межнациональные браки — язык [1991, с. 102]. В данной парадигме, предполагающей широкое рассмотрение концепта «языковая ситуация», тем не менее остался без внимания лингвистический фактор проблемы взаимодействия языков.

По мнению В.Ю. Михальченко, «выдвижение идеи о неравномерности функционального развития языков, о связи их функционирования в разных сферах с внутривидовым развитием создало предпосылки для интерпретации связи общественного и языкового развития, а также для исследования социальных функций отдельных языков и языковых групп» [1984, с. 5]. Функционально-типологическая система, которую характеризует В.Ю. Михальченко, основывается на следующих доминантных признаках: 1) синхронном уровне специальных функций; 2) перспективах развития (наличии или отсутствии законов о языке, программ его развития); 3) расширении или сужении языковой общности, в которой применяется язык; 4) ценностных ориентациях носителей языка; 5) широте его использования другими языковыми общностями и др. При этом очень важно, что автор подчеркивает вариативность экстралингвистических факторов от языка к языку, или, иными словами, дифференцированность значимости доминантных признаков в оценке перспектив того или иного языка с учетом его функционального развития [Михальченко, 2018, с. 13–23].

По мнению А.Н. Баскакова, ЯС включает в себя компоненты собственно лингвистического, этно- и социолингвистического характера и определяется как синхронное состояние языковой коммуникации, которое обуславливается социальной и коммуникативной ситуациями макросоциальной общности [1995, с. 5]. Это определение существенно расширяет набор компонентов, образующих ЯС, определяя конкретный вектор развития в изучении сложного, многогранного объекта.

Исследование современной ЯС, по словам А. Едлички, опирается на всесторонний анализ типов языковых реализаций (текстов), относящихся к разным коммуникативным сферам [1988, с. 43]. Таким образом, в концепцию нового определения отчетливо встроена собственно лингвистическая составляющая. Представляя ЯС через понятия «языковое сообщество», «языковая коммуникация» и «языковое целое», автор особо подчеркивает факт сосуществования языковых образований и форм, функционирующих в данном языковом (коммуникативном) сообществе, пытается уловить и описать столкновение норм и их взаимовлияние. В его концепции также представлен этнический компонент, выражающийся в рассмотрении параметра идентичности при анализе ЯС.

Среди трактовок термина «языковая ситуация» в 1990-е годы достаточно цитируемой стала дефиниция белорусского ученого Н.Б. Мечковской, согласно которой это «совокупность языковых образований, т.е. языков и вариантов языков (диалектов, жаргонов, функциональных стилей и других форм существования языка), обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства» [2000, с. 100]. Такое понимание термина во многом основывается на традиционном определении В.А. Виноградова и развивает его. Н.Б. Мечковской выделен комплекс признаков, характеризующих особенности функционирования этнообусловленных подсистем. Так, по мнению автора, ЯС классифицируются по следующим признакам: 1) количеству языковых образований (однокомпонентные/многокомпонентные ЯС); 2) проценту населения, говорящего на каждом из языков (равновесные/неравновесные); 3) количеству коммуникативных функций (сбалансированные/несбалансированные); 4) юридическому статусу языков (тождественный/различный); 5) степени генетической близости языков (близкородственные/неблизкородственные/неродственные); 6) этническим корням языка, престижного в данной ЯС (эндогlossные/экзогlossные/смешанные); 7) оценке престижа доминирующих языков (диглоссия/равный престиж/различный престиж) [Там же, с. 102]. Данная модель достаточно детализирована, однако, на наш взгляд, в ней преобладает квантитативная характеристика и отсутствует лингвистическая составляющая.

Этносоциолингвистика ярко представлена в трудах казахстанских исследователей, которые в своем определении термина дают достаточно широкий комплекс экстралингвистических факторов и компонентов понятия: «Языковая ситуация — контекст реального использования языка/языков в обществе; совокупность языков, форм

существования языка, территориальных и социальных вариантов, функционирующих в данном административно-территориальном объединении (этнической общности) в определенный исторический период, уровень владения языками, языковая практика, эмоционально-оценочное отношение к языкам, совокупность демографических, социальных, образовательных, этнических, политических, экономических, культурных, исторических, географических и др. факторов» [Сулейменова, 2005, с. 294–295].

В указанной трактовке, на наш взгляд, в целом учтены все критерии анализа ЯС, однако с точки зрения функционального подхода, ЯС представляет собой не контекст реального использования языка/языков в обществе, а собственно функционирование языка/языков.

Развивая тему витальности языков, Э.С. Сулейменова и Ж.С. Смагулова подчеркивают опасность ее снижения независимо от статуса и демографической мощности: от международных мировых до языков малых народов и народностей. Это отчетливо обнаружилось на примере языков, испытавших на себе жесткое давление языковой политики СССР, приведшей к «замедлению, а затем и регрессу развития национальных языков» [Баскаков, 2000, с. 35].

Высокий уровень витальности языка это «вопрос не только количества говорящих, но и полноценного функционирования в качестве эталона национального литературного языка с разработанными и стабильными нормами на всех уровнях» [Сулейменова, 2005, с. 60]. Задаваясь вопросом существования объективных способов измерения витальности языка и возможности их применения к казахскому языку, исследователи обращаются к концепции Г. Макконнела: «Согласно общей концепции Г. Макконнела, имеется прямая зависимость между количеством социальных функций языка и интенсивностью его применения в наиболее важных сферах жизни общества: образовании, науке, массовой коммуникации, производстве, административной деятельности, промышленности, социально-политической сфере, религии» [Там же, с. 61].

Разработка понятия «витальность», точнее константы ее измерения, представляет дискуссионную сферу социолингвистики и других смежных областей науки [Потапов, 1994; Эхала, 2010; и др.]. В числе многих факторов, обуславливающих витальность языка, называют высокую языковую компетенцию исконных носителей языка [Белл, 1980], этническое самосознание и позитивные ценностные ориентации по отношению к родному языку [Солнцев, 2000], этнодемографические и этнокоммуникативные показатели этнофоров, социально-общественную форму существования этноса, национальное са-

мосознание, лингвистическое обеспечение детей дошкольного и школьного возраста, место проживания этноса, ориентиры государственной языковой политики [Кибрик, 2001].

А.Е. Кибрик указывает и другие важные показатели жизнеспособности языка, значимые в условиях двуязычия: соотношение би- и монолингвов в разных возрастных группах носителей языка, типы и характер двуязычия и наличие билингвальной диглоссии, степень кодифицированности языка, существование действенных программ поддержки языка и социальной инфраструктуры. Исследователь, учитывая вышесказанное по отношению к социолингвистическим условиям функционирования казахского языка, предлагает обобщенный и систематизированный перечень основных объективных признаков его витальности, который содержит в себе социально-политические, социально-демографические, собственно-лингвистические, социально-функциональные, национально-культурные показатели. При этом автор уточняет, что витальность языка, его благополучное/конфликтное положение могут быть представлены как количественными, так и эстимационными характеристиками [Там же].

Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин, отмечая значимость территориального аспекта, связывают социолингвистическую обусловленность ЯС с условиями, сложившимися в каждом из регионов, и определяют ее как «совокупность форм существования одного языка или совокупность нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии в пределах определенных территорий: регионов или административно-политических образований» [2004, с. 47].

В.И. Беликов и Л.П. Крысин в своем определении термина «языковая ситуация» говорят о важности фактора синхроничности, т.е. для них значимо состояние СКС в определенный период ее функционирования: «...языковая ситуация — это функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на том или ином этапе существования данного языкового сообщества» [2001, с. 26].

С точки зрения регионального подхода к общероссийским социолингвистическим проблемам интересно мнение Л.Л. Аюповой, согласно которому ЯС рассматривается как развитие языкового состояния с составляющими его компонентами социо-, этно- и собственно лингвистического характера [2000, с. 23]. При этом критерий динамичности ЯС является существенным фактором.

Как отмечает Л.Л. Аюпова, «лингвистический компонент отражает языковое состояние как одну из непосредственно составляющих единиц языковой ситуации. Совокупность же названных ком-

понентов, образующих некий континуум, и есть языковая ситуация какого-либо социума. Этнолингвистический компонент языковой ситуации отражает стабильное или меняющееся в зависимости от действия демолингвистических переменных функционирование языков этносов, образующих микро- или макросоциум. Социоллингвистический компонент языковой ситуации иллюстрирует статус языка (или языков) в обществе и его (их) роль в различных сферах человеческой жизнедеятельности» [1998, с. 4].

Т.Г. Боргоякова предлагает многопризнаковую функциональную классификацию, учитывающую историческую, территориальную закрепленность миноритарных языков, ориентированную на меры государственной защиты, прежде всего языков коренных народов в соответствии с Европейской хартией региональных языков, направленной на их сохранение и возрождение. Так, в число выделяемых исследователем факторов входят: 1) количество носителей, исходя из которого языки подразделяются на мажоритарные и миноритарные; 2) учет локального происхождения, в связи с чем различаются автохтонные (коренные) и нетерриториальные (миграционные) языки; 3) наличие и отсутствие письменности (письменные и бесписьменные языки) [Боргоякова, 2002а]; 4) отношение к титульным или нетитульным языкам России с административно-территориальной точки зрения; 5) степень статусности языков РФ, в соответствии с чем устанавливаются три группы: а) со статусом общефедерального государственного языка; б) со статусом государственного языка в субъектах федеративного государства; в) не наделенные законом статусными функциями; 6) разделение аналитического материала языков народов РФ в трудах российских и зарубежных социолингвистов на группы в соответствии с пятиступенчатой шкалой витальности. На данной шкале языки народов России распределены автором следующим образом: высшая ступень витальности (V_1): наиболее витальный язык — русский; высокая степень витальности (V_2); достаточно высокая степень витальности (V_3); функционирующие в сферах образования, духовной культуры и массовой коммуникации языки, чья витальность и перспективы сохранения и дальнейшего развития вызывают опасения (V_4); исчезающие языки (V_5): орокский, керекский, энецкий и др. [Боргоякова, 2002б].

Т.Г. Боргояковой также проведен подробный анализ типов СКС с тюркоязычным компонентом в республиках РФ, в ходе которого отмечено сочетание функциональной конвергенции и функциональной дивергенции для билингвистических СКС. Иными словами, поскольку автор считает ЯС одной из форм функционирования СКС,

она утверждает, что в указанных регионах Российской Федерации ЯС развивается под воздействием конвергентных и дивергентных факторов, формирующих специфику языковых ситуаций в каждой из тюркоязычных республик.

К конвергентным факторам исследователь относит следующие категории: общность социальной ситуации (общий политико-административный статус республики в составе РФ, зафиксированный в Конституции РФ 1993 г.; общие особенности этнодемографического, социально-профессионального и образовательного параметров населения, общие тенденции роста национального самосознания), стереотипность языкового законодательства, изоморфность функциональной дистрибуции языков в основных сферах деятельности. «Дивергентными, формирующими специфику языковых ситуаций в отдельных тюркских республиках РФ Т.Г. Боргоякова совершенно обоснованно определяет следующие факторы: разные экономические и социокультурные потенциалы республик, разный удельный вес титульных народов в республиках, разную степень развитости и длительность письменных традиций государственных языков, различия в языковой компетенции населения республик, различия в темпах языковых контактов, различия в принадлежности тюркских народов к определенному религиозно-культурному ареалу» [Иванова, 2019б, с. 183].

М.А. Горячевой предложена типологическая классификация ЯС в регионах Российской Федерации в соответствии с составом функционирующих там языков и их статусом (на основе данных ВПН 2002 г.). Так, исследователем были выделены следующие группы: 1) монокомпонентные ЯС в 35 регионах и областях с гомогенным языковым составом, доминирующими функциями государственного русского языка и незначительным (менее 3 %) контингентом малочисленных этнических групп; 2) монокомпонентные ЯС с дополнительным компонентом в 28 регионах с преимущественно однородным языковым составом, преобладанием русского языка и двумя нерусскими языками; 3) бикомпонентные ЯС в 15 регионах с равноправным функционированием общефедерального русского и регионального государственного языков, которые могут быть усложнены дополнительными компонентами с числом носителей более 3 %; 4) поликомпонентные ЯС в 5 республиках РФ с общефедеральным государственным русским языком и более чем одним региональным государственным языком [Горячева, 2003].

Рассматриваемая классификация представляется достаточно удачной для описания состояния характеризуемого объекта, так как использованные в данном случае основания типологии предполага-

ют относительную статичность. М.А. Горячева, опираясь на типологию В.А. Виноградова и единые критерии анализа моделей ЯС в РФ, разработала рациональную схему их описания с теоретическим обоснованием количественных, качественных и дополнительных признаков [Горячева, 2003].

Г.А. Дырхеева — одна из первых российских социолингвистов, начавших изучение этносоциолингвистических изменений в обществе в контексте исторических и социокультурных условий. Стремление к всестороннему анализу ЯС, сложившейся в регионах, продолжающееся снижение этноязыковых показателей народов Российской Федерации стали причиной обращения исследователя к комплексному подходу в изучении современных проблем существования бурятского языка в условиях этноязыкового контактирования. Использование различных аспектов (лингвистического, социо- и психолингвистического, исторического) и, соответственно, многообразии внедряемых методов позволили не только подробно охарактеризовать современную этноязыковую ситуацию в Бурятии, положение бурятского языка, проблемы бурятско-русского двуязычия и бурятского литературного языка, но и существенно внедриться в область перспективной социолингвистики, сформулировав научно обоснованные цели и задачи для будущих исследований [Дырхеева, 2002]. Опыт Г.А. Дырхеевой предварил многочисленные социолингвистические проекты в регионах РФ с расширенной междисциплинарной методологией. Последние 10 лет бурятскими социолингвистами активно разрабатывается с социолингвистических позиций концептуализация понятия «языковое сознание». Кроме того, в их научных проектах актуализируется проблематика языковой личности [Бурятско-русский билингвизм..., 2010].

Применять новый, коммуникативный, подход в отличие от традиционного, стратификационного, в решении проблемы дифференциации этнического языка предлагает Г.П. Нешименко. Оба подхода значительно отличаются друг от друга как принципами структурирования языкового пространства, так и оценкой значимости языковых феноменов. В качестве рабочего определения ЯС автор применяет следующую дефиницию: «...языковое обеспечение коммуникации в социуме» [Нешименко, 2003, с. 9], следовательно, пересечение языкового обеспечения коммуникативных потребностей личности и социума в целом обнаруживает новую плоскость рассмотрения этнического языка, сильной стороной которой становится экстенсивность. Комплексный и интердисциплинарный характер указанной проблемы делает необходимым привлечение для ее решения, помимо специальных методических приемов, используемых в языкознании, а также

сопредельных с ним науках (социо- и психолингвистике, социологии и пр.), универсальных научных методов. В этой связи следует особо выделить системно-функциональный и сопоставительный методы. Исследование функциональной дифференциации этнического языка в монографии Г.П. Нешименко осуществляется в общем контексте этнической вербальной коммуникации при учете развивающихся в ней динамических тенденций [2003].

А.Н. Биткеевой предпринят комплексный анализ функционального варьирования ойрат-калмыцкого языка в различных социальных общностях, включая зарубежные диаспоры. Тем самым изучены особенности и закономерности функционального развития языка в разных коммуникативных сферах, в том числе в условиях языкового контакта с генетически и типологически различающимися языками [Биткеева, 2006]. При этом в контексте активных языковых контактов социофакторы рассматриваются с социолингвистической, лингвистической, психологической и политической точек зрения, благодаря чему установлены и детально изучены уровни языковой компетенции разных социальных общностей калмыков, релевантность социальных факторов в формировании языкового самосознания ойрат-калмыков, этнокультурная специфика языкового самосознания. Кроме того, функциональное развитие ойрат-калмыцкого языка рассмотрено в контексте действующей общегосударственной и внутрирегиональной языковой политики [Там же].

Произошедшее в лингвистической науке конца XX в. смещение акцента в сторону антропологического фактора расширило и углубило научные связи лингвистики с различными дисциплинами. Антропоцентрические исследования, концентрируя свое внимание на «языковой личности» (Ю.Н. Караулов) и на всем спектре ее взаимоотношений и проявлений, изменили очертания границ лингвистики, представления о ее предмете. «Из науки кастровой, усилия которой были направлены на имманентное описание внутриязыковых отношений, лингвистика сейчас превращается в науку, которая все более решительно устремляется в жизнь, возвращая себе статус гуманитарной (от homo — человек) области знаний. В этом смысле сбываются пророчества Бодуэна де Куртенэ, писавшего, что со временем “языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией”» [Седов, 2010, с. 3].

Интегративный подход выявил наиболее актуальные аспекты изучения, а многообразие исследовательских позиций задало целый спектр междисциплинарных направлений в рассмотрении изучаемого объекта. Большинство лингвистов считают антропологический

принцип доминирующей методологической основой современных научных трудов (Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, Н.Ф. Алефиренко, В.Н. Телия, В.А. Маслова и др.), признавая за интегрированностью с другими направлениями продуктивность, адекватность, эксплаторность и, самое главное, факт того, что находившиеся в ее составе концепции все более очевидно себя переросли, превратясь в самостоятельные лингвистические парадигмы. Тем самым антропоцентрическая парадигма сегодня по объективным причинам предстает, как отмечает Н.Ф. Алефиренко, наиболее широкой, над- или суперпарадигмой [2005, с. 25].

Парадигма состоит из множества составляющих ее микропарадигм, так называемых антропоориентированных дисциплин интегрального характера (психолингвистика, когнитивная лингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, прагматическая лингвистика, коммуникативная лингвистика и др.), которые, в свою очередь, не существуют изолированно, а взаимодействуют и взаимопроникают. Поэтому сегодня исследователи в своих методологических разработках не ограничиваются строгими рамками одного направления. Чувствуется достаточно свободный подход к интерпретации, что вполне обосновано всеобъемлющим характером функционирования языков.

Относительно социолингвистики в конце 1990-х годов В.Ю. Михальченко отметила, что она «обречена на поиски, новые исследования, поскольку объект ее изучения — постоянно меняющаяся жизнь языка в динамичном социуме» [1999, с. 28], что, несомненно, относится и к принципам исследования феномена ЯС, нуждающегося в интегрированных, комплексных методах анализа в рамках полипарадигматизма.

Поскольку нас прежде всего интересуют работы, созданные на стыке социо- и психолингвистики, обобщим тематику данного интегрированного направления.

Одним из первых научных трудов в данном междисциплинарном аспекте, видимо, можно считать диссертацию Н.П. Шумаровой «Языковая компетенция личности: социопсихолингвистический аспект», в которой объектом исследования стала языковая компетенция в ситуации украинско-русского двуязычия [1994]. Феномен диалогического общения рассматривается в диссертации Т.С. Алексеевой «Социопсихолингвистические составляющие речевого поведения коммуникантов в условиях неформального диалогического общения» [2002]. В монографии «Социо- и психолингвистический портрет носителя языка в условиях полиязычного Башкортостана» [Исмагилова, 2007] описываются внутренние и внешние параметры, дифференцирующие языковую личность в условиях полиязычия.

В работе Э.В. Хилхановой «Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии)» [2009], выполненной также в русле интегративных исследований, совместившей социолингвистику и дискурсивную социолингвистику, наряду с анализом объективных, детерминирующих феномен языкового сдвига факторов, особое внимание уделено изучению воздействия субъективных причин на процессы сохранения и исчезновения миноритарных языков, механизм постепенной утраты навыков владения ими.

Бурятскими учеными проведена серия междисциплинарных исследований, по результатам которых опубликованы работы, посвященные проблемам бурятско-русского билингвизма [Бурятско-русский билингвизм..., 2010], языковой ситуации в Республике Тыва и особенностям языкового сознания двуязычных тувинцев [Цыбенова, 2013], социолингвистической концептуализации понятия языкового сознания в его соотношении с языковыми установками [Языковое сознание и языковые установки..., 2016], комплексному исследованию языкового сознания титульного этноса Бурятии и форм его трансформации в условиях бурятско-русского двуязычия, имеющего этносоциолингвокультурологический и психолингвистический характер [Дырхеева, 2020].

Концепция изучения ЯС с точки зрения социолингвистики и лингвокоммуникативистики разработана И.В. Щегловой [2019], которая описывает коммуникативное поведение естественных билингвов в современной России, типы естественного билингвизма, в результате чего приходит к выводу, что характеристики диглоссии не всегда являются индикатором языковой ситуации.

Таким образом, главные методологические ориентации в исследовании ЯС в полиэтническом сообществе можно охарактеризовать следующим образом.

Наличие множества оснований классификации моделей ЯС обусловило не меньшее количество типологических моделей, разноплановых по учитываемым в них факторам. В целом феномен «языковая ситуация» в лингвистической науке осмысливается с точки зрения разных подходов, каждый из которых в зависимости от целей изучения может быть автономен и располагать оптимальными для конкретного видения проблемы методами.

Наиболее значимым в современной социолингвистике в силу детального описания объекта в условиях дву- и многоязычия считается функциональный подход, так как он в определенной степени совмещает два предыдущих подхода. Типологическая модель в указанных подходах создается на основе нескольких концептуально взаимосвя-

занных доминантных признаков, благодаря которым выстраивается целостная синхронизированная концепция, включающая:

— количественный подход, определяющий число идиомов и демографическую мощность идиомов-компонентов СКС, а также отличающийся значимостью количественных признаков ЯС как совокупности языков и форм существования языков на определенной территории;

— качественный подход, который основывается на соотношении компонентов СКС между собой (лингвистический характер входящих в ЯС идиомов, наличие/отсутствие письменной традиции, локальное происхождение, административно-территориальная принадлежность языков);

— функциональный подход, учитывающий прежде всего объем и природу социальных функций, выполняемых компонентами социально-коммуникативной системы и характеризующихся по уровню функциональной и демографической мощности; степень функциональной нагрузки в пределах СКС; оценочные характеристики, определяемые носителями языка и другими представителями социума.

Классификация ЯС формируется на синхронизированной характеристике следующих составляющих: соотнесенность с подсистемами одного или разных языков (эндогlossная/экзогlossная ЯС); принадлежность к определенной языковой общности, являющейся исходным понятием социолингвистического анализа; функциональный статус языка (уровень развития его функциональных стилей); функциональная дистрибуция языков в различных сферах; языковая компетенция; речевая практика (синхронная/диахронная); языковая традиция, ценностные ориентации; юридический статус языков/языка; языковая политика; языковые конфликты; тип билингвизма и диглоссии; тип расселения носителей языка (компактность/дисперсность проживания); витальность языка (высшая, средняя, низкая степени).

Для понимания специфики развивающейся современной социолингвистической науки необходимо помнить и о сильной тенденции к распространению интегрированных, комплексных методов в характеристике моделей ЯС.

1.2. Социолингвистическая проблематика региона в трудах исследователей

Проблема сохранения и развития якутского языка, исследование различных аспектов двуязычия всегда имели и имеют живой отклик в якутском обществе. Потребность в изданиях научного,

проблемного, публицистического, просветительского и критического характера всегда была высокой, инициировалась объективными жизненными обстоятельствами. Обзор основных трудов якутских ученых, посвященных рассматриваемой нами теме, необходим как дань уважения авторам, внесшим значительный вклад в получение нового знания, и целесообразен для составления представления о степени разработанности проблемы.

В якутском языкознании первым к теоретическим вопросам социолингвистики обратился П.А. Слепцов. В его исследованиях широко освещались лингвистические аспекты языковых контактов, проблематика становления якутского литературного языка и развития общественных функций якутского и русского языков, теоретические основы социолингвистического изучения якутско-русского двуязычия, поднимались актуальные вопросы законодательной защиты языков коренных народов республики: «К новому этапу языковой политики и языкового строительства в РС (Я)» (1994), «Проблемы возрождения языка и лингвистические основы обучения языку саха в школе» (1999), «Национальная книга и национальный литературный язык» (1999), «Традиционное русско-якутское двуязычие: условия, причины, следствия» (1999), «Актуальные проблемы изучения современных языковых процессов в РС (Я)» (2003), «Современная языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) и проблемы паритетного двуязычия» (2008), «Об Указе Президента РС (Я) “О языковой политике Республики Саха (Якутия)” и его социолингвистических основах» (2008) и др. Также им даны лингвистическая, социо- и демолингвистическая характеристики якутского языка [Письменные языки мира..., 2000].

Собственно социолингвистические исследования в республике были предприняты в начале 1990-х годов Т.В. Аргуновой. Ею изучена проблема якутско-русского двуязычия, показаны предпосылки его возникновения в Якутии, характер и темпы становления в контексте объективно-исторического процесса распространения русского языка, проанализированы количественные и качественные параметры якутско-русского двуязычия и двуязычия в целом в системе межнациональных отношений. Т.В. Аргуновой [1992] впервые в практике исследования социолингвистических особенностей якутского народа показаны основные характеристики его этноязыковой идентичности (по состоянию на 1989 г.) и языковой лояльности, что стало своеобразной точкой отсчета в дальнейшем. Также автор с позиции формирования функционального двуязычия рассматривает лингвистическую образовательную политику в республике [Аргунова, 1992, 2003], анализирует тенденции ЯС в регионе в контексте принятия

нового Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» (2005 г.) [Аргунова, 2007].

На макросоциолингвистическом уровне Р.И. Васильевой в рамках социальной лингвистики рассмотрена языковая ситуация в Приленье [2007] и промышленных районах Якутии — Мирнинском и Нерюнгринском [2013]. Различные социолингвистические аспекты, в том числе роль наследия А.Е. Кулаковского в контексте истории языкового строительства и языковой политики XX в., разработаны в кандидатской диссертации Н.А. Сивцевой [2007], этноязыковая ситуация в Мегино-Кангаласском улусе в условиях социально-экономических преобразований изучена М.Г. Дегтяревой [2013].

Таким образом, немногочисленные публикации якутских ученых, посвященные изучению ЯС, относятся к 1990-м годам и началу XXI в., имеют фрагментарный характер, представляя в социолингвистическом свете локальную сферу социально-коммуникативной системы или локальную социальную общность. Тем не менее можно отметить единую методологическую основу этих исследований, выполненных в традициях отечественной социолингвистики, отсутствии противоречий в представленных в них выводах. Авторские позиции разнятся лишь в видении реальной конечной цели формирования билингвизма и обусловлены меняющимися социально-политическими и социолингвистическими условиями.

Т.В. Аргунова [1992], признавая необходимость достижения паритетности билингвизма, т.е. взаимодействия двух действительно равноправных, занимающих юридически одинаковое положение языков, в системе межнациональных отношений в коммуникативном плане отмечает целесообразность функционального, целеориентированного двуязычия, отвечающего потребностям личности, социально-экономическим и политическим условиям жизни, снимающего психологический барьер требований высокой степени владения вторым языком.

Н.Г. Самсонов также придерживался данной модели двуязычия. По его мнению, «для сельского труженика нужен один объем знаний второго языка, одна степень владения им, для руководящего сотрудника эта степень владения должна быть иной, и его тип двуязычия может приближаться к гармоничному. Функциональное двуязычие должно отвечать потребностям личности» [1996, с. 121].

П.А. Слепцов [20086], приводя в качестве аргументов значительные ресурсы якутского литературного языка, отмечает условия, обеспечивающие относительно паритетное якутско-русское двуязычие, когда оба его компонента работают достаточно эффективно во

всех общественно важных сферах жизни, обеспечивая выживание и дальнейшее развитие якутского языка.

Схожей позиции придерживается И.Е. Алексеев [2003]. При этом достижение двустороннего функционального билингвизма автор видит в полноценном функционировании языка саха в системе делопроизводства, образования, в сфере СМИ, книгоиздания, новых информационных систем, чему должны способствовать обновление и редакция многих положений закона «О языках в РС (Я)».

На различные аспекты развития якутского литературного языка, большей частью на влияние русского языка на якутский, в разное время обращали внимание известные исследователи: А.Е. Кулаковский (1946, 1979), Л.Н. Харитонов (1950, 1955), Н.Д. Дьячковский (1962) и др. Вопросы истории, культуры и языков касались в своих работах лингвисты Н.К. Антонов (1994), Е.И. Убрятова (1945), Н.Е. Петров, П.П. Барашков (1971), П.А. Слепцов (1999), П.С. Афанасьев (1977), М.А. Черосов (1972) и др. Проблемами нормализации якутского языка занимались Т.И. Петрова (1993, 1996 и т.д.), М.П. Алексеев (2000, 2005 и т.д.). Вопросы законодательной защиты якутского языка, стратегии развития его социальных функций представлены в трудах И.Е. Алексеева (2001, 2006), П.А. Слепцова (2006, 2008 и т.д.). Научные основы функционирования языка саха в сфере образования рассматривались Г.Г. Филипповым (1997, 2007) и др. Исследования по сопоставительной грамматике русского и якутского языков выполнены Е.Н. Дмитриевой (2000), М.Н. Фоминым (1987), пласт русских лексических заимствований детально изучен П.А. Слепцовым (1964, 1975, 2008, 2009 и т.д.), С.П. Егоровой (1990). Проблемы двуязычия находят отражение в разработках ученых-методистов Н.К. Дмитриева (1955, 1962), Т.П. Самсоновой (1959), В.Н. Данилова (1961), К.Ф. Федорова (1981, 1990), И.И. Каратаева (1987), В.М. Анисимова (1991, 2000) и др. Региональный материал, проливающий свет на языковое сознание этносов, проживающих в Якутии, с использованием психолингвистических методов проанализирован В.М. Тобуроковой (2008), Т.М. Никаевой (2008, 2009, 2013), Н.Е. Захаровой (2010, 2019), Л.С. Заморщиковой (2008, 2011).

В форсайт-исследовании, предпринятом в 2014 г. специалистами Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (СВФУ) и Сибирского федерального университета, в числе других параметров проанализированы социокультурные критерии будущего коренных народов республики.

Вопросов ЯС и двуязычия в РС (Я) в контексте исследования различных отраслевых парадигм касались в своих трудах Д.Г. Брагина (1980, 1985) и Ю.Н. Дьяконова (1984).

К наиболее разработанным проблемам современной отечественной социологии и этнографии можно отнести темы этнической идентичности, этнических стереотипов, национального самосознания в контексте текущих социальных процессов, характеризующихся этноцентрическими трендами. Феномены идентичности, национального самосознания, как и этнические стереотипы, детерминированы ценностными установками, предпочтениями, в том числе языковыми, которые в той или иной мере затрагиваются в работах российских и якутских авторов. Так, региональный языковой аспект приобрел характер аргументов в исследованиях У.А. Винокуровой (1988, 1991, 1994), Л.М. Дробижевой (1995, 2001, 2006, 2010), И.Е. Спиридоновой (1995, 1999), Е.Н. Романовой (1998), В.Б. Игнатъевой (2008, 2010, 2014), М.И. Васильевой (2001), О.В. Осиповой, Е.Г. Маклашовой (2014, 2015), И.И. Подойницыной, М.А. Кузьмина (2013), М.А. Абрамовой, Г.С. Гончаровой (2012), Е.М. Арутюновой (2019) и др.

Обзор имеющихся публикаций и материалов сети Интернет показал, что социолингвистическая проблематика функционирования якутского языка и ЯС начала XXI в. в РС (Я), ее динамика и основные тенденции недостаточно изучены, отсутствуют специальные монографические работы по данной теме, нет системного анализа, базирующегося на конкретных материалах.

1.3. Содержание термина «языковая ситуация» в рамках комплексного интегрированного изучения: этносоциопсихолингвистический аспект

Сегодня риски, связанные с процессами глобализации, урбанизации и стремительного развития информационно-компьютерных технологий, усиливших воздействие прагматического фактора на лингвистические потребности социума, сохранение языкового разнообразия, стали мощным фактором его же сокращения, снижения жизнеспособности языков. В условиях языковой неоднородности сохранение не только языков малочисленных народов, но и языков, имеющих статус государственных в субъектах РФ, оказывается все более трудно осуществимой задачей.

В контексте расширения социолингвистической проблематики в решение новых задач интегрируются различные исследовательские парадигмы. Двойственность природы социолингвистики, а также принцип детерминизма, манифестирующий взаимосвязь и взаимозависимость всех явлений и процессов, способствовали разработ-

ке этносоциопсихолингвистического подхода в исследовании ЯС в ситуации языковой неоднородности, включающего этносоциолингвистический и психолингвистический анализ материала на макро- и микросоциолингвистическом уровнях.

Этноориентированность социолингвистики как самостоятельного направления, предметом исследования которого стало функционирование языков в регионах РФ, начала проявляться в 1990-е годы. Методология этноориентированной социолингвистики представлена в трудах ученых НИЦ НЯО Института языкознания РАН, методологический аппарат заложен в Словаре социолингвистических терминов [2006], энциклопедическом издании «Язык и общество» [2016] и других публикациях Центра.

Безусловно, этносоциолингвистика имеет параллели с научным направлением, основанным М.Н. Губогло в рамках этносоциологии и возникшим в 70–80-е годы XX столетия. М.Н. Губогло определяет этническую социолингвистику как систему знаний о сущности, месте, роли языка в структуре и функционировании этнической общности, о факторах, формах и тенденциях этноязыковых процессов и их взаимосвязи с развитием этнодемографических, этнокультурных, этносоциологических явлений [2001, с. 188].

Правомерно, что потребность в этнокультурных, этноязыковых, этносоциолингвистических подходах к исследованиям отношений «язык – общество – этнос» или «язык – этническое общество» возникла в российском полиэтническом пространстве как результат естественного стремления людей познать специфику этноязыковых особенностей населения, живущего рядом, поддерживать с ним тесные политические, экономические и культурные отношения.

В наши дни в России, как и в других многоязычных странах, вопросы языка, языковой идентичности, распространение дискурса о символической функции этнических языков открыто перешли в плоскость политики и общественных отношений. Языковые проблемы, особенно в области этнокультурного образования, поддержка государством одного языка вызывают острые дискуссии и находят атрибуцию в не менее выразительных заглавиях научных трудов: «Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России» (2016), «Преподавание чувашского языка и проблема языкового поведения родителей» (Алос-и-Фонт Э., 2018), «Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах» (2019).

Отправной точкой в обосновании методологии нашего исследования послужил термин Т.В. Жеребило «*этносоциолингвистика*», которому в своем словаре лингвистических терминов она дает сле-

дующее толкование: «Раздел макролингвистики, изучающий отношения между языком и народом, социальными группами, взаимодействие социолингвистических и этнических факторов в развитии языка» [2016, с. 581].

Таким образом, наше исследование проводится в рамках российской этнической социолингвистики, объектом которой является активное взаимодействие языков этнических общностей российского коммуникативного пространства при доминировании русского языка. В связи с этим используемый нами методологический аппарат, позволяющий объяснить сущность и структуру ЯС и место в ней этнического языка, создан на базе синтеза преимуществ основных теоретических подходов в понимании данного термина и снабжен авторским видением проблемы в этносоциопсихолингвистическом аспекте.

При этом рабочим определением понятия «языковая ситуация» принят следующий авторский вариант, синтезированный для настоящего исследования на основе имеющихся дефиниций: *ЯС — это складывающийся под влиянием социальных условий уровень владения этническим языком, характер функционирования и взаимодействия языка конкретной этнической общности с другими языками во всех сферах жизни в динамике, а также языковые установки, которых придерживаются в отношении этого языка члены соответствующей этнической общности и других языковых коллективов.*

Далее поясним, в какой мере распространяются положения названных выше исследователей на методологический аппарат нашей работы и авторское видение существующей методологии. По нашему мнению, фактор динамичности и взаимодействия языков, т.е. условие языковой неоднородности в ряду основных учитываемых факторов, имеет важное значение в раскрытии сути современной ЯС.

В описании ЯС мы опираемся на следующие классические определения и точки зрения:

1. Трактовку уровня функционального развития языков в условиях их взаимодействия, представленную в трудах В.А. Аврорина [1973, 1975]: «...выполнение функций наличных форм существования языка во всех средах и сферах общественной деятельности при определенных социальных условиях жизни данного народа» [Аврорин, 1975, с. 120], а также на следующее определение ЯС: «...складывающийся под влиянием социальных условий характер функционирования различных форм существования языка и их взаимодействие с другими языками во всех сферах жизни конкретной этнической общности» [Там же, с. 51]. Кроме того, В.А. Аврорин дает определение, в котором отмечен многокомпонентный и синхронный харак-

тер предмета изучения: «Взаимодействие разных языковых образований (языков или же форм их существования, или и тех и других) в обслуживании нужд данного народа во всех средах или сферах общественной жизни на определенном уровне социального развития» [Авдорин, 1975, с. 6].

2. Тезис о том, что компоненты ЯС разграничивают объективные и субъективные факторы ввиду несоотносительности их динамики [Михальченко, 1995].

3. Принцип совокупности этно-, социо- и собственно лингвистического компонентов при определении языковой ситуации. Данный исследовательский курс, заданный А.Н. Баскаковым [2000] и развитый в трудах Л.Л. Аюповой [2000], стал значительным шагом вперед в изучении языковых ситуаций в субъектах РФ, софункционирования языков в полиэтнических регионах.

4. Точку зрения относительно необходимости учета признаков двойственности социолингвистических категорий (социальный — лингвистический; объективный — субъективный характер), а также иерархизированного состояния в рамках функционального подхода [Швейцер, 2009].

5. Принцип учета количественных, качественных и эстимационных признаков ЯС, предложенный В.А. Виноградовым [Языкознание. БЭС, 1998, с. 616–617].

6. Комплексный подход в исследовании ЯС в условиях языковой неоднородности, применяемый Г.А. Дырхеевой и ее последователями.

7. Систематизацию отраслей антропоцентрического языковедения в рамках функциональной парадигмы современного языкознания, представленную К.Ф. Седовым.

Необходимо отметить, что стратегия этносоциопсихолингвистического исследования охватывает макро- и микросоциолингвистический уровни, на каждом из которых проводится анализ, имеющий целью не только описание структурных элементов изучаемого явления, но и определение факторов, лежащих в его основе и обуславливающих характер, распространенность и актуальность для этноса выявленных ориентаций, установок и мотивов.

В поиске определения места социальной психолингвистики в ряду других научных направлений функциональной парадигмы современного языкознания, объектом которых становится человек, индивид, К.Ф. Седов отмечает, что «ядерную сферу поля антропоцентрического языковедения по праву занимает психолингвистика, предмет которой — коммуникативная компетенция человека, рассматриваемая в индивидуально-психологическом аспекте» [2007,

с. 5]. И уточняет, что в отличие от возрастной психолингвистики «социальная психолингвистика своим предметом имеет социально-психологический аспект коммуникативной компетенции индивида» [Там же, с. 6]. Далее К.Ф. Седов, ссылаясь на Р. Белла, проводит параллель между макро- и микроуровнями социолингвистики и новыми антропоцентрическими направлениями, при этом исходя из того, что макросоциолингвистика предполагает «изучение межгрупповой интеракции на уровне крупных групп, вплоть до контактирующих наций и государств» [Белл, 1980, с. 45], микросоциолингвистика же основана на «анализе, сфокусированном на индивида в неформальной внутригрупповой интеракции малых групп» [Там же].

Наконец, в завершении рассуждения ученым на один уровень ставятся социолингвистика и макросоциолингвистика, что вполне логично. При этом, по его мнению, все, «что называется микросоциолингвистикой, что имеет отношение к индивидуальной коммуникативной компетенции — это сфера социальной социопсихолингвистики» [Седов, 2007, с. 6].

В разработке микросоциолингвистического уровня мы опираемся на труды И.А. Стернина, З.Д. Поповой, рассматриваем компоненты ЯС параллельно и в психолингвистическом аспекте, подвергая их ассоциативному испытанию, и в конечном счете помещаем их анализ в широкий социолингвистический контекст.

Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что «коммуникативное сознание *включает* языковое (понимаемое в рассмотренном выше смысле) как свою составную часть, но *не исчерпывается* им (курсив З.Д. Поповой и И.А. Стернина. — *Н.И.*)» [Попова, 2009, с. 49]. При этом под термином «коммуникативное сознание» понимается совокупность знаний и механизмов, обеспечивающих весь комплекс коммуникативной деятельности человека, в том числе коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил общения [Там же]. Языковое же сознание — это «совокупность ментальных механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, т.е. *ментальные механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности* человека (курсив З.Д. Поповой и И.А. Стернина. — *Н.И.*)» [Там же, с. 45].

В концепции авторов коммуникативное сознание индивида состоит из коммуникативных категорий и коммуникативных концептов. Под коммуникативными категориями они понимают самые общие коммуникативные концепты (понятия), упорядочивающие знания человека об общении и нормах его реализации. Одни коммуникативные категории отражают общие представления об общении,

другие — о речи [Попова, 2009, с. 45]. В коммуникативное сознание, по мнению ученых, входит и информация о других (неродных, изучаемых) языках: «...отношение к ним, их оценка, характеристика степени трудности, знания о коммуникативном поведении носителей этих языков и др.» [Там же, с. 48]. Исходя из этого, описание коммуникативного сознания в нашем исследовании не ограничивается одним определенным предметом, а распространяется и на другие компоненты понятия ЯС (языковая компетенция, этноязыковая идентичность, национально-языковые отношения и др.), правомерно внедряясь в область экспликации национального (здесь и далее по отношению к изучаемому объекту данное слово используется в значении «этнический») менталитета. Полностью разделяем определение менталитета, сформулированное З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. Так, они предлагают понимать его как *«специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей»* [Там же, с. 57–58].

При сборе эмпирического материала мы использовали НАЭ как наиболее эффективный метод выявления необходимой нам дополнительной локальной информации относительно уже имеющих социолингвистических характеристик современной этнической общности. Кроме того, он является достаточно продуктивным в получении оценочности, поскольку в ходе направленного ассоциативного эксперимента ассоциативный поток ограничен рамками одного грамматического класса — в нашем случае прилагательными.

Концепция З.Д. Поповой и И.А. Стернина, основываясь на семантико-когнитивном анализе языка, принципы которого были сформулированы в рамках теоретико-лингвистической школы Воронежского университета, представляет одно из направлений когнитивной лингвистики, ключевым понятием которой служит понятие «концепт». Исследователи понимают его как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Там же, с. 34]. В данной работе термин «концепт» замещен термином «коммуникативная категория», атрибутирующим качественный метод, так как основная методология

базируется на социалингвистической парадигме, что не противоречит позиции авторов концепции [Попова, 2009, с. 45].

Таким образом, макро- и микросоциалингвистические подходы к объекту исследования соотносятся сообразно законам диалектики, составляя взаимодополняющие части единого целого, которые не могут существовать одна без другой: *крупномасштабные процессы — язык либо этническое сообщество — человек и его непосредственное окружение*. Микросоциалингвистический подход предполагает использование качественных методов, выражая субъективные оценки, макросоциалингвистический — количественных и качественных в совокупности, отражая объективную действительность.

Анализ различных стратегий изучения ЯС predetermined выбор нами в качестве ведущего комплексного социалингвистического подхода, включающего в себя макросоциалингвистический (характеризующий этническое сообщество, крупномасштабные процессы и отношения) и микросоциалингвистический (характеризующий человека и его непосредственное окружение, отношение к другим языкам) аспекты. Комплексный подход позволяет провести лингвистический, социо- и психолингвистический анализ количественных, качественных и эстимационных признаков понятия «языковая ситуация».

Способы познания отношений «язык — общество» на каждом уровне имеют специфику, сопряженную с массовым/индивидуальным, качественным/количественным, объективным/субъективным характером объекта изучения. Таким образом, набор исследовательских методов для каждого уровня должен быть индивидуальным, предназначенным именно для него. Если посредством количественных методов устанавливается статистическая модель объекта исследования, которая выделяет его сущностное начало среди прочих, то качественные методы отличают экспланаторный, объяснительный, интерпретативный характер изучения объекта в совокупности его причинно-следственных взаимосвязей, изучение всего спектра проявлений объекта.

Этносоциопсихолингвистический аспект позволяет по-новому рассмотреть сущность и своеобразие этноязыковой идентичности. Этническое, этничность в полиэтничном обществе имплицитно и эксплицитно пронизывают буквально все уровни жизнедеятельности человека, усиливая свою значимость в случае воздействия внешних факторов.

В рамках психолингвистического подхода проводится процедура экспликации основных компонентов этноязыковой ситуации. Так, компонент «языковая компетенция», кроме количественных данных

социолингвистического опроса, снабжается качественным описанием коммуникативной категории «якутский язык», полученным в ходе направленного ассоциативного эксперимента, а также обобщения аналитического материала экспертных интервью. Кроме того, эксплицируются и другие компоненты: этноязыковая идентичность, национально-языковые отношения.

Модель этноязыковой идентичности как компонент ЯС снабжена дополнительным параметром — формулировкой современного риторического (коммуникативного) идеала носителем языка, конституирующего имплицитно присутствующий в структуре каждого языка «национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации» [Попова, 2009, с. 59], иными словами — национальный менталитет (мировосприятие). При этом вслед за И.А. Стерниным [2001, с. 11–13] термины «риторический идеал» и «коммуникативный идеал» мы используем как синонимы.

В своем понимании риторического (коммуникативного) идеала мы во многом исходили из интерпретации, предложенной в свое время Л.В. Щербой: «Риторический идеал представляет совокупность психолингвистических единиц, представляющих собой категориальную совокупность суждений, установок, понятий, упорядочивающих знание человека об общении и правилах его проведения» [1974, с. 78].

Обоснованием выбора формулировки современного риторического (коммуникативного) идеала в качестве параметра этноязыковой идентичности послужили:

а) интегральный характер самой дисциплины риторики, «объектом которой являются теория красноречия, ораторское искусство, способы построения выразительной речи во всех областях речевой деятельности (прежде всего во всех областях письменной и устной речи), близко соприкасающейся с поэтикой, стилистикой, культурой речи» [Культура русской речи..., 2003, с. 582];

б) ее историческая изменчивость [Там же, с. 597];

в) этнокультурная вариативность [Там же];

г) социальная обусловленность [Михальская, 1996].

Вследствие наличия данных свойств риторика воспроизводит новые риторические идеалы, интегрируя традиционные ценности и новые прагматические смыслы, тем самым способствуя формированию актуального для современников идеала национальной речевой культуры.

Также в условиях нашего исследования немаловажным аргументом в ходе выбора явился тот общепризнанный факт, что у народа

сах сохранились высокие требования к слову и владению родным языком, интерес к фольклору, эпическому наследию, благодаря чему мы имеем четкое представление об этнокультурном осмыслении якутского риторического идеала как феномена национального сознания.

Таким образом, риторический (коммуникативный) идеал преобразовывается нами в этносоциолингвистическую модифицирующую категорию, подвергающуюся анализу на микросоциолингвистическом уровне.

* * *

В комплексном исследовании ЯС наряду с социолингвистическим подходом используется методология социальной психолингвистики, а именно фиксация коммуникативного сознания взаимодействующих этнических сообществ с целью изучения современного риторического идеала в этнической общности современных носителей этнического языка, взаимных установок, национально-языковых отношений.

Применяется комплексный интегрированный подход в изучении ЯС в условиях языковой неоднородности с установлением следующих ее компонентов:

1) социальные условия (социально-экономический уровень развития народа, уровень его культурного развития (языковые традиции, литературный язык), этнодемографическая, демолингвистическая характеристики по итогам переписей населения);

2) функциональный статус якутского языка, а именно в комплексе детерминирующих факторов и актуальных тенденций функциональная дистрибуция якутско-русского двуязычия в регламентированных и нерегламентированных сферах семейного общения (с детьми, родителями, со старшими родственниками), образования (подсферах дошкольного, среднего, высшего образования), массовой коммуникации (на республиканском телевидении, в радиовещании, периодической печати), в книгоиздании, торговле и межличностном общении (бытовое, внутрисемейное, дружеское);

3) языковая компетенция (уровень владения языками) в комплексе детерминирующих факторов и актуальных тенденций;

4) этноязыковая идентичность, детерминирующаяся функциональным статусом и уровнем владения этническим языком и включающая в себя следующие категории:

— речевое поведение (выбор родного языка, выбор языка обучения, выбор языка в массмедиа, мотивация изучения языков невладеющими);

— современный риторический (коммуникативный) идеал носителей языка;

— характер национально-языковых отношений;

— тип языковой политики, защита языка правовыми актами.

Комплексный междисциплинарный характер нашей работы предопределил интегрированный исследовательский подход — этносоциопсихолингвистический, включающий в себя этносоциолингвистический и психолингвистический анализ материала на макро- и микросоциолингвистическом уровнях. Синкретичность теоретико-методологического аппарата, смежность исследуемого поля, оптимальное совмещение методов позволяет, на наш взгляд, обоснованно формировать весь теоретико-методологический аппарат в рамках единой социолингвистической парадигмы.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ЯКУТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Функциональный статус языка, согласно мнению классика российской социолингвистики В.А. Аврорина, является доминирующим компонентом понятия ЯС, дефинируемым им как «складывающийся под влиянием социальных условий характер функционирования различных форм существования языка и их взаимодействие с другими языками во всех сферах жизни конкретной этнической мощности» [1975, с. 51]. В связи с этим собственно исследовательскую часть нашей монографии — характеристику функционального статуса якутского языка на основе анализа динамики социолингвистических данных, детерминированных лингвистическими и экстралингвистическими факторами, — мы предворяем описанием социального контекста, т.е. этнодемографической структуры населения, особенностей современного социально-экономического развития РС (Я).

Таким образом, в данной главе поставлена задача провести анализ объема и интенсивности выполняемых якутским языком социальных функций в регламентируемых и нерегламентируемых коммуникативных сферах в сопоставлении с фактическим статусом русского языка. При этом мы основываемся на понимании того, что юридический статус в социально-коммуникативной системе закрепляется в законодательном порядке, а функциональный статус языка отражает его реальное использование, функциональную нагрузку. Следовательно, больше внимания будет уделено установлению объективных факторов коммуникативной мощности якутского языка в условиях активного двуязычия.

Измерение объективных параметров коммуникативной мощности в регламентируемых государством сферах является сложной, трудоемкой и длительной социолингвистической процедурой. Сбор наиболее реального полевого материала сопряжен с постоянным

подтверждением официальной информации нескольких уровней беседами с руководителями и рядовыми сотрудниками предприятий и учреждений. Ввиду вышесказанного, отбор статистических данных произведен нами из республиканских источников, также осуществлена сверка уже имеющихся сведений. Таким образом, в выявлении реального статуса использованы специальная литература, результаты предыдущих мониторингов, проведенных нами, официальные источники, в том числе официальная информация с сайтов учреждений.

В нерегламентируемых сферах объективные данные получены с помощью социолингвистических опросов, проведенных нами в 2007 и 2014 гг. в Якутске и с. Чай Вилюйского улуса. В ходе анализа выбор языка рассмотрен в корреляции с различными социолингвистическими параметрами (возраст, место проживания, степень урбанизированности и т.д.). Для верификации количественных показателей, отражающих функциональную нагрузку якутского языка в сферах образования, семейного общения, были использованы материалы 23 экспертных интервью на тему «Современный якутский язык в г. Якутске: динамика, тенденции и актуальные проблемы», проведенных нами в 2016 г.

2.1. Динамика этнодемографической структуры населения и демолингвистической характеристики языков в контексте социально-экономического развития РС (Я)

Республика Саха (Якутия) является наиболее крупным субъектом Российской Федерации, площадь которого составляет более 3 млн км². В силу резко континентального климата и суровых условий жизни она остается территорией с низкой плотностью и численностью населения.

По данным РwС (сети деловой экспертизы), основные конкурентные преимущества РС (Я) составляют «уникальное географическое положение по отношению к Азиатско-Тихоокеанскому региону; значительный ресурсный потенциал, прежде всего в алмазо- и нефтедобывающем комплексе; стабильный экономический рост среди регионов России; проработанная стратегия регионального развития, развитая инфраструктура для ведения малого и среднего бизнеса; существенный инвестиционный потенциал и благоприятный инвестиционный климат; высокий научный потенциал и уровень социально-экономического развития» [<http://ar.investingrussia.com>]. В структуре ВРП в 2014 г. добыча полезных ископаемых занимала

44 %, в том числе доля нефтегазового комплекса в промышленном производстве — 42,09 %, алмазов — 34 %, золота — 12,3 % [<http://ar.investingrussia.com>].

Для федерального центра республика представляет интерес прежде всего как источник сырьевых ресурсов. Она имеет статус дотационного субъекта несмотря на то, что в ее недрах сосредоточена $\frac{1}{3}$ полезных ископаемых мира. Сегодня наиболее положительные тенденции в развитии социально-экономического сектора характерны для промышленных районов, где рассредоточены предприятия крупных добывающих компаний, привлекающие на работу в основном неместное население.

В исследовании, посвященном практике реализации государственной национальной политики России в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) в 2015–2018 гг., в том числе в Якутии, Е.Г. Маклашова характеризует ее социально-экономический контекст следующим образом: «...слабый рост условий и качества жизни населения, материального достатка и благосостояния семей стимулируют социальное расслоение и увеличивают чувство тревоги людей за свое будущее, что заметно снижает значимость имеющегося социального потенциала» [2018, с. 117]. Тем не менее, как отмечает автор, полевые данные отражают высокие оценки развития региональной экономики в РС (Я); по оценкам изменений в социальной сфере республика находится на 2-м месте после Магаданской области из-за низких показателей в сфере здравоохранения, но при этом наиболее проблемной предстает отрасль традиционного хозяйства, несмотря на наличие доктринальных и программных документов, в которых декларируется гарантия непосредственной поддержки занятий коренных малочисленных народов Севера. В целом Е.Г. Маклашова отмечает, что в каждом дальневосточном регионе фиксируются положительные сдвиги в базисных отраслях экономики и, напротив, в «непрофильных» сферах происходит отставание, а в некоторых наблюдается постепенное выравнивание темпов развития всех сфер экономики, в том числе в РС (Я) [Там же, с. 102–103].

Исследователем выявлены противоречия в оценке качества и темпов роста: по оценкам экспертов, представляющих органы исполнительной и законодательной власти регионов, РС (Я) относится к территориям с высоким темпом роста, однако по мнению экспертов, представляющих академическое сообщество и общественность, ни в одном дальневосточном регионе нет высоких темпов роста качества жизни, а наиболее критические параметры по благосостоянию выявлены в Якутии и Амурской области, что в некоторой степени детерминировано социальным расслоением общества [Там же].

«Немаловажным фактором стабильности в обществе являются представления о позитивном или негативном характере изменений социально-экономической ситуации в регионах, тесно связанные с социальным самочувствием людей. По оценкам всех групп экспертов, для населения Дальнего Востока характерны чувство неуверенности в завтрашнем дне, страх за свое будущее и будущее детей. Симптоматично, что такие институциональные страхи существуют даже в таких экономически благополучных регионах, как Магаданская и Сахалинская области, Республика Саха (Якутия)» [Маклашова, 2018, с. 104].

На фоне сохранения миграционных интенций на данной территории отмечается последовательное укрепление региональной («хабаровчанин», «якутянин», «амурчанин») и макротерриториальной («дальневосточник») идентичности, что вполне укладывается в тенденцию распространения двойственной и множественной идентичности, характерной для современного человека. Е.Г. Маклашова также отмечает заметное повышение этнического самосознания всех народов, проживающих в ДФО, при этом актуализация и укрепление этнической идентичности наиболее свойственны для коренных народов, нежели для русских. Внешняя миграция в регионе, представленная преимущественно выходцами из стран Средней Азии, в силу существующей культурной дистанции между ними и принимающим обществом значительно усложняет процесс их адаптации и интеграции. В то же время итоги экспертного опроса, проведенного автором, демонстрируют последовательное укрепление декларируемой государственной идеологии по формированию единой российской нации на всех дальневосточных территориях и подчеркивают значимость и ценность региональной идентичности, особенно в РС (Я) и Чукотском автономном округе [Там же].

Несмотря на некоторые расхождения, большинство представителей двух групп экспертов — власти и общественности — отметили позитивную динамику межнациональных отношений и межэтнической толерантности на Дальнем Востоке. Их мнения почти совпали в оценке довольно низкого интеграционного потенциала современного российского общества, что отражает наличие проблемной ситуации, связанной с практической реализацией задач Стратегии государственной национальной политики РФ по адаптации мигрантов с последующей их интеграцией в единую гражданскую общность (российскую нацию) [Там же]. При этом, как утверждает этносоциолог В.Б. Игнатьева, усилились и ранее существовавшие «антимигрантские» настроения, «что входит в противоречие с геополитическими интересами России как евразийского государства» [2017,

с. 91]. Дезинтегративные тенденции отмечаются во мнении респондентов-саха и русских, что косвенно сигнализирует о возможности мобилизации значительной части принимающего общества в случае эскалации напряженности [Там же].

Язык как культурное достояние является одним из важнейших факторов социокультурного развития, он так же, как и национально-культурное наследие, должен транслироваться, передаваться из поколения в поколение. Согласно мнениям экспертов, опрошенных Е.Г. Маклашовой, фиксируется рост активности государственных органов и общественности в области сохранения языков, традиций и культуры народов России, хотя и неравномерный по регионам. Также отмечается поляризация оценок разных групп экспертов. Эксперты — представители общественности Приморского края, Сахалинской области и РС (Я) признали деятельность региональной власти по развитию этнокультурного многообразия субъектов ДФО весьма незначительной. Кроме того, автором выявлен факт того, что представители власти из всех субъектов ДФО склонны занижать вклад населения региона в развитие этнокультурного многообразия, тогда как активность национально-культурных объединений в этой области оценивается довольно высоко.

В целом данные экспертного опроса в исследовании Е.Г. Маклашовой показывают существенные сдвиги в сторону учета интересов малочисленных этносов России в национальной политике субъектов Дальневосточного федерального округа, при этом наиболее критические оценки даны аналитиками Камчатского края и РС (Я), где проживает основная часть коренных малочисленных народов ДФО. Апеллируя к итогам экспертного опроса о наиболее острой проблеме в области сохранения и развития малочисленных этносов России (проблеме функционирования родных, национальных языков), Е.Г. Маклашова считает, что на федеральном и региональном уровнях властями не достигнуто осознание того факта, что сохранение этнического и культурного многообразия страны невозможно без поддержки лингвистического разнообразия. В этой связи она отмечает: «Учитывая, что язык является одним из важнейших элементов этнической культуры, следует признать недостаточность принимаемых сегодня мер в отношении языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые должны не только поддерживаться за счет государственных инициатив, но и развиваться усилиями самих носителей национальных языков» [Маклашова, 2018, с. 108].

Однако несоответствие установок региона и федерального центра локализуется не только в области лингвистического разнообра-

зия. В заключении экспертного доклада об этнополитической ситуации в РС (Я) А.Г. Большаков утверждает, что благодаря различным запасам полезных ископаемых, алмазов и пр., республика, специфика которой заключается в совмещении урбанизированного уклада хозяйственной деятельности с родоплеменной организацией различных этнических групп, не может быть вычеркнута из перспективно развивающихся в экономическом плане территорий. Также автор отмечает, что, несмотря на имеющиеся противоречия, Башкортостан, Татарстан и Якутия представляют регионы, получающие от федерального центра большие финансовые вливания и полностью лояльные к нему [Большаков, 2018, с. 346]. В кратком заключении исследователем описаны все политические, социально-экономические противоречия, безусловно, распространяющиеся и на национально-культурные условия.

В целом выводы специалистов отражают объективную картину социально-экономического контекста нашего исследования и обозначают общие тенденции и противоречия, свойственные полиэтническому обществу сегодня, в том числе в сфере языковой политики.

В настоящий период практически все страны, а у нас в стране — большинство регионов, являются полиэтническими или поликультурными. В Якутии, прошедшей активный этап индустриализации в советское время, проживают представители более чем 120 этносов (табл. 2.1).

Цифры показывают продолжающееся с 2002 г. увеличение доли титульного и коренного населения [Краткие итоги Всероссийской переписи населения..., электронный ресурс]. В 2010 г. соотношение русских и якутов в Республике Саха (Якутия) составило 37,8 и 49,9 % соответственно.

ВПН–2010 показала увеличение в РС (Я) доли титульного этноса (49,9 %) вследствие сильного оттока русского и украинского населения и более высокой рождаемости среди якутов. Другой существенный факт состоит в том, что значительно выросла численность якутян, не указывающих национальную принадлежность. Из чего можно сделать вывод, что, очевидно, постепенно приобретают значимость вопросы устойчивости этнической идентичности. Численность представителей коренных малочисленных народов РФ в 2010 г. составила 316 тыс. чел. (в 2002 г. — 307 тыс.). В Якутии зафиксировано увеличение количества представителей всех пяти коренных малочисленных народов Севера среди указавших соответствующую национальность. Так, их общая численность составила 39 936 чел. (табл. 2.1). Данная тенденция была зафиксирована по итогам ВПН–2002.

Таблица 2.1

Национальный состав населения РС (Я) [Краткие итоги Всероссийской переписи населения..., электронный ресурс]

Показатель	Численность, чел.		Удельный вес представителей данной национальности среди лиц, указавших национальную принадлежность, %	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Якуты (саха) по РФ в целом	443 852	478 085	0,31	0,35
Все население РС (Я)	949 280	958 528		
Из них:				
Лица, указавшие национальную принадлежность	946 650	934 664	100	100
Якуты (саха)	432 290	466 492	45,7	49,9
Русские	390 671	353 649	41,3	37,8
Украинцы	34 633	20 341	3,7	2,2
Эвенки	18 232	21 008	1,9	2,2
Эвены	11 657	15 071	1,2	1,6
Татары	10 768	8122	1,1	0,9
Буряты	7266	7011	0,8	0,8
Киргизы	1454	5022	0,2	0,5
Армяне	2764	3691	0,3	0,4
Узбеки	1207	3332	0,1	0,4
Таджики	1105	2696	0,1	0,3
Долганы	1272	1906	0,1	0,2
Юоагиры	1097	1281	0,1	0,1
Чукчи	602	670	0,1	0,1
Другие (не перечисленные выше) национальности	31 632	24 372	3,3	2,6
Лица, не указавшие национальную принадлежность, включая тех, сведения по которым получены из административных источников	2630	23 864		

Структура этнодемографической ситуации усложняется ростом количества трудовых мигрантов: киргизов, узбеков, армян, таджиков. Согласно данным Управления Федеральной миграционной службы по РС (Я), по состоянию на 2015 г. «в республике находится более 15 тыс. трудовых мигрантов, а также около 400 беженцев с Украины» [Никифорова, 2015]. Фактически масштабы внешней трудовой миграции представляются намного превышающими официальные цифры.

«Последние два межпереписных периода характеризуются неоднозначностью: перепись 2002 г. зафиксировала сокращение населения на 122 тыс. (всего 949 280 чел., в том числе в сельской местности — на 22,8 тыс.), итоги последней переписи 2010 г. показали увеличение — 958 528 чел., наблюдается рост численности на 9248 чел.» [Современная этноязыковая ситуация..., 2013, с. 15].

Таблица 2.2

**Соотношение городского и сельского населения Якутии [Краткие итоги
Всероссийской переписи населения..., электронный ресурс]**

Год	Численность, тыс. чел.			Доля в общей численности, %	
	Все население	Городское	Сельское	Городское	Сельское
1959	487,4	238,3	249,1	48,9	51,1
1970	666,7	375,7	291	56,3	43,7
1979	851,8	521,9	329,9	61,3	38,7
1989	1094,1	732	362,1	66,9	33,1
2002	949,3	610	339,3	64,3	35,7
2010	958,5	614,5	344	64,1	35,9

Динамика соотношения городского и сельского населения в РС (Я) представлена в табл. 2.2.

За подробностями демографической ситуации в якутском сообществе обратимся к публикации В.Б. Игнатъевой [2012б]. Исследователь утверждает, что сохранение у якутов относительно благоприятной демографической ситуации связывается главным образом со сложившимся в дореформенный период сочетанием высоких коэффициентов рождаемости с довольно низкими коэффициентами смертности, а также с мерами по охране материнства и детства, предпринятыми в 1990-е годы республиканскими властями и обеспечившими существенное снижение младенческой смертности, прежде всего в сельской местности. Так, если в 1980 г. младенческая смертность среди сельского населения была равна 35,8 на 1 тыс. родившихся, то в 1985 г. — 23,8; в 1990 г. — 19. Как показали итоги ВПН–2002, процесс механической убыли населения затронул и улусы с сельскохозяйственной специализацией, где в основном проживали якуты. Так, если в 1989 г. сокращение общей численности населения отмечено в 12 из 35 административных единиц республики, то в 2002 г. — в 22. Необходимо отметить, что отток жителей из промышленных улусов объясняется главным образом внешней миграцией, а из сельскохозяйственных — переездом из сельских населенных пунктов в города и улусные центры Якутии. В рассматриваемый период, по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РС (Я), на жителей села приходилось около 86,8 % объема внутренней миграции, на миграцию в пределах республики — около половины всей миграции. Причинами таких переездов служили социально-экономическая привлекательность городских поселений (по сравнению с сельскими) и последовательное высвобождение части трудовых

ресурсов села вследствие реформирования сельского хозяйства республики.

В частности, процесс миграции сельских якутов в г. Якутск в 1990-е годы носил массовый характер, в результате которого доля якутского населения среди столичных жителей увеличилась с 25,1 % в 1989 г. до 42,4 % в 2002 г. Возросшие поселенные переселения внесли изменения и в систему расселения: если в 1989 г. в Якутии насчитывалось 11 городов, 67 поселков и 641 сельский населенный пункт, то в 2002 г. — 13 городов, 55 поселков, 551 сельский населенный пункт (2 поселка перешли в разряд городов, 12 — в разряд сел или были ликвидированы, 87 — прекратили свои функции из-за отсутствия в них постоянного населения) [Игнатьева, 2012б, с. 31–32]. Далее исследователь отмечает: «В целом в постсоветский период общая этническая география изменилась незначительно. Несмотря на возросшую миграционную активность, якуты остаются преимущественно сельскими жителями (65,3 %) и живут, как и прежде, практически в моноэтнических сельских поселениях в местах традиционного расселения» [Там же, с. 32].

В 2019 г. сельско-городская миграция продолжилась: «По текущей оценке, численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2019 г. составила 967 009 чел., в том числе городского — 637 451, сельского — 329 558. По сравнению с 1 января 2018 г. численность населения увеличилась на 2679 чел., или на 0,28 %, в том числе городское население увеличилось на 4594 чел., или на 0,73 %, сельское население уменьшилось на 1915 чел., или на 0,58 %» [Пресс-выпуск..., с. 4, электронный ресурс].

Кроме компактного расселения в пределах РС (Я), в сопредельных к республике Хабаровском, Красноярском, Приморском краях и Иркутской, Магаданской, Амурской областях проживает, по данным ВПН–2002, 5230 якутов [Саввинов, 2012]. Но, как отмечает А.И. Саввинов: «Сегодня можно говорить лишь о нескольких сохранившихся этнических группах, исторически расселенных в данных регионах. Прежде всего следует отметить нестабильную демографическую ситуацию. В этнических группах сокращается численный состав, отмечен высокий процент межнациональных браков. В условиях иноэтнической среды отдельные группы подвержены этнической ассимиляции, утрачиваются этнокультурные особенности, это прежде всего касается родного языка. Несмотря на некоторые имеющиеся проблемы, представители данных групп осознают себя частью якутского народа и сохраняют свою этническую идентичность» [Там же, с. 39].

Этнодемографическая характеристика г. Якутска, в частности динамика численности саха и русских, представлена в табл. 2.3 [Краткие итоги Всероссийской переписи населения..., электронный ресурс].

Таблица 2.3

Численность якутов и русских, проживающих в Якутске, по итогам переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг., чел.

Этнос	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Якуты	55 132	104 497	140 272 (47,4 %)
Русские	137 259	113 574	113 624 (38,4%)

Имеющиеся данные отражают значительное изменение этнодемографической структуры в Якутске. Так, по итогам ВПН–2010, местное якутское население по сравнению с 1989 г. увеличилось в 2,5 раза. Столица РС (Я) имеет статус административного, политического, экономического, культурного, научного, образовательного центра и крупнейшего транспортного узла на северо-востоке страны, является городом, где проживает $\frac{1}{3}$ населения республики (31,7 %) и почти половина ее городских жителей (46,1 %). В нем «общее изменение численности населения за период между ВПН 1989 и 2002 гг. характеризуется общей убылью, в том числе миграционной. В 2002 г. в г. Якутске с подчиненными его администрации населенными пунктами проживало 246 279 чел., городское население составляло 238 356 чел., сельское — 7923 чел. Столица республики является средоточием миграционных потоков — высока внутрирегиональная миграция, направленная в центр и в определенной мере в центральные улусы» [Современная этноязыковая ситуация..., 2013, с. 75]. Таким образом, по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия), доля обосновавшихся в столице имеет тенденцию к росту (табл. 2.4).

Статистика показывает, что сельско-городское миграционное движение принимает тип невозвратного, в результате чего происходит постепенное замещение русского населения г. Якутска этническим якутским. В 2008 г. из общего числа мигрантов в трудоспособном возрасте находились 11 722 чел. (77,8 %), т.е. подавляющее большинство. На постоянное место жительства в столицу и центральные

Таблица 2.4

Показатели внутрирегиональной миграции, чел.*

Численность мигрантов	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
В РС (Я)	13 641	13 037	14 958	18 640	15 053
В том числе в Якутске	6286	4997	7548	10 623	8524

* Составлено по материалам Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РС (Я) [https://sakha.gks.ru/folder/32348].

районы прибыло 12 712 чел. (84 %), при этом каждый пятый — в связи с работой. На историческую родину возвратился каждый десятый.

Таким образом, внутрирегиональная социальная мобильность среди населения достаточно высока. По этническому составу мигрантов распределение следующее: якуты — 9475 чел. (62,5 %), русские — 2733 чел. (18 %), коренные малочисленные народы Севера — 819 чел. (4 %), что весьма значительно для представителей миноритарных народов. Миграция из сел является преобладающей: свыше 11 тыс. из 15 тыс. прибывших в Якутск в прошлом являлись жителями села [Современная этноязыковая ситуация..., 2013, с. 75–76].

Как отмечает А.В. Трубина, за последние 17 лет в РС (Я) доля внутрирегиональной миграции возросла с 37,4 % в 1990 г. до 66,6 % в 2007 г. При этом в 2007 г. по сравнению с 2005 г. оборот внутренней миграции увеличился почти в 4 раза. Мигранты во внутрирегиональном обмене выезжают в городские поселения в основном по причинам, связанным с учебой (38 %), а также по причинам личного, семейного характера (27 %) [Трубина, 2009]. Причины возникновения более поздних миграционных потоков остаются прежними [Томаска, 2014, 2015].

В 2019 г. доля сельского населения продолжила снижаться. По сравнению с 2018 г. его численность уменьшилась на 1937 чел. (0,58 %). В то же время общая численность населения республики увеличилась на 3192 чел. (0,33 %), городского — на 5129 чел. (0,81 %) за счет естественного прироста над миграционной убылью [Статистический ежегодник..., 2019, с. 54]. Основные причины, которые влияют на сегодняшнюю миграцию трудоспособного населения, следующие: низкое качество жизни в селе, высокий уровень безработицы, дорожно-транспортные проблемы, маленькая заработная плата, низкий уровень культурного, медицинского и торгового обслуживания, невыгодные социальные условия, ограниченные возможности самореализации. По данным ученых-экономистов, в настоящий период многолетний сельчанин является наиболее бедным жителем республики [Гаврильева, 2019].

На сегодня, по сравнению с 2014 г., рождаемость в республике уменьшилась на 22 % вследствие сокращения числа женщин фертильного возраста (15–49 лет) на 17 тыс. чел. (1 %). Однако численность населения продолжает расти за счет снижения смертности. С января по май 2019 г. в Якутии родилось 5159 детей — это на 5 % меньше, чем за тот же период предыдущего года. Особую тревогу вызывает сокращение числа первых и вторых рождений. При этом количество появлений на свет третьих и последующих детей остается стабильным.

По итогам переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг., микропереписи 1994 г., в 2003–2009 гг. наблюдался рост прямой этноязыковой идентичности [Социально-демографический портрет России..., 2012, с. 80]. Динамика указанного показателя представлена в табл. 2.5.

Таблица 2.5

Динамика показателей этноязыковой идентичности якутов по итогам переписей населения, %

Язык	1989 г.	1994 г.	2002 г.	2010 г.
Якутский	95	97,1	92,6	94
Русский	4,9	2,9	6,5	5,8

В формировании двуязычной языковой личности образовательный уровень носителей языка имеет решающее значение. Данные последней переписи зафиксировали дальнейшее увеличение образовательного уровня как якутян, так и русских, армян, азербайджанцев, осетин, кабардинцев, лезгин и бурят; среди их представителей доля лиц, имеющих основное общее и высшее образование, превышает общероссийские показатели. Доля лиц с высшим образованием выше, чем в среднем по России (23 %), выявлена у осетин и бурят (по 30 %), якутов (25 %), украинцев (26 %), русских и белорусов (по 24 %) [Там же, с. 81]. Также по данным республиканской статистики [Краткие итоги Всероссийской переписи населения..., электронный ресурс], «показатели в сфере послевузовского, неполного высшего, а также в системе трехуровневого образования и общего среднего образования на 1 тыс. чел. в возрасте 15 лет и старше среди указавших уровень образования превышают показатели по РФ и ДФО» [Современная этноязыковая ситуация..., 2013, с. 17].

Учитывая, что фактор образованности в условиях российской языковой неоднородности сопутствует снижению языковой компетенции носителей малых языков, мы должны в дальнейшем подробнее рассмотреть их корреляцию на социолингвистическом материале саха.

В соответствии с итогами ВПН–2002 в РФ численность лиц, владеющих якутским языком, составила 456 288 чел., по результатам ВПН–2010 их количество сократилось до 450 140 чел. [Итоги Всероссийской переписи населения..., электронный ресурс], т.е. при количественном росте этнических саха число владеющих языком уменьшилось. Данные последней переписи показали, что количество якутов, владеющих русским языком, в 2010 г. достигло 89 % [Социально-демографический портрет России..., 2012, с. 28]. В целом по России наиболее высокими показателями языковой компетенции в этническом языке отличаются русские (99,9 %), чеченцы (94 %), кабардинцы и якуты (по 86 %) [Там же, с. 79].

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что социально-экономический уровень РС (Я) определяется преимущественно сырьевой направленностью, имеет системные проблемы в экономической и социальной сферах, обуславливающие слабый рост качества жизни и благосостояния населения, материального достатка, стимулирующих ухудшение социального самочувствия населения, что заметно снижает значимость имеющегося социального потенциала. Сырьевой статус экономики региона все же гарантирует ей федеральное финансовое обеспечение, однако оно несоразмерно в плане вывода экономики республики на значительные темпы роста. Якуты остаются преимущественно жителями моноэтнических сельских поселений, расположенных в местах традиционного расселения.

В целом выводы специалистов отражают объективную картину социально-экономического контекста нашего исследования и обозначают общие тенденции и противоречия, свойственные полиэтническому обществу Якутии сегодня, в том числе в сфере языковой политики.

2.2. Функциональная дистрибуция государственных якутского и русского языков в системе дошкольного, школьного, среднего профессионального и высшего образования

Одной из наиболее важных коммуникативных сфер, определяющих речевое поведение и языковые установки личности в условиях би- и полилингвизма, является лингвистическое обеспечение образовательного и воспитательного процесса. О важности двуязычия в дошкольном образовании в свое время говорил А.Н. Баскаков [1999], обращая внимание на то, что дошкольное образование наиболее эффективно для развития и закрепления начальных навыков владения языком и поэтому нельзя упускать возможность раннего обучения детей родному и русскому языкам, которое перекладывается на национальную среднюю школу, где эффективность обучения языкам невелика ввиду перегруженности школьных программ другими предметами.

Полиэтнический состав населения РС (Я) обязывает государство обеспечить развитие и сохранение языков всех проживающих на данной территории народов. В Якутии языковое и культурное многообразие в поликультурном пространстве гарантировано мно-

гими федеральными и региональными нормативными правовыми актами.

В республике в соответствии с федеральными и региональными нормативными правовыми актами функционируют два государственных, пять официальных, а также иностранные (европейские + восточные) языки, открыты 17 ассоциированных школ ЮНЕСКО [Габышева, 2016]. В целях развития раннего двуязычия/многоязычия в дошкольном и младшем школьном возрасте, что является одной из главных задач системы образования в условиях полиязычной среды, кроме русского и якутского языков изучается английский.

По данным за 2018 г. заместителя руководителя отдела общего образования Министерства образования и науки РС (Я) Т.С. Абрамовой, в сфере дошкольного образования республики функционируют 719 детских образовательных учреждений (ДОУ), в том числе 247, ведущих обучение и воспитание на русском языке, 507 — на якутском, 6 — на эвенском. За 10 лет число ДОУ, осуществляющих воспитание и образование на якутском языке, увеличилось на 36 ед. [Направления развития..., 2019].

В 2019 г. на территории Городского округа «Город Якутск» функционировало 59 муниципальных ДОУ, из них 50 в самом городе и 9 в пригороде (в поселках Тулагино, Кангалассы, мкр. Марха, селах Табага, Хатассы, Маган), которые посещали 16 836 детей [Там же]. В Якутске и пригороде работают пять национальных детских садов: № 51 «Кэскил», № 4 (пос. Тулагино), № 70 «Кэрэчээнэ» (пос. Хатассы), № 82 «Мичээр», № 39 «Ромашка». В 139 группах 27 муниципальных ДОУ воспитание и обучение ведется на родном якутском языке, в 2013/14 уч. г. таких групп было 86. Охват детей в данных группах составил 4653 ребенка. В 2016 г. были открыты восемь групп с родным якутским языком обучения. В 38 ДОУ (63 %) организовано дополнительное обучение якутскому разговорному языку [Там же].

Сопоставление данных за 1992 и 2000 гг., представленных в работе Т.В. Аргуновой [2003, с. 76], и наших материалов за 2018 и 2019 гг. отражает умеренный рост в РС (Я) числа ДОУ с якутским языком воспитания и обучения за счет их прироста в г. Якутске (табл. 2.6).

В остальной части республики соотношение языков в ДОУ в целом остается без изменений, так как регулируется в зависимости от этнического состава населения. Традиционным ареалом доминирующего использования якутского языка являются моноэтнические сельские улусы, русского языка — промышленные центры Якутии.

По причине недостаточности статданных последних лет о контингенте посещающих муниципальные и частные ДОУ в г. Якутске

Таблица 2.6

Динамика развития ДОУ, ведущих воспитание и обучение на якутском языке

Учебный год	По Республике Саха (Якутия)				По г. Якутску			
	Общее кол-во ДОУ, ед.	Из них по языку воспитания и обучения, ед.		Общее число обучающихся, чел.	ДОУ с якутским языком воспитания и обучения		ДОУ с дополнительным обучением разговорному якутскому языку	
		Русский	Якутский		Количество ДОУ, ед.	Число обучающихся, чел.	Количество ДОУ, ед.	Число обучающихся, чел.
1992	1016	490	526	81 653	16	1300	40	920
2000	770	1037	489	51 589	13	1138	34	782
2018	719	247	507	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д
2019	Н/д*	Н/д	Н/д	»	27	4653	38	»

* Н/д — нет данных.

не представляется возможным точно определить долю дошкольников, изучающих разговорный якутский язык. Однако корреляция статистических данных предполагает ее в пределах 28–29 %, что отражает существенный рост показателя. Развитию сети ДОУ с якутским языком обучения и воспитания способствовали два фактора: 1) стремление якутоязычного родительского сообщества обеспечить детям этнокультурное образование и воспитание; 2) интегративные тенденции русского населения: по нашим сведениям, в 2007–2008 гг. в Якутии у этнических русских проявлялась достаточно высокая потребность приобщения детей младшего возраста к якутскому языку и культуре [Иванова, 2012, с. 43–47].

О степени развития речевых способностей детей в ДОУ с якутским языком образования и воспитания, методах творческой и созидательной деятельности их преподавателей можно судить по репортажам на республиканском телевизионном канале и радиопередачам. Необходимо отметить, что качество обучения детей разговорному якутскому языку в русскоязычных садах различное: педагоги могут ограничиваться рисованием на свободную тему, эпизодически заниматься с одним-двумя детьми в группе заучиванием стихов к предстоящему творческому конкурсу.

Мы совершенно согласны с мнением Н.Б. Мечковской о том, что «первенствующая роль школы в сохранении языков меньшинств связана, во-первых, с тем, что школа, в отличие от семьи, передает подрастающему поколению язык функционально более богатый, чем семейно-бытовой. Язык базового образования имеет наибольшие шансы стать основным языком жизнедеятельности человека. Во-вторых, само существование средних школ с определенным язы-

ком обучения предполагает достаточно широкую инфраструктуру, которая работает на сохранение языка» [Мечковская, 2000, с. 160]. При этом, как утверждали авторы федеральных образовательных стандартов [Кузьмин, 2008], только при аддитивном (дополнительном к первому) двуязычии учащиеся сохраняют свой первый (родной) язык и приобретают знания второго языка, прочное усвоение учебного материала, интеллектуальное, когнитивное и социальное развитие, творческое мышление. При замещаемом двуязычии они постепенно теряют свой первый язык в процессе усвоения второго языка, т.е. оно приводит к отрицательным когнитивным последствиям.

В общеобразовательных организациях РС (Я), как отмечают Ф.В. Габышева и С.С. Семенова [Габышева, 2016], в зависимости от статуса родного языка и ЯС применяются пять моделей образования:

1. Обучение на родном языке весь период школьного образования. Данная модель соответствует обучению на русском языке учащихся, для которых он является родным (первым) языком.

2. Обучение на родном языке (1–4-й, 1–7-й, 1–9-й классы) с последующим переходом на русский язык на определенной ступени. Срок перехода определяется в зависимости от решения участников образовательных отношений, с учетом социокультурной ситуации, педагогических традиций общеобразовательных организаций. В 10–11-х классах обучение, за исключением изучения родных языков и литературы, полностью осуществляется на государственном языке Российской Федерации — русском. Данная модель действует в общеобразовательных учреждениях с якутским языком обучения, расположенных преимущественно в сельских населенных пунктах и г. Якутске.

3. Обучение на неродном, государственном языке, изучение родного языка в рамках учебного предмета. Данная модель позволяет формировать сбалансированный билингвизм, распространена в обучении детей-саха на русском языке в условиях поликультурной среды и обучении детей коренных малочисленных народов Севера на русском или якутском языках в зависимости от социокультурной ситуации и уровня обучения.

4. Обучение на русском или якутском языках, изучение родного (этнического) языка в учебном плане общеобразовательного учреждения не предусмотрено, родной язык используется только в неформальном общении, преимущественно в семье. Подобная модель применяется при отсутствии возможности организовать обучение в связи с малочисленностью желающих обучаться на том или ином языке, а также при добровольном и сознательном выборе родителями и детьми в качестве языка обучения неродного языка.

Согласно республиканской образовательной политике, в РС (Я) внедряется билингвальное обучение, способствующее формированию сбалансированного двуязычия, принятое органами власти Якутии в качестве основного направления государственной лингвистической политики и рассматриваемое «как средство: 1) реализации языковой политики по вопросу соблюдения паритета государственных языков в области образования; 2) формирования гражданской и этнокультурной идентичности в многонациональном государстве; 3) сохранения родного языка национальных меньшинств; 4) достижения качества владения языками, формирования коммуникативной компетенции; 5) социализации личности в современном мире; 6) развития личности» [Габышева, 2016, с. 1154].

5. Кроме того, в республике разработана и внедряется новая модель образования с обучением на родном, русском и иностранных языках. Рассматривавшаяся в 2009–2010 гг. для внедрения в практику модель с изучением родного (генетического) языка не владеющими им детьми-саха методом погружения на сегодняшний день не используется.

На практике в общеобразовательных учреждениях Якутии в зависимости от статуса родного языка и социолингвистической ситуации из существующих и практикующихся моделей выделяются две модели, в которых родной якутский язык функционирует: а) в качестве языка обучения в 1–4-м, 1–7-м, 1–9-м классах с последующим переходом на русский язык на определенной ступени (модель 2); б) в качестве учебного предмета (модель 3). В моделях 1 и 4 изучение родного языка и обучение на всех ступенях на родном якутском языке не предусматриваются, практикуется использование только русского языка как родного для этнически русских детей [Габышева, 2016, с. 1155].

Необходимо отметить, что изменение параметров этноязыковой ситуации, в том числе этнодемографических, влияет на уровень обеспечения этнокультурных прав в сфере образования. В связи с социально-экономической ситуацией в республике, с массовыми потоками внутренней миграции и последствиями замещающей международной миграции на общеобразовательные учреждения г. Якутска существенно возрастает нагрузка. По данным Управления образования г. Якутска [Публичный отчет об итогах деятельности..., электронный ресурс], количество населения школьного возраста особенно увеличилось в 2011–2017 гг. за счет миграции из улусных населенных пунктов, а также из других регионов (табл. 2.7).

В ходе мониторинга ЯС в образовательных организациях республики, проведенного Министерством образования РС (Я) в

Таблица 2.7

Динамика численности учащихся в общеобразовательных учреждениях г. Якутска, чел.

Учебный год	Общая численность учащихся	Увеличение общей численности
2011/12	33 669	1205
2012/13	34 721	1052
2013/14	35 612	891
2014/15	36 899	1287
2015/16	38 526	1627
2016/17	40 346	1820

2012 г., выявлено, что фактически в школах с якутским языком обучения преподавание на родном языке всех предметов проводится только в начальных классах, в основной школе обучение осуществляется либо на двух языках, либо преимущественно на русском языке [Никифорова, 2015]. Сокращение обучения на родном языке стало последствием внедрения Федерального закона «Об образовании в РФ» № 273-ФЗ, принятого 29.12.2012 г. [Об образовании..., электронный ресурс]. В данном законе отсутствует указание на необходимость учета национальных особенностей при разработке и реализации региональных программ развития образования.

В Якутске в целях обеспечения доступности обучения на родном (якутском) языке Приказом Управления образования Окружной администрации № 01-10/314 от 23.05.2012 г. был создан Совет по развитию сети национальных образовательных учреждений. Формирование Совета, целями которого были разработка и реализация комплексного плана развития сети национальных школ и классов с родным (якутским) языком обучения в муниципальных образовательных организациях в 2013–2017 гг., оказалось своевременным решением для обеспечения соблюдения конституционных прав граждан на обучение на родном языке. Формирование электронной базы данных всех детей, поступающих в 1-е классы школ г. Якутска с обучением на родном (якутском) языке, также стало важным механизмом, регулирующим соблюдение прав в области образования.

Благодаря деятельности членов указанного Совета были открыты классы с якутским языком обучения в двух пригородных школах Якутска. В 2019 г. в столице республики функционировали семь «национальных» школ: Якутская городская национальная гимназия, Саха гимназия, Национальная политехническая школа № 2 (с углубленным изучением отдельных предметов), Саха политехнический лицей, СОШ № 38, Тулагинская СОШ, Хатасская СОШ. Однако в данных образовательных учреждениях якутский не является языком обучения во всех классах, а лишь в определенных классах и в соответствии с различными моделями обучения.

Увеличение количества классов-комплектов с якутским языком обучения и численности обучающихся в них детей наблюдалось в

определенный период — ежегодно при активном содействии родительских общественных организаций открывались по одному-два класса, садовские группы с компонентом якутского языка.

Далее рассмотрены тенденции в развитии обучения на родных языках и их изучения в 2013–2018 гг. Так, Д. Мюллер на основе материалов Министерства просвещения РФ отмечает: «...число учащихся, обучающихся на родном (нерусском) языке в государственных общеобразовательных учреждениях (ГОО), снизилось за последние 6 лет с 251 800 до 193 040. Сокращение численности составляет 58 760 (т.е. 23 %). В то время как в городских местностях ситуация держалась без значительных изменений на низком уровне, в сельской местности намечается особо резкое падение численности учащихся: спад произошел с 186 361 до 122 609 и составляет, таким образом, 63 752 учащихся (т.е. 34 %).

Итоговая численность учащихся, изучающих родной (нерусский) язык как учебный предмет, за последние 6 лет не претерпела значительных изменений, уменьшившись лишь на 22 931 учащегося. В то время как в сельской местности число учащихся увеличилось практически на 60 000, в городской местности, однако, отмечается явное сокращение численности учащихся с 836 327 до 753 658. Спад численности равен 82 669 учащимся (т.е. 10 %)» [2019, с. 25–26].

Таким образом, усилиями государственной языковой политики ускоряются процессы ассимиляции не только в городских поселениях, но и, существенным образом, в сельских. Подобные тенденции обозначились и в г. Якутске (табл. 2.8).

С 2014/15 уч. г. стала заметна динамика роста изучения якутского языка в рамках предмета «Якутский язык и литература» [Направления развития..., 2019]. В сфере среднего образования в 2018 г. насчитывалось 652 государственные муниципальные СОШ, в том числе 63 % (419 ед.) составляли школы, в которых обучение ведется на якутском языке [Там же]. Для сравнения стоит отметить, что в 2003/04 уч. г. 70 % школ Якутии работали по программам национальных школ. Из 134 тыс. школьников республики 89 тыс. (66 %) изучали якутский язык как предмет [Там же]. Таким образом, с 1-го по 9-й классы родной (якутский) язык как предмет изучают свыше 11 тыс. детей. Около 13 тыс. детей (29 %) якутской национальности посещают классы с русским языком обучения, из них лишь $\frac{1}{3}$ изучают предмет и учебный курс «Якутский язык как государственный» и только 50 % — предмет «Культура народов Республики Саха (Якутия)» [Там же]. Контингент обучающихся на родном языке в г. Якутске среди детей-саха в 2017/18 и 2018/19 уч. гг. по сравнению с другим рассмотренным периодом сократился (табл. 2.9).

Таблица 2.8

Данные об уровне обучения на якутском и русском языках в классах-комплектах за 12 лет по г. Якутску*

Учебный год	Общее кол-во классов-комплектов, ед.	Из них по языку обучения, ед.		Общее число обучающихся, чел.	Из них в классах с языком обучения, чел.	
		Русский	Якутский		Русским	Якутским
2007/08	1335	1082	253	31 702	25 227	6475
2008/09	1298	1037	261	31 757	24 958	6799
2009/10	1268	1008	260	31 920	24 976	6944
2010/11	1271	1007	264	32 621	25 546	7075
2011/12	1305	1042	263	33 858	26 735	7123
2012/13	1323	1066	257	34 721	27 589	7132
2013/14	1352	1073	279	35 612	27 891	7721
2014/15	1397	1068	328	36 899	27 941	8958
2015/16	1432	1083	349	38 526	28 868	9658
2016/17	1519	1145	374	40 346	30 124	10 222
2017/18	1531	1136	395	42 272	31 270	11 002
2018/19	1592	1167	425	44 302	32 387	11 915

* Составлено по материалам Министерства образования РС (Я) [https://minobnauki.sakha.gov.ru].

В ряде федеральных нормативно-правовых документов, а именно поправках, принятых 03.08.2018 г. к ФЗ РФ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», указывается на возможность получения образования на родном языке из числа языков народов РФ, изучения государственных языков республик РФ, включая русский язык, по выбору обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся (до

Таблица 2.9

Динамика охвата школьников обучением на родном (якутском) языке [Публичный отчет..., электронный ресурс]

Количество	Учебный год							
	2011/12	2012/13	2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19
Классов-комплектов, ед.:								
всего	1305	1323	1352	1396	1432	1500	1531	1592
с русским языком обучения	1042	1053	1073	1068	1084	1128	1151	1229
с якутским языком обучения	263 (20)*	270 (20,50)	279 (20,60)	328 (23,50)	348 (24,30)	372 (24,80)	380 (24,82)	363 (22,80)
Обучающихся, чел.	7123 (20,60)	7469 (20,90)	7721 (21,60)	8959 (24,10)	9658 (24,20)	10 222 (25)	10 622 (25,20)	10 227 (23)

* В скобках указано значение показателей в %.

получения ими основного общего образования). В обществе введение понятия русского языка как родного было оценено как имеющее потенциал сокращения этнокультурных ресурсов. Действительно, последние поправки обусловили второй этап снижения показателей обучения на родных языках [Никифорова, 2015; Направления развития..., 2019; Публичный отчет..., электронный ресурс], что не может не вызывать тревогу носителей якутского языка, представителей якутской этнической общности.

В одном из последних этносоциологических исследований, касающихся якутского социума¹, 54 % саха высказались об обязательности изучения якутского языка всеми школьниками республики. Как считает Е.М. Арутюнова, «присутствующее в общественном мнении среди якутов представление о необходимости обязательного изучения языка саха всеми школьниками может свидетельствовать не только о ситуативном влиянии языкового кризиса в образовании, но и косвенно, через язык, затрагивать представления о собственном статусе в республике» [2019а, с. 52]. На наш взгляд, прежде всего это говорит о сильных этноохранительных мотивах якутоязычной общности в условиях, несущих высокие риски для этнокультурного развития детей в регионах и связанных с усилением влияния русскоязычных СМИ, инновационных технологий (гаджеты, мобильные телефоны), формирующих не билингвизм, а монолингвизм. В некоторой степени аргументом могут послужить и ассоциаты стимула «якутский язык» из психолингвистического блока исследования: реакция «государственный язык» чаще актуализируется в ответах русских студентов (у шести респондентов), в реакциях студентов-саха она не представлена. Одна реакция встречается в ответах городских саха старше 25 лет. В ответах сельских саха государственный статус якутского языка упоминается 1 раз, государственный статус русского языка — 3. Таким образом, в рассмотренном случае дискурс о статусе якутского языка актуализирован в коммуникативном сознании не самих саха, а представителей русской общности.

Охват детей-саха, обучающихся на родном (якутском) языке, составил 20,5 % в 2011 г., в 2017 г. достиг 24,3 %, в 2018 г. — 22,7 %. Можно отметить наметившуюся с 2018 г. тенденцию к снижению числа обучающихся. Всего в г. Якутске в 2018/19 уч. г. обучалось свыше 45 059 школьников.

¹ Проект разработан в 2019 г. Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и Национальным агентством «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)».

Из 672 классов-комплектов начальной школы якутский язык функционирует как язык обучения в 178 классах (26,4 %). В 18 классах-комплектах 485 чел. изучают родной (якутский) язык как предмет. В среднем звене (5–9-й классы) в 154 классах обучение ведется на родном (якутском) языке, что составляет 20,6 %; в 36 классах 1011 школьников изучают родной (якутский) язык и литературу как предмет.

Организация этнокультурного, поликультурного образования и двуязычного образовательного процесса, в том числе обеспечение учебниками, стоит в ряду приоритетных задач Научно-исследовательского института национальных школ РС (Я). В федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 28.02.2018 г. внесены 14 учебников по родному (якутскому) языку для 1–9-х классов. В списке учебных пособий, обеспечивающих реализацию прав граждан на обучение на родном языке и изучение родного языка в общеобразовательных организациях Якутии в 2017/18 уч. г., указано 22 пособия на государственных языках РС (Я), РФ и официальных языках республики.

Таким образом, по информации соответствующих министерств и ведомств, обеспеченность учебной литературой на родных языках оценивается как удовлетворительная, однако беседы с заинтересованными группами информантов отражают острую проблему лингвистической передачи содержания текстов учебников. Родительское и учительское сообщества высказывают мнение о сложности языка учебных пособий, что становится объективной причиной снижения качества этнокультурного образования.

В учреждениях начального и среднего профессионального образования во исполнение поручения Президента РС (Я) от 06.03.2012 г. № 257-А1 в целях реализации положений закона РС (Я) от 16.10.1992 г. № 1170-ХП «О языках Республики Саха (Якутия)» с 01.09.2012 г. введена учебная дисциплина «Якутский язык». Имеющиеся данные отражают рост количества прослушавших курс «Якутский язык» (табл. 2.10).

В целях эффективной организации образовательного процесса согласно приказу от 10.04.2012 г. № 01-07/142 «О внедрении изучения якутского языка в учебных заведениях начального и среднего профессионального образования» и разработки учебно-планирующей документации в соответствии с п. 5 Федерального закона № 309-ФЗ «Об образовании» (в ред. от 01.12.2007 г.) образовательные учрежде-

Таблица 2.10

Численность учащихся в учреждениях начального и среднего профессионального образования РС (Я), прошедших обучение по курсу «Якутский язык», чел.*

Учебное заведение	Учебный год			Итого
	2006/07	2015/16	2017/18	
Колледж связи и энергетики им. П.И. Дуткина	—	167	147	314
Якутское художественное училище им. П.П. Романова	38	41	47	126
Намский техникум	25	25	25	75
Якутский автодорожный техникум	25	25	25	75
Якутская балетная школа им. А. и Н. Посельских	—	33	24	57
Якутский сельскохозяйственный техникум	—	276	157	433
Верхоянский многопрофильный лицей	—	—	36	36
Вилуйский педагогический колледж им. Н.Г. Чернышевского	258	235	276	769
Вилуйский техникум	—	18	101	119
Горно-геологический техникум	75	372	367	814
Нерюнгринский медицинский колледж	88	85	98	271
Намский педагогический колледж им. И.Е. Винокурова	—	—	70	70
Ленский технологический техникум (Пеледуйский филиал)	—	43	50	93
Покровский колледж	—	100	75	175
Техникум-интернат профессиональной и медико-социальной реабилитации инвалидов	110	110	110	330
Светлинский индустриальный техникум	—	149	145	294
Усть-Алданский техникум	—	75	25	100
Чурапчинский колледж	—	95	90	185
Якутский коммунально-строительный техникум	—	168	125	293
Якутский промышленный техникум им. Т.Г. Десяткина	—	25	75	100
Финансово-экономический колледж им. И.И. Фадеева	—	30	236	266
Южно-Якутский технологический колледж	—	307	347	654
Региональный технический колледж в г. Мирном	—	218	333	551
Всего...	619	2597	2984	6200

* Составлено по материалам Института развития профессионального образования РС (Я), предоставленным автору для проведения исследования.

ния начального и среднего профессионального образования РС (Я) были обеспечены примерными программами по учебной дисциплине «Якутский язык» (для владеющих и не владеющих языком). Программы разработаны преподавателями кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ (ИЯКН СВ РФ) СВФУ им. М.К. Аммосова, утверждены Учебно-методическим советом СВФУ им. М.К. Аммосова (протокол № 24 от 28.09.2012 г.).

Становление этнокультурного компонента в сфере среднего профессионального образования является необходимой ступенью в обеспечении непрерывности этнокультурного компонента в общей системе образования РС (Я). Например, в Якутском колледже технологии и дизайна для студентов I курса обязательны 32 часа общеобразовательной дисциплины «Якутский язык и литература», также в качестве регионального компонента читается курс «Национальная культура народов Якутии», «Русский язык и культура речи» и «Русская литература».

Преподавание в вузах республики ведется на русском языке. Изучение якутского языка как компонента государственного двуязычия как на языковых, так и на неязыковых факультетах институтов СВФУ им. М.К. Аммосова осуществляется по выбору, т.е. методом элективных курсов. В 1996 г. во всех подразделениях университета был введен курс якутского языка как дисциплина национально-регионального компонента образования. Охват студентов предметом представлен в табл. 2.11.

Преподавание дисциплины «Якутский язык» ведется по трем уровням: для выпускников якутских школ, для недостаточно владеющих и для не владеющих языком. Разговорный якутский язык преподается на третьем уровне для иноязычных студентов, первый учебно-методический комплекс по элективному курсу якутского языка для которых разработан профессором Т.И. Петровой.

Если учесть, что в университете обучается 13 тыс. студентов очной формы, получается, что предметом «Якутский язык» либо «Разговорный якутский язык» охвачено всего 10 % студентов дневной формы обучения. Стабильное количество студентов в профильном институте поддерживается за счет обучающихся новым специальностям. Данные по подразделениям Северо-Восточного федерального университета показывают различное отношение к значимости включения государственного якутского языка в учебные программы вуза (табл. 2.12).

Таблица 2.11

Численность студентов СВФУ им. М.К. Аммосова, прошедших обучение по предмету «Якутский язык», чел.*

Учебный год	ИЯКН СВ РФ	Остальные подразделения университета
2007/08	399	1989
2008/09	385	1934
2009/10	363	2056
2010/11	310	1962
2011/12	268	1673
2012/13	268	1600
2013/14	248	1350
2014/15	262	1099
2015/16	244	1287
2016/17	272	1409

* Составлено по материалам Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, предоставленным автору для проведения исследования.

Таблица 2.12

Объем изучения предмета «Якутский язык» в различных подразделениях СВФУ им. М.К. Аммосова, количество часов/студентов*

Подразделение	Учебный год					Итого за рассматриваемый период
	2008/09	2009/10	2010/11	2011/12	2012/13	
ИМИ	394/111	225/87	273/104	686/229	693/240	2271/771
ФЛФ	117/33	132/100	169/116	56/24	419/90	893/363
ИТФ	294/150	289/133	147/228	695/419	618/320	2043/1250
ФТИ	88/50	495/238	691/314	565/139	306/60	2145/801
ЮФ	258/68	215/70	203/97	135/60	132/63	943/358
ИФКиС	480/189	311/190	301/144	577/120	741/119	2410/762
БГФ	566/178	771/272	667/198	909/156	669/147	3582/951
ИП	108/65	101/48	98/34	—	273/75	580/222
ПИ	859/323	877/227	771/186	1038/163	1104/269	4649/1168
АДФ	119/31	208/52	227/75	238/69	40/10	832/237
ФЭИ	1240/261	1440/251	1261/133	580/68	231/48	4752/761
МИ	405/209	547/232	528/291	190/125	282/99	1952/956
ИФ	219/213	120/72	117/61	234/30	243/24	933/400
ИЗФиР	—	156/54	158/60	395/106	457/118	1166/338
ГРФ	—	126/50	126/50	—	—	252/100
ГФ	—	249/110	126/50	—	—	375/160
Всего...	5147/1881	6262/2186	5863/2141	6298/1708	6208/1682	29 778/9598

* Составлено по материалам Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, предоставленным автору для проведения исследования.

В Якутском институте водного транспорта на I курсе на всех отделениях преподаются предметы «Родной язык» и «Русский язык» 1 час в неделю. В Якутской государственной сельскохозяйственной академии, Арктическом государственном институте культуры и искусств (АГИКИ), Чурапчинском государственном институте физической культуры и спорта (ЧГИФКиС) якутский язык как государственный язык республики не изучается. В ЧГИФКиС и АГИКИ преподаются предметы, содержащие этнокультурный компонент, например «Этнопедагогика народа саха», «Арктическое регионоведение». В Политехническом институте (филиале) СВФУ им. М.К. Аммосова в г. Мирном на специальности «Филология» с 2017 г. преподаются «История якутского языкознания» и «История Якутии и Северо-Востока России» [Иванова, 2019б, с. 183]. В целом в вузах республики практика изучения якутского языка студентами различна. Таким образом, институциональные основы непрерывного образовательного процесса в РС (Я) заложены, однако практика их внедрения неравномерна и связана с проблемами законодательного характера.

Упразднение национально-регионального компонента в 2007 г., принятие единых федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) в системе общего образования, квалификационные экзамены на русском языке сокращают использование якутского языка в сфере образования. Преподавание региональных языков относится к добровольной (вариативной) части образовательной программы. Родители как представители интересов учащихся вправе выбирать один из нескольких вариантов учебного плана как с якутским государственным языком, так и без него.

Последние изменения в законодательстве о языках народов РФ в сфере образования (поправки к ФЗ № 273 «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 г., суть которых заключается во введении принципа добровольности в изучении государственных языков республик РФ) противоречат принципу свободного выбора языка обучения, установленного ст. 26 (ч. 2) гл. II «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ.

Последствия данного новшества могут стать своего рода очередным испытанием для молодых представителей современных саха, поскольку действующим законодательством ответственность за выбор языка обучения возлагается на родителей. В корпусе национального законодательства важнейшими для обеспечения прав малых народов являются Конституция РФ, законы «О языках народов РФ» и «Об образовании в РФ» и «Стратегия государственной национальной политики». Много дискуссий вызывает в научных и общественных кругах России Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, которая имеет ресурсы, чтобы урегулировать многие проблемные зоны в софункционировании разностатусных языков. В данное время Хартия подписана, но не ратифицирована РФ, обоснованием чего служит достаточность уже имеющихся законодательных и правоприменительных гарантий.

В настоящий момент очевидно, что обеспечение языковых прав личности доминирует над языковыми правами народа. В контексте российского законодательства в образовательной политике соотношение указанных прав приводит к ущемлению прав народа, предоставляя «добровольное» право на выбор языка образования. Сегодня родители поставлены перед дилеммой, о которой пишет И.И. Скачкова, приводя в качестве аргумента текст «Доклада о развитии человека», основополагающего юридического документа, который защищает языковые права личности и соблюдается во всех цивилизованных странах мира: «Нет более мощного средства, способствующего ассимиляции личности в доминирующую культуру, чем экономические, социальные и политические условия, в которых вынужден

существовать материнский язык этой личности. Такая ассимиляция не является свободой выбора, если приходится выбирать между материнским языком и будущим человека» (цит. по [Скачкова, 2015, с. 152]). В то же время унифицирующие, стандартизирующие процессы глобализации, ускоряя дезэтнизацию немногочисленного народа, исчисляющегося менее чем 500 тыс. носителей и имеющего статус «уязвимого» по классификации ЮНЕСКО, стали реальной угрозой для сохранения этносов.

Финансовое обеспечение обучения на родных языках (издания и экспертизы учебников) вызывает вопросы. Так, согласно Сведениям о распределении учреждений, реализующих программы общего образования, и обучающихся по языку обучения и изучению родного (нерусского) языка, в 2015/16 уч. г. в РФ 90,5 % школ осуществляли обучение на русском языке, 4,4 % практиковали смешанное обучение (модели 2, 3) и лишь 5,1 % школ обучали детей на их родных (нерусских) языках [Сведения о распределении..., электронный ресурс]. Несоотнесенность данных величин очевидна — лишь 9,5 % школ нуждаются в финансовом обеспечении этнокультурного образования. Дальнейшее их численное сокращение, унифицирующее систему образования, равнозначно осознанному курсу на снижение уровня языкового многообразия. Таким образом, «непоследовательность государственной образовательной политики в обеспечении конституционного права обучения на родном языке» [Иванова, 2019б, с. 185] можно выделить в качестве одного из сдерживающих факторов этноязыкового развития системы образования.

Другая проблема связана с инфраструктурным обеспечением: «строительством новых школ, необходимых в условиях активного роста рождаемости и продолжающихся внутриреспубликанских миграций» [Иванова, 2017, с. 89–90]. В докладе руководителя Управления образования Окружной администрации г. Якутска В.В. Петрова на депутатских слушаниях «О мерах по увеличению мест и переводу школ г. Якутска на односменность обучения», состоявшихся 16.02.2017 г. по инициативе Якутской городской думы, была озвучена информация о том, что за последние 10 лет население Якутска увеличилось на 20 %, численность школьников — на 23,7 %. Значительно вырос приток миграции в столицу Якутии из улусов за три кризисных года. Каждый год увеличивается и количество первоклассников. Судя по статистике рождаемости, такая тенденция сохранится, следовательно, дисбаланс усилится. Из 50 муниципальных общеобразовательных учреждений 47 работают в две смены, лишь 3 — в одну. Средняя наполняемость классов — 30–42 чел., что не отвечает требованиям СанПин. Установлено превышение нормы на

56 %. Обращая внимание на данные по строительству школ, он отметил, что основное строительство шло в 1970-е, 1990-е и 2000-е годы, а с 2010 по 2017 г. построено лишь две школы [Иванова, 2017, с. 90]. Н. Борисова, заместитель руководителя Управления Роспотребнадзора по РС (Я), отмечает: «В целом переполнены 37 школ, нормативы соблюдаются лишь в 8, сверхнаполняемость отмечена в 30 школах города. В перспективе до 2020 г. критическая наполняемость будет наблюдаться в 84 % школ. Необходимо принимать срочные меры по строительству новых школ» [В школах Якутска..., электронный ресурс]. Следовательно, значительный недостаток школьных помещений также влияет на возможность открытия новых классов, в том числе с якутским языком обучения.

Таким образом, государственные итоговые работы в виде ОГЭ, ЕГЭ, ВПР, ориентирующие на лучшее знание русского языка в контексте доступности высшего и среднего образования; слабое инфраструктурное обеспечение школьными помещениями и в целом непоследовательность государственной образовательной политики в обеспечении конституционного права обучения на родном (этническом) языке признаются сдерживающими факторами в расширении использования якутского языка в сфере образования в г. Якутске.

Для исследователей серьезную сложность представляет недостаточность аналитических материалов в сфере образования: сегодня она одна из закрытых институциональных систем, что препятствует формированию системы рейтинга образовательных учреждений. Недоступность итогов ОГЭ, ЕГЭ и ВПР также снижает аналитическую составляющую объективной картины языковой ситуации в сфере образования. Анализ субъективных факторов речевого поведения саха в выборе языка общения, выявляемых в языковых установках, предпочтениях, ориентациях, в том числе в сфере образования, и влияния языкового законодательства РФ на функционирование государственных языков в регионах представлен в гл. 4.

2.3. Функциональная дистрибуция якутского и русского языков в республиканских массмедиа

Перспективы современного социокультурного развития в субъектах РФ во многом связаны со становлением равнодоступного информационного пространства, обеспечивающего условия для полноценного функционирования всех языков. В ответ на глобализирующие вызовы в дву- и многоязычном обществе региональные СМИ должны способствовать развитию и укреплению этнического

самосознания, выполнению языками народов России их коммуникативной, информативной, когнитивной, аккумулятивной, этноконсолидирующей и др. функций. Миссия этнических массмедиа заключается в отображении полной картины жизни общества, формировании информационно-языковой культуры, сохранении этнокультурных традиций, культуры речи и, безусловно, межэтнического согласия.

В данной части нашего исследования будет представлена социолингвистическая трактовка проблем функционирования языков в области массмедиа. Учеными выявлена детерминированность уровня двуязычия степенью включенности аудитории в действие сферы телевидения и радио [Трескова, 1983, 1989б; Федотова, 1992], что послужило для нас основным принципом изложения материала.

Медиапространство в РС (Я) — это сложная развивающаяся система. Так, если в 1992 г. на территории республики было зарегистрировано 95 СМИ, 70 из которых вещали на двух языках (русском и якутском), то по состоянию на февраль 2005 г. — «261 средство массовой информации, в том числе 87 электронных, 174 печатных <...>. В ведомственном подчинении Департамента по делам печати и телерадиовещания Республики Саха (Якутия) находятся 6 республиканских газет, 4 журнала, 34 улусные (городские) газеты, НВК «Саха», имеющая филиалы в большинстве улусов. В 2001 г. на территории Якутии через 795 спутниковых станций транслировались четыре российские и республиканские программы ТВ» [Иванова, 2011, с. 23], передачи НВК «Саха» имели возможность смотреть 79,6% жителей РС (Я).

В 2006 г. наблюдалась положительная динамика в возможностях потребления якутянами продукции НВК «Саха» (99,8 %), хотя в некоторых улусах техническое качество транслируемых передач вызывает нарекания со стороны населения. В каждом районе открыты студии ТВ, передачи которых регулярно транслируются на всю республику. Телевещание ведется на шести языках народов РС (Я), основными из которых являются русский и якутский. Также транслируются программы на языках коренных малочисленных народов Севера (КМНС). В 2012 г. у НВК «Саха» были «собственные программирование и производство в объеме 6 часов ежедневно, в том числе в г. Якутске в объеме 24 часов (с сетевым партнером «Звезда»), на кабельном канале — 16 часов и на остальной территории Республики Саха (Якутия) — 12 часов. НВК «Саха» ориентирована на создание собственных проектов по информационному, общественно-политическому, социально-экономическому, культурно-духов-

ному, образовательно-просветительскому, детскому направлениям» [Андросов, 2012, с. 5–6].

Функциональная дистрибуция языков в региональных массмедиа всегда находится в фокусе интересов социолингвистов, поскольку вопросы баланса языков в этой сфере волнуют потребителей. Модернизация регионального телевидения, в том числе поэтапный переход на цифровое вещание, освоение новых сред вещания, таких как кабельное и спутниковое ТВ, IP TV, увеличение количества «малых каналов», формирует его специализацию, что приводит к растущей сегментации и индивидуализации потребления телепродукции. Таким образом, развитие СМИ, несомненно, отражается на рейтинге просмотров местных программ и функциональной дистрибуции языков. Например, опросы 2001 и 2008 гг. показали резкое снижение интереса к ТВ-передачам на якутском языке. Здесь наряду с влиянием внешнего фактора (бурное развитие информационно-коммуникационных технологий) имеет место воздействие внутреннего фактора — ограниченность предлагаемого ассортимента, что не соответствует уровню спроса современного зрителя.

В 2005 г. языковое соотношение теле- и радиопередач НВК «Саха», единственного республиканского канала, характеризовалось несбалансированностью, однако меньшей, чем в 1980–1990-е годы, степени. «Общественное лицо» республиканских СМИ обрело современный, прогрессивный вид. Экстенсивные показатели объемов государственного двуязычия свидетельствуют о равном тематическом распределении обоих государственных языков в электронных СМИ при распространении социальной информации (с небольшим преобладанием русского языка). Якутский язык имеет достаточно высокую социальную значимость.

С 1990 по 2005 г. наблюдается увеличение передач на якутском языке. Кроме того, расширилось их тематическое разнообразие, вниманию зрителей и слушателей стали предлагаться удачные проекты на национальных языках. Однако с 2006 г. зафиксировано незначительное сокращение объема информации и количества передач [Иванова, 2011, с. 197].

Языковое соотношение в программах НВК «Саха» в разные годы можно проследить по табл. 2.13.

В целом время трансляции телепередач с 1985 по 2006 г. значительно увеличилось, в том числе программ на якутском языке в 2,5 раза, на русском — в 2,7. «Если в 1985 г. передачи на русском языке на 57 % состояли из передач российского производства (в основном за счет художественных, документальных, мультипликационных фильмов), то к 2001 г. эфирное время якутского телевидения на рус-

Таблица 2.13

Соотношение языков в телепередачах НВК «Саха», %*

Год	Якутский язык	Русский язык	Языки КМНС
1985	43	56	—
1990	35	64	1
1995	51	49	—
2001	41	58	1
2005	44,9	54	1
2006	40,8	56,5	2,6
2008	52,7	45,6	1,5
2015			
В том числе:			
НВК «Саха»	76,3	21,5	2
«Саха 24»	35,2	63,6	1

* Подсчитано автором по анонсам программ передач на неделю.

ском языке полностью принадлежит передачам местного производства. С 1992 г. местные передачи стали выходить в эфир в субботу и воскресенье» [Иванова, 2011, с. 25].

До 2008 г. на республиканском телевидении чаще транслировались передачи на русском языке, в 2008 г. преобладал якутский язык. Кроме того, с 2001 г. в эфир стали выпускаться двуязычные программы («Добрый вечер, Якутск!», «7 дней столицы», «Педагогическая дума», «Сүбэҕин холбоо» и др.), в которых язык ведения чередуется, т.е. оба язы-

ка софункционируют в рамках одного тематического направления.

Подобная практика снимает многие вопросы зрителя, остро реагирующего на диспропорцию (явную или мнимую) языков в эфире. Согласно новой концепции вещания НВК «Саха», с учетом пожеланий зрителей о языке потребления региональной информации созданы русско- («Саха 24») и якутоязычный (НВК «Саха») контенты на двух каналах. Языки КМНС представлены в передачах студии «Геван», которые выпускаются на четырех языках: русском, якутском, эвенском и эвенкийском, при этом время вещания на эвенском и эвенкийском языках составляет 2,6 %, что в 2 раза превышает показатели 1990-х годов (1 %).

«Тематическое содержание радио- и телепередач на компонентах двуязычия НВК «Саха» по состоянию на февраль 2001 г. определялось в соответствии с информационной, общественно-политической, литературно-художественной специализацией данного государственного учреждения: на якутском языке по шести тематическим редакциям создавалось 15 телепередач, на русском — по семи редакциям 22 телепередачи. На радио по восьми редакциям велось 24 передачи на якутском языке, 36 передач на русском, т.е. в приблизительно равном количестве направлений вещания на русском языке наблюдалось большее разнообразие передач» [Там же, с. 25–26].

«К 2005 г. существенно увеличилось время, тематическое разнообразие и количество передач вещания. По данным ГУ НВК «Саха» РС (Я), в 2005 г. создается 47 телепередач по десяти направлениям,

Таблица 2.14

Языковое соотношение по ТВ-передачам НВК «Саха» в 2005 г.*

Язык	Кол-во передач на данном языке/языках, ед.	Примечания
Якутский	14	—
Русский	26	—
Якутский и русский	6	В том числе в улусных студиях: 75 % — на якутском языке, 25 % — на русском
Русский и английский	1	—
Эвенский и эвенкийский	1	—

* Подсчитано автором по анонсам программ передач на неделю.

в которых коммерческие проекты и заказные программы (бесплатные) составляют 17 %, информационные — 14, развлекательные — 9, культурно-просветительские — 8, прямые эфиры — 8, политические — 7, детские — 6, социально-экономические — 4, о здоровом образе жизни — 4, молодежные — 2 %» [Иванова, 2011, с. 26]. Языковое соотношение по телепередачам НВК «Саха» в 2005 г. представлено в табл. 2.14.

Социолингвистическая характеристика республиканского радио имеет определенные особенности. В 2005 г. НВК «Саха» создавалось 86 радиопередач по 11 редакциям, в 2006 г. — 72 радиопередачи. «Их языковое соотношение следующее: 40 % вышло на русском языке, 55 % — на якутском языке, 5 % — на языках малочисленных народов Севера. Можно отметить некоторое увеличение объема передач на языках малочисленных народов Севера — с 1 % в 1990-е годы до 2,6 % в 2005 г.» [Там же, с. 27]. При этом продукция республиканских частных, коммерческих каналов в указанный период характеризовалась вещанием лишь на русском языке, тематическую направленность которого можно обозначить как рекламную и информационную с незначительной долей социальной информации.

«В 2008 г. за счет количественного и качественного развития радиовещания в Якутии удовлетворен спрос в потреблении продукции на обоих государственных языках, о чем высказывалось большинство респондентов — представителей различных этнических групп, сосуществующих в республике» [Там же, с. 37]. Как отмечалось выше, данные пожелания потребителей были учтены в новой концепции вещания.

Установка на билингвизм отражается в языковых предпочтениях респондентов, которые, в свою очередь, детерминированы возрастом. Например, зрители активного трудоспособного возраста ориен-

тированы на информацию фундаментального, оперативного характера (в том числе социально-профессионального), которая чаще поступает на русском языке. Однако существенна и этническая функция массмедиа: даже среди якутов с двойственной языковой идентичностью довольно велик процент тех, кто по завершении активного трудового периода больше ориентируется на СМИ на якутском языке. СМИ и языковое самосознание развиваются по разным законам бытия, но во многом детерминированы друг другом.

Сопоставление содержания радио- и телепередач на компонентах двуязычия в 2001 и 2005 гг. показало, что тематические направления на телевидении сместились в сторону коммерческих, заказных проектов, интерактивных передач, на радио — в сторону аналитических, литературных, детских, молодежных, информационно-познавательных и экономико-правовых программ. Кроме того, на радио возросла доля двуязычных передач (например, в 2005 г. по всем тематическим направлениям передачи велись на двух языках) [Иванова, 2011, с. 27].

В 2016 г. на территории РС (Я) было зарегистрировано 290 средств массовой информации (для сравнения в 2005 г. — 261), в том числе 202 печатных периодических издания (в 2005 г. — 174). Охват телевидением незначительно расширился — с 99,5 до 99,6 %. В целом с учетом единиц государственного, частного, корпоративного сегмента издается 73 журнала, 2 альманаха, 1 бюллетень и 4 сборника; работает 4 электронных периодических издания, 7 информационных агентств. Представлены издания на всех языках республики, в том числе русском, якутском и языках коренных малочисленных народов Севера. На русском языке печатаются правительственная газета «Якутия», парламентская газета «Ил Түмэн» (на русском и якутском языках), социальные издания «Юность Севера», «Забота — Арчы» (6 страниц из 12), «Полярная звезда», «Колокольчик»; на якутском — республиканские государственные издания «Саха сирэ», «Кэскил», «Учуутал аргыһа», «Ил Түмэн», газеты «Забота — Арчы» (6 страниц из 12), журналы «Чолбон», «Далбар Хотун», приложение «Чуораанчык» к журналу «Колокольчик». Из 34 улусных газет только на якутском языке выходят 16 изданий, остальные — параллельно на якутском и русском языках или только на русском. Среди многочисленных частных и корпоративных изданий, представляющих негосударственный сектор периодики, на якутском языке выпускаются газеты «Кыым», «Киин куорат», «Хатан» и «Орто дойду».

Охват населения телевизионным вещанием НВК «Саха» составляет 99,6 %, радиовещанием — 99,7 %. Объем телевидения достигает 16 часов; радиовещания — 18 часов, из них 10 часов занимают пе-

редачи собственного производства компании. Контент продукции компании представлен программами на государственных и официальных языках республики в следующих языковых соотношениях: русский (государственный язык РФ и РС (Я)) — 50 %, якутский (государственный язык РС (Я)) и языки коренных народов Севера (эвенский, эвенкийский, юкагирский) — 50 % [Информация Министерства связи и информационных технологий РС (Я), ПМА].

«По данным Министерства инноваций, цифрового развития и инфокоммуникационных технологий РС (Я), на 18 декабря 2018 г. на территории РС (Я) зарегистрировано 223 СМИ, в том числе 148 печатных СМИ, куда входят 97 газет, 51 журнал. На якутском языке издается 9 республиканских и городских газет, в том числе 4 государственных. Из 34 улусных (районных) газет 22 выходят на якутском языке, 7 — параллельно на русском и якутском языках, на русском языке — 12» [Иванова, 2019в, с. 103]. Из официальных источников видим, что в Якутии сократилось разнообразие медиапродуктов, но в то же время количество государственных изданий и их языковое соотношение относительно стабильны. НВК «Саха», являющаяся крупнейшим медиаресурсом республики, «на якутском языке выпускает 67 % телепередач, 87,5 % радиопередач, на канале “Якутия 24” — 14 %. На языках коренных малочисленных народов Севера выпускается 2 % передач. Возрастание объема телевидения на якутском языке объясняется дивергенцией контента — открытием нового информационного русскоязычного телеканала “Якутия 24”, рассчитанного на аудиторию городов Якутск, Алдан, Ленск, Мирный и Нерюнгри, а также на абонентов спутникового и кабельного ТВ. Таким образом, расширился выбор как для якутоязычных потребителей г. Якутска и улусов республики, так и для ориентированной на русскоязычную продукцию аудитории г. Якутска и промышленных районов республики» [Там же]. О наличии высокой степени двуязычности при включенности в сферы радио и телевидения мы отмечали и ранее. При этом примечательно то, что актуальна двуязычная информация местного характера.

«В целом национальные массмедиа имеют свою аудиторию, что связано, безусловно, с ростом показателей этнической идентичности и языковой компетенции, но в последние годы разнообразие более доступных новых информационно-коммуникативных технологий... переход на цифровое ТВ, не обеспечивающее равного доступа к просмотру национального телевидения в республике, снижение тиражей изданий дают отрицательную динамику в потреблении традиционных видов массмедиа, что также сокращает объем якутского компонента в двуязычном коммуникативном пространстве» [Там же].

Степень включенности аудитории в Интернет-ресурсы можно продемонстрировать данными опроса сотрудников группы компаний «Синет», проведенного в мае 2018 г. Так, в Якутске доля пользователей Интернета составляла 71,6 % от всего населения города, при этом 45 % информантов отметили Интернет-источник как один из каналов получения новостей, в том числе доля аудитории портала Ykt.Ru среди всех пользователей Интернета в столице республики составила 83,5 % [В якутском Интернете..., электронный ресурс]. Таким образом, наблюдается массовый переход аудитории к Интернет-ресурсам.

Этнические массмедиа как социокультурный институт выполняют важную этносоциальную функцию в жизни этнического сообщества, распространяющуюся и вне информационного пространства. Они должны обеспечивать сохранение и развитие языка, культуры, соответственно, и самого этноса, удовлетворение его духовных запросов, взаимодействие с другими народами и мировым сообществом. Важными составляющими их содержания являются консолидация народа, формирование этнического самосознания у молодежи, в том числе навыков исторического, этнического мышления, поддержка этнической идентичности, пропаганда ценностей, традиций, символов, истории и культуры, образа жизни народа в условиях меняющейся социокультурной реальности. «Максимальное применение языка в сфере СМИ означает расширение его общественных функций, что в свою очередь стимулирует его внутривидовое развитие: лексического состава якутского языка путем калькирования, перевода новых понятий (*телеверсияҕа, интерактивнай конкурс, сүүйүүлээх оонньуу* (игровой бизнес), *көрүү-күрэх* (конкурс), *аһымал концерт-акция* (благотворительный концерт), *этнобөлөх* (этногруппа)» [Иванова, 2011, с. 27].

Сегодня в республике актуальной задачей стал поиск путей повышения эффективности этнических массмедиа, этнической журналистики, способных противостоять унифицирующему, стандартизирующему воздействию глобализирующих процессов.

2.4. Этносоциальная функция якутского языка в сфере семейного общения

Семья как исходная точка социальной мобильности человека является фундаментом его социализации, играет немаловажную роль в развитии и функционировании языка того или иного этноса. Принимая во внимание общую позитивную тенденцию в повыше-

нии показателей этноязыковой идентичности и владения якутским языком, а также тенденцию к ослаблению значимости этноязыковой идентичности и снижению уровня владения русским языком, выявленную у молодежи в ходе нашего исследования, полагаем, что данные изменения отразились в той или иной мере и на речевом поведении респондентов в семейном общении (табл. 2.15).

Лишь в общении с детьми вторую позицию после родного языка занимает смешанное общение (в равной мере на якутском и русском языках — 21,4 %), в остальных коммуникативных ситуациях употребляется преимущественно якутский язык, при этом доля русского языка совсем незначительна — 8,8 %. Следовательно, объем смешанной речи достаточно велик, и чаще всего такая речь используется старшими членами семьи. Аргументом служат наблюдения, экспертные оценки и тот факт, что русский язык имеет положительную динамику лишь в общении с родителями. Ввиду того что основную часть наших респондентов составляют студенты и городская молодежь 17–25 лет, то возраст их родителей колеблется в пределах 45–55 лет. В целом можно отметить, что в исследуемый период семейное

Таблица 2.15

Языки семейного общения в динамике (г. Якутск), %

Ситуация общения	Язык	2007 г.	2014 г.
С детьми	Якутский	43,1	39,7
	Преимущественно якутский	12,1	19,7
	Русский	22,8	8,8
	Преимущественно русский	6	10,5
	В равной мере якутский и русский	16	21,3
С супругом (супругой)	Якутский	51,5	54,5
	Преимущественно якутский	10,9	13,7
	Русский	23,4	9,2
	Преимущественно русский	6	7,9
	В равной мере якутский и русский	8,2	14,7
С родителями	Якутский	69,2	58,5
	Преимущественно якутский	8,3	17,9
	Русский	13,1	4,4
	Преимущественно русский	2,2	5,5
	В равной мере якутский и русский	7,2	13,7
С бабушкой, дедушкой	Якутский	75,4	70,8
	Преимущественно якутский	9,3	15,3
	Русский	9,7	4,6
	Преимущественно русский	0,4	2,7
	В равной мере якутский и русский	5,2	6,6

Таблица 2.16

**Распределение языков в семейном общении в зависимости от возраста респондентов
(г. Якутск, 2014 г.), %**

Язык	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	старше 50
Русский	6,3	8,2	3,6	4,4
Якутский	53,9	49,5	45,5	44,1
Преимущественно русский	8,4	9,3	10,9	8,8
Преимущественно якутский	19,4	19,6	17,3	20,6
В равной мере русский и якутский	12	13,4	22,7	22,1

общение на родном языке в условиях г. Якутска становится актуальным для якутов (табл. 2.16).

Якутская языковая компетенция повышается за счет саха — участников сельско-городской миграции, являющихся носителями с высоким уровнем владения родным языком. Среди молодежи стала значительней доля общения на якутском языке: в сумме 73,3 % молодых респондентов дома говорят только на якутском или преимущественно на якутском языке, 51,3 % общаются на якутском языке с друзьями (табл. 2.16).

Однако весьма значимо воздействие экстралингвистических факторов. Например, фактор проживания в сельской моноэтнической среде впервые дал отрицательную динамику развития — за 7 лет объем использования якутского языка в семье снизился приблизительно на 10 %, тогда как в городе незначительно, но повысился (табл. 2.17). Особую тревогу вызывает факт снижения объема общения с детьми на якутском языке на 10,3 %, в то же время в общении между супругами доля общения на родном языке сохраняется.

Нисходящий тренд использования родного языка в семейном общении среди сельских саха, во-первых, объясняется снижением

Таблица 2.17

Выбор якутского языка в качестве языка семейного общения в зависимости от урбанизированности респондентов, %*

Ситуация общения	Якутск		Село Чай	
	2007 г.	2014 г.	2007 г.	2014 г.
С детьми	55,2	59,4	97,3	87
С супругом (супругой)	62,5	68,2	96,4	97
С родителями	77,5	76,4	96,9	89,8
С бабушкой, дедушкой	84,7	86,1	100	89,6

* Ответы «Только на якутском языке» суммированы с вариантом ответа «Преимущественно на якутском языке».

этнической или языковой гомогенности населения, что, безусловно, значительно влияет на речевое поведение; во-вторых, обусловлен тем, что в настоящее время для дошкольников едва ли не основным фактором интеграции в современное коммуникативное пространство выступают массмедиа, новейшие гаджеты, транслирующие мультфильмы, детский развлекательный контент на русском языке. При этом в семьях сокращается продолжительность общения с детьми. Для школьников и их родителей высока мотивация успешной русскоязычной социализации детей (сдача ЕГЭ, поступление в учебные заведения, интеграция в русскоязычный социум).

Распределение языков в семейном общении городских саха зависит от времени проживания в городе и установок социализации (табл. 2.18). В их среде в семейном общении в целом преобладает якутский язык, но при этом установлена следующая дифференциация: если коренные горожане говорят на русском языке, то среди саха — участников сельско-городской миграции прослеживается вариативность речевого поведения: они приезжают в город с родным языком, но в период адаптации к городским условиям доля его использования незначительно сокращается, а по прошествии примерно 10 лет постепенно восстанавливается. Доля общения на русском языке также имеет прямую зависимость от продолжительности

Таблица 2.18

Дистрибуция якутского и русского языков в семейном общении саха в зависимости от продолжительности их проживания в городе (г. Якутск, 2014 г.), %

Язык	Ситуации общения	Родившиеся в Якутске	Прибывшие в Якутск		
			1–3 года назад	4–10 лет назад	более 10 лет назад
Якутский	С родителями	9,4	19,1	17,2	46,4
	С супругом (супругой)	10,1	7,5	15,7	59,1
	С детьми	8,6	23,9	17,8	43,6
Преимущественно якутский	С родителями	27,2	18,5	14,8	18,5
	С супругом (супругой)	12,5	7,5	10	47,5
	С детьми	24,1	11,4	11,4	40,5
Русский	С родителями	85	0	0	5
	С супругом (супругой)	51,9	3,7	11,1	29,6
	С детьми	63,9	2,8	5,6	16,7
Преимущественно русский	С родителями	76	4	0	8
	С супругом (супругой)	43,5	0	8,7	30,4
	С детьми	39	4,9	7,3	29,3
В равной мере якутский и русский	С родителями	27,9	9,8	9,8	36,1
	С супругом (супругой)	31	2,4	11,9	38,1
	С детьми	19,5	4,6	12,6	48,3

проживания в условиях города — чем дольше саха проживает в городе, тем больше русского языка в его языковой компетенции, но при этом объем русского языка намного меньше: в ходе опроса об общении только на русском языке заявили от 2,8 до 16,7 % респондентов, преимущественно на русском — от 4,9 до 29,3 %.

Наиболее значимыми факторами в семейном общении выступает факт проживания в городе с рождения и продолжительность жизни в городе выходца из села. В первом случае общение чаще происходит на русском языке, во втором — на родном (якутском) языке. Коренные горожане больше используют смешанные варианты общения в семье: они чаще выбирали варианты ответов «Преимущественно на якутском языке» и «В равной мере на обоих языках».

Наши наблюдения за общением бабушки (дедушки) с внуком (внучкой) в условиях городской коммуникации в общественных местах свидетельствуют о преобладании (не всегда корректном) русского языка, что подтвердили также ответы экспертов. Специфика городской коммуникации, устоявшийся с советских времен стереотип общения, уровень образованности, социальный статус выделены экспертами в качестве основных факторов, определяющих сложившуюся ситуацию. Причем подчеркивается, что современная «интеллигенция (в отличие, кстати, от интеллигенции XX в.) старается привить родной язык. Если бабушка или дедушка из той, “советской”, среды — общение с внуками происходит преимущественно на русском, если же речь идет о более молодом поколении бабушек — общение скорее всего происходит на родном» [Иванова, 2017, с. 66]. Данная тенденция расценивается нами как оптимальная адаптивная стратегия для сельско-городских мигрантов, необходимая для успешной социальной интеграции в городе посредством языка.

Экспертное мнение относительно перспектив использования родного языка в семейном общении разделилось в соответствии с оценкой, с одной стороны, влияния устойчивости этнического фактора (высокое национальное самосознание сегодняшних родителей — «детей концепции»²), с другой — воздействия усиливающихся

² Речь идет о «Концепции обновления и развития национальной школы», подготовленной и реализованной под руководством министра образования РС (Я) Е.П. Жиркова в 1992 г. Данная концепция стала пионером в разработке и внедрении национально-регионального компонента в систему образования, в результате которого началось формирование нового поколения коренного населения на духовных и нравственно-этических ценностях своего народа, приобщение подрастающего поколения к национальной культуре, родному языку и истории, воспитание культуры межнациональных отношений.

внешних политических факторов (усиление позиций русского языка в образовательной политике, интернетизация).

В целом, по сравнению с данными опроса 2007 г., объем использования родного языка в общении с родителями незначительно сократился. Однако выбор русского языка старшим поколением горожан в межпоколенном общении, отмеченный и в исследованиях 2007–2008 гг. [Иванова, 2013], констатирует факт его устойчивости, что может привести к прекращению ретрансляции этнической культуры, в том числе языка. Дети, не овладевшие языком своих родителей в активной форме, перестают ретранслировать этническую культуру последующему поколению. Поэтому сегодня миссия старшего поколения в воспроизводстве этнического языка как поколения, обладающего наиболее высокой языковой компетенцией в родном языке и имеющего значительные этнические ресурсы, чрезвычайно высока и ответственна.

Анализ материала показал существование умеренной тенденции к постепенному переходу в семейном общении на якутский язык, чему способствовали миграционные потоки из моноэтнических якутских сел. Косвенным подтверждением может служить и факт преобладания традиционных ценностей в современном якутском обществе, якутских семьях, выступающих хранителями национальных традиций, оплотом духовной жизни народа и служащих естественной средой передачи культурной памяти будущим поколениям. В ряде исследований, проводившихся среди населения республики [Сукнева, 2016], подтверждается, что в рейтинге жизненных ценностей респондентов преобладают личная жизнь, семья и дети: из 640 якуток в возрасте от 18 до 49 лет, принявших участие в опросе, 83 % свое жизненное благополучие связывают именно с семьей и детьми [Республика Саха (Якутия)..., 2014].

Однако, как отмечает якутский социолог И.И. Подойницына, рассматривая важность семьи как транслятора национальной культуры, при значимой доле признания роли семьи в сохранении традиционной культуры на более конкретный вопрос «Что позитивного, на Ваш взгляд, несут брак и семья?» лишь 19 % ответили, что в семье сохраняются национальные традиции, и всего 7 % подчеркнули, что в ней формируется национальная идентичность [2012, с. 175]. Разделяя мнение И.И. Подойницыной, можем предположить диффузность этнической идентичности в семьях молодых саха.

Основными детерминирующими факторами выбора языка общения в семье выступают: 1) возраст; 2) устоявшиеся среди старшего поколения стереотипы относительно иерархического распреде-

ления языков, следуя которым в общественных местах общение должно происходить только на русском языке, дома — на родном; 3) степень урбанизированности, которая влияет на выбор языка двояким образом — факт рождения в городе предполагает общение на русском, а также на русском и якутском языках; увеличение продолжительности проживания в городе выходцев из села способствует налаживанию устойчивого внутрисемейного общения на родном языке посредством преодоления адаптационного «двуязычного» периода.

Этносоциальная функция якутского языка укрепляется в семейном общении, имеет перспективу развития вследствие продолжающихся миграционных потоков в городские поселения, представляя собой существенный фактор развития функций якутского языка в условиях города.

Задача научного осмысления влияния современных миграционных процессов на функционирование языков в городских пространствах с точки зрения социолингвистики актуализирует необходимость изучения семейной языковой политики. Как отмечает Э. Ланца, «семейная языковая политика — это новая область исследований, которая преодолевает разрыв между исследователями детского языка и исследованиями языковой политики в ее подходе к пониманию сохранения языка и сдвигов в многоязычных семьях и общинах» [Lanza, 2020, p. 121].

Объектом исследования другого ученого, проанализировавшего позиции по отношению к языковым практикам в семье, стали дети-подростки [Obojska, 2019]. В целом европейское научное сообщество использует множество методов в изучении воспроизводства языков, объекты исследования зарубежных специалистов также весьма разнообразны: начиная от предродовой языковой практики младенцев и заканчивая преимуществами многоязычного репертуара в противостоянии старческой деменции [Pot, 2018]. Различны исследовательские практики иностранных ученых и в изучении выбора родителями способов передачи определенных языков своим детям, ключевого элемента семейной языковой политики (FLP) в свете их динамичного языкового репертуара и биографического опыта, что способствует выявлению позиций родителей в отношении языкового репертуара их детей [Purkarthofer, 2019].

Применение указанного опыта может содействовать оптимальному решению проблем воспроизводства языка на региональном материале.

2.5. Этносоциальная функция якутского языка в повседневном (бытовом) и официальном общении

Как показывает социолингвистическая практика, становление нового языкового баланса в этнической структуре города не может не отражаться на семейно-бытовой и официальной коммуникации. Вслед за дистрибуцией языков в семейном общении рассмотрим особенности коммуникации в других ситуациях с градацией по степени официальности, а также их социальную детерминированность. В ходе исследования нами установлено, что в неофициальном бытовом общении в 2014 г., как и в 2007 г., преобладала тенденция к употреблению родного языка, что обусловлено этнодемографической составляющей.

В производственных отношениях, которые могут быть как официальными, так и полуофициальными характера, ресурсы якутского языка перекрывают параметр официальности, сокращая общение на русском языке и замещая его двуязычием, при этом незначительно, но объем якутского языка также возрастает. Однако учитывая, что увеличение доли общения на якутском языке в нашем случае складывается из суммы ответов «Только на якутском языке» и «Преимущественно на якутском языке», можно сделать вывод, что полученные цифры показывают большее влияние второго ответа на общее значение. Это вполне объяснимо, так как в условиях города в зависимости от ситуации общения и других экстралингвистических факторов (тематика разговора, степень знакомства, общность апперцепционной базы, языковая игра и т.д.) характерно частое переключение кода (табл. 2.19).

Таблица 2.19

Динамика дистрибуции языков в различных ситуациях общения, %

Ситуация общения	Язык	2007 г.	2014 г.	
		Якутск	Якутск	с. Чай
На работе	Якутский	23	27,4	95,1
	Русский	44,1	28,1	0
	В равной мере якутский и русский	19,2	31,2	4,9
	Язык обращения	13,7	13,3	0
С супругом (супругой)	Якутский	62,5	68,2	97
	Русский	29,3	17,1	3
	В равной мере якутский и русский	8,2	14,7	0
С друзьями	Якутский	45,1	50,1	82
	Русский	24,1	13,8	4
	В равной мере якутский и русский	22,2	24,5	10
	Язык обращения	8,6	11,6	4

Таблица 2.20

Динамика дистрибуции языков в общении на работе (г. Якутск), %

Язык	1980 г.	2008 г.	2014 г.
Якутский	5,3	23	27,4
Русский	45,6	44,1	28,1
Якутский и русский	49,1	32,9*	44,5*

* В сумме ответов «В равной мере на русском и якутском языках» и «На каком языке обратятся, на том и отвечаю».

объясняется этнодемографическим фактором и, безусловно, имеет прямую корреляцию с активными процессами сельско-городской миграции (табл. 2.20). Однако в производственных отношениях двуязычие как компонент урбанизационного феномена составляет основу коммуникативной стратегии (44,5 %).

Далее рассмотрим распределение языков в коммуникативной ситуации «На работе» в зависимости от возраста (табл. 2.21).

Действительно, в производственных отношениях преобладает двуязычие, но с большей долей якутского компонента. Поскольку большинство наших респондентов составляли студенты, возможно, что ситуацию «На работе» они идентифицировали с учебным процессом или написали то, как они представляют себе производственное общение. Поэтому у них в сумме довольно значим объем общения на русском языке — 35,5 %. Обнаруживается также детерминированность с возрастом респондента: чем он старше, тем активнее на работе использует якутский язык. Двуязычие преобладает у лиц 36–50 лет.

Таблица 2.21

Дистрибуция языков в общении на работе в зависимости от возраста респондентов (г. Якутск, 2014 г.), %

Язык	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	старше 50
Русский	22,5	13,4	7,3	7,4
Якутский	8,7	7,2	10,9	20,6
Преимущественно русский	13	17,5	13,6	13,2
Преимущественно якутский	13	21,7	14,6	19,1
В равной мере русский и якутский	27,5	29,9	40,9	25
Я посмотрю, что это за человек, на каком языке он говорит	15,3	10,3	12,7	14,7

Таблица 2.22

Дистрибуция языков в семейном общении / производственных отношениях в зависимости от продолжительности проживания в городе (г. Якутск, 2014 г.), %

Продолжительность проживания в городе	Язык				
	Русский	Якутский	Преимущественно русский	Преимущественно якутский	Якутский и русский
Родились в Якутске	74,1/57,9	11/13,3	57,1/28,1	16,9/11,8	23/19
Прибыли в Якутск:					
1–3 года назад	0/7	24,6/8,9	2,4/21	16,9/14,7	2,7/11,1
4–10 лет назад	3,7/3,5	18,9/17,8	2,4/21,1	6,7/14,7	17,6/14,3
более 10 лет назад	11,1/12,3	39,5/60	19/29,8	42,7/51,5	39,2/43,7
Затрудились ответить	11,2/19,3	6/0	19,1/0	16,8/7,3	17,5/11,9

У большинства коренных горожан язык общения на работе и дома русский (74,1 и 57,8 %) (табл. 2.22).

Также русский язык доминирует у студентов и инженерно-технических работников. Варианты «Только на якутском» или «Преимущественно на якутском» выбраны горожанами, более 10 лет проживающими в г. Якутске и работающими в сфере образования, культуры, науки. Группы респондентов 26–35 и 36–50 лет в общении ориентируются на двуязычие. Двуязычие чаще используется в деятельности госслужащих, сотрудников, занятых административной работой, и в сфере здравоохранения.

Сфера услуг играет ключевую роль в обеспечении экономического роста и занятости населения. С 1990-х годов наблюдается увеличение данного сектора экономики республики, что расширяет возможности использования различных языков. Согласно ст. 25 закона «О языках в РС (Я)» [О языках в Республике Саха (Якутия)..., электронный ресурс] и в соответствии с Положением о языковых квалификационных требованиях РФ и РС (Я) работникам сферы обслуживания (торговли, медицинской помощи, местного транспорта, бытового обслуживания, междугородной связи и др.) в якутскоязычной и смешанной среде предписывается применение якутского, русского или местных официальных языков. Отказ в обслуживании граждан под предлогом незнания языка недопустим и влечет за собой ответственность в соответствии с законодательствами РФ и РС (Я).

Данную сферу характеризуют снижение фактора официальности, усиление прагматики общения, целеориентированности, что положительно влияет на использование якутского языка неякутским населением. Так, «по данным опроса 2008 г., 4,3 % русских свободно

владеют якутским языком и 5,1 % владеют разговорной формой якутского языка, но применяют его в данной сфере лишь 1,5 % респондентов в ситуации общения на якутском и 3,5 % на обоих языках. 8,5 % представителей других этносов изыясняются на якутском, и 14,8 % — на обоих языках, хотя заявили о владении разговорной речью 52,8 % респондентов» [Иванова, 2016г, с. 174]. Однако указанные факторы оказывают противоположное воздействие на речевое поведение самих якутов: прагматика общения создает необходимость чаще использовать русский язык. На выбор языка в сфере услуг влияет и сложившийся русскоязычный стереотип общения, а в последнее время и массовая трудовая миграция из стран ближнего зарубежья, поскольку языком общения мигрантов с местным населением является русский. «Поэтому, несмотря на развитие инфраструктуры малого и среднего бизнеса местным якутским и якутоговорящим населением, весьма значителен сдерживающий фактор в развитии якутского языка в данной сфере» [Там же] (табл. 2.23).

В целом «функционирование якутского языка в данной сфере, обладая потенциальными ресурсами в виде расширения сферы услуг на якутском языке, а значит и коммуникативного пространства, снижения фактора официальности, роста прагматики коммуникации, имеет ряд сдерживающих факторов. Такими факторами выступают: устоявшийся с советских времен язык общения в данной сфере; относительная сегрегированность (этническое распределение) сферы; ориентация молодежи на русский язык либо прагматика общения, когда адресант, избегая коммуникативной неудачи, обращается к адресату на русском языке, языке межнационального общения РФ» [Там же].

На наш взгляд, причиной резкого сокращения использования якутского языка в данном случае предстает возрастающая в г. Якутске и республике в целом численность трудовых мигрантов с азиатским типом внешности, что прежде не было характерно для Якутии.

В табл. 2.24 представлены особенности выбора языка общения в сфере услуг в зависимости от возраста.

Дифференциация выбора языка в публичных местах и официальных учреждениях аналогична предыдущей си-

Таблица 2.23

Динамика дистрибуции языков общения в сфере услуг (г. Якутск), %

Язык	2007 г.	2014 г.
Якутский	6	4,1
Русский	67,4	53,2
В равной мере якутский и русский	26,6	22,1
Я посмотрю, что это за человек, на каком языке он говорит	Н/д	20,6

Таблица 2.24

Выбор языка общения в сфере услуг в зависимости от возраста респондентов (г. Якутск, 2014 г.), %

Язык	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	старше 50
Русский	60,2	49,5	51,8	41,2
Якутский	3,1	3,1	6,4	4,4
В равной мере русский и якутский	13,6	21,6	28,2	36,8
Я посмотрю, что это за человек, на каком языке он говорит	23,1	25,8	13,6	17,6

туации, что свидетельствует о несбалансированности компонентов двуязычия: в процентном соотношении русский язык преобладает во всех опрашиваемых группах, якутский язык присутствует минимально в группах молодежи и группе более старших респондентов (г. Якутск, 2014 г., %):

Якутский язык	4,3
Русский язык	54,2
В равной мере якутский и русский	18
Я посмотрю, что это за человек, на каком языке он говорит	23,5

Несмотря на преобладание русского языка в двух последних сферах, видим, что молодежь проявляет гибкость в переключении кодов, более избирательна в речевом поведении в ситуациях «На почте», «У врача», «У нотариуса, в налоговой, в администрации города и т.д.» (табл. 2.25).

Объем общения на якутском языке примерно равнозначен объему общения респондентов старше 50 лет, соответственно, он выше, чем в двух средних возрастных группах. Гибкость лингвистической тактики, выражающаяся в свободном переключении кодов, социолингвистической аккомодации, выявляет наличие разговорных ре-

Таблица 2.25

Выбор языка общения в публичных местах и официальных учреждениях в зависимости от возраста респондентов (г. Якутск, 2014 г.), %

Язык	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	старше 50
Русский	60	55,7	49,5	42,6
Якутский	5,8	1	2,7	7,4
В равной мере русский и якутский	12,1	19,6	23,4	23,5
Я посмотрю, что это за человек, на каком языке он говорит	22,1	23,7	24,4	26,5

сурсов молодых людей. В сфере услуг для коммуникативной успешности речевого акта в процессе приобретения товаров, получения каких-либо услуг помимо речевых способностей адресата немаловажное значение имеет и регистр общения. Выбор определенного языка в конкретной ситуации служит параметром ситуации общения, т.е. составляющей регистра. Поэтому можно отметить, что для молодых респондентов более характерна социолингвистическая компетенция, нежели языковая.

В целом вариативность применяемых кодов у билингва-саха 17–25 лет в условиях города весьма широкая: от 3,1 % использования якутского языка в сфере услуг и официальных учреждениях (см. табл. 2.13; 2.24) до 73,3 % его употребления дома (в сумме ответов «Только на якутском языке» и «Преимущественно на якутском языке»). Следовательно, у современной молодежи имеются ресурсы для более широкого применения родного языка в условиях города, которые не реализуются полностью вследствие различных экстралингвистических факторов, главным из которых, видимо, является урбанизационный феномен, предполагающий полиэтничность социума и использование языка межнационального общения. Воздействие данного феномена ярче проявляется в сфере услуг, в публичных местах и официальных учреждениях. Такой вывод можно сделать в связи с существенным сокращением употребления якутского языка даже в группе респондентов, продолжительное время проживающих в городе. В указанных областях использование якутского языка минимально среди лиц, 1–3 года проживающих в городе, и совершенно отсутствует в группе респондентов, 4–10 лет проживающих в крупном населенном пункте.

Неравномерность использования государственного языка в этих же сферах характерна и для многочисленного татарского сообщества в Татарстане [Гузельбаева, 2013]. Как отмечает А.Ф. Валеева, исследователь, изучавшая влияние урбанизации на языковое поведение жителей полиэтничного региона на материале г. Казани в начале 2000-х годов, «тип языкового поведения в условиях полиэтничной урбанизированной среды является взаимосвязанной совокупностью урбанизационных и поведенческо-языковых феноменов. Соотнесение реальной языковой деятельности с идеальным типом выявило, что урбаноязыковые взаимодействия носят транзитный характер. Социологически они могут быть квалифицированы как переходные от традиционных к современным; лингвистически — как смешанные...» [2002, с. 48]. Автор констатирует благоприятствование урбанизации расширению сред и сфер русскоязычного общения, лока-

лизации применения татарского языка и распространению тенденции к некоторому сокращению двуязычия.

Признавая влияние феномена урбанизации на речевое поведение якутов, отличающееся значительным использованием русского языка, необходимо обратить внимание на его специфику. Особенность заключается в том, что доминирование русского языка максимально распространяется лишь в сфере услуг (торговых центрах, на рынках и т.д.), в публичном/непубличном общении в официальных учреждениях (на почте, у врача, нотариуса, в налоговой, администрации города и т.д.). При этом достаточно часто встречаются двуязычие, ситуативное переключение кодов. Так называемое бытовое (повседневное, обыденное) общение, которое в условиях моноязычия может представлять собой одноязычную общественно-языковую практику, в ситуации двуязычия осложнено многими факторами, предписывающими изменение языкового кода.

Например, стратегия общения в ситуации «На работе» и в сфере услуг значительно дифференцируется: в производственных отношениях значимо двуязычие, которое может быть предписано регламентом работы, являться следствием степени знакомства с коллегами.

В реализации коммуникативной функции степень знакомства становится релевантным фактором в следующих типах ситуаций общения: в стереотипных городских диалогах незнакомых лиц, общении знакомых лиц в бытовой обстановке, общении знакомых и незнакомых лиц в производственной и социально-культурной сферах (ситуации непубличного и публичного общения). Следовательно, произвольное варьирование языковых кодов в условиях двуязычия иллюстрирует не только обширную языковую компетенцию, но и компетенцию социолингвистическую, распространяющуюся в условиях городского дискурса в пределах функционально-речевого континуума от 3,1 до 73,3 %.

Включенность в двуязычное коммуникативное пространство предполагает расширение языковой вариативности: респонденты указали на наличие 80 % знакомых, с кем можно общаться лишь на русском языке; 27,4 % знакомых, не понимающих и не говорящих по-русски; 37,4 % знакомых, которые не являются якутами и с которыми они разговаривают по-якутски, вследствие чего актуализируется социолингвистическая аккомодация. Среди опрошенных 74,3 % признают преимущество хорошего знания как якутского, так и русского языков в возможности использовать так называемый социальный лифт.

Преимущественно на русском языке происходит обращение в официальные органы, органы власти. При этом письменная форма обращений существенно снижает объем употребления якутского языка и равномерного использования обоих языков, что объясняется функционально-языковым доминированием русского языка в сфере официального общения, недостаточной разработанностью официально-делового стиля якутского языка и соответствующей терминологии на якутском языке.

Сфера государственно-административного управления (законодательной, исполнительной, судебной властей) и сфера официального делопроизводства в РС (Я), как и во всех других субъектах РФ, известны как области наименьшего использования региональных языков [Актуальные проблемы перевода..., 2006; Перевод в поликультурном языковом пространстве..., 2019]. Практика показывает, что в деятельности органов государственной власти Якутии, местного самоуправления, на предприятиях, в учреждениях, организациях не соблюдаются нормы ст. 12 закона «О языках в Республике Саха (Якутия)» (в ред. от 14.12.2012 г.), в которой говорится об использовании якутского и русского языков на заседаниях и совещаниях. При наличии штатных переводчиков, подготовленных на базе СВФУ им. М.К. Аммосова, и соответствующих технических средств не налажена двуязычная деятельность.

Факты показывают, что в последнее время в устной форме общения снижается объем использования как русского и якутского языков, так и двуязычия, передавая часть своих функций прагматическому варианту «Я посмотрю, что за человек, на каком языке он говорит», что возможно лишь при наличии достаточно высокой языковой компетенции. Об этом свидетельствует и фактор доминирования двуязычия на работе среди госслужащих, сотрудников, занятых административной работой, о чем говорилось выше. След-

довательно, в данной сфере функция устной якутской речи незначительно расширилась (табл. 2.26).

Общеизвестно, что на языковую практику кроме речевых интенций говорящего влияет и речевой инвентарь, в том числе приспособленная к использованию социумом терминология. Относительно перспектив ведения делопро-

Таблица 2.26

Языки обращения в официальные органы и органы власти в устной форме в динамике (г. Якутск), %

Язык	2007 г.	2014 г.
Якутский	7	4,3
Русский	67	54
В равной мере якутский и русский	26	18
Я посмотрю, что это за человек, на каком языке он говорит	Н/д	23,7

изводства на якутском языке, чем обусловлено его употребление в других регламентируемых сферах, большинство экспертов признали его необходимость, отмечая при этом наличие лингвистических, информационных ресурсов якутского языка, готовых к внедрению в делопроизводство [Иванова, 2017]. Основную трудность, по их мнению, составляют сложности административного характера, отсутствие четкого механизма внедрения якутского языка в официально-деловую сферу: «Делопроизводство мало или вовсе не касается простых граждан, а наверху воспринимается негативно. Якутские чиновники привыкли писать по-русски. Это зависит от властей республики»; «Это связано с ростом самосознания народа»; «Автоматический перевод нужен, хотя мало кого из руководителей это интересует»; «В городе сложно внедрить якутский язык в делопроизводство» [Там же, с. 112]. Сегодня внедрение якутского языка в указанную область предполагается возможным при условии создания автоматизированных баз данных.

Республиканское законодательство предусматривает использование якутского языка и местных официальных языков в сфере делопроизводства и документации. В ст. 15 закона «О языках в РС (Я)» (в ред. от 14.12.2012 г.) утверждается, что языками делопроизводства и документации учреждений, предприятий и организаций, расположенных на территории республики, являются якутский, русский и местные официальные языки, которые могут быть употреблены вместе или по отдельности. В ст. 16 регламентируется право граждан обращаться в органы государственной власти региона, органы местного самоуправления, на предприятия, в учреждения и организации с предложениями, заявлениями и жалобами на своем родном или на любом другом языке РФ, которыми они владеют [О языках в Республике Саха (Якутия)..., электронный ресурс]. Ответы на предложения, заявления и жалобы граждан РФ, направленные в органы государственной власти РС (Я), органы местного самоуправления, на предприятия, в учреждения и организации России, даются на языке обращения. В случае невозможности дать ответ на языке обращения используется государственный язык РФ [Там же].

Вышеперечисленное позволяет говорить о наличии законодательных основ для функционирования якутского языка в официальном общении. Тем не менее сегодня использование языков коренных народов республики недостаточно востребовано в силу установившихся стереотипов либо по причине правового нигилизма. Определяющими факторами развития базы якутского языка, безусловно, являются наличие корпуса терминологии на якутском языке по различным отраслям народного хозяйства, активизация меро-

приятий по ее популяризации, последовательному внедрению посредством информационно-коммуникационных технологий.

На наш взгляд, совокупность этнолингвистических факторов в настоящее время характеризуется наличием объективных условий для развития якутского языка в данной сфере, поскольку у среднего поколения имеются достаточный уровень владения якутским языком и потребность в актуальной лексической базе, что может стать менее востребованным для последующих поколений.

2.6. Этносоциальная функция якутского языка в сфере духовной культуры

Отношение якутов к родному языку как наиболее значимому этнодифференцирующему признаку проецирует такой же взгляд и на часть духовной культуры, создаваемой на его основе. Именно в данной сфере, базирующейся на национальных традициях, обычаях, ценностях, развивается, обогащается язык, закрепляются нормы литературного языка, что транслируется позднее на формирование морально-нравственного облика, этнокультурного своеобразия современного социума. Ресурсы духовной культуры этноса, воздействуя на иные области общественной жизни, создают благоприятную почву для сохранения различных языков и культур.

Закономерным процессом в культурной жизни саха в постсоветский период стало возрождение традиционной этнической культуры, в том числе народных праздников. «Теоретические исследования по праздничной культуре у разных народов мира показывают, что живым механизмом передачи культурной традиции из поколения в поколение являются именно праздники. Ысыах до сих пор остается той уникальной культурной нишей, где сохраняется этническая специфика народа: осознание этнической идентичности, этническая одежда, пища, праздничная утварь, ритуальный комплекс, музыкальная культура, фольклор, наконец, традиционное мировоззрение. Он был и пока остается главенствующим фактором сплочения якутского этноса, самовыражения его как нации. Ысыах — это символ якутской культуры, своеобразная миниатюра традиционной картины мира народа саха. Ысыах — единственный этнический праздник в экспозиции сибирских праздников, сохранивший свой самобытный характер и в советское время» [Романова, 2012, с. 246–247].

Ежегодно масштаб праздника расширяется, Окружной администрацией г. Якутска проводится «Ысыах Туймаады», республиканскими властями организуются «Ысыах Олонхо», молодежные

ысыахи, а также устраиваются многочисленные ысыахи на уровне улусов, сельских поселений, корпоративные, родовые, семейные ысыахи. По информации Департамента по связям с общественностью и взаимодействию со СМИ Окружной администрации г. Якутска, национальный праздник «Ысыах Туймаады — 2019», прошедший на высоком организационном уровне, посетило более 205 тыс. чел., которые были впечатлены масштабом праздника и гостеприимностью якутян.

Деятельность по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса олонхо началась с появления республиканской общественной организации «Ассоциация олонхо». Сегодня в 23 улусах Якутии созданы филиалы ассоциации. Результатом совместной плодотворной работы членов Ассоциации олонхо, Правительства РС (Я), Института гуманитарных исследований Академии наук РС (Я), Национального комитета РС (Я) по делам ЮНЕСКО, ученых, деятелей культуры и искусства, представителей разных улусов республики стало признание ЮНЕСКО 25 ноября 2005 г. якутского героического эпоса олонхо шедевром устного нематериального культурного наследия человечества. Данное событие способствовало формированию нового направления в государственной политике, предполагающего сохранение и возрождение древнего эпического наследия народа саха. В 2005 г. Президентом РС (Я) подписан указ «О мерах по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса олонхо», согласно которому в республике было объявлено Десятилетие олонхо (2006–2015 гг.); в 2016 г. объявлено второе Десятилетие олонхо на 2016–2025 гг. В 2006 г. вышел указ «Об установлении Дня олонхо», согласно которому 25 ноября каждого года в Якутии отмечается День олонхо. В 2006 г. принята Государственная целевая программа по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса олонхо на 2006–2015 гг.

Меры по сохранению и защите эпического наследия регулируются законом «О защите и сохранении эпического наследия коренных народов Республики Саха (Якутия)» от 19.02.2009 г. Для координации деятельности по изучению, популяризации, сохранению героического эпоса с помощью современных информационно-коммуникационных технологий и перевода олонхо на языки народов мира создана широкая сеть структур, включающая Национальный оргкомитет по подготовке и проведению Десятилетия олонхо, Республиканский центр олонхо при Доме дружбы народов им. А.Е. Кулаковского, Театр олонхо, Научно-исследовательский институт олонхо СВФУ им. М.К. Аммосова.

Деятельность по возрождению, сохранению и изучению якутского героического эпоса, инициированная общественной организа-

цией «Ассоциация олонхо», нашла широкий отклик в республике, отразившись во множестве этнокультурных проектов. Процессы, сопровождающие становление роли олонхо в современном обществе, отношение молодого поколения саха к истокам своей этнической культуры изучались социологами и методистами: Д.М. Винокуровой, В.Б. Игнатьевой, Е.Н. Романовой, О.В. Осиповой, Ю.И. Жегусовым, Н.И. Филипповой, У.М. Флегонтовой и др. Исследователи единодушны во мнении, что сегодня работа по актуализации олонхо в современном постиндустриальном обществе расценивается как возможность возрождения и развития культурной идентичности народа саха.

В якутской филологии сложилось новое для нее направление — лингвофольклористическое, главным объектом которого стало олонхо. П.А. Слепцов, являющийся основателем данного направления, предвзято исследовательскую парадигматику олонхо, предлагает обратить внимание ученых на якутский героический эпос как на своеобразный код, в котором зашифрована философия народа саха, указывая при этом, что ни один эпический памятник прошлого не может быть правильно понят, если читатель не владеет этими знаниями [Слепцов, 2008а].

Затрагивая сферу духовной культуры народа, уместно упомянуть тему религиозных убеждений. Нельзя отрицать того, что сегодня в данной сфере появились элементы двуязычия: якутское население, причастное к православию, получило возможность ознакомиться с текстом Библии на родном языке, во время богослужения зачитываются молитвы на якутском языке (в Преображенской церкви, спордически в улусах).

Как отмечает Э.Г. Туманян, «каждая из конфессий мирового значения в отдельности оставила глубокий след как в истории и культуре, так и в языке принявших ее народов... Следует признать, что появление и распространение таких фундаментальных религий мирового значения, как христианство, иудаизм, буддизм и ислам, имели для принявших их народов огромное культурно-историческое значение. Они стимулировали зарождение письменности и литературных традиций» [2006, с. 285].

Тем не менее расценивать сегодня православие как единственную и традиционную веру якутов, на наш взгляд, нет основания, о чем свидетельствуют и результаты других исследователей, в выводах которых отмечается тенденция возврата к традиционным религиозным верованиям, обусловленная ростом национального самосознания, стремлением народа к возрождению национальной культуры, традиций и обычаев [Николаев, электронный ресурс; Васильева, 2001].

Анализ языкового и религиозного поведения якутов в контексте межэтнических отношений содержится в статьях А.Д. Коростылева [1998а, б].

По результатам наших опросов, в 2007 г. якутов, сопричастных православию, в РС (Я) было не более 12,9 %, в Якутске — 14,4 %. На вопрос о своих религиозных убеждениях респонденты-саха, проживающие в Якутске, отвечали следующим образом (%):

Традиционная религия народов Севера	34,4
Православие	14,4
Мусульманство	0,6
Католичество	0
Буддизм	0,6
Протестанство	0,9
Язычество	0
Никаких	48,5
Другой ответ	0,6

В 2014 г. количество якутов с православными убеждениями в Якутске снизилось до 5,3 %, что объясняется сельско-городским миграционным движением, вследствие которого в 2014 г. в столице республики повысилось число приверженцев традиционной религии коренных народов — с 34,4 до 57,6 %. Стоит отметить, что, по итогам наших опросов в 2007 г., в Якутске наиболее многочисленными были атеисты — 48,5 %.

При имеющемся несоответствии вариантов ответов на этот вопрос в исследованиях 2007 и 2014 гг. сопоставление приведенных данных по отдельным объектам (город, село) позволяет проследить закономерность, состоящую в распространении традиционной северной религии сельскими мигрантами (табл. 2.27, 2.28). Хотя мы не отрицаем и наличие определенной потребности в христианских право-

Таблица 2.27

Религиозные убеждения якутов, проживающих в городе и сельской местности (2014 г.), %

Религиозные убеждения	Якутск	Село Чай
Традиционная религия народов Севера	57,6	83,3
Православие	5,3	0
Католичество	0,9	0
Протестанство	0,3	0
Соблюдаю обряды обеих религий: христианской и традиционной северной	26,6	16,7
Другое	9,3	—

Таблица 2.28

Принадлежность к религиозным взглядам среди якутов в зависимости от их возраста (г. Якутск, 2014 г.), %

Религиозные взгляды	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	старше 50
Традиционная религия народов Севера	51,9	62,1	61	61,7
Православие	3	12,1	3,9	4,3
Католичество	0	0	2,6	2,1
Протестанство	0	0	0	2,1
Соблюдаю обряды обеих религий: христианской и традиционной северной	27,8	21,3	28,6	27,7
Другое	17,3	4,5	3,9	2,1

славных ценностях у части якутской этнической общности. Как правило, в большинстве моноэтнических якутских сел такого не наблюдается.

Сегодня северная традиционная религия, очевидно, воплощенная в массовом сознании в повседневной обрядовой культуре, проникает в город с носителями языка из сельской местности и распространяется весьма равномерно во всех возрастных группах (табл. 2.28).

Причастность к религиозным убеждениям распространена во всех возрастных группах. Среди молодежи, кроме приверженности к традиционной северной, двойной (северной и православной) религиям, имеются и другие взгляды по данному вопросу.

Приверженность к двум религиям, в немалой степени представленная в ответах респондентов, отражает, по-видимому, интегративную стратегию самих якутов: «Якуты никогда не были апологетами канонического понимания православия и, в силу поверхностного усвоения обрядовой части религии, немногие из них могли называться истинно православными христианами. Православие выступало уже не только и не столько в роли официальной религии Российской империи, оно во многом определяло нормы и ценности, на которых основывалась жизнедеятельность якутского общества. Обращение народов северо-востока Сибири, и в частности якутов, в “русскую веру”, безусловно, явилось действенным механизмом интеграции» [Юрганова, 2012, с. 358–359].

Итоги нашего опроса наводят на мысль о прочности традиционного мировоззрения и, возможно, о совмещении двух религиозных убеждений у части населения в качестве интеграционного «мостика» при включенности в городскую среду, городское сообщество.

По наблюдениям Ж.Т. Тощенко, исследования религиозности, оценка религиозной идентичности имеют противоречивый и неоднозначный характер, так как «идентификация людей с определенной религией в любом обществе неоднозначна, в жизни она может меняться время от времени, порой даже на весьма коротком ее отрезке, под влиянием окружающей среды, общественной атмосферы, жизненных обстоятельств, идеологического воздействия» [2008, с. 63]. Автор также отмечает произошедшее сближение понятий национальной и религиозной идентичности, «которые взаимно покрывают друг друга, в свою очередь порождая весьма сложные взаимосвязи в общественном сознании и социальной практике» [Там же, с. 64].

Таким образом, в современных условиях в выборе религиозных убеждений наиболее важен фактор свободы и осознанности, а не пропаганда на государственном уровне, а значит, преследование каких-либо политических целей, переориентирование общественного сознания на создание определенных ценностей. Каждому гражданину нашей страны свобода совести и вероисповедания гарантируется ст. 28 Конституции РФ. Сегодня среди представителей саха не прекращаются дискуссии о вере якутов, ее атрибутах. Специалисты отмечают продолжающиеся духовные искания в якутском обществе, знаменующие собой новый этап поиска и признания своей исконной религии как важного маркера этнокультурной идентичности [Игнатьева, 20146].

Развитие литературного языка традиционно связано с художественной литературой, служащей ретранслятором нравственных и социальных ценностей народа, институционализированных в библиотеках и книжных издательствах.

На сегодня в республике, по данным официального сайта Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия), функционируют 504 общедоступные библиотеки, две из них государственные муниципальные. В библиотечном деле активно внедряются инновационные формы работы. В 2018 г. фонд электронной библиотеки Национальной библиотеки РС (Я) достиг 13,9 тыс. ед., прирост за год составил 24,3 % [Отчет Министерства культуры..., электронный ресурс]. «Вместе с тем в республике сохраняется тенденция сокращения сети библиотек. В отчетный период произошло закрытие трех библиотек. Сегодня в республике функционирует 135 модельных библиотек, это 37,3 % от общего количества сельских библиотек, включая библиотеки при культурно-досуговых учреждениях. Охват населения библиотечным обслуживанием по итогам 11 месяцев 2018 г. составляет более 45,9 %. По предварительным итогам 2018 г. количество пользователей составило 444,5 тыс. чел.;

книговыдачи — 8992,8; посещений — 3704,2» [29 января в ходе отраслевого отчета..., электронный ресурс].

В 2004 г. в библиотечном фонде г. Якутска и пригородных сел в совокупности на 19 библиотек насчитывалось 376 508 книг на русском языке, 21 024 — на якутском, в том числе в детских библиотеках г. Якутска количество книг на русском языке составляло 11 989, на якутском — 870 [Языковая ситуация..., 2005]. Сегодня разница в количестве книг на якутском и русском языках сократилась за счет развития книгоиздания на якутском языке.

В 2001–2003 гг. в республике, если основываться на показателях Национального книжного издательства «Бичик», крупнейшего в регионе, выпускались книги на трех языках: якутском (2001 г. — 93 наименования общим объемом более 695 у. п. л. и тиражом более 315 тыс. экз.; 2002 г. — 137 наименований, 1176,77 у. п. л., 393,4 экз.; 2003 г. — 116 наименований, 1065,25 у. п. л., 330,52 тыс. экз.); русском (2001 г. — 54 наименования, 596,83 у. п. л., 118,6 тыс. экз.; 2002 г. — 63 наименования, 672,68 у. п. л., 145 тыс. экз.; 2003 г. — 63 наименования, 608,437 у. п. л., 150,905 тыс. экз.); эвенском (2002 г. — 3 наименования, 19,83 у. п. л., 20 тыс. экз.; 2003 г. — 2 наименования, 14,69 у. п. л., 1,4 тыс. экз.) [Там же, с. 19].

В представленные годы по изданию национальной книгопечатной продукции Якутия занимала ведущее место в регионе. Кроме того, РС (Я) входит в число наиболее читающих субъектов в ДФО и РФ [Якутия вошла в число..., электронный ресурс; Якутия возглавила список..., электронный ресурс].

В последние годы деятельность Национального книжного издательства «Бичик» им. С.А. Новгородова расширилась: кроме художественной и общественно-политической литературы при государственной поддержке издается учебная и детская литература на якутском, русском языках и языках КМНС (табл. 2.29). Издательство вышло на российский уровень и стало признанным лидером межрегиональных и всероссийских выставок, одной из крупных региональных книжных компаний.

В сфере духовной культуры значимой областью использования родного языка, его сохранения являются спектакли, театральные постановки на якутском языке. В республике работают десять театров: Государственный театр оперы и балета им. Д.К. Сивцева — Суоруна Омоллоона, Национальный театр танца РС (Я), Саха академический театр им. П.А. Ойунского, Государственный театр эстрады РС (Я), Государственный академический русский драматический театр им. А.С. Пушкина, Государственный театр юмора и сатиры РС (Я), Государственный театр коренных малочисленных народов Севера

Таблица 2.29
Перечень социально значимой национальной литературы, изданной НКИ «Бичик» в 2014–2018 гг.*

Год	Художественная и общественно-политическая литература					Учебные и детские издания		
	Всего наименований, ед.	В том числе на следующих языках, ед.	Тираж, экз.	Объем, лист	Всего наименований, ед.	В том числе на следующих языках, ед.	Тираж, экз.	Объем, лист
2014	53	Якутском — 40 Русском — 11 Эвенском — 2	136	639,04	14	Якутском — 13 Русском — 1	35	69,96
2015	54	Якутском — 39 Русском — 9 Русском/якутском — 3 Эвенском — 2 Чукотском — 1	127	1090,53	11	Якутском — 11	49	49,47
2016	33	Якутском — 16 Русском — 10 Якутском/русском — 6 Эвенском — 1	54	393,31	9	Якутском — 7 Русском — 2	39	48,69
2017	31	Якутском — 16 Русском — 8 Якутском/русском — 5 Эвенском — 2	44	295,25	8	Якутском — 5 Русском — 2 Якутском/русском — 1	33	48,75
2018	31	Якутском — 20 Русском — 8 Русском/якутском — 1 Эвенском — 1	55	310,42	13	Якутском — 11 Русском — 2	43	66,58

* Составлено по материалам Министерства связи и информационных технологий РС (Я), предоставленным автору для проведения исследования.

РС (Я), Театр олонхо, Театр актера и куклы РС (Я), Нюрбинский государственный передвижной драматический театр. В 2018 г. театры посетили 186,4 тыс. зрителей, наиболее высокая посещаемость зафиксирована в Государственном академическом русском драматическом театре им. А.С. Пушкина — 42,2 тыс. чел. Театры активно гастролировали как по Якутии, так и по всей России. Всего гастролями подведомственных республиканских учреждений культуры в 2018 г. охвачено 25 улусов и 2 городских округа, в том числе 5 северных районов. В 189 населенных пунктах проведено 569 спектаклей [29 января в ходе отраслевого отчета..., электронный ресурс], множество концертов и цирковых представлений.

Муниципальные культурно-досуговые учреждения выполняют культурно-просветительные и социально-общественные функции. В 2018 г. насчитывалось 491 учреждение культурно-досугового типа, в том числе 38 этнокультурных центров, 52 дома (центра) народного творчества. В 7469 клубных формированиях при учреждениях клубного типа задействованы 111 745 чел., из них детей до 14 лет — 23 799, молодежи от 15 до 24 лет — 15 944 чел. [Там же].

В 2005 г. было выявлено, что «в республике имеется всего 92 музыкальных, художественных, хореографических школы» [Языковая ситуация..., 2005, с. 20]. В 2018 г. в 82 детских школах искусств обучалось 16 317 чел., что составляет 8,5 % от численности всех детей РС (Я) [29 января в ходе отраслевого отчета..., электронный ресурс].

В зависимости от локализации данных центров (КДУ и УДО) в их работе используются государственные и официальные языки республики.

Новое позитивное явление в культурной жизни Якутии — якутское кино, имеющее массового зрителя в республике в кинотеатрах и на видеохостинговом сайте «You Tube», — расценивается сегодня как отражение этнокультурной потребности молодежи саха в позитивной этнической идентичности, воплощенной в креативных для северного региона современных формах. «Феномен якутского кино замечен и активно обсуждается, с 2013 г. в г. Якутске проводится Якутский международный кинофестиваль в целях развития культурного обмена, творческого сотрудничества между кинематографистами всего мира и имиджевой политики Республики Саха (Якутия). В настоящее время Республика Саха (Якутия) занимает лидирующее место среди регионов России по количеству производимых фильмов, основными создателями фильмов являются независимые кинокомпании. С 1990 г. создано более 100 фильмов разных жанров, в основном на якутском языке, часть которых отмечена призами и дипломами на различных кинофестивалях и смотрах. Количество

фильмов, вышедших в республиканский прокат по годам: 2010 г. — 16; 2011 г. — 15; 2012 г. — 11; 2013 г. — 18; 2014 г. — 10; 2015 г. — 11» [Иванова, 2016г, с. 173]; 2016 г. — 10; 2017 г. — 6; 2018 г. — 6. Фильмы весьма популярны, выходят в широкий формат, распространяются на дисках, номинируются на международные премии, побеждают на международных кинофестивалях.

«Музеи как сфера массовой коммуникации также выполняют особую функцию в сохранении культурного наследия народов. По данным Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского, в 2005 г. в ведомстве государственной сети Министерства культуры и духовного развития РС (Я) находились 44 музея» [Языковая ситуация..., 2005, с. 21]; в 2018 г. — 59 музеев, при которых функционировало 27 филиалов, число посетителей достигло 705,2 тыс. чел., что на 16 % больше, чем в 2017 г. Наиболее посещаемыми являются Якутский музей им. Ем. Ярославского (137,3 тыс. чел.), исторический парк «Россия — моя история» (111,3 тыс. чел.), Национальный художественный музей (92,9 тыс. чел.). Самым посещаемым муниципальным музеем стал Нерюнгринский музей истории освоения Южной Якутии им. И.И. Пьянкова — 22,6 тыс. чел. [29 января в ходе отраслевого отчета..., электронный ресурс]. Обслуживание посетителей происходит на якутском и русском языках, в некоторых музеях имеется визуальная информация на обоих языках [Отчет Министерства культуры..., электронный ресурс]. Лингвистическое сопровождение работы музеев как письменное, так и устное осуществляется в основном на русском языке, в сельских музеях практикуется якутский язык.

Культурный ренессанс народа саха в настоящее время представляет интерес для российских и зарубежных исследователей [Ferguson, 2016b; Crate, 2019; и др.]. Согласно материалам якутских ученых, регион характеризуется продолжающимися процессами этнического возрождения: несмотря на индустриализацию, в якутском социуме все возрастано-половые, социально-статусные группы испытывают необходимость в воспроизводстве этнической культуры [Подойницына, 2013]; данными процессами охвачены как сельские жители, так и коренные горожане, в основном среднего и старшего возраста [Игнатьева, 2014а]. Таким образом, в сфере духовной культуры при помощи якутского языка этносоциальная функция выполняется интенсивно, в большинстве подсфер наблюдается рост использования якутского языка.

2.7. Дистрибуция якутского, русского и других языков в лингвистическом ландшафте г. Якутска

Окружающая визуальная информация в городской среде стала предметом социолингвистических, лингвокультурологических исследований сравнительно недавно. Языковое многообразие современного этнолингвоинформационного пространства (термин И.С. Карабулатовой) отражает уровень языковой лояльности проживающего в нем населения, степень государственного участия в поддержке языков, выступает инструментом для поддержания стабильности ЯС.

В социолингвистическом анализе функциональной дистрибуции языков в области визуальной информации нами употребляется термин, обозначающий одновременно метод и подход, — лингвистический ландшафт. У Д. Гортера он означает «использование письменного языка в городской сфере» [Gorter, 2006, p. 2], т.е. отражает представленность разных языков в общественных пространствах многоязычных городов или регионов мира. П. Бэкхаусом он понимается как один из способов описания повседневного существования языка, состоящего из письменных знаков в публичном пространстве [Backhaus, 2007].

Визуальная информация в нашем исследовании, рассматривающем функциональную дистрибуцию языков, соблюдение законов республиканского и российского законодательства, литературных норм якутского и русского языков, представлена официальными названиями улиц, текстами наружной рекламы, эргонимами. Проведенный опрос выявил несовершенства в лингвистическом облике города, большинство из которых сформировано недостаточностью номинаций на якутском языке (24,9 %), при этом 19,8 % респондентов признают постепенное улучшение ситуации.

Оформление текстов вывесок регулируется ст. 34 и 35 закона «О языках в Республике Саха (Якутия)». Так, ст. 34 (в ред. от 17.06.2015 г.) гласит: «Тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций, предприятий и учреждений оформляются на саха и русском языках, а при необходимости также на местных официальных языках» [О языках в Республике Саха (Якутия)..., электронный ресурс]. В ст. 35 (в ред. от 01.10.2014 г.) читаем: «Тексты вывесок с наименованиями органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций оформляются на государственных языках Республики Саха (Якутия), а в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера — и на местных официальных языках. Тексты вывесок,

объявлений, рекламы и иных информационных средств, содержащих информацию в наглядной форме, оформляются на государственных языках Республики Саха (Якутия) и на местных официальных языках. Оформление текстов вывесок, указанных в настоящей статье, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и государственным стандартом» [О языках в Республике Саха (Якутия)..., электронный ресурс].

Фотоматериалы по 60 номинациям-эргонимам, основная часть которых собрана в Октябрьском и Центральном округах г. Якутска, их анализ опубликованы в 2017 г. [Иванова, 2017, с. 115–125]. В целом значительная часть эргонимов в сфере визуальной информации представлена на русском языке, состоит из названий славянского и неславянского происхождения («Твой малыш», «Викуша», «Книжный маркет» и т.д.). На якутском языке чаще встречаются эргонимы-якутизмы, сложные слова с якутским компонентом, аббревиатуры («Сэрбэкэ», «СахаАгроПродукт», «НТК-Саха» и т.д.); спорадично якутские номинации дублируются калькой на английском языке («ҮРГЭЛ» — «URGEL»). Английский язык находит воплощение в различных вариантах номинаций с оформлением на английском языке, а также с использованием транслитерации из кириллицы в латиницу и наоборот («ЕССО», «Литтл фут», «GREKOFF» и т.д.).

Изменение этнической структуры города за счет притока трудовых мигрантов из стран СНГ активизировало появление в лингвистическом ландшафте населенных пунктов номинации на языках стран СНГ: «Умед» (тадж. ‘надежда’), «Айгуль» (от тюрк.-перс. ‘прекрасная, как цветок’) и т.д. Редко встречаются номинации на языках других субъектов РФ, в частности на бурятском: «Баян гол», «Наран», «Буузы». Практически не используются в визуальной информации названия на языках КМНС: нами выявлена единственная номинация «Туюн» (эвенк. ‘угощение’).

Эргонимы в лингвистическом ландшафте г. Якутска отличаются языковым многообразием, создаваемым этнической структурой населения столицы республики и языком бизнеса (продуктами международного, российского нейминга торговых марок, якутскими брендами).

С точки зрения нормативного подхода к текстам визуальной информации выявлено несоблюдение ст. 34 и 35 закона «О языках в Республике Саха (Якутия)»: в целом соблюдается двуязычный стандарт оформления (чаще — в административном центре города), но нарушается стандарт в сорасположении якутского и русского текстов, который регламентирует размещение якутского текста слева или сверху, русского — справа или снизу.

В оформлении вывесок на учреждениях и организациях установилась вариативная практика. В учреждениях федерального ведения в основном практикуется русский язык, вероятно, согласно содержанию ст. 11 ФЗ «О языках народов РФ»: «Язык работы федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. 1. Работа в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления осуществляется на государственном языке Российской Федерации. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик наряду с государственным языком Российской Федерации могут употребляться государственные языки республик» [О языках народов РФ..., электронный ресурс].

Однако п. 2. ст. 16 данного закона, регламентирующий использование языков в официальном делопроизводстве, гласит: «2. Тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций, предприятий и учреждений оформляются на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик и иных языках народов Российской Федерации, определяемых законодательством республик» [Там же].

Следовательно, на территориях республик РФ все вывески независимо от статуса и принадлежности должны оформляться на двух государственных языках.

Выявлены нарушения литературных норм как якутского, так и русского языков. В написании якутских номинаций нарушения связаны с орфографией исконно якутских слов: ошибки в написании якутских букв (олонхо вместо олонхо), сдвоенных гласных (Уйгулана вместо Уйгулаана) и т.д. «Законом строго не регламентируется исконное написание якутских номинаций, однако еще с советских времен существует практика именно исконного написания якутских номинаций, как то: Туйаара, Туймаада, Ньургуйаана. Следовательно, в этом случае целесообразнее было бы написать: Уйгулаана, т.е. с соблюдением норм литературного якутского языка. В написании названия торгового центра ОЛОНХО якутская буква Н заменена буквой Н, ошибка в данное время очень распространенная... В последних двух случаях номинации оформлены в русской графике с соблюдением норм русского языка» [Иванова, 2017, с. 122]. Однако их влияние привело к тому, что в данное время у молодежи как на письме, так и в речи исконно якутские звуки стали замещаться русскими звуками либо редуцироваться.

В моноэтническом селе визуальная информация в официальных учреждениях в основном оформлена на русском, на русском и якутском языках; в информации, касающейся повседневной жизни села, преобладает якутский язык.

Последние 10 лет отмечены позитивными сдвигами: руководством Окружной администрации г. Якутска, Международного аэропорта им. П.А. Ойунского принимаются меры по установлению двуязычия в сфере визуальной и аудиоинформации в общественном транспорте, в повседневной деятельности по обслуживанию пассажиров в аэропорту. Из крупнейших банков двуязычной визуальной информацией отличаются офисы ПАО «Сбербанк». Экспертами подчеркивается значимость двуязычного лингвистического ландшафта в дальнейшем сбалансированном развитии коммуникативного пространства, что демонстрирует языковую лояльность этнической общности. Ими акцентируется внимание на проблемах нормализации текстов, используемых в оформлении визуальной информации, в том числе грамотного русско-якутского перевода [Иванова, 2017, с. 122]. Таким образом, расширение языкового многообразия в визуальной и аудиоинформации в городском коммуникативном пространстве актуализирует вопросы соблюдения языкового законодательства и грамотного оформления текстов.

Анализ объективных факторов функционирования на территории республики двух государственных языков с выявлением динамических тенденций позволил установить функциональный (фактический) статус якутского и русского языков, степень употребления якутско-русского двуязычия в 11 сферах (в том числе 20 подсферах) СКС в г. Якутске и с. Чай (табл. 2.30).

Таблица 2.30

Функциональный (фактический) статус якутского, русского языков и якутско-русского двуязычия в СКС г. Якутска и с. Чай*

Коммуникативная сфера	Якутск			Село Чай		
	Якутский язык	Русский язык	Якутско-русское двуязычие	Якутский язык	Русский язык	Якутско-русское двуязычие
1. Образование:						
дошкольное	+	+++	+	+++	+	+
школьное	+	+++	+	+++	+	+
среднее профессиональное	+ -	+++	+			
высшее	+ -	+++	+			

Окончание табл. 2.30

Коммуникативная сфера	Якутск			Село Чай		
	Якутский язык	Русский язык	Якутско-русское двуязычие	Якутский язык	Русский язык	Якутско-русское двуязычие
2. Массмедиа:						
телевидение	++	+++	++	++	+	+
печать	++	+++	++	++	+	+
радиовещание	++	+++	++	++	+	+
3. Семейное общение:	+++	++	++	+++	+ -	+
межпоколенное (с детьми)	+++	+	++	+++	+	+
межпоколенное (с родителями)	+++	+	++	+++		
внутрипоколенное	+++	+	++	+++		+
кросспоколенное	+++	+ -	+	+++		
4. Повседневное (бытовое) общение:						
на работе	++	++	+++	+++	+	+
с друзьями	+++	+	++	+++		
5. Сфера услуг (торговые центры, рынки и т.д.)	+ -	+++	+	+	++	++
6. Публичное и непубличное официальное общение (у врача, нотариуса, в налоговой службе, администрации города и т.д.)	+ -	+++	++	+++		+
7. Официальное общение (обращения в органы власти в устной форме)	+	+++	++	+++		
8. Госуправление, официальное делопроизводство		+++	+ -		+++	
9. Духовная жизнь общества:						
наука	+	+++	+ -			
традиционная национальная культура	+++	+	+++	+++		
религия	+++	+	++	+++		+
книгоиздание	++	+	++			
театральное искусство	+++	++	+++	++		
киноискусство	++	+	++			
музеи	+	+++	++			
10. Визуальная информация городского пространства (вывески и т.д.)	+	+++	++		+	++
11. Межэтническое общение	+	+++		+	++	

* Знаки (+ -) и (+) указывают на ограниченную возможность функционирования, (++) — на среднюю степень интенсивности функционирования, (+++) — на полноценное функционирование.

В целом динамичность социально-экономического обустройства жизни, трансформации социокультурной политики республики и федерального центра отражается в показателях коммуникативной мощности в двуязычном коммуникативном пространстве РС (Я) и может служить моделью в дальнейших исследованиях динамики данной СКС.

* * *

Анализ этнодемографических данных и особенностей функционирования якутского и русского языков на территории Якутии позволяет сделать вывод о том, что языковая ситуация в республике имеет признаки экзоглоссности, поликомпонентности. При этом можно отметить активное софункционирование якутского и русского языков во всех сферах СКС. Всего нами выделено 11 сфер (в том числе 20 подсфер) СКС, в которых наиболее полно отражаются особенности функционирования якутского и русского языков, а также якутско-русского двуязычия.

На формировании коммуникативного пространства якутского языка в доминантных сферах общения самым непосредственным образом сказались разнонаправленные миграционные процессы, начавшиеся в 1990-е годы и продолжающиеся в настоящее время, вследствие которых в г. Якутске установился новый языковой баланс, выражающийся в изменении демографической мощности, следовательно, влияющий и на коммуникативную мощност. Процессы урбанизации, увеличивая плотность титульного населения в столице республики, генерируют умеренный рост функционального статуса якутского языка в нерегулируемых сферах СКС, при этом высокий функциональный статус русского языка остается стабильным.

Функционирование якутского языка в сфере образования испытывает различные трансформации в зависимости от курса государственной национальной политики, цель которой минимизировать этнические языки в системе образования: этнокультурный компонент образования постепенно замещается билингвальными моделями, во внедрении которых преобладает формальный подход. В г. Якутске более 20 лет сохраняется критическая ситуация с недостаточным обеспечением населения образовательными учреждениями (школами, детскими садами), что осложняет синхронизацию процессов осознанного выбора этнофорами языка обучения и обеспечения их конституционного права на получение образования на родном языке или изучение родного языка.

Республиканские массмедиа характеризуются равными социальными функциями якутского и русского языков при преобладании

русскоязычного вещания. Высока степень двуязычности в программах общереспубликанской и региональной тематики. Налаженная в свое время система этнических массмедиа сейчас испытывает воздействие новых ИКТ, что сокращает объем потребления якутского компонента в двуязычном коммуникативном пространстве.

В других регламентируемых государством сферах общения (публичном и непубличном официальном общении, государственно-административном управлении, делопроизводстве) преобладает русский язык, при этом снижение параметра официальности расширяет использование двуязычия; устная форма общения способствует положительной динамике якутского языка. В целом данная область представляет устойчивую проблемную зону для внедрения якутского языка, осложненную объективными и субъективными причинами институционального характера.

В г. Якутске в сфере производственных отношений возрастает значимость двуязычной коммуникативной стратегии саха, детерминированная степенью урбанизированности и родом деятельности (гуманитарная/техническая).

В нерегламентируемых сферах функциональная дистрибуция языков детерминирована этническим составом населения. В Якутске среди саха значима модель городского дискурса «в обществе — на русском языке». Использование русского языка в сфере торговли и услуг преобладает, стабильность объема функционирования русского языка поддерживается за счет трудовых мигрантов. В то же время в городских диалогах саха молодого и старшего возраста значимы стратегии социолингвистической аккомодации. Употребление якутского языка в СКС г. Якутска обнаруживает факт социолингвистической, нежели языковой, компетенции молодых саха, что отражает наличие лингвистических ресурсов и прогнозирует (при благоприятной ситуации) воспроизводство якутского языка в условиях города.

Семейное общение среди жителей Якутска происходит на русском и якутском языках, детерминировано фактором урбанизированности, возрастом, языковой компетенцией. Тенденция к смешанной речи наблюдается у молодежи и в кросспоколенном общении. В сельской местности зафиксировано снижение использования якутского языка в семье на 10 % вследствие сокращения этнической либо языковой гомогенности населения; этносоциальная функция родного языка в семейном общении селян в целом устойчива.

Визуальная информация городского пространства формируется на полилингвистических ресурсах, сельского — на компонентах двуязычия.

Функциональная мощьность якутского языка наиболее высока в сфере духовной культуры, что формирует позитивную этническую идентичность. Развитию этнической функции родного языка и двуязычия как необходимого элемента в интегрировании якутской культуры способствовали следующие факторы: высокое этническое самосознание носителей якутского языка и их стремление к поддержанию и сохранению национальной самобытности; развитость литературных норм якутского языка; последовательная государственная политика республики, направленная на сохранение и развитие основ этнической культуры.

Социальные функции компонентов государственного двуязычия находятся в отношениях функциональной дополнителности. В целом отмечаются умеренный рост использования якутского языка в нерегламентируемых сферах СКС, стабильность высокого функционального статуса русского языка для носителя якутского языка. Установлено недостаточное функционирование якутского компонента государственного двуязычия как актуальной коммуникативной стратегии в условиях г. Якутска.

Языковая дистрибуция в СКС детерминирована следующими параметрами: этническим составом административно-территориальной единицы, степенью участия государственной языковой политики, институциональными особенностями, установившимся регламентом государственных органов в использовании языков, возрастом, языковой компетенцией, урбанизированностью, родом деятельности человека, установившимся стереотипом в выборе языка в городском дискурсе, параметром ситуации и т.д.

Основным сдерживающим фактором этноязыкового развития признается непоследовательность государственной образовательной политики РФ в обеспечении конституционного права обучения на родном языке, что ведет к сокращению якутского компонента в двуязычном образовательном пространстве. В целом язык обучения детерминирует языковую компетенцию этнической общности, следовательно, вопросы сбалансированности функциональной дистрибуции языков в других сферах СКС для каждого поколения этнофоров определяются вектором развития существующей образовательной системы.

Сокращение условий для развития билингвизма, которое негативным образом отразится на последующих поколениях, актуализирует научно-практическую задачу, связанную с необходимостью изучения семейной языковой политики и проблем воспроизводства якутского языка, а также широкого освещения данных вопросов в массмедиа.

**ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ САХА
В ЯКУТСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ:
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ**

**3.1. Особенности демолингвистической характеристики РС (Я)
по данным всероссийских переписей населения**

Лингвистический ландшафт республики представлен неродственными языками, отличающимися в том числе статусной характеристикой (табл. 3.1).

В Якутии языки коренных малочисленных народов Севера (эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский и чукотский) признаются официальными в местах проживания этих народов и применяются там наравне с государственными языками (ст. 6 закона «О языках в РС (Я)» [О языках в Республике Саха (Якутия)..., электронный ресурс]). В 1992 г. проблема языков на законодательном уровне была решена в пользу двуязычия: в РС (Я) статус государственных имеют якутский (ст. 4) и русский (ст. 5) языки, также русский язык используется как средство межнационального общения (ст. 5) [Там же].

Качественная характеристика языковой ситуации в регионе в совокупности всех функционирующих на его территории языков определяется как:

— экзогlossная (в терминологии Л.Б. Никольского [1976, с. 80–88]) (табл. 3.1);

— гетерогенная по признаку родственности/неродственности языков (табл. 3.1);

— гетероморфная по признаку типологически сходных/различных языков (табл. 3.1);

— неравновесная по уровню функциональной и демографической мощности (см. табл. 2.1; 2.30);

— несбалансированная по объему функциональной нагрузки в пределах данной социально-коммуникативной системы (см. табл. 2.30).

Степень несбалансированности, неравновесности ЯС в части социальных функций якутского и русского языков рассмотрена в гл. 2.

Таблица 3.1

Лингвистический ландшафт РС (Я)

Язык	Референтный этнос	Семья, тип, характеристика языков	Статусная иерархия языков
Якутский	Саха (якуты)	Алтайская семья; тюркская группа; восточно-хуннская ветвь уйгуро-огузской группы (или северо-восточная группа); якутская подгруппа*; агглютинативный тип	Государственный язык Фактически: язык межнационального общения коренных народов республики
Русский	Русские	Индоевропейская семья; славянская группа; восточно-славянская подгруппа; флективный тип	Государственный язык; язык межнационального общения
Эвенкийский	Эвенки	Алтайская семья; тунгусо-маньчжурские языки; суффиксально-агглютинативный тип, имеется фузия; номинативный строй	Официальный язык РС (Я)
Эвенский	Эвены	Алтайская семья; тунгусо-маньчжурские языки; суффиксально-агглютинативный тип, имеется фузия; номинативный строй	»
Чукотский	Чукчи	Чукотско-корякская семья; чукотско-корякская группа; полисинтетический язык	»
Юкагирский	Юкагиры	Изолированный язык (возможно, палеоазиатская семья); агглютинативный тип	»
Долганский	Долганы	Алтайская семья; тюркская группа; агглютинативный тип с разрушенным сингармонизмом	»

* [Баскаков, 2007, с. 184–187, 194–197].

Исторически сложившимся фактом является использование якутского языка в качестве языка межнационального общения КМНС республики. Русский язык имеет статус средства межнационального общения в пределах данной социально-коммуникативной системы и родного языка для 27 027 якутов, что составляет 5,8 % от их общего числа (см. табл. 2.5).

Далее языковая компетенция будет подвергнута комплексному этносоциопсихолингвистическому анализу с применением количественных и качественных методов.

3.2. Тенденции и динамика показателей уровня владения якутским и русским языками в социолингвистической корреляции

В исследовании языковой компетенции, одного из основных компонентов объективной ЯС, нами использован социолингвистический термин «владение языком», который в Словаре социолингвистических терминов определяется как «способность индивида понимать и синтезировать высказывания, умение отличать правильные высказывания от неправильных, отличать сходные по форме, но различные по смыслу высказывания, способность к перефразированию (умение выбирать из конкурирующих средств выражения наиболее целесообразные с точки зрения говорящего в данной коммуникативной ситуации)» [ССТ, 2006, с. 38]. Уровень владения языком с точки зрения социолингвистики определяют различными методами: тестами, вопросами об оценке собственных навыков в том или ином языке и т.д. При этом владение языком «обязательно предполагает умение не только пассивно воспринимать, но и активно использовать язык, и в этом смысле оно противопоставлено “знанию языка”, которое может быть и пассивным» [Там же].

Нами для определения уровня владения языком применяется характеристика элементарных механизмов речи по ее видам. Так, в опроснике для выявления уровня владения языком использовались формулы, отражающие активное владение языком, предполагающее не только восприятие, но и порождение речи: «Свободно говорю, читаю и пишу». Остальные уровни указывают на ограниченную языковую компетенцию: «Говорю, читаю, но не пишу», «Говорю, но не читаю и не пишу», «Говорю с затруднениями», «Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю», а также отсутствие языковой компетенции: «Не владею». Такая градация обусловлена адаптацией методики измерения к изменяющимся социолингвистическим условиям — к все более распространяющейся тенденции к «оразговориванию» (О.А. Лаптева) языка: уровень «говорю, читаю, но не пишу» по отношению к якутскому языку присутствует в языковой компетенции саха, прошедших социализацию в русскоязычной среде, не изучавших в школе родной язык, но имеющих навыки разговорной речи, полученные преимущественно в семейном общении, и навыки чтения, приобретенные благодаря единой кириллической основе якутского и русского алфавитов. При этом часто отсутствуют навыки якутского письма, так как это более высокий (продвинутый) уровень владения языком. Указанный уровень был выявлен при пилотном опросе в

2007 г. в Якутске среди респондентов всех этнических групп (якутов, русских и группы под условным названием *другие*, большинство которой составляли представители КМНС, татары, башкиры) по отношению как к якутскому, так и к русскому языкам. Поэтому в случае с якутским языком уровень «говорю, читаю, но не пишу» был включен во все последующие опросы, так как он выявляет промежуточный уровень между свободным владением и владением разговорным языком.

В то же время уровень «говорю, читаю, но не пишу» по отношению к якутскому и русскому языкам, видимо, имеет разные характеристики. Если указанный уровень владения якутским языком, как мы пояснили выше, связан с его функциональной особенностью, то в ситуации с русским языком, на наш взгляд, предполагается более высокий уровень владения — умение воспроизводить текст, используя все виды речевой деятельности, т.е. создание коммуникативно и социально значимого содержания. Данный уровень по отношению к русскому языку встречается как у якутов, так и у русских [Современная этноязыковая ситуация..., 2013, с. 30], однако менее социально значим, так как русский изучается в школьной программе, навыки чтения и письма на нем приобретаются всеми школьниками, но, как правило, навыки разговорной русской речи в моноэтнических селах ввиду отсутствия русской речевой среды выражены слабее. Следовательно, респонденты, указавшие уровень «говорю, читаю, но не пишу на русском языке», чаще являются выпускниками сельских школ, не получившими высшего образования и относительно недавно переехавшими в город.

Опросы, проведенные нами в 2007 и 2014 гг., зафиксировали незначительное повышение уровня владения якутским языком (табл. 3.2). Причем в данной ситуации нельзя однозначно отметить социолингвистическую обусловленность: возросло активное владение, владение якутской разговорной речью, а также количество говорящих с затруднениями; снизилось владение письмом и число

Таблица 3.2

Динамика показателей уровня владения якутским и русским языками (г. Якутск), %

Уровень владения	Якутский язык		Русский язык	
	2007 г.	2014 г.	2007 г.	2014 г.
Свободно говорю, читаю, пишу	77,6	80,6	92,1	86,4
Говорю, читаю, но не пишу	9,6	6,2	1,2	2,3
Говорю, но не читаю и не пишу	3,8	4,5	0	0
Говорю с затруднениями	3,2	4,3	6,3	10,3
Все понимаю, но не говорю	0,9	0,6	0	0,4
Понимаю общий смысл сказанного	3,4	3	0,4	0,4
Не владею	1,5	0,8	0	0,2

Таблица 3.3

Динамика показателей уровня владения якутским и русским языками (с. Чай), %

Уровень владения	Якутский язык		Русский язык	
	2007 г.	2014 г.	2007 г.	2014 г.
Свободно говорю, читаю, пишу	95,9	92,5	86,9	76,9
Говорю, читаю, но не пишу	2,1	3,8	3,4	3,8
Говорю, но не читаю и не пишу	2	3,7	0	0
Говорю с затруднениями	0	0	8,7	15,5
Все понимаю, но не говорю	0	0	1	1,9
Понимаю общий смысл сказанного	0	0	0	1,9
Не владею	0	0	0	0

саха, аудирующих, но не говорящих, а также совсем не владеющих якутским языком.

Кроме того, видим, что сокращается численность лиц, имеющих навыки чтения, свободно владеющих русским языком, владеющих письмом. Количество респондентов, испытывающих затруднения в русской речи, стало больше: 6,3 % в 2007 г. и 10,3 % в 2014 г.

В сельской местности среди якутов выявлена тенденция снижения языковой компетенции как в родном (на 3,4 %), так и в русском (на 10 %) языках, в наибольшей степени снизились показатели свободного владения русским языком и навыков русской разговорной речи (табл. 3.3).

«В целом доминирующая часть якутского населения двуязычна. Сместились акценты в тенденциях развития двуязычия: если в 2007 г. в общей совокупности ответов свободное владение русским языком у якутов в г. Якутске было на 14,5 % выше владения этническим языком, то в 2014 г. эта разница уже не столь ощутима и составляет 5,8 %» [Иванова, 2016а, с. 71]. На селе языковая компетенция в родном языке относительно стабильна, однако отмечается снижение уровня владения русским языком (92,5 и 76,9 %). Разница между показателями владения якутским и русским языками составляет 15,6 %.

У якутов уровень владения родным языком, безусловно, выше (табл. 3.4). Для респондентов характерна прямая корреляция двух основных показателей — наилучшее владение языком предполагает прямую языковую идентичность: родной язык определяет свободное владение языком, что отражает наличие этнического субстрата языка. При этом у незначительной части населения корреляция имеет отрицательный вектор: лица с низким уровнем владения якутским языком («все понимаю, но не говорю», «понимаю общий смысл сказанного») тем не менее признают его родным; индивид,

Таблица 3.4

Уровень владения якутским и русским языками в зависимости от показателя этноязыковой идентичности (г. Якутск, 2014 г.), %

Уровень владения	Родной язык		
	Якутский	Русский	Оба
Свободно говорю, читаю, пишу	92	0,3	7,7
Говорю, читаю, но не пишу	78,1	3,1	18,8
Говорю, но не читаю и не пишу	65,2	8,7	26,1
Говорю с затруднениями	38,1	9,5	52,4
Все понимаю, но не говорю	33,3	—	66,7
Понимаю общий смысл сказанного	6,3	56,3	37,5
Не владею	0	100	0

свободно владея этническим языком, может считать своим родным русский язык.

Безусловно, «якутский язык обучения в школе или изучение части предметов на якутском языке предполагают более высокую языковую компетенцию в якутском языке» [Иванова, 2016б, с. 181] (табл. 3.5). Обучение на русском языке с 1-го по 11-й (10-й) классы обуславливает более низкую языковую компетенцию в якутском языке. Якутский язык обучения в школе или преподавание части предметов на якутском языке рассматриваются нами как факторы более высокого владения якутским языком. Но в ходе дальнейшей социализации в зависимости от уровня образования прямая зависимость сменяется обратной — ниже всего уровень свободного владения родным языком у респондентов с законченным высшим образованием (75 %). Это продолжает тенденции прошлых лет, подтверждая тем самым известную закономерность об отрицательном

Таблица 3.5

Уровень владения саха якутским языком в зависимости от языка обучения в школе (г. Якутск), %

Уровень владения	Язык обучения				
	Якутский	Русский	Преимущественно якутский	Русский, якутский как отдельный предмет	Русский и якутский
Свободно говорю, читаю, пишу	97,3	24	100	74,6	92,2
Говорю, читаю, но не пишу	1,3	24	0	7	3,3
Говорю, но не читаю и не пишу	1,3	14,7	0	7	2
Говорю с затруднениями	0	13,3	0	7	2,6
Все понимаю, но не говорю	0	4	0	0	0
Понимаю общий смысл сказанного	0	14,7	0	4,4	0
Не владею	0	5,3	0	0	0

влиянии уровня образованности на владение этническим языком. Таким образом, в ответах современных носителей якутский язык имеет признаки социально маркированного кода.

Во всей совокупности респондентов (кроме молодых людей 17–25 лет) по сравнению с 2007 г. замечен рост свободного владения якутским языком, при этом активное владение им более распространено в среде горожан старшего возраста, а количество невладеющих снизилось (табл. 3.6).

В трех возрастных группах, кроме самых молодых саха, наблюдается повышение показателей свободного владения родным языком. При этом становится значимым показатель уровня владения «говорю, но не читаю и не пишу» у трех групп опрошенных (кроме респондентов от 26 до 35 лет), а также уровня «говорю с затруднениями» во всех возрастных группах. Увеличение числа опрошенных, имеющих лишь разговорные навыки («говорю, но не читаю и не пишу») и сложности в реализации якутской речи («говорю с затруднениями», «понимаю общий смысл сказанного, но не говорю»), характерно для 17–25-летних респондентов. Таким образом, в группе лиц 17–25 лет обнаруживаем две противоположные тенденции: 1) сохранение дос-

Таблица 3.6

Динамика самооценки респондентами разного возраста уровня владения якутским языком (г. Якутск), %

Уровень владения	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	старше 50
Свободно говорю, читаю, пишу	$\frac{84,9^*}{78,1}$	$\frac{66,7}{78}$	$\frac{73}{81,5}$	$\frac{78,9}{88,9}$
Говорю, читаю, но не пишу	$\frac{5,9}{5}$	$\frac{11,1}{8,3}$	$\frac{12,7}{8,1}$	$\frac{15,8}{3,7}$
Говорю, но не читаю и не пишу	$\frac{1,3}{4,5}$	$\frac{11,1}{4,6}$	$\frac{1,6}{4,8}$	$\frac{2,7}{3,7}$
Говорю с затруднениями	$\frac{5,3}{6}$	$\frac{3,3}{4,6}$	$\frac{0}{2,4}$	$\frac{0}{2,5}$
Все понимаю, но не говорю	$\frac{0,6}{0}$	$\frac{2,3}{0,8}$	$\frac{0}{1,6}$	$\frac{0}{0}$
Понимаю общий смысл сказанного	$\frac{2}{5,4}$	$\frac{4,4}{3,7}$	$\frac{7,9}{0}$	$\frac{0}{1,2}$
Не владею	$\frac{0}{1}$	$\frac{1,1}{0}$	$\frac{4,8}{1,6}$	$\frac{2,6}{0}$

* В числителе указаны данные за 2007 г., в знаменателе — за 2014 г.

таточно высокого уровня владения якутским языком у части молодых саха; 2) снижение активных умений в якутской речи, распространение пассивного уровня владения якутским языком. В целом табл. 3.6 показывает динамику активных разнонаправленных этноязыковых процессов в городской общности саха.

Причины этого связаны, во-первых, с системой образования, так как массовая сельско-городская миграция не была своевременно обеспечена социальной инфраструктурой (недостаток школ, детских садов с этнокультурным компонентом и сегодня остается острой проблемой); во-вторых, с тем, что период социализации данной группы опрошенных совпадает с началом массовой компьютеризации школ республики и населения в целом. Оснащение компьютерами в Якутии было всегда одним из лучших в ДФО и РФ [Учащиеся и школьники..., электронный ресурс] и сегодня продолжает оставаться таковым. Из этого следует, что саха 17–25 лет, представленные в нашем опросе данными 2014 г., это та часть молодежи, в повседневную реальность которой в конце 1990-х годов интенсивно были включены ИКТ. Разнообразие ИКТ (игровые приставки в середине 1990-х годов, телефоны, соцсети, канал «You Tube» и т.д.) имело как позитивное, так и негативное воздействие на детей и молодежь, проявлявшееся в том числе в снижении читательского спроса [Комплексный анализ деятельности учреждений..., 2016], продолжительности живого общения и, как следствие, — языковой компетенции.

Мы согласны с В.М. Саввиновым в том, что «вопрос оценки образовательных достижений по родным языкам и национальной культуре не приобрел большого общественного значения, а остается внутренним делом самой региональной системы образования как элемент учебного процесса общеобразовательных учреждений» [Саввинов, 2013, с. 104]. А вместе с тем, как пишет автор, тестирование учащихся 3–8, 10-х классов, проведенное в 2012/13 уч. г. Министерством образования РС (Я), выявило устойчивую тенденцию снижения качества знания якутского языка в старших классах; в 2012 г. правом сдавать ЕГЭ по якутскому языку и литературе воспользовались всего 136 выпускников общеобразовательных школ.

Безусловно, в сельской местности языковая компетенция в родном языке выше — разница в свободном владении якутским языком у городских и сельских саха варьируется от 4 % у респондентов старшего поколения до 14,3 % у лиц среднего возраста (26–35 лет) (табл. 3.7).

Во всех возрастных группах городских саха языковая компетенция в русском языке выше языковой компетенции в якутском языке: у самой молодой группы — на 3,4 %; у респондентов 26–35 лет — на

Таблица 3.7

Языковая компетенция саха в якутском языке в зависимости от урбанизированности и возраста (2014 г.), %

Уровень владения	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	старше 50
Свободно говорю, читаю, пишу	$\frac{78,1^*}{91,7}$	$\frac{78}{92,3}$	$\frac{81,5}{92,9}$	$\frac{88,9}{92,9}$
Говорю, читаю, но не пишу	$\frac{5}{0}$	$\frac{8,3}{7,7}$	$\frac{8,1}{0}$	$\frac{3,7}{7,1}$
Говорю, но не читаю и не пишу	$\frac{4,5}{8,3}$	$\frac{4,6}{0}$	$\frac{4,8}{7,1}$	$\frac{3,7}{0}$
Говорю с затруднениями	$\frac{6}{0}$	$\frac{4,6}{0}$	$\frac{2,4}{0}$	$\frac{2,5}{0}$
Все понимаю, но не говорю	$\frac{0}{0}$	$\frac{0,9}{0}$	$\frac{1,6}{0}$	$\frac{0}{0}$
Понимаю общий смысл сказанного	$\frac{5,4}{0}$	$\frac{3,6}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{1,2}{0}$
Не владею	$\frac{1}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{1,6}{0}$	$\frac{0}{0}$

* В числителе указаны данные по г. Якутску, в знаменателе — по с. Чай.

Таблица 3.8

Уровень владения якутов-горожан якутским и русским языками в зависимости от возраста (г. Якутск), %

Уровень владения	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	старше 50
Свободно говорю, читаю, пишу	$\frac{78,1^*}{81,5}$	$\frac{78}{93,8}$	$\frac{81,5}{90}$	$\frac{88,9}{91,2}$
Говорю, читаю, но не пишу	$\frac{5}{0,5}$	$\frac{8,3}{2,1}$	$\frac{8,1}{4,5}$	$\frac{3,7}{2,9}$
Говорю, но не читаю и не пишу	$\frac{4,5}{0}$	$\frac{4,6}{0}$	$\frac{4,8}{0}$	$\frac{3,7}{0}$
Говорю с затруднениями	$\frac{6}{16,4}$	$\frac{4,6}{4,1}$	$\frac{2,4}{5,5}$	$\frac{2,5}{5,9}$
Все понимаю, но не говорю	$\frac{0}{0,5}$	$\frac{0,9}{0}$	$\frac{1,6}{0}$	$\frac{0}{0}$
Понимаю общий смысл сказанного	$\frac{5,5}{0,5}$	$\frac{3,7}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{1,2}{0}$
Не владею	$\frac{1}{0,5}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{1,6}{0}$	$\frac{0}{0}$

* В числителе указан уровень владения якутским языком, в знаменателе — русским.

15,8 %; 36–50 лет — на 8,5 %; старше 50 лет — на 2,3 %. В целом языковая компетенция лиц 17–25 лет, проживающих в г. Якутске, в обоих языках ниже, чем у остальных респондентов (табл. 3.8).

В с. Чай языковая компетенция в родном языке в зависимости от возраста опрошенных оценивается как более равномерная: от 91,7 % у молодых саха до 92,9 % у лиц старше 50 лет. Языковая компетенция в русском языке варьируется от 58,3 % у саха среднего возраста (26–35 лет) до 85,7 % у якутов 36–50 лет. У молодых респондентов языковая компетенция в русском языке достаточно высока и составляет 83,3 % (табл. 3.9). Анализ показал, что уровень русской языковой компетенции выше у школьников и учителей, в рамках учебной программы использующих русский язык, т.е. языковая компетенция обусловлена родом деятельности.

Стремление к выявлению наибольшего числа корреляций языковой компетенции и социальных параметров, в том числе экспликации признака престижности/непрестижности языка, соотносимо с экономическим благополучием этнофора, послужило поводом установить в качестве одной из социолингвистических переменных уровень доходов респондентов.

Таблица 3.9

Уровень владения якутов-селян якутским и русским языками в зависимости от возраста (с. Чай, 2014 г.), %

Уровень владения	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	старше 50
Свободно говорю, читаю, пишу	$\frac{91,7^*}{83,3}$	$\frac{92,3}{58,3}$	$\frac{92,9}{85,7}$	$\frac{92,9}{78,6}$
Говорю, читаю, но не пишу	$\frac{0}{0}$	$\frac{7,7}{0}$	$\frac{0}{7,1}$	$\frac{7,1}{7,1}$
Говорю, но не читаю и не пишу	$\frac{8,3}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{7,1}{0}$	$\frac{0}{0}$
Говорю с затруднениями	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{41,7}$	$\frac{0}{7,1}$	$\frac{0}{14,3}$
Все понимаю, но не говорю	$\frac{0}{8,3}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$
Понимаю общий смысл сказанного	$\frac{0}{8,3}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$
Не владею	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$

* В числителе указан уровень владения якутским языком, в знаменателе — русским.

Таблица 3.10

Уровень владения саха якутским языком в зависимости от уровня дохода (г. Якутск), %

Уровень владения	Средний доход в месяц, тыс. руб.				
	до 13 (28 %)*	13–25 (24,4 %)	25–40 (30,2 %)	40–70 (15,7 %)	выше 70 (1,3 %)
Свободно говорю, читаю, пишу	75,4	87,7	82,1	74,3	100
Говорю, читаю, но не пишу	7,7	6,2	4,1	9,5	0
Говорю, но не читаю и не пишу	3,5	3,8	3,4	8,1	0
Говорю с затруднениями	6,3	0	5,5	4,1	0
Все понимаю, но не говорю	0	0,8	0	2,7	0
Понимаю общий смысл сказанного	5,6	0,8	4,1	1,4	0
Не владею	1,4	0,8	0,7	0	0

* В скобках указана доля респондентов с данным уровнем дохода из всей совокупности опрошенных.

Корреляция показателей уровня владения языком и этноязыковой идентичности отражает прямую зависимость: у лиц с наиболее высоким доходом обнаружилось свободное владение якутским языком, при этом их количество среди наших респондентов незначительно — 1,3 % (табл. 3.10). В то же время нельзя утверждать, что самые небогатые слои населения плохо владеют якутским языком — если учесть, что в опросе 36,9 % составили студенты вузов г. Якутска, основной доход которых составляет ежемесячная стипендия, достигавшая в 2014 г. суммы от 3100 руб.³ [Иванова, 2015а]. Тем не менее студенты составляют 74,5 % среди респондентов, свободно владеющих якутским языком. Данные по среднему доходу в месяц в корреляции с уровнем владения родным языком позволяют отметить, что нет четкой зависимости этих параметров — достаточно значимо количество лиц с различным уровнем владения среди респондентов с двумя родными языками (якутским и русским). Показательна корреляция якутов с родным русским языком, в большинстве своем имеющих средний и низкий уровни жизни.

С некоторой долей условности, поскольку миграция населения из улусов с последующим трудоустройством продолжается, можно отметить, что уровень доходов зависит от решения множества проблем. Можно утверждать, что в условиях г. Якутска экономически стабильное положение предполагает лучшее владение родным языком. При этом наличие высшего образования, которое отрицательно влияет на языковую компетенцию, о чем говорилось выше, теряет свое значение, т.е. в настоящее время высшее образование не всегда

³ Величина прожиточного минимума по РС (Я) в целом, установленная на I квартал 2014 г., составляла 12 310 руб. на душу населения.

предполагает высокий уровень благосостояния семьи. И указанные параметры по-разному коррелируют с уровнем владения якутским языком [Иванова, 2015а].

В ответах на вопрос «Как Вы оцениваете уровень жизни и достаток Вашей семьи?» в силу различия индивидуальных запросов и потребностей несколько нивелируется влияние уровня владения языком (табл. 3.11).

Наиболее высокий уровень владения зафиксирован у лиц, оценивающих свое благосостояние как очень высокое и как очень низкое. Также 90,6 % опрошенных с высоким достатком свободно владеют якутским языком. Основная масса ответивших относит себя к людям со средним достатком, собственный уровень владения языком ими оценен чуть ниже, чем у респондентов с более высоким доходом.

В целом указанное выше подтверждает неоднозначный характер связей между переменными: корреляция уровня владения родным языком и экономического благосостояния этнофора, соотносимая с признаком престижности/непрестижности языка, имеет как положительное, так и отрицательное значение, на что, на наш взгляд, повлияли продолжающиеся урбанизационные процессы. Однако нельзя не заметить предпосылки к установлению прямой корреляции между свободным владением родным языком и экономически стабильным положением.

Общеизвестно, что урбанизация тесно связана с таким негативно оцениваемым сегодня процессом, как этническая ассимиляция. В настоящее время в российском коммуникативном пространстве

Таблица 3.11

Результаты корреляции уровня владения якутским языком и благосостояния семьи (г. Якутск, 2014 г.), %

Уровень владения	Уровень жизни семьи				
	Очень высокий (0,2 %*)	Высокий (6,5 %)	Средний (79 %)	Низкий (13,4 %)	Очень низкий (0,9 %)
Свободно говорю, читаю, пишу	100	90,6	79,7	77,9	100
Говорю, читаю, но не пишу	0	3,1	6,5	7,4	0
Говорю, но не читаю и не пишу	0	3,1	4,7	4,4	0
Говорю с затруднениями	0	0	4,6	4,4	0
Все понимаю, но не говорю	0	0	0,5	1,5	0
Понимаю общий смысл сказанного	0	3,2	3	4,4	0
Не владею	0	0	1	0	0

* В скобках указана доля оценивших респондентов из всей совокупности опрошенных.

актуальна закономерность: чем выше степень урбанизированности, тем ниже уровень владения этническим языком и выше степень владения русским языком. Наш материал показал, что на селе уровень владения родным языком выше, однако пассивное владение якутским языком тоже отмечается (см. табл. 3.3; 3.7). В то же время не обнаружены совершенно не владеющие якутским языком респонденты. В связи с этим далее рассмотрим, как параметр урбанизированности влияет на языковую компетенцию и уровень воспроизводства родного языка у горожан-саха (табл. 3.12). Больше всего не владеющих якутским языком в группе коренных горожан. Доля свободно владеющих родным языком среди них составляет лишь 14 %, что на фоне других групп на первый взгляд кажется незначительным. Однако она составляет 50 % от всех участвовавших в опросе респондентов-саха, родившихся в г. Якутске. Следовательно, 50 % родившихся в г. Якутске якутов свободно владеют родным языком и воспроизводство родного языка на указанной территории происходит.

Дальнейшая корреляция данных опроса выявила закономерный факт: зафиксирована обратная зависимость владения якутским языком от возраста среди саха, родившихся в г. Якутске. Так, показатель свободного владения якутским языком в этой группе наиболее высок у самой молодой возрастной группы (17–25 лет) и составляет 51 %, у 26–35- и 36–50-летних — по 21,6 %, наиболее низкий показатель у самых старших — 5,9 %. Таким образом, еще раз подтверждается, что половина молодежи саха, родившейся в столице республики, свободно владеет родным языком. Это показывает рост престижа родного языка у якутской молодежи, наличие ресурсов воспроизводства якутского языка.

Таблица 3.12

Уровень владения якутским языком в зависимости от продолжительности проживания респондентов в г. Якутске (2014 г.), %*

Уровень владения	Родившиеся в Якутске	Прибывшие в Якутск		
		1–3 года назад	4–10 лет назад	более 10 лет назад
Свободно говорю, читаю, пишу	14	19	16,3	41,6
Говорю, читаю, но не пишу	33,3	3,3	3,3	33,3
Говорю, но не читаю и не пишу	31,8	9,1	9,1	27,3
Говорю с затруднениями	57,1	9,5	9,5	4,8
Все понимаю, но не говорю	33,3	0	0	33,3
Понимаю общий смысл сказанного	100	0	0	0
Не владею	100	0	0	0

* Сумма ответов в столбцах не равна 100 %, так как в таблице показана детерминация языковой компетенции коренных жителей г. Якутска и сельско-городских мигрантов.

Далее рассмотрим, насколько родной язык является аппаратом реального мышления среди саха.

Предполагалось, что высокая языковая компетенция в родном языке формирует преимущественно якутоязычное мышление. Однако по данным опроса в г. Якутске, несмотря на высокий уровень владения родным языком, лишь 49,6 % ответили, что думают на якутском или больше на якутском, 21,4 % — на русском, 29 % — на обоих языках (в с. Чай эти показатели достигли 86; 2 и 12 % соответственно). Респондентам молодого и среднего возраста привычнее думать на обоих языках. Также выяснилось, что старшему поколению свойственно мышление на родном языке (табл. 3.13). Наблюдается различие в выборе языка мышления в зависимости от гендерной принадлежности: у мужчин мышление на родном языке происходит чаще, чем у женщин, — 55,7 и 46,7 % соответственно. Примечательно, что в нашем опросе все респонденты указали язык мышления, который нелегко зафиксировать в ситуации с билингвами.

С точки зрения психолингвистики, различающей координативный, субординативный и смешанный типы билингвизма [Верещагин, 1969], преобладающую часть респондентов в г. Якутске (49,6 %) и сельской местности (86 %), ответивших, что они думают на этническом, родном языке, можно причислить к типу «субординативный билингвизм», при котором доминирует родной язык билингва, т.е. «говорящий воспринимает второй язык через родной язык, несмотря на отличия этих языков» [ССТ, 2006, с. 220].

По нашим данным, 29 % горожан и 12 % сельских жителей, языком мышления которых являются якутский и русский языки, представляют координативный тип билингов. При координативном типе «первый и второй языки билингва автономны в его сознании и не смешиваются в его речевой практике. В частности, на семантическом уровне каждому из языков соответствует свой набор понятий, закрепленных за соответствующими лексическими единицами; на грамматическом уровне — грамматические категории двух языков не

Таблица 3.13

**Выбор респондентами языка мышления в зависимости от возраста
(г. Якутск, 2014 г.), %**

Язык мышления	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	старше 50
Якутский	43	45,8	57,5	60,5
Русский	28,7	18,7	15,1	14,8
Якутский и русский	28,3	35,5	27,4	24,7

смешиваются, в результате чего интерференция минимальна» [ССТ, 2006, с. 97].

Смешанный тип билингвизма рассматривается вслед за Л.В. Щербой как тип индивидуального двуязычия, характеризующегося регулярным смешением языков. «В наиболее выраженных случаях этого рода, когда люди в общем свободно говорят на обоих языках, у них создается своеобразная форма языка, при которой каждая идея имеет два способа выражения, так что получается в сущности единый язык, но с двумя формами» [Щерба, 1974, с. 115]. Представленность данного типа билингвизма среди городского населения очевидна, все чаще наблюдается она и среди жителей села, имеет тенденцию к росту, более того — в последнее время принимает стихийный характер. И если учесть массовое проникновение в якутский язык лексических заимствований, чаще из русского и английского языков, представляющих новые реалии и потому не имеющих соответствующего эквивалента в якутском языке (например, *силовой экстрим, инновационные технологии, виртуальное пространство, сетевой бизнес, фитнес-инструктор, нюдовый макияж* и т.д.), а также использование в речи часто употребляемых устойчивых словосочетаний (*министерство образования и науки, министерство здравоохранения, агентство по продаже недвижимости* и т.д.), то вовемя координировать речь на обоих языках становится весьма затруднительно для большинства современных носителей якутского языка. План выражения в силу законов аналогии и экономии усилий воплощается на русском языке. При этом необходимо отметить, что продуктивный вид билингвизма развивается лишь в условиях двуязычной, многоязычной ЯС. В этом плане мы придерживаемся определения, данного Э.А. Григоряном: «...билингвом можно назвать человека, который живет и работает в условиях функционирования двух языков, является членом коллектива себе подобных людей, языковая деятельность которых характеризуется меной языка общения в зависимости от ситуации общения» (цит. по [Белоусов, 2001, с. 198]).

У 21,4 % горожан и 2 % селян, думающих на русском языке, обнаруживается бóльшая языковая компетенция в русском языке, нежели в якутском, и, возможно, преобладают установки и ориентации на русский язык.

Таким образом, внутренняя речь, продуцируемая в зависимости от уровня владения языком, показала наличие и условные доли числа городских и сельских якутов, принадлежащих к трем типам билингвизма. Соотношение преобладающих типов билингвизма (субординативного, координативного, смешанного) не соответству-

ет значениям языковой компетенции, отражающимся в итогах ВПН, в частности языковой компетенции в русском языке.

В целом в результате социолингвистической корреляции выявлены основные факторы, модифицирующие языковую компетенцию саха в условиях языковой неоднородности: прямая языковая идентичность, язык школьного обучения, урбанизация и возраст. В г. Якутске большую часть населения составляют выходцы из села, языковая компетенция которых перекрывает языковую компетенцию саха, родившихся в городе: например, языковая компетенция у саха — коренных горожан старшего возраста ниже, чем у молодых, а языковая компетенция всех саха, проживающих в Якутске, имеет прямую корреляцию с возрастом (чем старше, тем выше языковая компетенция в родном языке).

3.3. Языковая компетенция молодежи саха в качественном измерении

3.3.1. Экспликация языковой компетенции по итогам направленного ассоциативного эксперимента

Обнаруженная по итогам опросов 2008 и 2014 гг. тенденция к снижению языковой компетенции стала мотивацией к выявлению возможных причин возникновения данных негативных показателей этничности саха с применением методов психолингвистики, в нашем случае — направленного ассоциативного эксперимента. По мнению А.А. Леонтьева, основное значение ассоциативного эксперимента «заключается в возможности оценки не только количественной, но и качественной, в направленности на раскрытие содержательных, в том числе смысловых отношений, в которые включено тестируемое слово (понятие)» [2008, с. 13]. Продуктивность этого метода позволяет сделать лингвоконцептологическое описание результатов НАЭ, используя семантико-когнитивный анализ языка, итогом которого является вербальное представление содержания категории (концепта) в виде полевой структуры. Описание ядра коммуникативных категорий (концептов) якутского, русского, английского и китайского языков в коммуникативном сознании студентов-якутян (саха и русских), а также дагестанских студентов, общее и различное в их оценке указанных языков были представлены нами ранее [Иванова, 2012, 2017].

В данной работе согласно целям и задачам исследования область применения НАЭ локализована выявлением личностных установок носителей якутского и русского языков (установки последних

описаны в гл. 4) посредством анализа реакций респондентов на стимулы «якутский язык» и «русский язык», т.е. психолингвистическая часть имеет второстепенную роль и служит экспликацией к описанию компонентов ЯС.

Исходя из данных методологических установок, вслед за З.Д. Поповой, И.А. Стерниным мы использовали термин *коммуникативное сознание*. З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [2009] была разработана концепция коммуникативного сознания, позволяющая характеризовать в коммуникативных категориях его многочисленные атрибутивные свойства, в том числе выявлять восприятие респондентами тех или иных языков.

В пределах данного раздела результаты проведенных нами в 2008 и 2014 гг. НАЭ задействованы для экспликации якутского языка в коммуникативном сознании студенческой молодежи саха и выявления динамики их языковых установок по отношению к якутскому языку, имеющему статус родного языка у большинства из них. Продуктивность, репрезентативность НАЭ определены и в апробациях с русскими студентами, а также в рамках массовых социолингвистических опросов среди саха (2014 г.) и русских (2016 г.), итоги которых частично приводятся в гл. 4.

В эксперименте студентам задавался вопрос «Якутский язык какой?» и предлагалось записать пять первых ассоциативных реакций, пришедших в голову. Ассоциативное поле (АП) стимула «якутский язык» имеет преобладающую положительную характеристику, однако, как и предполагалось, здесь отразился весь спектр современных коннотаций данной коммуникативной категории. Результаты эксперимента представлены в табл. 3.14.

НАЭ показал, что якутский язык, родной для большинства испытуемых, в данное время представляется им сложным, трудным для изучения и использования. В то же время при первом НАЭ (2007 г.)

Таблица 3.14

**Описание ядра АП коммуникативных категорий «якутский язык», «русский язык»
в коммуникативном сознании студентов-саха в динамике**

«Якутский язык»		«Русский язык»	
2007 г.	2014 г.	2007 г.	2014 г.
Родной (93)* Сложный (40) Красивый (20)	Сложный (78 = сложный (40) + трудный (29) + <i>ыарахан</i> 'сложный' (4) + тяжелый (3) + <i>уустук</i> 'сложный' (2)) Родной (64) Красивый (47)	Великий (31) Красивый (29) Родной (29) Богатый (22)	Красивый (44) Богатый (33) Великий (33) Легкий (22)

* В скобках указана частотность ассоциативных реакций.

основную часть ответов составляла реакция «родной», что отражало в первую очередь значимость ценностного отношения к этническому языку как к национально-культурному явлению. Этноидентифицирующий мотив (64 реакции «родной») и положительная эстетическая оценка (47 реакций «красивый») также достаточно значимы в репрезентации данного понятия. Эстетическая, эмоциональная характеристика представлена большим числом реакций. Семантическая характеристика показывает трансформацию представления о родном (этническом для многих респондентов) языке в коммуникативном сознании студентов-якутов от базового культурного к прагматическому, утилитарному («сложный») при сохранении позитивных эстетических установок («красивый») на третьей позиции.

В АП среди единичных реакций достаточно показательно число лексем со значением или с компонентом значения «трудный», отражающих на самом деле когнитивный план: *длинный; долгий; неудобный; трудно; неудобно; иногда непонятный; запутанный; учить трудно некоторые слова; трудно понять; иногда совсем непонятный; затруднительный; сложнопишущийся; трудночитаемый; непонятно как образуются некоторые слова; очень длинные; трудно читаемые* и т.д. (см. приложение). При этом АП, передающее значение «трудность, сложность» якутского языка, намного шире представлено в последнем НАЭ (2014 г.), тогда как в первом (2007 г.) количество подобных реакций незначительно [Иванова, 2012, с. 54–79].

Анализ АП стимула «якутский язык» обозначил также следующий фактор «трудности» — ограниченность использования, узость этноязыковой среды, низкий престиж (2,4 %): *нераспространенный; малораспространенный; неизвестный вне республики; для якутов; не встречающийся; малоизвестный; потерянный; часто не используемый; невостребованный; неавторитетный; неизвестный; местный; деревенский* и т.д.

К сожалению, среди активной молодежи с высоким этническим и гражданским самосознанием такая оценка становится все более популярной. Поясним данное утверждение. В интервью, взятом корреспондентом электронного издания Sakhalife.ru у молодого программиста А. Иванова, разработавшего якутский машинный переводчик на сервисе Яндекс. Переводчик, находим лейтмотив АП, связанного с «трудностями»: «В условиях стремительной глобализации происходит *утрата* национальных языков, и эту тенденцию я ощутил на себе. У меня два родных языка — *русский* и *якутский*. В последнее время заметил, что мой якутский *не столь востребован*, и из-за недостаточности практики знания словно *теряются*. Осознав этот процесс, понаблюдал за другими, и с болью убедился, что это не

только моя *проблема*. Я глубоко задумался о родном якутском языке, его сохранении для будущих поколений. Спросил себя: “Что я лично могу сделать?” К сожалению, *потеря идентичности* — глобальная проблема современности. Изучив проблему сохранения национальных языков, я пришел к выводу о необходимости полноправного представления якутского языка в киберпространстве» (курсив наш. — *Н.И.*) [Якутский энтузиаст..., электронный ресурс].

Безусловно, реакции отражают наличие в якутском сообществе серьезных проблем во владении якутским языком, о чем свидетельствуют ответы и молодежи, и взрослых респондентов старше 25 лет. Так, в эксперименте 2014 г. в ответах лиц старше 25 лет преобладал этноидентифицирующий маркер (реакция «родной» встречается 134 раза), на второй позиции — степень сложности якутского языка («сложный» — 66, «трудный» — 39) [Иванова, 2017, с. 39].

Результаты НАЭ 2014 г. среди студентов-саха показали, что в ядре АП стимула «русский язык» дается наряду с превосходными оценками реакция «легкий», отражающая доступность, простоту, понятность русского языка для молодого билингва-саха, т.е. снова обозначается прагматическая составляющая коммуникативной категории. Симптоматично, что реакция «сложный», преобладающая в последнем НАЭ, переместила на вторую позицию реакцию «родной», что отражает установление «дистанцированности» от родного языка (см. табл. 3.14).

Можно предположить, что снижение интереса к овладению родным языком продиктовано как «сложностью» якутского языка, с точки зрения респондентов, и системными проблемами в его овладении, так и общемировыми тенденциями индивидуализации сознания молодежи. Наши предположения обосновываем тем, что в иерархии реакций на стимул «русский язык» у русских студентов тоже произошли подобные изменения, но реакция «родной» в ядре их коммуникативного сознания переместилась на третью позицию, т.е. дальше, чем у якутов: реакции респондентов в 2008 г. — *родной* (46), *сложный* (37), *могучий* (37), *великий* (34), *красивый* (33); в 2017 г. — *красивый* (50), *великий* (48), *родной* (40), *сложный* (38), *могучий* (36) (см. табл. 4.19).

Ключевую мысль публикаций последних лет на данную тему (см. [Широканова, 2009; Челомбицкая, 2011; и т.д.]) представим выдержкой из статьи А.А. Лариной: «Изменение ценностей современной молодежи связано с изменением общества в целом и трансформацией ценностей подрастающего поколения. В обществе произошел сдвиг к постмодернизации ценностей, который символизирует переход от материалистических к постматериалистическим ценно-

стям — самовыражению, самореализации, качеству жизни. Последнее в сочетании с такой ценностью, как толерантность, терпимость, в том числе к неопределенности, с потребностями в общении, в признании, в интеллектуальном и эстетическом удовлетворении, в свободе самовыражения, в политическом участии составляют ядро процесса постмодернизации. Итак, можно согласиться с отечественными исследователями, что столь распространенное сегодня мнение о меркантильности современной молодежи, ее прагматизме, обусловлено тем, что артикулирующие эти ценности молодые люди представляют не очень многочисленную, но весьма активную, целеустремленную и дерзкую часть нового поколения, способную мыслить и действовать не так, как поколение родителей. Следует отметить, что такое поведение молодежи — это ответ на вызовы времени. Поэтому необходимо видеть в современной молодежи важнейший социальный ресурс» [2015, с. 71].

Таким образом, экспликация языковой компетенции молодежи саха в итогах НАЭ позволила установить основные компоненты понятия «якутский язык», получить разнообразный материал от одного и того же круга респондентов, который дает возможность увидеть и воссоздать разные состояния динамической концептуальной системы «якутский язык».

3.3.2. Факторы снижения языковой компетенции саха в экспертных оценках

Следующей ступенью в выявлении снижения языковой компетенции стало изучение причин «усложнения» языка для молодежи посредством качественного исследования.

На вопрос «На Ваш взгляд, какие лингвистические и экстралингвистические факторы влияют на снижение языковой компетенции в родном языке среди якутской молодежи, почему родной язык для молодежи стал сложным для овладения?» эксперты во время интервью дали ответы, в которых называются следующие основные факторы ухудшения ситуации:

1. Недостаточно выверенная методика обучения родному языку в системе школьного образования: *«Изучение в школе (начиная с начальной школы) грамматики якутского языка в академическом ключе и что-то пока непонятное для меня в построении программы по якутской литературе (начиная с начальной школы) являются причиной того, что молодежь считает родной язык сложным для овладения. Может быть, это наблюдается только в городских школах, где сужена среда применения родного языка: не используются целые тематические*

пласты лексики (сельское хозяйство, природа и т.п.), которые еще активны в сельской местности и семьях, где есть бабушки, дедушки, которые могли бы приобщать к живой речи (в условиях определенной среды)... О программе по якутской литературе: лично мне приходится вести большую словарную работу со своими детьми, да и на то не всегда хватает времени и сил»; «Преподавание якутского языка в школах не соответствует реалиям и требованиям нынешнего времени»; «В учебных заведениях установлена самостоятельность выбора учебных планов, при профильном образовании больше внимания уделяется точным наукам; сокращение рабочих мест на предприятиях, в организациях и др.»; «В изменившихся социокультурных условиях лингвосферы, [в ситуации] языковой экспансии посредством СМИ и масскульта не меняется методика преподавания родного языка, она остается рутинной классно-урочной, что неприемлемо и неэффективно для современных детей».

Также есть особое мнение, к которому невозможно не прислушаться: *«Нет стабильной и хорошей методики обучения. Желание быстрой и чрезмерной якутизации имеет и обратный эффект. Ведь старшее и среднее поколение к этому не готово. Они говорят, пишут, учат в школе по старой орфографии, поэтому переход к новой орфографии встречает сопротивление старшего поколения, что не может не отразиться на овладении родным языком».*

2. Отрицательное влияние принципов, используемых в системе общероссийского образования: *«В настоящее время школьников, молодежь готовят отвечать на вопросы тестовых заданий, которые не включают развитие речи, мышления и собственного видения. Поэтому молодое поколение не видит и не испытывает потребности в более глубинном изучении родного языка. Во-вторых, влияние европейских стандартов на систему традиционных ценностей становится все более очевидным».*

3. Сокращение количества часов, отведенных на изучение родного языка: *«...минимальное включение родного языка в образовательную программу».*

4. Неудовлетворительное качество обучения родному языку: *«Из рук вон плохо, особенно преподаватели родного языка в детсадах и школах».*

5. *«Снижение интереса к чтению классической литературы на языке саха (многих не занимают тематика и проблематика этой литературы) и вообще к чтению».*

6. Отставание в разработке терминологии на якутском языке: *«Язык перестал развиваться. Отсутствие постоянно действующего института по терминологии пустило на самотек развитие якутского языка».*

7. Низкий уровень престижа якутского языка: *«Статусу якутского языка в органах власти не уделяется должного внимания, во властных кругах (глава наслега, улуса, исполнительные органы государственной власти республики) якутский язык ставится только после русского языка. Это наглядно показывают мероприятия (собрания, круглые столы), наглядные материалы (стенды, выставки, биллборды). Все это создает общественное мнение, что якутский язык никому не нужен и знание его не обязательно — что передается и молодежи»; «Он на самом деле не сложный, в г. Якутске просто непрестижный, поэтому молодежь, даже прекрасно зная его, старается общаться на более статусном русском. Это особенно касается тех, кто недавно переехал в город»; «Молодежь не интересуется историей своего края»; «Молодежь почти не читает якутскую художественную литературу. Не слушает и не смотрит якутские передачи по радио и ТВ».*

8. Ограниченность социальных функций якутского языка: *«Нет художественной литературы для подростков, нет мультфильмов, художественных фильмов, нет специальных программ на якутском языке для подростков»; «Сужение реальных потребностей использования родного языка»; «Все зависит от языковой среды (город–село)»; «Необязательность языка саха для получения образования, профессии».*

9. Сложность якутского языка: *«Якутский язык по своему грамматическому, лексическому строю сложный для восприятия носителями языка в городской среде»; «Якутский язык тюркский и достаточно сложный для овладения, особенно, что касается письменной речи».*

10. Влияние русского языка: *«Влияние существующего пространства, основной язык общения для всех граждан государства единый»; «Давление общегосударственного языка».*

11. Ограниченность паритетного двуязычия; сдерживающим фактором русско-якутского билингвизма эксперты считают методику обучения якутскому языку для не владеющих им: *«Недостаточно разработана методика преподавания якутского языка для русскоязычных».*

12. Недостаточность мотивации владения родным языком в семье: *«Зависит от семейного воспитания, в семье не уделяется должного внимания лингвистическому воспитанию»; «Родители (особенно молодые) плохо владеют родным языком и поэтому мало говорят на нем с детьми».*

13. Недостаточность внедрения якутского языка в сфере новых информационных технологий: *«Факторы ежедневной потребности получения, обмена информацией (Интернет), отсутствие информации на родном языке в сферах, привычных для молодежи, считающихся модными».*

14. Нарушение баланса лексики и артикуляционной базы.

15. Смешение функций языков, например когда языком семейного общения становится неэтнический язык.

В ходе интервьюирования экспертного сообщества названо максимальное количество факторов снижения языковой компетенции, некоторые из которых представляют объективное видение проблемы и могут быть использованы при разработке рекомендации по дальнейшей реализации языковой политики в республике.

Языковую компетенцию городских саха часто определяет явление смешанной якутско-русской речи, которая считается экспертами наиболее неприемлемой [Иванова, 2007]. В продолжение данного дискурса был задан вопрос «Имеет ли необратимый характер явление смешанной речи на данный момент?». Содержание полученных нами ответов позволяет выделить три точки зрения на данную проблему: 1) эксперты согласны с необратимым, естественным характером рассматриваемого явления ввиду прагматики разговорной речи в условиях двуязычия: «*Быт определяет сознание*»; 2) оценивают развитие смешанной речи как необратимый процесс, постепенно приобретающий регулярность в узусе; 3) признают данное явление в качестве серьезной угрозы сохранности языка и возлагают ответственность за утрату норм языка на его носителей: «*Язык саха имеет устойчивую литературную норму и документированные образцы речи разных стилей, поэтому абсолютной необратимости утраты чистоты языка нет, в любой момент, даже после смерти последнего носителя, язык саха можно будет практически полностью восстановить. Другое дело, если понимать вопрос под другим углом: может ли повыситься культура речи в современном обществе саха? Думаю, это в основном зависит от самих носителей языка и только в малой степени от внешних причин. То есть это обратимо. Была бы воля*».

Эксперты считают, что наличие у якутского языка литературной формы дает надежду на его оздоровление: «*В какой-то части населения она (смешанная речь. — Н.И.) имеет очень устойчивый характер. Для интеллигенции, овладевшей якутским литературным языком и культурой речи, [данное явление] обратимо*»; «*...в обиходной разговорной речи смешанная речь имеет необратимый характер. В литературном языке смешанную речь можно свести к минимуму*».

Часть интервьюируемых отрицает необратимость данного речевого явления: «*Не имеет, язык можно возродить на основе новых современных подходов. Но в то же время, если бездействовать в течение 5–10 лет, в школах появятся учителя, которые уже не являются носителями чистого якутского языка. В этом случае начнется необратимый процесс*»; «*Смешанная речь связана с процессом урбанизации. Но, во-первых, на данное явление можно повлиять в результате хорошо*

спланированной нормализаторской работы; во-вторых, это связано с индивидуальными врожденными способностями каждого человека. Есть много людей, говорящих одинаково хорошо на нескольких языках».

В целом стабильность уровня владения родным языком у саха поддерживается внутрирегиональными миграционными потоками носителей якутского языка, свободно владеющих им. Несмотря на сильные урбанизирующие и, как следствие, русифицирующие процессы, уровень владения якутским языком у взрослого населения этнических якутов старше 25 лет достигает 80 %. Сохраняется влияние уровня образования на языковую компетенцию.

Снижение якутской языковой компетенции у молодежи детерминировано множеством различных факторов, основными из которых признаются следующие:

- недостаточно высокий функциональный статус якутского языка, проявляющийся в его неполном функционировании в органах власти, устной публичной речи, сфере визуальной информации, создающий мнение о необязательности его употребления и знания;

- влияние европейских стандартов на систему традиционных ценностей; невысокий интерес молодежи к изучению истории своего края, сужение реальных потребностей в использовании родного языка;

- функциональное доминирование русского языка, несбалансированное двуязычие, ограниченность паритетного двуязычия;

- недостаточность внедрения якутского языка в области новых информационных технологий;

- недостаточно выверенная методология обучения родному языку в системе школьного образования (язык учебников на родном языке сложен для восприятия современными детьми и их родителями; содержание преподавания якутского языка в школах не соответствует реалиям и требованиям нынешнего времени; самостоятельность выбора учебных планов в учебных заведениях вызывает наблюдаемое минимальное включение родного языка в образовательную программу; при профильном образовании установлен приоритет точных наук; несовершенство федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС); используемая в учебных заведениях система тестирования ограничивает развитие речи, мышления и собственного видения, потребность в более глубоком изучении родного языка, снижает качество обучения); снижение интереса к чтению классической (якутской, русской, зарубежной, мировой) литературы;

- неприятие новой орфографии старшим поколением учителей якутского языка;

— отставание в разработке терминологии якутского языка;
— внутривидовые особенности якутского языка, сложные для усвоения.

Мнение экспертного сообщества по этому вопросу сконцентрировано вокруг сферы образования, многочисленных проблем методики обучения, что указывает на системность нерешенных проблем в данный период.

По поводу нормализации смешанной речи ответы оказались неоднозначны, но большинство уверены в локальности ее распространения, а именно в пределах разговорной речи, и отсутствии предпосылок для проникновения в структуру языка.

Симптоматично, что ни одним из 23 экспертов при ответе на предыдущий и данный вопросы в качестве фактора снижения языковой компетенции молодежи саха не была названа низкая мотивация к изучению родного языка. Следовательно, мотивация существует, можно говорить лишь о ее снижении.

3.4. Основные виды нарушений орфоэпических, лексических, грамматических, стилистических и орфографических норм якутского литературного языка

В данном разделе представлен собственно лингвистический аспект исследования ЯС, а именно характеристика интенсивности якутской устной речи билингов-саха в условиях двуязычия. В ходе лингвистического анализа мы определили: 1) проблемные зоны в реализации родного языка, т.е. качественные признаки современного якутского языка; 2) устойчивость/неустойчивость нарушений литературных норм в устной речи телередакторов республиканского телевидения. Сбор эмпирического материала (запись, расшифровка, анализ устной телевизионной речи) осуществлялся с 2012 по 2015 г. в режиме мониторинга. Параллельно проводились семинары для дикторов и редакторов с разбором их речи в эфире.

Нами проанализирована телевизионная речь в передачах новостного, развлекательного направлений и авторских программах за 2012–2013 гг. (24 передачи)⁴ и 2015 г. (12 передач) [Иванова, 2017, с. 214–259]. Устный и письменный (титры, рекламные тексты) материалы рассмотрены с точки зрения орфоэпических (узуальных),

⁴ Использованы данные отчета по НИР «Мониторинг средств массовой информации Республики Саха (Якутия) по соблюдению литературных норм государственных и официальных языков за 2012–2013 гг.», выполненной в рамках реализации ГЦП «Развитие образования в РС (Я)».

лексических, грамматических, стилистических и орфографических норм якутского литературного языка.

Нарушение орфоэпических норм. Наиболее характерными отклонениями от нормы на данном языковом уровне признаются произношение заимствований из русского языка в русском варианте и нарушение принципа гармонии гласных, что ведет к разрушению фонетической системы якутского языка. Такое явление наблюдается в речи ведущих как молодого, так и старшего возраста, в передачах официального и неофициального стиля: например, *интернетынан көрөр буолуохтара* (*интернетинэн* — «Саха сирэ», эфир от 09.02.2012 г.); *генеральной директора* (*дириэктэрэ* — «Саха сирэ», 09.02.2012 г.); *Аһаҕас эфирга* (*эпииргэ* — «Ярыгин турнира», 28.01.2012 г.); *АХШ президена* (*президентэ* — «Эргимтэ», 30.01.2012 г.); *Кытай коммунистической партиятын XVIII съезда* (*буолуохтаах сийиэхэ* — «Эргимтэ», 30.01.2012 г.); *Медиктарга* (*медиктэрэ*), *телевидениета* (*тэлэбидиэннэтэ*) («Саха сирэ», 23.01.2012 г.).

В речи молодых корреспондентов используются русские варианты давно освоенных якутским языком слов: *ложка*, *школа*, *тема* и т.д., что также считается нарушением правил.

Тенденцией последних 2–3 лет можно назвать переход на русское интонирование (или словесное ударение) в якутской устной речи, что является следствием активных языковых контактов. Чаше это происходит в использовании имен собственных, в рекламных анонсах: например, *Индира Ганди*, *Маргарэт Тэтчер* («Харах далыгар», 05.03.2013 г.); *Мария Антонова* («Геван», 12.03.2012 г.); *комбикорм* («Саха сирэ», 27.04.2013 г.); *Африк Симон* («Ток-шоу», 20.03.2013 г.).

Физиологические и акустические характеристики русского и якутского ударений существенно различаются, поэтому слово с русским ударением в потоке якутской речи звучит неестественно, воспринимается как чуждый элемент. Якутский исследователь Е.Н. Дмитриева отмечает: «Русское ударение является силовым или динамическим, поэтому безударные гласные фонемы подвергаются значительной редукции и изменяются не только по своей длительности, но и часто качественно» [2000, с. 17]. Указывая на принадлежность якутского языка к языкам со слабоцентрализующим ударением, автор справедливо утверждает, что «ударение (в якутском языке. — Н.И.) по силе произношения является гораздо слабее, чем в русском слове, следовательно, ударный слог по своей интенсивности почти не отличается от безударных. Гласные, хотя и ослаблены, но тем не менее произносятся почти так же отчетливо, как и под ударением, т.е. ударение в якутском не влияет на качество безударных гласных» [Там же, с. 18].

Нарушение лексических норм. Поскольку фонетические и морфологические процессы проникают в контактирующие языки только вместе с лексикой и через лексику, в этом смысле она отражает степень взаимовлияния языков [Басакаов, 1972]. Потому особенно много нарушений, отклонений наблюдается именно на лексико-семантическом уровне (40 %).

Нас прежде всего интересует ситуация с использованием иноязычных лексических вкраплений, под активным влиянием которых происходят стихийные процессы. Непосредственно отражаясь в устной речи, неоправданные вкрапления служат показателем современного состояния якутского языка — смешанная речь, иноязычные вкрапления признаны этническими якутами как негативный, но характерный показатель современной якутской речи, как наиболее очевидный для неспециалиста и доступный наблюдению любого носителя языка [Иванова, 2007].

Речь современного якута независимо от возраста в большей или меньшей степени подвержена воздействию русской речи. В речи ведущих вкрапления встречаются в основном в бестекстовых передачах. В официальных и авторских программах вкрапления фиксировались редко: например, *Цветной өҥнөөх бизириилэр...* (өҥнөөх бизириилэр — «Саха сирэ», 04.04.2013 г.); *Төһө доступнай буоллулар?* (спортивной зааллар) (*Дьон төһө сылдыар буолла?* — «Атах тэпсэн олорон», 22.02.2013 г.); *...молодежтары билэбин* (эдэр ыччаты — «Киэһэлик», 22.03.2013 г.); *Аллаҕа* (Алайыаха — «Саха сирэ», 09.11.2013 г.).

Обилие смешанной речи слышим в передачах развлекательного жанра (в частности, «Киэһэлик», «Көрдүм ини, иһиттим ини»). Причем создается впечатление, что переход на русский язык задуман авторами передачи в виде тропа либо фигуры речи. Вряд ли такое переключение обоснованно, хотя, несомненно, есть прагматическая составляющая: *Россия смотрит на Вас. Кытаатын. Кыратык ностальжилаатылар* («Киэһэлик», 22.02.2013 г.).

В данное время массовое заимствование ведет к изменению качества якутской речи. Теперь «буквальный перевод, которым активно пользуются, смещая исконный вариант, имеющийся в языке, приобретает фразеологическую устойчивость» [Иванова, 2016а, с. 73]. Подобным образом нарушается узуальная норма якутского языка. Социолингвистический анализ показывает, что использование буквального перевода свойственно в основном городскому населению, т.е. социально обусловлено, но напрямую зависит от языковой компетенции говорящих. Данное явление сейчас часто встречается и в речи носителей якутского языка с высокой языковой компетенцией, что связано с доминирующей русской языковой средой и глубоким

проникновением русских языковых стереотипов в якутскую речь: например, *Голливуд инникилээн иһэр*/Голливуд впереди всех (*Голливуд инники күүнгэ* — «Кинозавод», 26.02.2013 г.); *Кинилэр ылбыт наҕараадалара тарбахха баппат*/Не сосчитать на пальцах одной руки (*Кинилэр ылбыт наҕараадаларын киһи ааҕан сиппэт* — «Саха сирэ», 30.08.2013 г.); *Тобо мин мань бастакынан истэбин?*/Почему я об этом слышу впервые? (*саҕа истэбин* — «Киэһэлик», 17.02.2013 г.).

Имеются случаи нарушения сочетаемости в результате искажения компонентного состава фразеологизмов: например, *Хара килиэби сиир дьон күүнэрин эмиэ таһаардылар* (*күүнэрэ эмиэ табыста* — «Саха сирэ», Чурапчы, 15.02.2013 г.); *...кулунун кээспит* (*кулун кээспит* — «Саха сирэ», 17.02.2012 г.); *Турар мастыы бырахта* (*хаалларда* — «Саха сирэ», 25.06.2012 г.).

То же происходит в результате пропуска лексически значимой части предложения; при контаминации двух выражений: например, *тыа хаһайыстыбатын (наукаларын) доктора* («Саха сирэ», 27.03.2013 г.); при контаминации двух выражений, которая обычно наблюдается в устной речи и приводит к появлению таких конструкций, где совмещаются части обоих оборотов: *Дипломгун ситиһиилээхтик бүтэрэн* (*үөрэххин бүтэрэн + дипломгун көмүскээн* — «Ток-шоу», 15.05.2013 г.); *Ону эн хайдах саныгынын?* (*туох дии саныгынын + хайдах сыаналыгынын* — «Атах тэпсэн олорон», 22.02.2013 г.); *...режиссер ити ситиһиитинэн тохтообокко* (*ситиһиитинэн мунгурдаммакка + ситиһиитигэр тохтообокко* — «Кинозавод», 26.02.2013 г.); *Хомойуох быатыгар* (*хомойуох иһин + буолуох быатыгар* — «Кинозавод», 26.02.2013 г.).

В ходе анализа речевого материала выявились многочисленные нарушения лексических норм в использовании однокоренных либо формально похожих слов, вследствие чего страдает семантическая сторона высказываний. Это объясняется паронимией — явлением частичного звукового сходства слов (паронимов) при их семантическом различии (полном или частичном). Структурное сходство паронимов обуславливает их известную смысловую соотносительность: *Састаап уларыйан, ырыаһытара эдэримсийэн...* («Саха сирэ», 29.05.2013 г.); *Рак ыарытынан ыалдыааччы эдэримсийэн иһэрэ бэлиэтэнэр* («Саха сирэ», 29.05.2013 г.); *Университеккытын/аатын түһэрэн* (*түһэн*) *биэримиэххитин баҕарар буоллаххытына* («Харах далыгар», 21.02.2013 г.); *Бэйэ иннитин көрөр* (*иннин көрүнэр*) *сыалтан дьарыктанарга санаммыт* («Атах тэпсэн олорон», 22.02.2013 г.); *Бэйэ бэйэбитин билэр* (*билсэр*) *дьон кэлэн турабыт* («Харах далыгар», 31.01.2012 г.); *Култуура эйгэтигэр сыстыгас* (*сыстаҕас, сыһыаннаах*) *дьон* («Ток-шоу», 22.01.2012 г.); *Кылынан өрүүнү баһыйбыта* (*баһылаабыта*) («Саха сирэ», 04.06.2012 г.) и т.д.

Встречаются неправильные словообразовательные модели, иногда приводящие к искажению значения слов: например, Бууро *ааһыныабынаабар* (*ааһыабынаабар*) эбиш... («Күнтэн күн», 14.07.2012 г.).

Имеются случаи употребления слов в несвойственном для них значении, происходящие по субъективным причинам (недостаточное владение нормами языка, незнание точного значения, некорректное использование синонимов, омонимов): например, *Кылгас собус эбиппин дии* (*намыһах* — «Кизэһэлик», 19.04.2013 г.).

Нарушение грамматических (грамматико-морфологических и грамматико-синтаксических) норм. Анализ показал, что синтагматические отношения русской синтаксической системы интенсивно используются в устной якутской речи и, более того, встречаются в газетных текстах.

В телевизионной речи многочисленны случаи инверсии. Их природа многообразна. Характер устной спонтанной речи (законы, принципы превалирования смысла над формой), условия эфира (стресс, психологическая нагрузка) способствуют тому, что чаще сначала актуализируется предикат (как наиболее значимая часть в потоке речи) и только затем менее значимая часть предложения. Основными причинами инверсии, на наш взгляд, служат влияние русской синтаксической модели и внутренние синтаксические изменения в самом якутском языке. Инверсия принимает массовый характер: из речи проникает в тексты газет, регулярна в устной публичной речи [Иванова, 2011].

Однако в устной телевизионной речи инверсию можно квалифицировать не как нарушение, а как синтактико-стилистический недочет: *Сахалыы киинэ хаһан төрүттэммитин // Саха сиригэр* (*Саха сиригэр сахалыы киинэ хаһан төрүттэммитин* — «Кинозавод», 05.05.2013 г.); *Телевидение дьонугар улахан үөрүү буолар // Манньык сана оборудование кэлэрэ* (*Манньык сана оборудование кэлэрэ тэлэбидиэннэ дьонугар улахан үөрүү буолар* — «Кинозавод», 05.05.2013 г.); *Уон алтыс чыыһылаба музей аан дойдутаабы күнэ* (*аан дойдутаабы музей күнэ* — «Саха сирэ», 18.05.2013 г.).

Н.С. Валгина [2001] отмечает в современных языковых процессах русского языка ослабление синтаксической связи, происходящее по причине ослабления падежных функций в рамках предложения, а также экспансию именительного падежа, увеличение количества несклоняемых имен, отсечение управляемых имен в подчинительных словосочетаниях с обязательными распространителями. Все чаще фиксируются аналогичные нарушения и в якутской речи. Так, в последние 2–3 года стала заметна тенденция к несклонению имен

существительных. Подобное «застывание» формы есть деструктивное изменение, сопутствующими факторами которого можно признать элементарное незнание правил якутского языка, в некоторых случаях — спонтанность устной речи: *Бастагы уруһуйдаммыт клип (килиби) устубут* («Кинозавод», 12.02.2013 г.); *Клип (килиби) онгоруу туһунан* («Кинозавод», 12.02.2013 г.); *Эбээн норуот (норуотун) мааны тангаһын тигэр* («Геван», 23.05.2013 г.); *Спорт сэнээрээччилэригэр (спорду сэнээрээччилэргэ)* («Саха сирэ», 08.08.2013 г.); *Оболоор, эһигини «Туллукчаан» («Туллукчаанга») ынгырабыт* (рекламное объявление).

«В якутском языке слова с собирательным значением обычно имеют форму единственного числа и понимаются как имена, выражающие совокупность, неделимое множество предметов. Они не встречаются в форме множественного числа ...В речевой практике нарушения в использовании категории числа существительных и их согласовании в пределах предложения происходят чаще под влиянием категории числа в русском языке — таким образом, наблюдается интеркаляционное влияние» [Иванова, 2011, с. 186]. Например: *Доруобуйаларынан хааччахтаах дьоннор* (дьон — «Ток-шоу», 20.02.2013 г.); *Эн Санкт-Петербурга үөрэнэр кэмнэргэр* (кэмнэр — «Ток-шоу», 20.02.2013 г.); *Уон үлэһиттэри үлэлэтэр* (үлэһити — «Саха сирэ», 21.07.2013 г.); *Күрэхтэһиигэ биһиги спортсменнарбыт 9 кыһыл көмүс уонна 10 боруонса мэтээллэри ыларга ситистилэр* (мэтээли ылары — «Саха сирэ», 06.03.2013 г.); *...үгүс олимпиадалар кыайыылааҕа* (кыайыылаахтара — «Кизэһэлик», 20.02.2013 г.); *Дьобурдаах оболор туһунан* (тустарынан — «Кизэһэлик», 20.02.2013 г.); *Уонна бэтэрээннэр өрөспүүбүлүкэтээби сүбэттин* (сүбэлэрин) *бэрэссэдээтэлэ* (рекламное объявление); *Удуустааҕы коллегаларбыт бэлэмнээбит сюжеттын көрүүххэйин* (сюжеттарын — «Үчүгэйиэн бу сирэ», 07.08.2013 г.).

Падежное управление представляет серьезные затруднения в речевой практике билингвов, поэтому ошибки в нем встречаются и в текстовых, подготовленных передачах. «Чем шире круг управляющих слов, захватываемых речью говорящего и из бытовой речи не всегда ему хорошо известных во всех их свойствах, и прежде всего синтаксических, тем более расшатывается нормативная грамматика в области управления» [Лаптева, 2001, с. 233]. То же отмечается и в якутском языке: *...бу ыйытыыга ситтэрэн* (ыйытыыттан — «Харах далыгар», 30.04.2013 г.); *Бу туһунан дьаһалы республика президенэ Егор Борисов бу күннэргэ илиитин баттаата* (дьаһалга — «Саха сирэ», 06.03.2013 г.); *...10 боруонса мэтээллэри ыларга ситистилэр* (мэтээли ылары — «Саха сирэ», 06.03.2013 г.); *Эдэр ыал ыччат квартала* онгорор *сыаллаах* (кварталын — «Саха сирэ», 08.04.2013 г.); *Лена өрүһү тую-*

руур муостаны **тутууга 200-тэн тахса тэрилтэ интэриэһиргир** (ту-тууну — «Саха сирэ», 12.03.2012 г.); **Өссө биир ыарааһынынан** килиэккэ **киирдэ** (ыарааһын — «Күнтэн күн», 01.06.2013 г.).

Нередко встречается употребление перифрастических, аналитических конструкций вследствие автоматического переноса русской синтаксической модели, конверсивов: например, *Тустуу ХХ-с олимпийскай оонньууларга **киирэ суобун сөп** (олимпиада программаттан тахсар кутталланна — «Саха сирэ»); **Билбэт буолаары гыннаххытына** (билбэтэххитинэ — «Ток-шоу» 20.02.2013 г.)* и т.д.

Нарушение стилистических норм. Стилистические ошибки в основном возникают из-за неуместного использования стилистически сниженных слов (слов разговорного стиля, просторечий, жаргонизмов), а также неправильного употребления грамматических форм и некорректного синтаксического построения предложений: *Буруйу управляющей компанияба **сыбыр** (түһэрэр — «Саха сирэ», 12.08.2012 г.); ...ис дьыала отделын сотрудниктара республикаба **элэхэй** оҕо өлүүтэ **аччаата** диэн (ис дьыала отделын сотрудниктара өрөспүүбүлүкэбэ кыһыл оҕо өлүүтүн ахсаана абыаата диэн — «Саха сирэ», 29.01.2013 г.) [Иванова, 2016а, с. 74]; ...**тыа хаһайыстыбатын** (— **наукатын**) **доктора** («Саха сирэ», 27.03.2013 г.); **Араас хабааннаах** **головоломкаларга умса түһэлэр** (головоломкаларынан үлүһүйэлэр — «Саха сирэ», 25.02.2013 г.); ...**үлэлииргэ куустээхтик** санаммыт дьон (дьаныардаах үлэбэ — «Саха сирэ», 29.01.2013 г.); **Саха кыһа барахсан маннык эриэхэбэй** дьүһүннээх **киһини таптаабыта** (дьулаан — «Кинозавод», 26.02.2013 г.); **Бнырык** дьикти кэрэ айылбалаах (дьикти кэрэ айылбалаах — «Киэһэлик», 22.03.2013 г.).*

«Канцелярит, ...книжно-письменные элементы отражаются в якутской речи нагнетанием аффиксов притяжательности, нарушающим узуальную норму» [Иванова, 2011, с. 187], нагромождением синтаксических конструкций, что препятствует восприятию телезрителя: *...республика **тыатын хаһайыстыбатын салалтата** билигин ханнык политиканы туттарый? («Саха сирэ», 12.06.2013 г.); Биир күннэ тэннэ **икки араас жанрдаах** киһинэ куорат кинотеатрдарыгар прокатка тазыста («Кинозавод», 16.04.2013 г.).*

Примеры нарушения стилистических норм: *Соппор үөрэбин **мастара** (Суоппар үөрэбин **маастара** — «Күнтэн күн», 01.09.2013 г.); Сангаардаабы филиалын **лесничейа** (лесничэйэ — «Саха сирэ»); **Барыыны сэрэтэр** **отдел сэбиэдиссэйэ терапевт** **быраас** (терапевт-быраас — «Саха сирэ»); **Үөһээ-Бүлүү, Орто-Халыма улууһа** (Үөһээ Бүлүү, Орто Халыма улууһа), **землеустроителя** (землеустроителэ — «Саха сирэ»); **«Чуораанчык» физкультурага инструктора** (физкультураба — **типр** — «Саха сирэ», 22.02.2013 г.) и т.д.*

Нарушение орфографических норм. В 2012–2013 гг. наблюдались многочисленные орфографические ошибки в оформлении рекламных текстов, в титрах официальных передач, что привело к утрате доверия к национальному телевидению. Сотрудники рекламного отдела, ответственные за оформление титров, должны владеть нормами якутского литературного языка и, принимая материалы заказчиков, обязаны следить за соответствием текстов литературным нормам.

Таким образом, выявленные нарушения норм якутского языка, в том числе речевые недочеты, связанные с устным характером речи, квалифицируются в основном как типичные для всего якутоязычного сообщества, происходят по объективным (влияние второго языка, недостаточная кодификация якутского литературного языка) и субъективным (незнание правил, недостаточность профессиональных качеств) причинам. Наиболее массовыми являются нарушения орфоэпических норм при заимствовании из русского языка и посредством русского языка иноязычной лексики, а также нарушения правил 58а–в якутского языка⁵ [Сахалыы таба суруйуу..., 2002]. Степень проницаемости уровней языка, количество нарушений на том или ином уровне, выявленных в ходе анализа речи и текстов, неравномерны. Примерное соотношение нарушений литературных норм якутского языка дикторами и ведущими НВК «Саха» является следующим:

Тип ошибок	Доля в общем объеме проблемных зон, %
Орфоэпические ⁶	10
Лексические	40
Грамматические	20
Стилистические	10
Орфографические	20

⁵ Правило 58а основывается на соблюдении принципа сингармонизма: если в корне заимствованного слова имеется хоть один гласный заднего ряда (*a, o, y, ы*) либо гласные *я, ю*, то в его аффиксе должны быть представлены *ы* и *a* (например, университет — университет*ы*, химия — химия*ны*, юрист — юри*һы* — юри*стан*). Согласно правилу 58б: если корень заимствованного слова содержит гласные только переднего ряда (*и, e, э*) либо слог *-тель*, то в аффиксе должны быть использованы гласные *и, э* (например, президент — президе*ни* — президе*ннэ*, рейс — рейс*э* — рейс*инэн*, преподаватель — преподавател*ьэ* — преподавател*инэн*). Правило 58в гласит: если в последнем слоге корня имеются гласные *у, ю, ё* или ударный *o*, то в корне пишутся гласные *у, a* (например, Бекренёв — Бекренё*ву*, парашют — парашю*ту*, Серов — Серо*ву*, мазут — мазу*ту*; не: Бекренё*ви*, парашю*ты*, Серо*вы*, мазу*ты*).

⁶ Выделение данного типа ошибок носит условный характер, так как произношение заимствований из русского языка в русском варианте, а также нарушение правил 58а–в (Правила орфографии якутского языка, 2002 г.) при изменении форм имен существительных являются массовыми.

Далее для сопоставления видов нарушений норм якутского литературного языка и выявления их устойчивости нами приводится анализ материалов за 2015 г.

Нарушение орфоэпических норм. Нечеткая артикуляция звуков в потоке речи относится к коммуникативно-прагматическому виду орфоэпических ошибок. Четкость артикуляции — важнейшее качество речи, показатель высокого профессионализма ведущего, диктора. Данный вид ошибок (в передачах официального характера они считаются ошибками) отмечается в любой позиции в слове, но чаще в его начале и середине в произношении сдвоенных согласных. При недостаточной суггестивности речи страдает произношение якутских звуков /ɕ/ и /h/ [Иванова, 2017]:

1) «Саха сирэ», 02.08.2015 г.: *...идэтийбит кадрдар хаһаангытааҕар да ирдэнэллэр, ...баараҕай ситим толору кыабынан Һлэлээн бардаҕына; Чэчир культура дьиэтэ алта (Һ)үүс (сүүс) квадратнай миэтирэ, Баһаарга икки (Һ)үүс (сүүс); (Һ)үүс (сүүс) алта уон квадратнай миэтирэ, түөт (түөрт);*

2) «Саха сирэ», 26.09.2015 г.: *Һорох Һирдэринэн Һөҥүүлээх (сорох сирдэринэн сөҥүүлээх); от ыйын 24 күнүгэр Һарсыарда (сарсыарда); Һыллаахха (сыллаахха); Һыларга (сылларга); эт кэнсирбэтин Һыаната (сыаната); Һулууспалар (сулууспалар); эрэл Һанаалаахтар (санаалаахтар); гинекологической Һулууспалар (сулууспа) үлэтин;*

3) «Көрдүм ини, иһиттим ини!», 17.08.2015 г.: *болҕойбут/кэргэн таххаары (тахсаары) сылдыар кыргыттар;*

4) «Тыыннаах дорҕоон», 14.08.2015 г.: *бассар (барсар) диэтин, син биир айыллан таххыта (тахсыта) туспа;*

5) «Кинозавод» 25.07.2015 г.: *Аны ити туох диэн кэпсээбитэ дии бээтэ (бэйэтэ) кэлэ сылдыан бу; Отто ити холобура эн иннэ (итиннэ).*

Нарушение лексических норм. Данные нарушения, отклонения от норм наблюдаются обычно на лексико-семантическом уровне и имеют лингвоэкологический характер.

На лексическом уровне наиболее заметны необоснованные вкрапления русизмов в передачах развлекательного характера: *Свадебнай туохтары эмиэ кизэргэтэр буолаххыт дии (уруу тэрээһинин — «Көрдүм ини, иһиттим ини!», 17.08.2015 г.); наһаа нежнай кыыска нежнай сибэкки (нарын-намчы — «Көрдүм ини, иһиттим ини!», 17.08.2015 г.); массыынаҕа праваҕа үөрэнэллэр... (ытар быраабы ылаары — «Көрдүм ини, иһиттим ини!», 17.08.2015 г.).*

Со временем большое количество неоправданных заимствований, буквальны́й перевод, автоматически воспроизводящийся

и массово отражающийся в речи, приводят к качественному изменению якутского языка. Так, буквальный перевод, который часто встречается в речи, приобретает фразеологическую устойчивость и черты узуальной нормы якутского языка: ...*элбэби бэйэбэр биллим* / много для себя узнал нового (*элбэби биллим* — «Спартакиада хаамыыта», 04.07.2015 г.); ...*ааспыт сайын сахалы киинэнэн баай буолла* / летний сезон был богат на фильмы местного производства (*ааспыт сайын элбэх сахалы киинэ табыста* — «Кинозавод», 16.04.2015 г.) [Иванова, 2016а, с. 73]; *Бастатан туран билиэби баҕарыллар* / хочется узнать (*билиэхпин баҕарабын* — «Сардаана», 25.07.2015 г.).

Также достаточно распространены нарушения лексико-семантической сочетаемости, происходящие в результате искажения компонентного состава фразеологизмов, незнания точного значения слов либо в случае смешения значений, пропуска лексически значимой части предложения: ...*киһи тылын истибэт* сылгыны (*иччитин истибэт*; *иччитэ буойарын истибэт* — «Саха сирэ», 04.04.2015 г.); *Борук-сорук көмөлөһөллөр* (сорук-билик — «Саха сирэ», 12.08.2015 г.); ...*оболоргутун хоско ытан кэбиһин уонна нум-нам* буолангыт (нам-нум — «Үтүө киэһэнэн», 17.09.2015 г.); *кыралыын-эмэннин бары спортка сыстыахтара* (*кыралыын-улаханньын*; *эдэрдийин-эмэннин* — «Саха сирэ», 22.11.2015 г.); *Тиэргэннэригэр малина тэтэрчи буһар* (*бие эмийэ* — «Саха сирэ», 12.08.2015 г.); *Бу идэҕэ саха киһитэ уруккуттан сыстыгаас* (*сыстаҕас* — «Саха сирэ», 12.08.2015 г.).

Нарушения грамматических (грамматико-морфологических и грамматико-синтаксических норм). Как современное языковое явление в русском и якутском языках отмечается ослабление синтаксической связи, что служит следствием ослабления падежных функций в рамках предложения. В последние годы отмечается тенденция к несклонению имен существительных. Например: *Үөһээ Бүлүү ытык-мааны ыал туһунан* (*ыалын* — «Саха сирэ», 08.08.2015 г.).

В речевой практике нарушения в использовании категории числа существительных и в их согласовании в пределах предложения продолжают отмечаться, более того, имеют тенденцию к росту: ...*уонна да атын фестиваллар кыайыылааҕа* буолар (*кыайыылаахтара* — «Саҥа күн», 24.12.2015 г.); ...*Лена кинотеатр үлэһиттэрэ көрсүбүтэ* (*көрсүбүттэрэ* — «Кинозавод», 25.07.2015 г.); ...*инникитин манньык күн күүһүнэн иттэрэр пууннар киэн эйгэҕэ тахсан күннэҕи олохпугар кириэз* *диэн бырайыак ааптардара санааларын эттилэр* (*кириэхтэрэ* — «Саха сирэ», 02.09.2015 г.); *Бүлүү улуһун күннэрэ салҕанар* (*салҕаналлар* — «Саха сирэ», 02.09.2015 г.); ...*бүгүн заповед-*

никтар уонна нааркалар кунэ бэлиэтэнэр (күннэрэ — «Саха сирэ», 02.09.2015 г.).

Падежное управление по-прежнему представляет серьезные затруднения в речевой практике: *Улахан спортсмен ыһыт дьарыгар оболор болбойон иһиттилэр* (дьарыгын — «Саха сирэ», 18.08.2015 г.); *Саха сиригэр бөрөбө бултааһын сабаланна* (бөрөнү — «Саха сирэ», 21.10.2015 г.).

Употребление перифрастических, аналитических конструкций вследствие автоматического переноса русской синтаксической модели, конверсивов не отмечено.

Нарушение стилистических норм. Стилистические недочеты регулярно фиксируются в передачах. Например, если в передаче «Кинозавод» от 14.08.2015 г. употребление формы *уруут-уруккаттан* не является грубой ошибкой, то в официальном выпуске новостной передачи («Саха сирэ», 12.08.2015 г.) данная форма считается стилистическим недочетом: *Бу идэбэ саха киһитэ уруккаттан...* (разг.) — *уруккуттан* (лит.).

Канцелярит, влияние публицистического стиля, книжно-письменные элементы в передачах 2015 г. встречаются редко.

Нарушение орфографических норм. В речи телеведущих установлена устойчивость многочисленных нарушений орфографических норм якутского литературного языка:

1) «Саха сирэ», 02.08.2015 г., 14 нарушений: *эфиирга, комитетын, режима, устуденнар, ньиэф, студеннар, комитетын, комитет, президена, директора, телевидениета, министиэрстбэтин, километр, агрошкола*;

2) «Саха сирэ», 17.08.2015 г., 8 нарушений: *эфиирга, тонна, телевидениета, министра, тэлэвиидьэньийэтэ, министиэрстбэтигэр*;

3) «Саха сирэ», 24.08.2015 г., 6 нарушений: *эфиирга, министиэрстбэтин, министерствотын, министр, министиэрстбэ, кэмитет*;

4) «Саха сирэ», 17.08.2015 г., 6 нарушений: *эфиирга, режима, министиэрстбэ, рейда, рейда, телевидениета*;

5) «Саха сирэ», 12.08.2015 г., 3 нарушения: *эфиирга, министерстватын, министерстибэтигэр*;

6) «Саха сирэ», 26.09.2015 г., 5 нарушений: *министерстбэ, рейда, миниистрэ, министиэрстибэ, студеннара*;

7) «Кинозавод», 14.08.2015 г. (1 нарушение: *эфиирга*).

В оформлении титров, рекламных текстов орфографические ошибки встречаются редко.

Сопоставление проблемных зон реализации якутского литературного языка в передачах НВК «Саха» в 2012–2013 и 2015 гг. показало положительную динамику в соблюдении языковых норм

(табл. 3.15). Анализ речевого материала выявил в основном грамматические нарушения: грамматико-морфологические и грамматико-синтаксические. Реже стали допускать лексические ошибки.

Выявлены многочисленные нарушения норм якутского языка, квалифицируемые как интеркаляционные [Карлинский, 1980], т.е. происходящие под влиянием системы русского языка. Однако весь-

Таблица 3.15

Сопоставление видов нарушений норм якутского литературного языка в передачах НВК «Саха» в динамике (2012–2013 и 2015 гг.)

Нарушения норм, зафиксированные в 2012–2013 гг.	Тенденции, отмеченные в 2015 г.	Основные тенденции
1. Орфоэпические ошибки (52)*		
1.1. Нарушение закона гармонии гласных якутского языка	Сохраняется в новостных передачах	Снижение
1.2. Русское интонирование (или словесное ударение) в потоке якутской устной речи (5)	Не отмечено	»
1.3. Нечеткая артикуляция (26)	Сохраняется (28)	Сохранение
2. Лексические ошибки		
2.1. Необоснованные вкрапления из русского языка на лексико-семантическом уровне — 40 % всех зафиксированных нарушений (14)	В новостных передачах не отмечены, сохраняются в развлекательных и авторских программах (11)	Локальное снижение
2.2. Явление буквального перевода (11)	В официальных передачах не отмечено, сохраняются в авторских программах (3)	»
2.3. Лексико-семантические нарушения (12) Частые нарушения: 1) искажение компонентного состава фразеологизмов; 2) незнание точного значения слов; 3) пропуск лексически значимой части предложения; 4) при контаминации двух выражений	Сохраняются в авторских передачах (8); происходят при неточном знании лексического значения слов либо в случае смешения значений слов	»
3. Грамматические ошибки: грамматико-морфологические и грамматико-синтаксические (13)		
3.1. Несклонение имен существительных; наблюдается в последние 5 лет (3)	Зафиксирован один случай	Снижение
3.2. Нарушения в использовании категории числа существительных и в их согласовании в пределах предложения; чаще происходят под влиянием категории числа в русском языке (3)	Сохраняются в текстовых и бестекстовых передачах (3)	Сохранение
3.3. Падежное управление; представляет серьезные затруднения в речевой практике, поэтому встречается даже в подготовленных текстах (5)	Зафиксированы четыре случая; чаще отмечается в бестекстовых программах	Умеренное снижение

Окончание табл. 3.15

Нарушения норм, зафиксированные в 2012–2013 гг.	Тенденции, отмеченные в 2015 г.	Основные тенденции
3.4. Нагнетание аффиксов притяжательности, нарушающее узуюльную норму, и нагромождение синтаксических конструкций (7); происходят в результате употребления большого количества книжно-письменных элементов, канцелярита, под влиянием публицистического стиля 3.5. Употребление перифрастических, аналитических конструкций; происходит вследствие автоматического переноса русской синтаксической модели, конверсивов (5)	Не отмечены »	Снижение »
4. Стилистические ошибки (10 %); редко происходят из-за неправильного употребления грамматических форм и при некорректном синтаксическом построении предложений (4), а также из-за неуместного использования слов сниженного стиля (разг., простореч., жаргон.)	Сохраняются в авторских и развлекательных передачах; происходят при необоснованном повторе слов, неправильном употреблении грамматических форм (напр., усеченных форм, снижающих стиль), неуместном использовании слов разговорного стиля	Частичное снижение
5. Нарушения в оформлении титров, рекламных роликов: орфографические, пунктуационные ошибки; встречаются буквально в каждой передаче	В оформлении титров сохраняются; в письменном оформлении рекламных роликов отмечается снижение	Снижение

* В скобках указаны количество ошибок или доля ошибок в данной проблемной зоне из всей совокупности выявленных нарушений (%).

ма значительно количество нарушений и недочетов, объясняемых недостаточным владением якутским языком. Так, массовым остается нарушение орфоэпических норм, отмечается большое число лексических ошибок [Иванова, 2016а, с. 74]. Результаты анализа верифицированы экспресс-опросом с участием 20 экспертов (учителей-словесников, ученых-лингвистов): 16 из 20 респондентов отметили повышение культуры якутской речи на НВК «Саха» в 2012–2015 гг., четверо считают ее недостаточно высокой.

Однако при анализе современной устной речи, квалификации нарушений или речевых недочетов следует учитывать такое свойство языка, как изменчивость. По мнению Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки

[Вахтин, 2004], необходимо дифференцировать поколенческие и собственно возрастные различия. Язык меняется постоянно, и каждое следующее поколение, получая от родителей язык в одной форме, передает его своим детям несколько (или значительно как в эпохи ломки) измененным — что и составляет процесс языкового развития. Эти изменения в языке, по мнению авторов, можно определить как поколенческие. К таким различиям они относят тот факт, что язык старшего поколения более консервативен, а грамматические и лексические инновации, как правило, характеризуют детскую или молодежную речь. Стандартизированная, «усредненная» речь свойственна людям среднего возраста. Особенности возраста, связанные, например, с более спокойной, размеренной, чем у молодых, речью, характерными инновациями, неологизмами, исследователи относят к возрастным различиям [Там же, с. 78–79].

Учет изменений в языке/речи важен в оценке тенденций. Однако при анализе имеющегося у нас речевого материала не обнаружены различия, характеризующие данные изменения, поскольку изучалась речь ведущих в основном одного поколения, а интенсивность нарушений или речевых недочетов объясняется лишь официальным/неофициальным типом передач.

В целом можно отметить, что повышение культуры якутской речи за столь незначительный промежуток времени достигнуто с помощью создания соответствующих условий для более ответственной работы над текстами как устными, так и письменными: проведение мониторинга качества речи и регулярных семинаров с редакторами, корреспондентами; более тщательный подбор ведущих, выходящих в эфир; достаточное обеспечение их орфографическими словарями. Специальное социопсихолингвистическое исследование речи редакторов, ведущих [Иванова, 2015б] выявило следующие особенности их социолингвистического портрета:

— недостаточный уровень языковой компетенции в якутском языке;

— хорошая социальная база для развития якутского языка, что подтверждается показателями преобладающей прямой этноязыковой идентичности, наличием преобладающей якутской речевой среды в ситуации общения на работе, с ровесниками, друзьями, высокой значимостью родного языка в семейном общении, культивированием родного языка у детей;

— языковые ориентации, предпочтения в основных регулируемых и нерегулируемых сферах общения, в достаточной степени включающие компонент родного якутского языка;

— невысокая оценка результатов своей работы, что, возможно, свидетельствует о нереализованном потенциале, слабой мотивации к совершенствованию речевых навыков;

— недостаточность или отсутствие лингвистического самообразования, на что указали данные о том, что ведущие не просматривают передачи — результат собственной работы, не знают о наличии словарей по якутскому языку, необходимых в их сфере деятельности, мало читают книги на якутском языке.

Речевая культура редакторов, ведущих во многом зависит от их личных установок. При формировании собственных положительных установок на «хорошую» речь (термин О.Б. Сиротининой) и проведении ряда мероприятий по повышению профессиональной лингвистической подготовки (курсы, аттестация, организация постоянно действующей языковой службы на обоих государственных языках, конкурсы на безупречное владение языком среди молодых ведущих) можно за 1–2 года достичь позитивных результатов. Во многом налаживанию систематической языковой помощи в современных массмедиа (ТВ, печать, электронные печатные издания и т.д.) препятствует отсутствие соответствующих штатных единиц.

Качество речи зависит от профессиональной подготовки конкретного говорящего: ведущий или корреспондент, выходящий в эфир, должен хорошо усвоить правила якутского литературного языка, много читать якутскую классику, иметь подготовленный артикуляционный аппарат, быть эрудированным. Человек, без надлежащей лингвистической подготовки приступающий к озвучиванию передач, в особенности новостных, дискредитирует официальный государственный канал, национальное телевидение. Имея богатейший язык с устойчивой литературной нормой, профессиональный ведущий, редактор обязан донести до зрителей образцы выразительного, правильного якутского языка.

В целом выявленные нами нарушения норм якутского языка, в том числе речевые недочеты, связанные с устным характером речи, квалифицируются как типичные для речи всего якутоязычного сообщества, происходят по объективным (неоднородная языковая среда, влияние коммуникативно мощного русского языка) и субъективным (незнание правил, недостаточность профессиональных качеств) причинам. При создании условий для должного контроля, лингвистической поддержки их количество может быть снижено, что говорит об устойчивости норм якутского литературного языка.

3.5. Особенности устной речи саха на русском языке, обусловленные интерферентными явлениями

Качественный параметр исследования якутско-русского двуязычия, активных языковых процессов, отраженных в особенностях функционирования государственных якутского и русского языков в республиканских массмедиа, позволяет зафиксировать существенные изменения в языковой компетенции билингвов-саха [Иванова, 2011]. В данном разделе представлена динамика качественного развития русского компонента якутско-русского двуязычия с привлечением итогов лингвистического анализа устной речи саха на русском языке. Учитывая значительное влияние транслируемой по радио и телевидению звучащей речи на особенности речевой деятельности двуязычной аудитории, в качестве основного принципа исследования нами было использовано признание определенной зависимости уровня двуязычия от степени включенности аудитории в действие сферы телевидения и радио [Светана, 1976; Трескова, 1983; Федотова, 1997]. В анализе материала применялся нормативный аспект рассмотрения устно-речевых явлений телевизионной речи как коммуникативно-функциональной разновидности устной литературной речи [Лаптева, 2001], в которой варьируются ориентация на письменный текст и спонтанность.

В национальных республиках всегда актуальна задача сохранения норм русского литературного языка. Сегодня статус русского языка в РС (Я) определяется его функционированием в качестве: «1) государственного языка Российской Федерации; 2) одного из государственных языков Республики Саха (Якутия); 3) родного языка для этнических русских и русскоязычного населения других национальностей; 4) функционально первого языка для подавляющего большинства этнических русских и русскоязычного населения других национальностей; 5) второго языка, языка официального общения для этнических якутов с родным якутским языком; 6) языка межнационального общения практически для всего населения» [Иванова, 2019в, с. 102].

Итоги ВПН показывали устойчивый характер двуязычия, предполагающий поступательное развитие якутско-русского двуязычия. Так, доля якутов, свободно владеющих русским языком, возрастает: 1970 г. — 45,4 %; 1979 г. — 60,3 %; 1989 г. — 65 %; 2002 г. — 87,1 %; 2010 г. — 89,3 % [Социально-демографический портрет России..., 2012].

Однако наш последний опрос, проводившийся в 2014 г. в Якутске и с. Чай, показал снижение числа саха, свободно говорящих

и пишущих на русском языке, и увеличение количества затрудняющихся в русской устной речи как в городе, так и на селе (см. табл. 3.2; 3.3). При этом наибольшая отрицательная динамика прослеживается в группе молодых респондентов (табл. 3.16).

Динамика русской языковой компетенции в г. Якутске в данном случае объясняется социальными факторами, а именно последствием массовой сельско-городской миграции, при которой произошло замещение убывшего русскоязычного населения столицы жителями моноэтнических якутских сел с менее интенсивным использованием русского языка в повседневной практике и оттого несколько сниженной русской языковой компетенцией. Снижение уровня владения русским языком на селе может быть связано с миграционным движением, вследствие которого во многих сельских школах наблюдается нехватка учителей. Косвенно это подтверждается в работах исследователей, констатирующих, что образовательный уровень местного трудоспособного населения, участвующего во внутрирегиональных передвижениях из сельской местности в городскую, характеризуется высокой долей лиц с высшим и средним профессиональным образованием [Сукнева, 2018]. Факторы, влияющие на снижение языковой компетенции в русском и якутском языках, на наш взгляд, имеют много

Таблица 3.16

Динамика самооценки уровня владения русским языком респондентами-саха разного возраста (г. Якутск), %

Уровень владения	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	старше 50
Свободно говорю, читаю, пишу	$\frac{91,0^*}{81,5}$	$\frac{97,9}{93,8}$	$\frac{97,4}{90}$	$\frac{98,2}{91,2}$
Говорю, читаю, но не пишу	$\frac{1,6}{0,5}$	$\frac{0,7}{2,1}$	$\frac{1,7}{4,5}$	$\frac{0}{2,9}$
Говорю, но не читаю и не пишу	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$
Говорю с затруднениями	$\frac{6,9}{16,5}$	$\frac{1,4}{4,1}$	$\frac{0}{5,5}$	$\frac{1,8}{5,9}$
Все понимаю, но не говорю	$\frac{0}{0,5}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$
Понимаю общий смысл сказанного	$\frac{0,5}{0,5}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$
Не владею	$\frac{0}{0,5}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{0,9}{0}$	$\frac{0}{0}$

* В числителе указаны данные за 2007 г., в знаменателе — за 2014 г.

общего. Например, современные ИКТ, все более заменяющие живое общение, книги, воздействуют на уровень языковой компетенции в обоих языках. По-видимому, эта тенденция распространяется на молодежь всей республики.

В 2002 г. нами было проведено исследование интерферентных явлений в русской устной речи билингвов-саха [Иванова, 2002]. При анализе материала мы ориентировались на лингвистический аспект понятия двуязычия: под интерференцией мы понимали нарушения, возникающие в речи билингва вследствие отрицательного переноса умений и навыков из одного языка в другой (широкое толкование) [Вайнрайх, 1972, с. 31]. При этом, не отрицая классического определения сущности интерференции, предложенного У. Вайнрайхом, согласно которому она понимается как «случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта» [1979, с. 22], мы в своей публикации [Иванова, 2002] классифицировали интерференцию по источнику происхождения (межъязыковая, внутриязыковая) и характеру влияния родного языка на неродной (прямая, косвенная). Для разграничения фактов внутри- и межъязыковой интерференции в качестве рабочих были приняты определения, данные Ю.Ю. Дешериевой: «Интерференция, обусловленная влиянием родного языка говорящего на изучаемый, носит название межъязыковой (или внешней)» [1976, с. 95] и «...интерференция, вызванная взаимодействием форм (или моделей) изучаемого языка, характеризуется как внутриязыковая, или внутренняя» [Там же]. Также нами учитывалось мнение ряда исследователей (Е.М. Верещагин, Ю.Ю. Дешериева, В.Ю. Михальченко, А.И. Мучник, Е.А. Айбабина), которые относят ошибки, возникающие не по причине языкового взаимодействия, к явлениям внутриязыковой интерференции. Кроме того, вслед за В.Ю. Розенцвейгом [1972, с. 25] и К.З. Закирьяновым [1984, с. 47] при разграничении интерференции было принято дифференцировать ее на прямую и косвенную. При прямой интерференции вводятся элементы из первого языка, чуждые изучаемому языку, в результате чего происходит отклонение от норм второго языка. На практике косвенная интерференция выражается в сознательном упрощении речи на неродном языке и обеднении ее выразительности, обусловленных отсутствием в системе родного языка структур, элементов, имеющих в изучаемом языке.

Для определения диапазона влияния родного и второго языков индивида и других факторов в организации неисконной русской речи нами был принят термин «неисконная русская речь», предло-

женный Э.А. Григорьяном для обозначения «всей совокупности соответствующих речевых произведений» и рассматриваемый им «как особая форма существования (экзистенции) русского языка, функционирующего в качестве средства межнационального общения» (цит. по [Белоусов, 2001, с. 155]). Следовательно, данный термин актуализирует речь достаточно значимой части населения РФ — людей, которые не считают русский язык родным или единственным родным. Неисконная русская речь является продуктом национально-русского двуязычия, она синонимична широко употребляющимся терминам «русская речь нерусских», «русская речь билингов» [Там же].

Как показала оценка материалов 2000–2002 и 2005–2006 гг., по-прежнему не снижается актуальность преодоления явлений интерференции на всех уровнях языка. Анализ нарушений на фонетическом, морфологическом и лексико-семантическом уровнях выявил лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на качество речи билингва-саха [Иванова, 2011]. Специфика их речевых нарушений выражается в упрощении языкового кода (унификации, стандартизации выразительных средств второго языка), обусловленном влиянием родного языка и в не меньшей степени действием структур, моделей русского языка. Данная особенность предопределяет нарушения морфологических и лексико-семантических норм русского языка.

На фонетическом уровне русская речь билингов-саха в зависимости от степени владения русской разговорной речью подвергается значительному влиянию родного языка и действию законов устной или устной спонтанной речи (например: [йа]вления — [йи^е]вления; свет (свет) в конце тоннеля; в два раза увеличил[с'а] (увеличил[с'ь]).

Нарушение морфологических норм русского языка происходит под воздействием наибольшего числа различных факторов: под влиянием родного и второго языков, особенностей спонтанной речи, общеязыковых процессов, факторов, не обусловленных интерференцией (например: алкоголь запрещена (запрещен); кругозор должно быть выше (должен быть шире); занимался над культурой речи (культурой речи); перечислил на фонд (в фонд)).

На лексико-семантическом уровне ошибки и отклонения в значительной степени обусловлены действием прямой и косвенной, меж- и внутриязыковой интерференции (например: приехали здесь (сюда) из камчатской...; если раньше все шло энтузиазмом немногих людей (развивалось (продвигалось) на энтузиазме...); не хотелось бы, чтобы абитуриенты попали в криминальные условия (криминогенную ситуацию); сделали (разработали) программу и лечили детей; при

температуре минус пятьдесят вирус убивается (погибает)); на лексическом уровне — спецификой устной звучащей речи, также в разной степени подверженной влиянию родного языка говорящего (например: без помощи господдержки улусу не обойтись (без господдержки улусу не обойтись); очень огромная работа (огромная работа); я хотел бы акцентировать на этом (я хотел бы акцентировать внимание на этом)).

Интенсивность всех зафиксированных отклонений приблизительно одинакова во всех зонах некорректной реализации лексического и лексико-семантического уровней с учетом двойной квалификации некоторых типов. Прослеживается закономерность равного количества ошибок в речи профессиональных пользователей во всех зонах — 25 % от допущенных в каждой зоне.

Период повышения национального самосознания коренных народов, динамичное развитие республики во всех сферах жизнедеятельности нашли отражение в региональном варианте русского языка в виде актуализации местной лексики — расширилось тематическое, стилистическое разнообразие. «В русской речи наблюдается тенденция к произношению якутизмов в исконном варианте или близком к исконному варианту, что мы расцениваем прежде всего как результат межкультурного взаимодействия (в речи носителей русского языка), а также как своеобразную реализацию этнической функции языка в речи билингов» [Иванова, 2011, с. 201]. Так, в речи русскоязычных ведущих, редакторов официальных новостных программ, не владеющих якутским языком, зафиксировано более близкое к исконному произнесению якутизмов. В произношении гласных исчезли явные, грубые искажения типа *Сары-ал*, *Тёлкө*, «*Бҕҕы?гэн хомус*», отчетливее, слитно стали произноситься дифтонги (*Уолба*, *Ысыах*), продолжительнее — удлинённые гласные (русская ударная гласная по продолжительности короче удлинённой гласной якутского языка) и другие исконно якутские звуки [Там же].

Второй этап наблюдений за русской речью билингов-саха в 2013 г. показал существенное сокращение ошибок в выделенных нами ранее зонах: недифференциации, субституции, реинтерпретации, плюс-сегментации. Реже фиксируются отклонения, возникающие вследствие внутриязыковой интерференции под влиянием редукции русского языка, а также постепенно преодолевается влияние гармонии гласных якутского языка. Зоны влияния фонетической интерференции в целом сокращаются, иными словами, воздействие родного языка на продуцирование второго языка слабеет, становится незначительнее. Интерферентный фон ярче в речи саха старшего возраста и сельских мигрантов.

И наоборот, результаты последнего мониторинга дискурса СМИ на якутском языке, проведенного нами в 2012–2013 г., выявили многочисленные нарушения норм якутского языка, квалифицируемые как интеркаляционные (А.Е. Карлинский), т.е. происходящие под влиянием второго, приобретенного языка [Иванова, 2016в]. Так, массово встречаются нарушения орфоэпических норм якутского языка, происходящие под влиянием значительного заимствования единиц русского лексического фонда, а также нарушения лексических и грамматических норм.

В целом, если сравнить показатели языковой компетенции по итогам опросов 2007 и 2014 гг. в Якутске, можно сделать вывод, что у якутов уровень свободного владения русским языком выше уровня свободного владения этническим языком на 5,8 %. Общество до недавнего времени недостаточно осознавало проблемы снижения качества владения родным языком, речевой культуры. Так, по данным республиканского опроса, проводившегося в 2007 г., 6 % находят ее совершенно низкой, 12 % не задумываются об этом [Иванова, 2011]. В среднем 63 % якутов равнодушны к речевой культуре обоих языков, но проявили большую обеспокоенность состоянием русского языка, нежели якутского — за чистотой якутского языка следили в 2 раза реже, при этом многие саха были довольны уровнем грамотности республиканской якутоязычной прессы. И наоборот, в том же опросе 86 % русских ответили, что следят за нормами родной речи, т.е. строже относятся к соблюдению норм этнического языка. В опросе 2014 г. зафиксировано повышение внимания к культурно-речевому аспекту использования этнического языка у якутов, на что указывает приблизительно одинаковая оценка качества республиканских телевизионных передач на русском и якутском языках — 18,3 и 19,1 % соответственно.

* * *

Языковая ситуация в РС (Я) с учетом всей совокупности используемых на ее территории языков может быть охарактеризована как экзоглоссная, гетерогенная, гетероморфная, неравновесная, несбалансированная.

Этносоциопсихолингвистическая парадигма исследования выявила комплекс социолингвистических, лингвистических, психолингвистических значений обусловленности динамических тенденций в развитии языковой компетенции современных саха.

В г. Якутске языковая компетенция саха в родном якутском языке в целом имеет высокий уровень и составляет 80,6 % (в русском

языке — 86,4 %). Однако у респондентов 17–25 лет обнаруживается ее снижение, что свойственно и для их русской языковой компетенции. Снижение языковой компетенции молодежи в последние 20 лет обусловлено экстралингвистическими факторами, стимулируемыми распространением высокоскоростного Интернета и внедрением ИКТ в повседневную жизнь общества, которые, наслаиваясь на унифицирующие/нивелирующие процессы глобализации, создают мощное негативное воздействие на недоминирующие и миноритарные языки.

Стабильность уровня владения родным языком в городской общности саха сохраняется за счет внутрирегиональных сельско-городских миграционных потоков носителей якутского языка. Для якутской этнической общности в целом характерна положительная корреляция двух основных показателей: свободное владение языком предполагает прямую языковую идентичность — родной язык определяет свободное владение языком, что отражает наличие этнического субстрата языка. Высокий уровень владения родным языком предопределяется параметрами языка школьного обучения, возраста, уровня образования.

В сельской этнической общности сохраняется стабильно высокий уровень владения родным якутским языком во всех социодемографических группах — 92 % (русским языком — 76,9 %) с незначительной (3,4 %) отрицательной динамикой. Русская языковая компетенция снижена на 10 %, детерминирована возрастом и родом деятельности. При этом разница в свободном владении якутским языком у городских и сельских саха варьируется от 4 % у респондентов старшего поколения до 14,3 % у лиц среднего возраста (26–35 лет). Корреляция уровня владения родным языком и экономического благосостояния носителя якутского языка, соотносимая с признаком престижности/непрестижности языка, имеет как положительный, так и отрицательный векторы, на что, на наш взгляд, повлияли продолжающиеся урбанизационные процессы. Однако нельзя не заметить предпосылки к установлению прямой корреляции между свободным владением родным языком и экономически стабильным положением.

Изучение динамических показателей языковой компетенции саха, проживающих в г. Якутске, показало ее неоднозначность в данной общности. В процессе анализа нами были выявлены следующие тенденции:

— незначительное повышение уровня свободного владения родным якутским языком с 77,6 до 80,6 %, подразумевающее наличие активных навыков владения языком и обусловленное процессами

продолжающейся урбанизации этнических саха; снижение «промежуточного» («говорю, читаю, но не пишу») уровня владения языком с 9,6 до 6,2 %, что указывает на дальнейшее уменьшение объема активных и умеренное распространение разговорных навыков;

— снижение показателей уровня владения русским языком с 92,1 до 86,4 %, на что повлияло общее снижение речевой культуры в российском социуме, начавшееся в 1990-е годы и связанное с глубокими социально-экономическими трансформациями;

— уменьшение объема активных умений и умеренное повышение количества пассивных умений в якутской и русской языковых компетенциях у молодежи, детерминированные множеством факторов различного характера (несбалансированный билингвизм в языковом пространстве, недостаточно выверенная методика обучения родному языку в системе школьного образования, общемировые тенденции индивидуализации сознания молодежи, воздействие ИКТ и т.д.);

— реализация процесса воспроизводства родного якутского языка у саха 17–25 лет (51 % молодежи саха, родившейся в столице республики, свободно владеют родным языком, что отражает рост престижа родного языка в данной группе и наличие ресурсов для воспроизводства якутского языка), наличие позитивных языковых установок у молодежи по отношению к родному якутскому языку и одновременное снижение интереса к нему у части якутской молодежи.

Корреляция языка мышления и уровня владения языком, проведенная с точки зрения психолингвистики, различающей координативный, субординативный, смешанный типы билингвизма [Верещагин, 1969], выявила три типа билингвизма в полиэтнической городской и моноэтнической сельской общностях: в городском социуме саха наблюдается преобладание билингвов субординативного типа — 49,6 %, доля билингвов координативного типа равна 29 %; среди селян эти показатели составляют 86 и 12 % соответственно, что также указывает на высокую языковую компетенцию в родном языке и отражает условный характер значений владения языком в итогах ВПН в отношении русской языковой компетенции.

Постепенной трансформации подвергается типология нарушений литературных норм якутского и русского языков: в общей совокупности отрицательного речевого материала интерферирующее влияние норм родного якутского языка на продуцирование второго (русского) языка сокращается и замещается влиянием второго (русского) языка на родной якутский язык. Негативные речевые явления (смешанная якутско-русская речь, нарушения норм якутского языка) как следствие якутско-русского двуязычия характерны сегодня

для разговорной речи, происходят по объективным и субъективным причинам. Однако в данный период нет оснований говорить об их проникновении в структуру языка, поскольку якутский язык имеет устойчивую литературную норму и задокументированные образцы речи разных стилей.

Экспликация языковой компетенции молодежи саха по итогам НАЭ, с одной стороны, обозначила в ряду факторов, снижающих языковую компетенцию в родном языке, сложность, трудность в овладении современным якутским языком, ограниченность его использования, узость этноязыковой среды, низкий престиж; с другой — указала на дистанцированность от родного языка как у студентов-саха, так и у русских студентов (см. табл. 4.19), что свидетельствует о наличии общих объективных, воздействующих на молодое поколение социокультурных процессов, трансформирующих их ценности.

В целом в результате социолингвистической корреляции выявлены основные факторы, модифицирующие языковую компетенцию саха в условиях языковой неоднородности: прямая языковая идентичность, язык школьного обучения, степень урбанизированности и возраст. В г. Якутске большую часть населения составляют выходцы из села, и их языковая компетенция перекрывает языковую компетенцию саха, родившихся в городе: например, языковая компетенция у саха — коренных горожан старшего возраста ниже, чем у молодых, а языковая компетенция всех саха, проживающих в г. Якутске, имеет прямую корреляцию с возрастом: чем старше человек, тем выше языковая компетенция в родном языке.

Таким образом, для саха среднего и старшего возраста характерна стабильность якутской языковой компетенции, что указывает на наличие социальной базы языка. Языковая компетенция молодежи в наибольшей степени подвергается воздействию внутренних и внешних факторов. Вместе с тем перспективы развития этнического языка во многом зависят от их выбора: выберут они родной этнический язык, русский язык, являющийся функциональным языком для большинства, либо будут творчески реализовывать обе языковые компетенции, передавая билингвистическую, бикультурную ценность своим детям.

СУЩНОСТЬ И СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ САХА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РС (Я)

4.1. Основные параметры языковой идентичности саха и их языковые установки в доминантных коммуникативных сферах

4.1.1. Сущность и своеобразие языковой идентичности: этносоциопсихолингвистическая парадигма

В научной традиции сложилось несколько подходов к пониманию роли этнического фактора. Их различие определяется методологическими позициями, интерпретирующими природу этнических процессов. При этом основными подходами являются примордиализм, конструктивизм и инструментализм, каждый из которых по-своему трактует роль языка в структуре этничности.

С точки зрения примордиалистов, истоки этничности коренятся в изначальных этнических (племенных, родственных) связях, которые сложились исторически (Л.Н. Гумилев, Н.А. Бердяев, Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, Р.Г. Абдулатипов, Ю.П. Шабаев, А.П. Садохин и др.). Они воспринимают ее как объективную данность на протяжении всей истории человечества.

Конструктивисты считают, что нация — это искусственное образование, которое формируется властью для мобилизации населения с определенной целью. Государство, в частности, может создавать единый культурный языковой стандарт, чтобы ускорить переход общества от аграрного состояния к индустриальному (Э. Геллнер, К. Гирц). Для этого проводится специальная политика по формированию единой языковой системы на основе формулы «один язык — одна культура» [Haugen, 1961]. Закономерным продолжением данной формулы можно считать формулу «один язык — одна экономика».

Б. Андерсон [2016] считает этнические общности (нации) воображаемыми этническими сообществами, конструируемыми для достижения определенных политических интересов, а распространение грамотности, печатное слово, национальное самосознание — всего лишь инструментами, организующими массы. В российской этнологии на традициях конструктивизма стоит В.А. Тишков. Согласно данному подходу, общественно-исторические явления есть «продукты» человеческих действий и в этом смысле они — «социальные

конструкты», в том числе этносы, нации, национальности и народы. По мнению В.А. Тишкова, этносы представляют некую абстрактную воображаемую конструкцию, тогда как фактически существует лишь некоторое «культурное многообразие, мозаичный, не стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры» [1992, с. 5]. Автор предлагает отойти от позиции, рассматривающей реально действующие группы людей как теоретически сконструированные классификации или как законы общественной жизни, что представляет прорывной путь в решении политически важных задач в сфере межэтнических отношений [Там же, с. 5–7].

Российский этнолог Л.М. Дробижина в 2001 г. пишет о конструктивизме следующее: «Этнос с точки зрения конструктивизма — не устойчивая общность с культурными характеристиками, а общность людей, разделяющих представления о сходных чертах культуры, обладающая мифом об общем происхождении и солидарностью. Эти представления — результат усилий элит, этнической интеллигенции по формированию этнической общности. Если таково представление в обществе о народах–этносах, то задачей политиков, идеологов–социальных акторов остается сформулировать необходимые представления, а ненужные демонтировать. Этнополитика в таком случае имеет дело не с объектом в лице этнической группы, а с определенной ситуацией...

Конструктивистский подход не означает отрицания реальности существования народов. Если люди разделяют представления о существовании такой общности, как народ, национальность, то это есть реальность, которая имеет свои последствия» [2001, с. 170–171].

Инструменталистский подход в трактовке этноса реализуется как синтез двух противоположных позиций — примордиалистской и конструктивистской. В рамках этого подхода большое внимание уделяется феномену политизации этничности, использованию ее различными силами в качестве инструмента мобилизации, превращению этничности в фактор структурирования социальных отношений. Рассмотрение этничности как средства или способа достижения социального контроля, продвижения определенных интересов, внедрения идеологии, создаваемой элитой для мобилизации группы, характерно для политологии, социологии власти и политической антропологии. В рамках этого подхода работают отечественные исследователи М.Н. Губогло, Л.М. Дробижина, В.А. Ядов.

Однако именно язык как этноразличительная категория наиболее значим в структуре этничности, и по отношению к нему проявляются признаки примордиалистского, конструктивистского

и инструменталистского подходов (С. Хантингтон, Е.П. Челышев, А.Г. Здравомыслов и др.).

С точки зрения автора, этносоциопсихолингвистический подход к изучению этноязыковой ситуации предлагает рациональную двухуровневую модель анализа согласно «внутреннему» и «внешнему» содержанию языка:

— социолингвистическое исследование этнического языка и этноса как социального явления, включенного в систему общественных отношений в определенный исторический период;

— психолингвистическое исследование взаимосвязи языка и этнической идентичности, одной из основных проблем психологического изучения социального сознания, поскольку язык рассматривается как один из важнейших факторов этнической идентичности.

Язык в современном обществе выступает не только средством вербализации этнического дискурса, но и ценностным ориентиром, национально-культурным кодом, отражающим развитие жизненно важных установок и в целом определяющим будущее этноса.

Социолингвисты Института языкознания РАН определяют идентичность как «психологическое соотнесение индивида с социальной группой или этносоциальной общностью, с которой он разделяет определенные нормы, ценности, групповые установки, а также то, как воспринимают человека окружающие, с какой из групп его соотносят» [ССТ, 2006, с. 72]. При этом ими различаются положительная и отрицательная идентичности. Детерминированность и динамичность идентичности указываются в ее видах: биологическая, этническая, социальная, сословная (классовая) и т.п.

В Словаре лингвистических терминов и понятий Т.В. Жеребило находим такие виды идентичности: актуальная, возрастная, локальная, классовая (сословная), конфессиональная, культурная, национальная, родоплеменная, субэтническая, этатическая (государственная) [2016, с. 138].

Соотношение языка и идентичности как социально обусловленных явлений всегда было предметом особого интереса в лингвистике. Мысли о том, что язык — это знак принадлежности его носителей к определенному социуму, индикатор изменений в общественной жизни, обнаруживаются в работах социолингвиста А.Д. Швейцера и видных американских ученых Р. Белла, Д. Хаймза, У. Лабова, Ч. Фергюсона, Д. Фишмана, У. Брайта и др. В советское время такое мнение отразилось в исследованиях Е.Д. Поливанова, Л.П. Якубинского, В.М. Жирмунского, Р.О. Шор, Б.А. Ларина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура и др.

М.Н. Губогло принадлежит наиболее распространенное в научном дискурсе определение: «Языковая идентичность — это совокупность языковых характеристик индивида или группы, состоящая из языка или языков (языковая компетентность), употребления языков (речевое поведение), отношения к языкам (языковые установки)» [2003, с. 39]. Принимая за основу дефиницию М.Н. Губогло, считаем необходимым фактором анализа ЯС считать учет социального контекста, влияние которого невозможно отрицать. Казахстанский социолингвист Э.Д. Сулейменова отмечает в своем определении важный социальный признак языковой идентичности: «Языковая идентичность, как любая другая идентичность, — это не приписываемое и врожденное, а интериоризируемое свойство человека, которое может выбираться, выражаясь в языковом и социально-культурном поведении, или изменяться в зависимости от социального, политического и идеологического контекста» [2006, с. 16].

Наша позиция в этом вопросе близка к примордиалистской теории. Опираясь на представление о реальном существовании этноса как социальной общности, мы тем не менее не стремимся к абсолютизации объективных факторов в формировании общностей, поэтому допускаем социальную вариативность: 1) люди могут менять свои этнические и языковые идентичности в зависимости от ситуации; 2) наличие нескольких языков, участвующих в формировании идентичности, также есть явление объективной реальности.

Предваряя данную часть исследования, хотим привести слова основателя неогумбольдтианства Й.-Л. Вайсгербера, призывавшего рассматривать язык как объективное социальное образование, надличностную действенность, в которую заложены не только звуковые формы языка, но и языковые содержания в качестве общего достояния одной группы людей: «Благодаря общему языку члены одного языкового сообщества могут мыслить однородными содержаниями и в однородных формах, поэтому они могут общаться и т.д.» [2009, с. 104–105].

В настоящей главе мы рассмотрим такие вопросы, как: является ли сегодня языковая идентичность базовой для развития якутского этноса; в какой степени выбор родного языка, овладение якутским языком, языковые установки и внешние социальные факторы детерминируют характер языковой идентичности?

Сущность и своеобразие языковой идентичности изучаются в комплексе этносоциолингвистических и психолингвистических задач, при этом расширяется перечень индикаторов этноязыковой идентичности, диагностирующих объект и категоризирующих предмет исследования.

Проблема идентичности относится к сфере общественного сознания, поэтому выбор в пользу интегрированного метода был также обусловлен возможностью оперировать субъективными признаками объекта — коммуникативными категориями, выявляемыми в установках, ориентациях, мнениях, мотивах дискурса. Посредством набора когнитивных методов можно определить базовые структуры коммуникативного сознания и в дальнейшем интерпретировать их в рамках социолингвистической модели этнической общности.

Соглашаясь с Э.В. Хилхановой в том, что «языковые установки становятся неизбежными в тех социолингвистических исследованиях, которые ставят задачу объяснения причин наблюдаемых социолингвистических явлений с позиций антропоцентризма» [2016, с. 7], принимаем ее тезис, что «факты, свидетельствующие о том или ином речевом поведении индивида или группы, могут обнаруживать наличие у него определенных языковых установок» [Там же, с. 38], т.е. рассматриваем речевое поведение широко, относя к нему ориентации, собственно установки, мотивы, мнения, предпочтения, потребности. Также для нас в интерпретации установок в национально-языковых отношениях важно уточнение Э.В. Хилхановой о том, что установки, связанные с языком, можно отнести, по сути, к установкам, связанным с говорящим на данном языке.

В качестве определения языковых установок, которые являются подвидом социальных установок, принимаем следующую формулировку: «...общая ориентация индивида на определенный социальный объект, предшествующая действию и выражающая предрасположенность действовать определенным образом в отношении данного объекта» [Antinazi..., 2009]. При этом в данной дефиниции отмечаются три аспекта социальных установок (когнитивный, предполагающий осознание объекта; аффективный, означающий его эмоциональную оценку; поведенческий, указывающий на последовательное поведение по отношению к объекту), а также их функции приспособления, познания, саморегуляции, защиты. В другом значении социальные установки приравниваются к субъективным ориентациям индивида [Там же].

Часть исследователей, действительно, отождествляет социальные установки и ориентации. Н.П. Шумарова со ссылкой на труды В.Г. Гака [1989], А.Д. Швейцера [1976] и на статью социологического словаря [Социологический словарь, 1991] дает ценностным ориентациям следующее толкование: «...термин социологии, социальной психологии, социолингвистики. В социологии обозначает мотивы, потребности, интересы и другие детерминанты деятельности личности (социологический словарь), в социолингвистике понимается как руководство определенными критериями выбора тех или иных коммуникативных

средств, ориентация на определенные социокультурные ценности и нормы, обуславливающие использование как языков в целом, так и отдельных языковых средств» [Педагогическое речеведение..., 1998, с. 129]. Автор уточняет также, что социолингвистикой исследуются ценностные ориентации в сфере употребления языка (языков) в конкретных ситуациях дву- и многоязычия, в том числе выбор вариантов одного из них. Также Н.П. Шумарова отмечает выражение ценностных ориентаций в субъективных суждениях личности, коллектива либо населения о том или ином языке и его элементах, в квалификации его как престижного/непрестижного, нормативного/ненормативного и т.д., которое формирует положительное или предвзятое отношение к языку (языкам) и некоторым языковым средствам в многоязычном социуме и ориентирует личность или коллектив на доминирующий во всех сферах жизнедеятельности общества язык. По мнению исследователя (и мы с ней в этом совершенно согласны), ценностные ориентации «влияют не только на восприятие языка, но и на речевое поведение личности, а тем самым и на языковую ситуацию в целом» [Там же].

Подобное широкое понимание ценностных ориентаций и социальных установок, куда включаются мотивы, потребности, интересы и другие детерминанты деятельности личности, категоризируем не столь строго, выделяя лишь емкие, значимые понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания.

Принадлежность социолингвистического термина «языковая политика» к семантическому полю «политика» и политическое лексикографирование термина «установка» как «готовность субъекта реагировать тем или иным способом на то или иное политическое событие или явление» [Политический словарь, электронный ресурс] или «внутреннее качество субъекта политики, базирующееся на его предшествующем опыте и политической культуре» [Ольшанский, 2001, с. 88–89], позволяют анализировать термин «языковая политика» в качестве языковой установки, осознанно транслируемой государством, обществом на сферу применения языков.

Приведем лингвистические аргументы, прокомментировав некоторые определения данного понятия. Российские социолингвисты В.И. Беликов и Л.П. Крысин отождествляют языковую политику с «практическими мерами государства, касающимися статуса государственного языка, его функций, защиты монопольного использования государственного языка в наиболее важных социальных сферах, регламентации применения “местных” языков» (курсив наш. — Н.И.) [2001, с. 263].

С точки зрения французского лингвиста Л.-Ж. Руссо, языковая политика — это «любые *решения*, принимаемые государством или любым другим имеющим на это право социальным органом, *направленные на использование* одного или нескольких языков на данной территории, реальной или виртуальной, и *регламентирование* его или их *употребления*» (курсив наш. — *Н.И.*) [2007, с. 97].

В ССТ термин, предложенный А.Д. Швейцером, определяется так: «Совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для *изменения или сохранения* существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и соответствующих их целям» (курсив наш. — *Н.И.*) [ССТ, 2006, с. 265].

В.А. Аврорин, отмечая организованный и целенаправленный характер языковой политики, объектом которой служит не сам язык, а его функциональная сторона, определяет ее следующим образом: «...языковая политика определенного общественного класса, партии, государства представляет собой *систему мер сознательного регулирующего воздействия* на функциональную сторону языка, а через ее посредство в известной мере также и на его структуру» (курсив наш. — *Н.И.*) [1970, с. 10].

Ключевыми в этих дефинициях являются слова: *меры защиты, регламентации; решения, направленные на использование и регламентирование употребления; система мер сознательного регулирующего воздействия; изменение или сохранение*, т.е. языковая политика должна быть нацелена не только на поддержание стабильности реальной языковой ситуации, сохранение совокупности языков, но и на ее коррекцию с учетом изменяющихся условий и потребностей граждан. Языковая политика также может преследовать цели возрождения, сохранения, межнациональной коммуникации, распространения, ассимиляции, интеграции, вестернизации и т.д.

Суть определений, приведенных выше, заключается в следующем: языковая политика — это совокупность мер, предпринимаемых государством или любым другим органом, наделенным соответствующими полномочиями, в том числе общественными группировками, по сознательному воздействию на язык. Многообразие проблем, охватываемых мероприятиями языковой политики, форм, методов ее приложения, требующих взвешенных и обдуманных решений, представляет многоступенчатый процесс, включающий несколько этапов: 1) формулирование целей и задач языковой политики; 2) подготовку решений по реализации мер языковой политики; 3) осуществлении обозначенных мер; 4) анализ результатов и т.д.

Содержательная часть термина «языковая политика» обнаруживает в себе понятие установки в политической плоскости, выраженное в одном из словарей политических терминов: «...установка политическая внутренняя, не всегда осознанная готовность субъекта совершать именно те действия, которые адекватны данной социально-политической ситуации... В сфере политической деятельности именно установка становится фактором, регулирующим поведение индивида или сообщества и моделирующим позитивное или негативное их восприятие власти, правительства, государства и политики в целом... В структуре установки выделяют три уровня: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Когнитивный элемент политической установки отражает предварительные знания индивида, интерес к политике. Эмоциональное отношение к политическому объекту, как правило, появляется раньше критического оценивания объекта. Именно эмоциональный компонент политических установок играет существенную роль в формировании политических предрассудков, расовых стереотипов, религиозной, национальной и других видов нетерпимости. Поведенческий элемент установки представляет непосредственную готовность к политическому действию» [Политический словарь, электронный ресурс].

Таким образом, подробное толкование термина «внутренняя политическая установка» обнаружило ее соотнесенность с языковыми установками: ее структура также состоит из трех уровней (когнитивного, эмоционального и поведенческого). Кроме того, мы выяснили, что языковая политика как установка в области применения языков может быть осознанной или неосознанной.

Мы согласны с С.В. Соколовским и Е.И. Филипповой в том, что «любая инициированная правительством или национальной элитой языковая реформа поляризует мнения граждан, которых невозможно рассматривать лишь как пассивных реципиентов этой реформы: она не будет иметь успеха без поддержки населения и, таким образом, даже следование ее целям и принципам, не говоря уже о противодействии и протестах, должно рассматриваться тоже как политическое действие, направленное на реализацию конкретной стратегии языкового планирования» [Языковая политика, конфликты..., 2017, с. 5]. Авторы выделяют различные уровни такой политики — от международного и государственного до низового (локального или семейного). С.В. Соколовский и Е.И. Филиппова предлагают рассматривать языковую политику не только и не столько как исключительно действия и решения законодательной и исполнительной ветвей власти или центральной и республиканских политических элит, но и в качестве совокупного результата или равнодействующей интересов

и усилий множества акторов и организаций: книжных издательств, газет и журналов, научных обществ, школ и университетов, землячеств, интернет-групп, объединяющих школьников и их родителей, общественных организаций, религиозных общин и т.д. [Соколовский, 2020, с. 13–14].

Сущность и своеобразие этноязыковой идентичности саха мы рассматриваем в единстве языковых категорий, выделяемых на основании общего свойства быть устойчивым этнодифференцирующим признаком. Выбор представленной парадигмы может диагностировать устойчивость/неустойчивость данных признаков в современных условиях.

Таким образом, нами рассматриваются следующие признаки языковой идентичности: выбор родного языка (родной/неродной), языковые установки в доминантных коммуникативных сферах — образовании и массмедиа (этнический/неэтнический), установки в формулировке современного риторического (коммуникативного) идеала носителем языка как модифицирующей категории этноязыковой идентичности, языковые установки в национально-языковых отношениях (выявление мотивации в изучении якутского языка, языковые установки русских), тип языковой политики (демократическая/недемократическая, плюралистическая/неплюралистическая, конструктивная/деструктивная).

4.1.2. Этноязыковая идентификация: этносоциопсихолингвистические детерминанты

В исследовании, проводившемся в 2007 г., этноопределяющими признаками респонденты-саха назвали: знание родного языка, национальное самосознание, т.е. при определении этнической принадлежности наиболее важными оказались именно составляющие духовной культуры человека. И наоборот, материальные параметры, такие как проживание на одной территории, кухня, заняли не главенствующие позиции. При этом названные лидирующие признаки являются доминантами у всех возрастных групп саха, что подтверждает этническую целостность народа.

У русских, проживающих в республике, важным этноразличительным признаком также выступает знание родного языка (табл. 4.1).

Преобладание языкового фактора в этнической самоидентификации саха и, более того, усиление его роли в настоящее время подтверждаются в трудах ученых. В проекте, разработанном в 2019 г. Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и Национальным агентством «Информа-

Таблица 4.1

Этнодифференцирующие признаки якутов и русских (2007 г.), %

Этнодифференцирующий признак	Оценка	Якуты, проживающие в		Русские, проживающие в Якутске
		Якутске	РС (Я)	
Национальное сознание и самосознание	Очень важно	54,8	51,6	37,4
	Важно	38,3	40,1	48,3
	Неважно	5,9	6,9	12,9
	Совсем неважно	1	1,3	1,4
Знание родного языка	Очень важно	70,8	73,2	63,1
	Важно	26,4	24,7	29,2
	Неважно	2,5	1,8	6,5
	Совсем неважно	0,3	0,3	1,2
Приверженность религии предков	Очень важно	27,3	36,7	12,5
	Важно	48,8	46,9	45,1
	Неважно	21,8	14,8	34,7
	Совсем неважно	2	1,6	7,6
Соблюдение национальных традиций	Очень важно	35,8	42	25,9
	Важно	54,6	50,1	53,8
	Неважно	9,3	7,4	17,1
	Совсем неважно	0,3	0,5	3,2
Кухня	Очень важно	20,4	26,6	11,7
	Важно	41,8	44,4	27,6
	Неважно	31,4	24,8	43,4
	Совсем неважно	6,4	4,2	17,2
Проживание на одной территории	Очень важно	14,9	22,6	6,4
	Важно	34,6	31,1	26,4
	Неважно	40,8	39,6	46,4
	Совсем неважно	9,7	6,8	20,7

ционный центр при Главе Республики Саха (Якутия)», отмечается, что «язык остается самым важным показателем этничности — 84 % саха-якутов и 63 % русских в республике отвечают, что язык объединяет их с людьми своей национальности, и все остальные идентификаторы оказываются менее важными» [Арутюнова, 2019а, с. 61]. По словам Е.М. Арутюновой, «поддержку языка и сохранение культуры саха-якуты считают самым важным для самих себя как этнической группы (по 58 %), причем это оценивается даже выше, чем экономическое, социальное развитие, а также укрепление самостоятельности республики» [Там же].

Известно, что результаты ВПН–2010 отразили рост уровня прямой этноязыковой идентификации саха. Наши последние исследования свидетельствуют о развитии данной тенденции, а также позволили выявить некоторые особенности происходящих этноязыковых процессов. Результаты опроса говорят о стабильности показа-

теля прямой этноязыковой идентичности — в г. Якутске приблизительно 82 % саха идентифицируют родной язык с этнической принадлежностью; примерно в 2 раза сократилось число якутов, признающих родным русский язык.

Положительная динамика показателей в наших опросах стала поводом для обращения к материалам этноязыковых исследований в других регионах РФ с целью сопоставления особенностей. «Сравнение данных по РС (Я) с результатами исследований в Татарстане дает более реальное представление об этноязыковой ситуации в Якутии. Так, оказались примерно равнозначны показатели прямой языковой идентичности титульных наций: по итогам переписи населения 1989 г., в Татарстане татарский язык как родной признали 96,6 % татар, в Якутии якутский — 95,0 % якутов; по переписи 2002 г. — 94,2 % татар и 92,6 % якутов» [Современная этноязыковая ситуация..., 2013, с. 26]. При этом сохраняются характерные различия, обусловленные степенью урбанизированности. Так, итоги опроса городских жителей Татарстана, проведенного в 2005 г. Центром изучения межнациональных отношений (Москва) [Язык и этнос..., 2002, с. 17], и наши данные также оказались сопоставимыми — было выявлено 84,6 % татар и 84 % якутов с прямой языковой идентичностью.

Но эти же исследования показали, что в Татарстане, видимо в силу географического расположения, развитой промышленности, факторов, предполагающих более интенсивные межэтнические контакты, больше татар, считающих своим родным языком русский (8,2 %), в Якутии же в 2 раза меньше якутов, имеющих языковой сдвиг, — 3,9 % [Современная этноязыковая ситуация..., 2013, с. 27]. В другом исследовании татарстанских ученых указано, что у 10,1 % их респондентов выявили двоякую (русскую и татарскую) этноязыковую идентичность [Валеева, 2007].

В более позднем социологическом исследовании «Состояние и динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан» (2012 г.) среди татар 87 % назвали родным татарский язык, 10 % считают таковым русский [Низамова, 2012]. «В сельской местности, по материалам предыдущих опросов (2001 г.), 96,4 % респондентов-татар назвали татарский родным языком» [Язык и этнос..., 2002, с. 27].

В наших опросах 2007 г. 93,8 % сельского населения РС (Я) признали родным якутский язык, в улусных центрах данный показатель был выше — 97,6 %. В то время моноэтническое сельское население российских регионов, менее интенсивно вовлеченное в сложные процессы урбанизации, отличалось сохранностью этнических показателей, в районных центрах с полиэтничным населением данные

показатели в силу проявления феномена «столкновения идентичностей» были выше, чем в моноэтнических селах, наиболее выраженное изменение идентичности в сторону неродного языка происходило в городской среде.

В городском коммуникативном пространстве наиболее заметные изменения наблюдаются среди молодежи. Так, опрос татарстанской молодежи, проведенный в 1999–2000 гг., показал, «что среди татар выросла доля тех, кто в качестве родного называет два языка: и русский, и татарский — 20,3 % (только русский — 7,7 %; только татарский — 71,8 %). Наиболее свободно татарским языком владеют 20,5 % опрошенных; в равной степени и татарским, и русским — 42,9 %» [Сагитова, 2006].

В полевых материалах исследователей функционирования марийского и русского языков Р.А. Кудрявцевой и В.И. Шабыкова двойная языковая идентификация зафиксирована в 1985, 1994 и 2001 гг. При этом доля марийского языка в указанный период составила 13,8; 0,6 и 11,1 % соответственно [Шабыков, 2007, с. 125]. В одной из последних работ авторов отмечается, что среди молодежи Республики Марий Эл двойная языковая идентичность становится достаточно распространенной — 46,7 %; марийский язык признают родным 40 %; русский — 12 % респондентов [Кудрявцева, 2019]. В г. Владикавказе, по данным социологического опроса 2018 г., 36,2 % осетин в качестве родного языка назвали русский [Рязанов, 2019].

Таким образом, трансформация языковой идентификации в регионах России стала неотъемлемой характеристикой идентичности городской молодежи, различаясь лишь по степени распространенности в определенных субъектах.

Анализ нашего материала за 2007, 2014 гг. показал, что данное явление стабильно, сохраняется в г. Якутске в пределах 13,5 % (табл. 4.2), признание родным русского языка у саха значительно сократилось. Вероятно, в настоящее время обозначились противоположные тенденции, которые можно опровергнуть либо подтвердить лишь в ходе массовых социолингвистических опросов. Влияние продолжающейся миграции сельского населения с прямой языковой идентификацией перекрыло показатели обозначившегося смещения языковой самоидентификации городского социума, из чего следует, что факторы, формирующие двойную идентификацию, находятся вне этносферы.

Таблица 4.2

Динамика этноязыковой идентичности саха, проживающих в г. Якутске, %

Родной язык	2007 г.	2014 г.
Якутский	82	82,4
Русский	8,1	4,1
Оба (якутский и русский)	9,9	13,5

Для определения внутриэтнических особенностей значимости родного языка в этнической социализации якутов рассмотрим детерминирующие параметры по полу, возрасту, степени и интенсивности урбанизированности. «Гендерные особенности в приверженности к родному языку не выявляют сколько-нибудь заметных отличий: женщины на 84,9 %, мужчины на 82,2 % признают родным этнический язык. Русский значим как родной для 4,2 % женщин и 2,4 % мужчин. Оба языка считают родными 10,9 % женщин и 15,1 % мужчин» [Иванова, 2015а, с. 65].

Анализ показателей этноязыковой идентификации в зависимости от возраста (табл. 4.3) выявил рост прямой идентификации, особенно среди респондентов среднего возраста, и значительное снижение доли признания родным неэтнического языка во всех группах, кроме самых молодых.

Двойственная языковая идентификация присутствует во всех возрастных группах, но у лиц 17–25 лет она имеет тенденцию к росту и приближается к 20 %, в остальных группах умеренно снижается. В целом видно, что в группе молодых саха динамика отражает отрицательную направленность: снижается прямая идентичность, умеренно растут признание родным неэтнического языка и двойственная идентичность.

Молодежь предстает как наиболее открытая, устремленная в глобализирующийся мир часть якутской общности, в которой обозначились интегративные признаки при относительной стабильности абсолютных показателей прямой языковой идентичности. Среди 17–25-летних респондентов, обладающих сильной идентификацией с собственной группой в условиях полиэтнической среды, весьма

Таблица 4.3

**Динамика этноязыковой идентичности саха в зависимости от возраста
(г. Якутск), %**

Родной язык	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	старше 50
Якутский	<u>84,4*</u>	<u>75,8</u>	<u>70,3</u>	<u>85,7</u>
	77,5	84,4	85,6	88,2
Русский	<u>3,9</u>	<u>8,4</u>	<u>17,2</u>	<u>3,6</u>
	4,2	4,2	4,5	2,9
Оба (якутский и русский)	<u>11,7</u>	<u>15,8</u>	<u>12,5</u>	<u>10,7</u>
	18,3	11,4	9,9	8,9

* В числителе указаны данные за 2007 г., в знаменателе — за 2014 г.

ярко (18,3 %) обозначилась двойственная языковая идентичность, обнаружив за 7 лет рост на 6,6 %.

Безусловно, степень урбанизированности детерминирует языковую идентичность, как и любую другую идентичность, поскольку является не приписываемым и врожденным, а интериоризируемым свойством человека, которое может выбираться, выражаясь в языковом и социально-культурном поведении, или изменяться в зависимости от социального, политического и идеологического контекста.

Как отличительный признак языковой идентичности саха можно отметить определенную константу в выборе вариантов — среди саха выбор языковой идентичности всегда был однозначен: из четырех предложенных вариантов «Русский язык», «Якутский язык», «Оба (якутский и русский)» и «Затрудняюсь ответить» последний вариант в опросах 2007 и 2014 гг. ни одним из респондентов не был выбран, т.е. у якутов языковая самоидентификация в условиях меняющейся социальной реальности имеет свойство определенности, однозначности.

Языковая идентичность саха, получивших школьное образование на родном языке, характеризуется абсолютной прямой идентификацией (100 %). В 2014 г. 51,3 % саха, полностью обучавшихся на русском языке, признавали родным этнический язык, тогда как в 2007 г. таковых было лишь 24,4 %; 19,7 % респондентов, полностью обучавшихся на русском языке, указали в качестве родного русский язык (для сравнения: в 2007 г. данный показатель составил 96,6 %); 28,9 % считают родными оба языка. В свою очередь, у респондентов с двумя родными языками развито двуязычное мышление — большинство из них (38,1 %) думают в равной степени на якутском и русском.

Таким образом, городская среда полностью не нивелирует этноязыковую идентичность, в последнее время прослеживается тенденция роста позитивной идентичности этнических саха; двойственная языковая идентификация саха не приводит к абсолютному снижению этничности.

И обратный процесс: из 80,6 % респондентов, свободно владеющих родным языком, половина (49,6 %) думают на якутском или больше на якутском языке; 21,4 % — на русском и 29 % — на обоих языках. Среди якутов, признавших родным якутский язык, 42 % думают только на якутском языке. Безусловно, данное соотношение релевантно и по отношению к языковой компетенции — 43,1 % якутов, свободно владеющих якутским языком, думают только на якутском.

При этом социальная мобильность наиболее характерна для саха с прямой языковой идентичностью: значительную долю (77,1 %) лиц, изъявивших желание выехать из республики, составляют респонденты с родным якутским языком, 16,9 % — признающие родными оба языка, 5,9 % — только русский. Большая часть опрошенных (74,3 %) связывает образ современного успешного человека с хорошим знанием как родного якутского, так и русского языков, в том числе данный ответ актуален для 60,6 % молодых саха и 80,2–86,8 % респондентов более старшего возраста. Только с русским языком связывают успешность, благополучие 30,9 % молодежи саха, в старших возрастных группах указанный вариант выбрали 8,3–18 %.

Изменения в целостном восприятии родного языка как компонента языковой идентичности были установлены в ходе проведения ассоциативных экспериментов, проходивших в 2007 и 2014 гг. в Якутске и с. Чай. В 2007 г. в эксперименте участвовали лишь студенты, вследствие чего мы имеем возможность выявить динамику в установках якутской студенческой молодежи.

В 2014 г. от всех опрошенных были получены ассоциации на стимульное словосочетание «якутский язык». В семантическом наполнении коммуникативной категории «якутский язык» у студентов

Таблица 4.4

Число реакций носителей якутского языка разных возрастных групп на стимул «якутский язык» (г. Якутск, 2014 г.), ед.

17–25 лет		26 лет и старше	
Реакция	Частотность	Реакция	Частотность
Сложный	73	Родной	134
Родной	64	Сложный	105
Красивый	47	Богатый	62
Богатый	26	Красивый	62
Интересный	24	Древний	24
Древний	17	Интересный	21
Хороший	15	Понятный	19
Исчезающий	11	Образный	16
Вымирающий	8	Разный	15
Национальный	8	Тюркский	14
Понятный	12	Глубокий	13
Любимый	7	Легкий	11
Непонятный	7	Многогранный	11
Легкий	7	Певучий	11
Смешной	5		
Отличный	4		

произошли изменения: их реакции показали, что якутский язык, родной для большинства испытуемых (82 %), в данное время представляется им сложным, трудным для изучения и использования, тогда как в 2007 г. основная часть реакций была представлена признаком «родной», что отражало в первую очередь значимость ценностного отношения к этническому языку как к национально-культурному явлению (см. гл. 3, табл. 3.14). Ядро коммуникативной категории сместилось с ассоциации «родной» (93 реакции, 2007 г.) к признаку «сложный» (73 реакции, 2014 г.) (табл. 4.4).

Таким образом, результаты опросов определяют этноязыковую идентичность как подвижный во времени и пространстве объект исследования, что более всего наблюдается у молодежи. У студентов-саха, сохраняющих прямую этноязыковую идентичность, обнаруживается проблема снижения языковой компетенции, причина которой состоит в сложности, трудности якутского языка. Сложность и трудность родного языка зафиксированы и в реакциях остальной части испытуемых более старшего возраста, но у них данные признаки занимают вторую позицию после реакции «родной». В сознании молодежи этноидентифицирующий мотив («родной» — 64 реакции) и положительная эстетическая, эмоциональная оценка категории («красивый» — 47) также имеют достаточную значимость в репрезентации категории «якутский язык» и занимают по степени представленности вторую и третью позиции. Присутствует и негативная характеристика (ассоциации «исчезающий», «вымирающий», «нераспространенный», «старый» и т.д.), выражающая, с точки зрения испытуемых, низкий коммуникативный статус якутского языка.

Содержание понятия «якутский язык» в коммуникативном сознании студентов-саха сместилось от базового культурного к прагматическому, утилитарному — сложности изучения. Иными словами, базовый культурный компонент смещен утилитарным в силу внешних обстоятельств. Большинство экспертов связывают данное явление с проблемами в сфере образования: недостаточно выверенной методикой обучения родному языку в системе школьного образования (см. гл. 2). Поскольку сложность родного языка зафиксирована нами в ответах, полученных в период между 2007 и 2014 гг., следовательно, она актуальна для молодежи, рожденной в 1990-е годы и начавшей обучение в школе в более благоприятное для развития якутского языка время, когда был обеспечен национально-региональный компонент образования.

Реакции, выражающие сложность родного языка, представлены и в ответах респондентов старше 25 лет (табл. 4.4), однако в более умеренном количестве. Так, в эксперименте 2014 г. в их ответах преобладает этноидентифицирующий маркер («родной» — 134 реакции), но на второй позиции обозначена степень сложности якутского языка для его современных носителей («сложный» — 66; «трудный» — 39). И наоборот, в ядре АП категории «русский язык» у студентов наряду с превосходными оценками присутствует реакция «легкий», отражающая его доступность, простоту, понятность для молодого билингва-саха, т.е. прагматическую составляющую. Отсутствие в последнем эксперименте в ядре сознания реакции «родной» и появление неединичных реакций «исчезающий» (11), «вымираю-

щий» (8) говорят об изменении отношения к родному языку, «дистанцированности» от него как от важнейшего этноразличительного признака якутской идентичности.

АП стимула «якутский язык» жителей с. Чай в возрасте от 17 до 25 лет состоит из следующих реакций: якутский язык — «трудный» (5), «богатый» (4), «родной» (3). Половина реакций дана на якутском языке. В целом стимул оценен респондентами положительно. Согласно представленным реакциям, русский язык для сельской молодежи «трудный» (5), но «красивый» (3) и «нужный» (2). Из единичных реакций видно, что языки в коммуникативном сознании испытуемых связаны с поляризацией признаков нужный/не нужный, понятный/непонятный.

Для всех остальных опрошенных характерна аналогичная картина: большинство реакций на стимул «якутский язык» дано на якутском языке; якутский язык для них «богатый» (21), «сложный» (13), «родной» (12). При доминировании позитивных установок по отношению к родному языку имеются и единичные реакции «*сүтэн ээрэ*», «*эстэн ээрэ*» (исчезающий), «*кыаҕа кыра*» (малоресурсный). Русский язык охарактеризован как «сложный» (12), «богатый» (11), «нужный» (9), «красивый» (9). В единичных реакциях обнаруживаются прагматичность («удобный», «легкий» (в значении «несложный»)), указание на статус русского языка («государственный», «международный», «всемирно изучаемый», «всемирный», «городской»), его перспективность («прекрасное светлое чистое будущее»).

В данном эксперименте обращает на себя внимание периферия АП — единичные реакции, актуализирующие у сельских жителей прагматичное отношение к языкам, которое ярче выражено у взрослого населения. Признак «родной» замещен признаками «трудность», «богатство», определяющими ядро АП коммуникативной категории, обозначающей родной для испытуемых язык. Однако, возможно, в этом случае играет роль и ослабление оппозиции «свой/чужой», свойственное для представителей моноэтнической общности.

Динамика показателя этноязыковой идентичности в зависимости от степени урбанизированности связана с этнической структурой сельско-городской миграции: в городе данный показатель повысился, а на селе — понизился (табл. 4.5), что также указывает на прямую этническую идентичность саха.

Факторы подобного варьирования связаны с изменениями в этнической структуре населения либо с различием языковой компетенции немногочисленной группы вновь прибывающих: в современное село приезжают молодые специалисты, среди которых могут быть якуты с двойственной идентичностью, возвращаются селяне со

Таблица 4.5

**Динамика этноязыковой идентичности саха в зависимости
от урбанизированности, %**

Родной язык	2007 г.		2014 г.	
	Якутск	Село Чай	Якутск	Село Чай
Якутский	82	100	82,4	98
Русский	8,1	0	4,1	0
Оба (якутский и русский)	9,9	0	13,5	2

своими семьями, у которых также может быть различная этноязыковая идентичность.

Интенсивность внутриреспубликанской миграции также становится объектом для ее корреляции с этноязыковыми процессами. Из 467 респондентов, участвовавших в опросе 2014 г., 21,9 % составляют якуты, родившиеся в г. Якутске; 40,2 % — выходцы из села, проживающие в столице более 10 лет; 17,8 % — прибывшие из села и обосновавшиеся в столице республики 3–10 лет назад; и 18,2 % — недавно (0–3 года) обосновавшиеся в городе.

Продолжительность проживания в городской среде выступает важнейшим фактором софункционирования традиционных ценностей, составляющих основу этничности и ценностей универсальной цивилизации. Тенденции развития человеческой цивилизации показали, что в индустриальную эпоху социокультурная универсальность людей приобретает цену утраты традиционных норм, ценностей. Как влияют процессы урбанизации на языковую идентичность саха?

Анализ социальной сущности, особенностей и форм урбано-языковых интеракций внутри четырех социальных групп, различающихся временем проживания в г. Якутске, позволил выявить характерные для каждой группы сочетания традиционных ценностей, составляющих основу этничности, отражает восприятие их членами ценностей универсальной цивилизации.

В целом прямая языковая идентичность свойственна для выходцев из села, причем независимо от длительности проживания в городе. Для незначительной их части характерна двойственная идентичность — якутская и русская одновременно. Среди коренных горожан встречаются все три варианта идентичности, но преобладает все-таки прямая (табл. 4.6).

В условиях нашего исследования ответы респондентов отражают сильное влияние сельской этноязыковой среды, традиционного уклада жизни на сохранение этнической идентичности. При этом обнаруживается, что двуязычная среда, неоднородная языковая

Таблица 4.6

**Выбор родного языка в зависимости от длительности проживания
в городе (г. Якутск, 2014 г.), %**

Родной язык	Родившиеся в Якутске	Прибывшие в Якутск		
		0–3 года назад	4–10 лет назад	более 10 лет назад
Якутский	55	89,2	92,2	94,1
Русский	16	0	0	0
Оба (якутский и русский)	29	10,8	7,8	5,9

среда начинают формировать более разнообразные варианты идентичности.

Более полный перечень факторов, способствующих установлению двойственной языковой идентичности, получен в ходе экспертного интервью. На вопрос «На Ваш взгляд, в продолжающихся условиях повышения национального самосознания коренных народов республики какие процессы порождают потребность в двойственной этноязыковой идентичности (признании нескольких языков родными)?» основная часть экспертов в качестве первичных факторов указала процессы общечеловеческого развития: всеобщая глобализация, урбанизация, полиэтничность социума, растущая интенсификация межэтнических контактов, формирование единого культурного пространства РФ: «...*потребность в двойственности идентичности порождает в конечном счете процесс глобализации. Признание родными нескольких языков не только престижно, но и дает возможность иметь более широкий круг общения*»; «*Если говорить о социуме в целом, то потребность в двойной идентичности порождают глобализация, урбанизация, влияние массовой культуры. Если говорить об индивидууме, то основная причина такой потребности заключается в стремлении адаптироваться под меняющиеся реалии*». Респонденты отметили также фактор смешанных браков, «*где каждый родитель и члены его семьи (его/ее родители и т.п.) четко понимают и принимают свою принадлежность к той или иной национальности*», вследствие чего ребенок в этнически смешанной семье становится двуязычным, бикультурным, т.е. язык воспитания в семье является одним из основных факторов самоидентификации.

Однако, как отмечают У.С. Борисова [2013] и Д.Г. Брагина [2018], дети, рожденные в межэтнических браках, в большей степени ассоциируют себя с коренным этносом и в целом количество таких браков незначительно, поэтому этническая ассимиляция не представляет угрозы для «якутского этноса, ибо, согласно исследованиям ряда этносоциологов, структура этноса может разрушаться, если

количество межнациональных брачных союзов начинает превышать цифру в 10 %» [Брагина, 2018, с. 109]. Следовательно, можно принять мнение специалистов о том, что в данный период этническая ассимиляция для этнической общности саха не имеет объективных предпосылок.

В качестве вторичных факторов, которые являются следствием первичных, можно назвать доминирующее положение русского языка в СМИ, социальных сетях, отсутствие электронных приложений на родном языке, миграционные потоки, туризм, расширяющийся интерес к традициям и культуре других народов, дисперсность проживания, конкуренцию в ситуации «социального лифта».

4.1.3. Языковые установки саха в сфере образования

Становление языковой личности в условиях языковой неоднородности, ее языковые ориентации и установки, речевое поведение во многом определяются характером дистрибуции языков в сфере образования и воспитания, местом родного языка в системе ее коммуникативных навыков и умений, т.е. доминирующими сферами языковой социализации детей-билингвов признаются прежде всего двуязычное семейное общение и обязательное включение компонента родного языка в систему образования.

Осознанный выбор родителями или законными представителями языка обучения и воспитания детей определяется множеством лингвистических и экстралингвистических факторов и в целом оценивается как выражение этнической идентичности самих родителей и их намерения к воспроизводству языка.

За рассматриваемый период выявлены трансформации предпочтений в выборе языка образования и воспитания, причем языки, на которые ориентируются в дошкольном и школьном учреждениях, также различаются.

В начале исследования нами была обнаружена общая для якутов и русских преобладающая тенденция раннего интегрирования ребенка в другую речевую среду. Так, среди саха 47,7 % опрошенных обозначили стратегию раннего приобщения к русскому языку с преподаванием разговорного якутского языка. Однако 38,5 % респондентов-саха поддержали сохранение полной этнической среды в детском саду.

В 2014 г. в выборе языка обучения и воспитания компонент русского языка сокращается (табл. 4.7), предпочтения смещаются к варианту сбалансированного двуязычия в детском саду (36 %), вариант функционирования этнического языка лишь в качестве разговорно-

го сократился до 9,3 %, достаточно сильны ориентации на полную этническую среду (32,1 %). Данные изменения вызваны рядом социально-экономических, социокультурных факторов: ростом сельско-городской миграции, развитием языковой лояльности якутской городской общности, выражающимся в стремлении приобщить детей к этнокультурному наследию саха. Также, на наш взгляд, в обществе начало формироваться чувство тревожности за сохранность родного языка вследствие увеличения объема массового, весьма привлекательного для детей русскоязычного контента [Иванова, 2011], цифровых технологий, влияющих на первичную языковую социализацию ребенка, и т.д.

В 2008 г. языковые предпочтения в школьном образовании формировались следующим образом: преобладающая часть респондентов (26,6 %) приоритетным вариантом считали школы с якутским языком обучения и изучением русского языка, 24,7 % выбрали учреждения с русским языком обучения и изучением якутского языка в качестве предмета. При этом включение в варианты ответа респондентов и иностранных языков обнаружило ожидаемый уровень интереса к ним — 41,2 %.

В 2014 г. для получения ответов с более четкой дистрибуцией компонентов регионального двуязычия были исключены варианты с иностранными языками. С учетом данного изменения 31,6 % опрошенных предпочли модель смешанного обучения, предполагающую преподавание на родном языке в 1–4-м, 1–7-м и 1–9-м классах с последующим переходом на определенной ступени на русский язык (табл. 4.7).

Таблица 4.7

Языковые предпочтения саха, проживающих в г. Якутске, в лингвистическом обеспечении образовательных учреждений (2014 г.), %

Язык воспитания и обучения	Детский сад					Школа				
	Вес	17–25 лет	26–35 лет	36–50 лет	Старше 50 лет	Вес	17–25 лет	26–35 лет	36–50 лет	Старше 50 лет
Якутский	32,2	23,4	42,6	31,1	42,4	21,5	10,9	31,6	25,7	29
Русский	21,7	14	23,4	30,2	25,4	19,7	15,4	18,9	21,9	29
Якутский + русский (смешанное обучение)	36,1	49,7	26,6	33	18,6	31,6	42,3	26,3	27,6	16,1
Русский как основной + преподавание якутского как предмета	9,3	11,7	7,4	5,7	11,9	26,5	30,3	23,2	24,8	24,3
Другое	0,7	1,2	0	0	1,7	0,7	1,1	0	0	1,6

При этом 26,5 % респондентов выбрали вариант «С преподаванием якутского языка как предмета» — модель обучения, в рамках которой преподавание всех предметов происходит на русском языке, а якутский язык изучается в качестве учебного предмета. В процентном соотношении установки только на якутский или только на русский язык уступают двум предыдущим и конкурируют друг с другом.

Теперь проследим влияние возрастного параметра на выбор важнейшего показателя этнической идентичности, по которому можно прогнозировать воспроизводство языков. Потребность родителей в детских садах и школах с определенным языком воспитания и образования была определена по ответам респондентов 26–35 лет, так как, по данным У.С. Борисовой [2013], пик брачности коренных народов в республике приходится на возрастной период 20–24 года, в течение которого заключается 39,7 % всех браков. Как правило, у данной группы необходимость в детских дошкольных и школьных учреждениях наступает через 3–7 лет после вступления в брак, а именно в 26–35 лет. Установлено, что обозначенную группу респондентов составляют родители, выразившие мнение о приоритете родного языка в воспитании и обучении детей в детском саду (42,6 %) и школе (31,6 %) (табл. 4.7); при этом они имеют наименьший уровень свободного владения родным языком. Рассмотренные факты служат еще одним аргументом, доказывающим стремление родительского сообщества саха к воспроизводству этнического языка.

Необходимо отметить, что создание условий для свободного выбора языка обучения, реализации конституционных прав на обучение на родном языке на территории г. Якутска должно стать задачей Главы республики и Правительства РС (Я) на ближайшее будущее. Стремление родителей-саха обучать детей на якутском языке на всех ступенях с 1-го по 11-й класс в условиях г. Якутска остается в ответах респондентов как осознанная установка, поскольку на сегодняшний день в столице республики с учетом пригородов практически нет ни одной школы, ведущей преподавание на якутском языке. Статус национальных школ имеют пять образовательных учреждений. Следовательно, родители не имеют условий для реализации своего выбора, часть устраивают детей в школы со смешанным обучением, а некоторые поневоле лишают своих детей возможности получить образование на родном языке, погружая их в новую речевую среду. Использование русского языка при сдаче ЕГЭ и преподавании в вузах является главным ориентиром при выборе школы. При этом в семье ребенка начинают адаптировать к русской речевой среде, тем самым совершенно отдаляя в младшем, очень важном для социализации, возрасте от родного материнского языка, этнокультурных истоков,

прерывая воспроизводство этнической речевой и коммуникативной компетенций и этнического психоэмоционального поведения.

Вместе с тем, согласно нашим наблюдениям, в 2017–2018 гг. имели место отдельные случаи перевода детей из школ с якутским языком обучения в школы с русским языком обучения вследствие сложности восприятия текстов школьных учебников на якутском языке (см. разд. 2.2) и последующего выполнения домашних заданий. Данный факт говорит о наличии в социуме двух поколений городских саха, владеющих лишь разговорной якутской речью. Таким образом, это свидетельствует о несоответствии материальной базы обучения (учебников, учебных пособий) условиям, способствующим развитию социальной базы языка, что снижает мотивацию к его воспроизводству.

Попутно заметим, что распределение ответов о выборе языка обучения выявляет, на наш взгляд, долю якутов, ориентированных на русский язык. Согласно данным опроса 1988 г., приведенным в монографии У.А. Винокуровой [1992, с. 100], в указанный период 18,3 % городских саха отдали предпочтение русскому языку обучения; в нашем опросе 2014 г. — 19,7 %. Вероятно, доля якутов с асимметричным типом билингвизма локализуется в пределах 20 % и является относительно константной.

Наши полевые данные отражают расхождение между спросом и предложением в предоставлении жителям г. Якутска возможности обучения детей на родном языке, вследствие чего в 2018/19 уч. г. 77 % детей саха обучались на русском языке (см. табл. 2.9).

Мнение, что большинство родителей после переезда в город непременно пытаются отдать детей в якутские школы, также испытало трансформацию. Так, 20-летняя практика проведения ЕГЭ, разнообразие квалификационных работ на русском языке стали существенным мотивирующим фактором в изменении языковых установок сельских якутов и представляют серьезное социокультурное противоречие нашего времени (табл. 4.8). Билингвальная установка сильнее всего выражена у 75 % сельских жителей, при этом у них фиксируется наиболее слабая установка на якутоязычный монолингвизм и достаточно сильная — на русскоязычный. У горожан отмечены конкурирующие установки на якутский и русский языки (табл. 4.8).

Большинство сельского населения республики ориентируется на двуязычие, связывая его прежде всего с возможностью получения детьми образования в городах республики и остальной части России, трудоустройства в г. Якутске или других городах, а также с общей тенденцией к урбанизации. Языковые предпочтения родителей-селян в воспитании в детском саду и обучении в школе связаны

Таблица 4.8

Определение языка успешной социализации в зависимости от степени урбанизированности (2014 г.), %*

Группа респондентов	Языки			
	Якутский	Русский	Якутский и русский	Другие
Родившиеся в Якутске	28,6	28,6	20,3	50
Прибывшие в Якутск:				
0–3 года назад	0	0	15,2	11,1
4–10 лет назад	42,9	42,9	12	5,6
более 10 лет назад	28,6	28,6	41,3	11,1
Живущие в с. Чай	4,1	20,4	75,5	0

* Сумма показателей в столбцах не равна 100 %, так как в таблице сведены данные двух различных опросов в г. Якутске и с. Чай.

с родным языком (65,9 и 62,5 % соответственно), но достаточно значима доля тех, кто выбрал бы детсад и школу с использованием обоих (якутского и русского) языков (25 и 30 % соответственно). Определенная часть респондентов (6,8 %) хотела бы ограничить якутскую языковую среду в детском саду до преподавания разговорного якутского языка, 2,3 % выбрали бы детский сад с русским языком воспитания. Школу с русским языком обучения предпочли бы 2,5 % селян, 5 % — школу с преподаванием якутского языка как предмета.

Таким образом, сельские жители успешную социализацию связывают с двуязычием и русским языком, при этом дошкольное и школьное образование предпочитают на родном языке. По их мнению, навыки двуязычной коммуникации человек должен получить во время учебы в городе и в различных речевых ситуациях городской среды.

Потребность в двуязычном вузовском образовании выразили 43,5 % городских-саха и 62 % сельских, что укладывается в логику развития национальной республики с активным этнокультурным компонентом; 54,5 % городских и 30 % сельских саха признают целесообразность обучения на русском языке.

Но при этом наш опрос показал, что желающих выехать жить и работать за пределы Якутии больше среди респондентов-саха с прямой этноязыковой идентичностью и высоким уровнем владения этническим языком, что говорит об их высокой социальной мобильности.

Ранее нами упоминалась тенденция к стремлению городских родителей интегрировать детей в якутскую этнокультурную среду, отдать их в детские сады и школы с якутским языком воспитания и обучения. Данное стремление имеет успешную реализацию при ус-

ловии активного семейного общения на якутском языке. На практике наблюдаются и противоположные установки: семьи, переехавшие из улусов, с целью скорейшей адаптации ребенка к жизни в городе, меняют язык основного общения с якутского на русский, создают условия для развития речевых навыков на русском языке. По нашим наблюдениям и ответам экспертов, активность в данной ситуации проявляется старшими родственниками, в частности бабушками, как представителями «советского» периода социализации с определенными ценностями и социальными установками.

Среди молодежи такие тенденции, на наш взгляд, не имеют широкого распространения, так как ее представители непосредственно были вовлечены в развитие и становление этнического самосознания, являясь субъектом и объектом этноязыковых процессов. Возможность выезжать за пределы республики, России также способствует осознанию этнической идентичности, укрепляя этническое самосознание: молодые люди все более утверждают в мысли, что человек, имеющий прямую этническую идентичность и владеющий этническим языком, быстрее адаптируется в любом сообществе [О якутском языке, электронный ресурс].

Сельско-городская миграция, как отмечают исследователи [Томаска, 2014, 2015], обусловлена потребностью в повышении профессиональной квалификации. Вместе с тем разнообразие факторов миграционного потенциала расширяется с постепенным снижением социально-экономического уровня жизни на селе, например сокращением числа медицинских учреждений, ростом заболеваний, требующих постоянной высококвалифицированной медицинской помощи, и т.д. Однако, безусловно, в значительной степени внутренняя миграция определяется и потребностью в качественном школьном и дошкольном образовании. В рассматриваемый нами период указанный фактор сыграл большую роль, так как в системе образования не была решена проблема педагогических кадров. В частности, значительная неукомплектованность педагогического состава была характерна для северных улусов республики.

В сложившейся ситуации очевидна высокая сосредоточенность родителей на образовательных учреждениях с этнокультурным компонентом. Якутский этносоциолог В.Б. Игнатьева подчеркивает, что «учет этнокультурных запросов населения в сфере образования следует рассматривать в качестве одного из ключевых механизмов реализации языковой и государственной политики» [2010, с. 165], так как нацеленность на школы с этнокультурным компонентом весьма высока: 65,1 % городских и 60,5 % сельских родителей указали в ан-

кете, что сразу стали бы добиваться от администрации школы преподавания якутского языка [Игнатьева, 2010, с. 164].

Закономерно, что проблема нехватки классов и групп с якутским языком воспитания и обучения в муниципальных дошкольных и образовательных учреждениях столицы республики начала решаться благодаря настойчивости родителей. В результате продолжительной совместной деятельности родительского сообщества с Советом по развитию сети национальных образовательных учреждений г. Якутска стали открываться классы и группы с компонентом якутского языка. Сегодня данная работа общественных организаций продолжается.

Отсутствие единой рейтинговой системы оценки образовательных учреждений на основе анализа с точки зрения языкового обеспечения образовательного процесса, моделей обучения, принципов образовательной политики и конечной цели образования не позволяет получить объективный аналитический материал. Поэтому в ходе проводимого опроса нами был осуществлен сбор мнений (суждений, точек зрения) респондентов о качестве образования в зависимости от языка обучения, которые не свободны от личностной интерпретации фактов и выражения эмоционального отношения. Опрашиваемые относительно одинаково оценили качество образования в школах с якутским и русским языками обучения (табл. 4.9).

Оценка проводилась по 10-балльной шкале. Результаты оказались распределены в интервале 5–8 баллов, при этом незначительно выше были оценены школы с русским языком обучения. Конкурирование оценок русского и якутского языков отражает языковую лояльность саха по отношению к родному языку, которая продемонстрирована, несмотря на ограниченность в выборе школ с якутским языком обучения.

Восходящий тренд предпочтения школ с родным, якутским, языком обучения в г. Якутске связан также с ростом их престижа, что объясняется высокими рейтинговыми показателями этих учебных заведений: например, согласно рейтингу поступления выпускников в лучшие вузы России агентства RAEX (РАЭКС-Аналитика),

Таблица 4.9

Оценка респондентами качества образования в школах в зависимости от языка обучения (г. Якутск, 2014 г.), %

Язык обучения	Баллы									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Якутский	1,3	1,8	6,1	7,6	21,1	15,7	15,1	15,7	7,9	7,6
Русский	0,6	0	3	5,8	18,2	15,2	17	24	8,8	7,3

9 школ РС (Я) вошли в топ-20 ДФО, в том числе 6 школ, обучающихся по второй модели, т.е. со значительным компонентом родного якутского языка [РАЕХ публикует рейтинг..., электронный ресурс].

Само по себе стремление сохранять и развивать родной язык является естественным и позитивным для носителей языка. Однако снижение языковой компетенции молодежи, установленное нами по результатам опросов и материалам экспертных интервью, подтверждает существование продолжающихся (об этом см. в разд. 3.2 и 3.3), умеренных на данное время, но вполне сформировавшихся тенденций к дальнейшему, возможно, резкому снижению языковой компетенции подрастающего поколения (детей дошкольного и школьного возраста) вследствие возрастания рисков для этнокультурного развития детей в регионах, связанных с усилением влияния русскоязычных СМИ, новых инновационных технологий (гаджеты, мобильные телефоны), возможно, и с переходом на дистанционное школьное образование, так как перечисленные факторы способствуют формированию не билингвизма, а монолингвизма. В этом плане нужно признать, что последний 20-летний период характеризуется активными языковыми процессами, стимулируемыми распространением высокоскоростного Интернета и внедрением ИКТ в повседневную жизнь, создающими мощное негативное воздействие на недоминирующие и миноритарные языки в результате насаждения на унифицирующие/нивелирующие процессы глобализации.

В данных условиях этнический саха, родившийся в городе либо вынужденный мигрировать из сельской местности в городские поселения в силу различных социально-экономических причин, стоит перед серьезной дилеммой в выборе языка социализации своих детей. Недостаточное количество школ с якутским языком обучения в условиях массовой продолжающейся сельско-городской миграции, случаи административного произвола и правовой нигилизм родителей становятся факторами, осложняющими отстаивание своей идентичности.

Тем не менее в исследуемый период видна устойчивая позиция осознания потенциала родного языка в воспитании и образовании детей при признании значительной роли русского языка, являющегося государственным, формирующая сильную билингвальную установку. Однако необходимость сохранения родного языка, культуры и традиций своего народа остается приоритетной, чему способствуют этнодемографический и социально-культурный (рост национального самосознания) факторы.

Установки сельских саха как представителей моноэтничного гомогенного социума отличаются от установок городских саха боль-

шим стремлением к двуязычности, что продиктовано необходимо-стью урбанизации вследствие тяжелых социально-экономических условий жизни на селе и интегративными интенциями в городском пространстве. В целом период снижения социально-экономического уровня жизни населения республики предопределяет вариативность проявления этноязыковой идентичности в моноэтнических якутских селах.

Сложность оптимального совмещения двух (родного и русского) языков в речевом, языковом репертуаре детей, а также опасения из-за несбалансированного билингвизма, формируемого, по мнению части родителей, вследствие параллельного изучения двух языков, являются ключевыми проблемами для многих родителей. Данная тема в якутском языкознании не разработана, на региональном материале рассматривается немногочисленными якутскими [Игнатьева, 2010; Андросова, 2018, 2019], российскими [Арутюнова, 2019а, б] и зарубежными [Ferguson, 2016a] исследователями. Российское научное сообщество подключилось к популяризации указанной темы в удобном для родителей формате — на базе электронных ресурсов: например, на сайте «YouTube» в свободном доступе можно найти лекции известных ученых (Т.В. Черниговской, Е.А. Протасовой, М.Д. Воейковой и др.) о преимуществе дву- и многоязычия перед одноязычием.

Интенсивно проводятся исследования в данном русле в европейских странах, в частности мы ознакомились с работами норвежских антропологов, в которых аргументируется когнитивное преимущество индивидов, достигших определенного порога владения более чем одним языком [Boumeester, 2019]. Финскими авторами рассмотрены точки зрения финских педагогов на многоязычие и обучение детей-полилингвов финскому языку [Alisaari, 2019].

Этносоциопсихолингвистический аспект в силу своего интегрированного характера может быть успешно использован в дальнейшем углубленном изучении указанных выше проблем якутско-русского билингвизма.

4.1.4. Языковые установки в сфере массмедиа

Расширение социальной базы языка, развитие его функциональных характеристик и выбор родного языка в сфере потребления продукции взаимосвязаны.

До 2010 г. потребление билингвами-саха продукции массмедиа в общей СКС занимало значительную долю. Однако трендом последних лет является усиление интереса к новейшим инновацион-

ным технологиям — интернет-пространство, электронные массмедиа в силу своей мобильности завоевывают все больше позиций в дистрибуции приоритетов, а интерес к традиционным массмедиа снижается, что особенно выражено у молодежи. Незначительный рост наблюдается лишь в объеме прослушивания радио.

В исследуемый нами период тенденции отражают все более укрепляющийся интерес к русскоязычным массмедиа: среди городского населения в просмотре телепередач и чтении прессы преобладают русскоязычные программы и издания (табл. 4.10).

Уровень спроса на продукцию массмедиа определяется не столько предлагаемым ассортиментом издаваемых книг, выпускаемых в эфир радио- и телепередач, сколько их реальным потреблением самой аудиторией, что, в свою очередь, детерминируется возрастным параметром, различием языковой компетенции, разнообразием предлагаемого контента.

Согласно последнему опросу, среди продукции массмедиа, потребляемой респондентами-саха, произошло увеличение доли русскоязычных телепередач, книг, журналов, и лишь в сфере радиовещания первое место занял якутский язык. Предпочтения соответствуют показателям языковой компетенции, отражающей распространение разговорных навыков и снижение объема навыков чтения на якутском языке (см. гл. 3).

Сегодня велико влияние массмедиа на речевую социализацию детей — все чаще ребенок-саха приобретает первые навыки русской речи перед экраном телевизора за просмотром русскоязычных мультфильмов, разнообразных передач. Для зрителей младшего возраста НВК «Саха» выпускает в эфир мультфильмы с переводом на якутский язык, но, безусловно, их объем по сравнению с програм-

Таблица 4.10

Языковые предпочтения в потреблении продукции массмедиа в динамике (г. Якутск), %

Язык	Телевидение		Радио		Журналы, газеты		Художественная литература	
	2008 г.	2014 г.	2008 г.	2014 г.	2008 г.	2014 г.	2008 г.	2014 г.
Якутский	5,4	1,8	29,3	11,2	7,8	1,8	10,1	3,5
Русский	35,8	49,5	16,1	21,6	50,7	54,1	56,8	50,2
Якутский и русский	56,2	42	46,7	52,3	41,2	40,9	31,3	38
Другой язык РФ	0,3	0,2	0	0	0	0,2	0	0,2
Иностраный	0,3	0	0	11	0	0	1,4	0
Затрудняюсь ответить	0,9	0	1,3	0	0	0	0	0
Не потребляю продукцию данного вида массмедиа	1,1	6,5	6,6	3,9	0,3	3	0,4	8,1

мой передач специализированных детских каналов «Карусель», «Дисней» и др. совершенно недостаточен.

Однако этнические массмедиа в РС (Я), конечно, имеют высокую востребованность. Жители Якутии имеют возможность смотреть на республиканском телевидении программы с актуальной местной тематикой (с учетом пожеланий аудитории для русско- и якутоязычных зрителей создан разный контент на каналах «Якутия 24», НВК «Саха» и т.д.), в кинотеатрах — фильмы на якутском языке. Успешно работает якутское книгоиздательство, позволяющее выпускать продукцию на якутском языке, в том числе школьные учебники и т.д.

В целом в г. Якутске этнические массмедиа имеют свою аудиторию, что связано, безусловно, с разнообразием разрабатываемых ими тематических направлений, ростом показателей этнической идентичности и языковой компетенции жителей столицы республики. Однако увеличение объема все более доступных новых ИКТ снижает уровень потребления региональных массмедиа. По данным опроса сотрудников группы компаний «Синет», в Якутске в мае 2018 г. доля пользователей Интернета составляла 71,6 % от всего населения города. Кроме того, было установлено, что 94,1 % жителей Якутска ежедневно пользуются Интернетом. В 2018 г. зафиксирован рост числа пользователей среди лиц до 14 лет и мужчин старше 60 лет. При этом 45 % респондентов отметили, что для них одним из каналов получения новостей является интернет-источник, например доля аудитории портала Ykt.Ru среди всех пользователей Интернета в г. Якутске составила 83,5 % [В якутском Интернетe..., электронный ресурс]. Таким образом, традиционные массмедиа более востребованы у возрастной аудитории, молодежь и представители среднего поколения для получения разнообразной информации постепенно переходят в пространство Интернета.

Действительно, потребление продукции массмедиа, особенно на русском языке и на обоих языках (русском и якутском), строго детерминировано возрастным параметром — чем моложе респондент, тем чаще предпочтение отдается русскоязычным массмедиа, реже — двуязычным (табл. 4.11–4.14).

Данная тенденция наблюдается и в сельской местности, где приоритет остается за двуязычной продукцией: в 2014 г. телепередачи на якутском языке смотрели 3,8 %, на русском — 43 %, на обоих языках — 52,8 %. Причинно-следственная связь между объемом потребления и качеством предлагаемой продукции, в том числе разнообразием тематических направлений СМИ, очевидна. Для иллюстрации этого факта нами был составлен рейтинг продукции массмедиа в зависимости от языка потребления. Безусловно, в оценках нашли

Таблица 4.11

Языковые предпочтения респондентов в просмотре телепередач в зависимости от возраста (г. Якутск, 2014 г.), %

Возраст, лет	На якутском	На русском	На якутском и русском	На другом	Не смотрю телевизор
17–25	1,6	62,8	20,9	0,5	14,1
26–35	1	50,5	45,4	0	3,1
36–50	1,8	34,2	63,1	0	0,9
старше 50	2,9	20,6	75	0	1,5

Таблица 4.12

Языковые предпочтения респондентов в чтении газет и журналов в зависимости от возраста (г. Якутск, 2014 г.), %

Возраст, лет	На якутском	На русском	На якутском и русском	На другом	Не читаю газеты и журналы
17–25	1,6	62,6	30,5	0,5	4,7
26–35	1	56,7	37,1	0	5,2
36–50	2,7	43,2	54,1	0	0
старше 50	1,5	22,1	76,5	0	0

Таблица 4.13

Языковые предпочтения респондентов в чтении книг в зависимости от возраста (г. Якутск, 2014 г.), %

Возраст, лет	На якутском	На русском	На якутском и русском	На другом	Не читаю книги
17–25	3,7	57,9	26,8	0,5	11,1
26–35	0	54,6	33	0	12,4
36–50	9	37,8	49,5	0	3,6
старше 50	0	23,5	76,5	0	0

Таблица 4.14

Языковые предпочтения респондентов в прослушивании радиопередач в зависимости от возраста (г. Якутск, 2014 г.), %

Возраст, лет	На якутском	На русском	На якутском и русском	На другом	Не слушаю радиопередачи
17–25	7,9	25,1	39,3	23	4,7
26–35	12,4	21,6	58,8	4,1	3,1
36–50	14,4	13,5	64,9	1,8	5,4
старше 50	14,7	2,9	79,4	0	2,9

отражение такие составляющие медиапродукции, как тематическое разнообразие, полиграфическое качество, культура речи, грамотность текстов. Качество местных телевизионных передач на обоих языках в совокупности перечисленных характеристик, оговоренных в опросном листе, оценено высоко: 59,6 % респондентов поставили

Таблица 4.15

**Оценка качества республиканских массмедиа респондентами
различного возраста (г. Якутск, 2014 г.), %**

Вид массмедиа	Возраст, лет			
	17–25	26–35	36–50	старше 50
Печатная продукция на:				
якутском языке	65,9	53,9	65,6	56,6
русском языке	69,1	64,2	58,2	53,4
Телепередачи на:				
якутском языке	51,1	51,7	58	37,5
русском языке	54,5	51,6	43,2	25,3

от 5 до 8 баллов программам на якутском языке, 60,3 % — на русском. Качество периодической печати и книг на русском языке выше оценивают 71 % саха.

Таким образом, респонденты в целом выразили удовлетворенность качеством республиканских массмедиа. Печатная продукция и телепередачи, производимые региональными СМИ, различными возрастными группами оцениваются по-разному: при ранжировании выявилось единообразие ответов на вопросы о русскоязычных средствах массовой информации, ответы на вопросы о якутоязычных СМИ имеют более неоднозначный характер, т.е. разброс оценок здесь гораздо заметнее. При этом несмотря на то, что молодые саха смотрят мало передач и читают мало газет и книг на якутском языке, все же, по сравнению с респондентами старше 50 лет, они выше оценивают якутоязычные СМИ (табл. 4.15), тем самым демонстрируя языковую лояльность к родному языку. Качество печатной продукции на русском языке оценивается несколько выше лицами до 35 лет; телепередачи на русском языке незначительно выше оцениваются молодежью.

В целом этнические массмедиа оцениваются населением достаточно высоко, что говорит о наличии положительных установок по отношению к республиканским СМИ, в том числе на родном (якутском) языке.

4.2. Современный риторический (коммуникативный) идеал как категория этноязыковой идентичности

4.2.1. Проблематика риторического идеала в современной филологии

Стремление определить детерминанты сложившейся в данный период языковой ситуации в первую очередь отсылает исследователя к поиску ее истоков, к некоему образцу идеальной речи в представ-

лении современных носителей языка. Руководствуясь целесообразностью применения прагматического подхода к установлению риторического идеала исконными носителями языка, а также необходимостью создания достоверного этносоциопсихолингвистического контекста для интерпретации данных массового социолингвистического опроса, был проведен НАЭ «Современный якутский риторический идеал».

Проблема выявления и формулировки риторического идеала является новым и недостаточно исследованным на материале региональных языков направлением, начало разработок которого в отношении русского и иностранных языков было положено основателем Воронежской школы психолингвистики И.А. Стерниным [2000, 2001].

Как известно, коммуникативное сознание является одним из параметров приоритетного в современном языкознании понятия коммуникативности, включает в себя представления о коммуникативном потенциале личности и объемлет такие дефиниции, как *хорошая литературная речь, коммуникативные качества речи, развитая языковая личность, высокая речевая культура, эффективность общения, коммуникативная компетенция* и т.д. Коммуникативную деятельность, коммуникативные установки, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил общения, которые обеспечиваются совокупностью механизмов сознания человека, И.А. Стернин определяет как коммуникативное сознание [2002б, с. 4].

К представленному смысловому ряду оказывается близка и категория риторического идеала, определение которой было сформулировано А.К. Михальской: риторический идеал — принадлежность системы идеалов данного сообщества, ментальный образ, некий идеальный образ речи, причем не только «приемлемой», «нормальной», «допустимой», которая описывается понятием «нормы речи». Риторический идеал как основа логосферы, ее структурный каркас, поддерживающий ее скелет, исторически изменчив, культуроспецифичен и коррелирует с особенностями социальной модели, социального устройства [Михальская, 1996]. Согласно другому определению А.К. Михальской, риторический идеал есть «система наиболее общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившаяся в той или иной культуре и отражающая систему ее ценностей — эстетических и этических» [Там же].

А.П. Сковородников понимает риторический идеал как феномен национального сознания [1997, с. 31] и, осмысливая способы исследования ментальных представлений, составляющих национальный риторический идеал, останавливается на его изучении в качестве образца эффективной речевой деятельности, сочетающего в себе не только «вершинные, классические образцы национальной рече-

вой культуры», но и «идею учета языкового вкуса эпохи и той социально-культурной среды, в которой происходит речевое общение» [Культура русской речи..., 2003, с. 597].

Детерминированность представления об оптимальном типе личности «идеального» ратора определенным культурно-историческим аспектом отмечает и С.С. Аверинцев [1996, с. 358].

Таким образом, понятия коммуникативного сознания и риторического идеала находятся в родовидовых отношениях, где первичной должна быть коммуникативная категория, упорядочивающая суждения, установки, ментальные стереотипы, правила, касающиеся языкового общения.

Приступая к рассмотрению проблемы выявления современного якутского риторического идеала, следуя методологии И.А. Стернина, в контексте значимости дискурса о массовом и значительном снижении уровня речевой культуры мы ставили следующие задачи: определить и описать современный якутский риторический идеал как коммуникативную категорию; установить возрастные особенности формулировки риторического идеала; сформулировать и систематизировать риторические прескрипции, типичные для якутского коммуникативного сознания (например, запретительные, разрешительные, объяснительные), объяснить их суть с социолингвистических позиций; дать интерпретацию полученным результатам с опорой на выделяемые современной наукой функции языка; провести структурно-семантический анализ ответов на вопросы анкеты с целью установления доминирующих в культуре языковых формул и клише, характеризующих риторический идеал и этноязыковые процессы, что позволит выявить особенности отражения в сознании испытуемых вопроса жизнеспособности языка.

Очевидно, что укоренившиеся в менталитете народа коммуникативные категории носят концептуальный характер. В ходе проведения направленного ассоциативного эксперимента от респондентов ожидалась актуализация их восприятия данного явления; от нас требовалось определение того, что включается носителями якутского языка (либо этническими якутами) в определение риторического идеала, с какими нормами и правилами связываются коммуникативные категории. Коммуникативные категории, как и любые другие когнитивные категории, определенным образом упорядочивают ментальные представления личности о нормах и правилах коммуникации. Однако это упорядочивание не имеет жесткого предписывающего характера, многие категории, реализованные в тех или иных ассоциатах (конкретных реакциях конкретных респондентов), взаимно накладываются друг на друга и пересекаются.

4.2.2. Современный якутский риторический идеал: результаты психолингвистического эксперимента

Экспериментальным исследованием было охвачено 683 респондента — этнических саха. В ходе опроса получено 2046 различных реакций. Все ответы сгруппированы в 170 позиций с учетом единичных ответов. Собранный материал разделен на три группы в соответствии с возрастным параметром и уровнем владения этническим языком. Итоги проведенного НАЭ⁷ представлены в табл. 4.16.

В ходе эксперимента были получены следующие результаты:

1. Установлено, что основным требованием к риторическому идеалу является чистота речи (51,69 %), наиболее негативным признаком современной якутской речи признана «смешанная якутско-русская речь», «нечистая речь», причем данный признак оказался наиболее ярко выраженным как в ответах не владеющих якутским языком, так и в ответах слабо владеющих им, что демонстрирует наличие единой этноязыковой общности. Однако несмотря на то, что респонденты склонялись к необходимости запрета использования заимствованных (т.е. русских) слов в речи на якутском языке, категория толерантности занимает по итогам исследования не последнее место.

К ядерной части АП относится также эстетическое требование, при этом главным источником и образцом эстетизации речи выступает, с одной стороны, язык художественной литературы, с другой — язык фольклорных текстов (преимущественно олонхо). Отметим, что большое количество реакций демонстрирует, что фольклорные образы и ассоциации занимают важное место в коммуникативном сознании саха.

Огромное количество реакций имеют преимущественно предписывающий характер, моделирующий поведение человека.

Таким образом, в результате проведенного ассоциативного эксперимента нами выявлено содержание якутского риторического идеала. К ядру АП были отнесены следующие наиболее частотные реакции респондентов:

• *тыллары булкуйбакка (нуучча тылын кыбыппакка эбэтэр абый-ахтык кыбытар)* ‘не смешивая языки (не вставляя русские слова или вставляя единичные русские слова)’ — данная реакция оказалась

⁷ Материалы исследования опубликованы в статье «Современный якутский риторический идеал» [Иванова, 2007, с. 71–77] и главе «Современный якутский риторический идеал: результаты психолингвистического эксперимента» [Современная этноязыковая ситуация..., 2013].

Таблиц 4.16

Частотность реакций, составляющих ядро коммуникативной категории «современный якутский риторический идеал», %

Реакция	Группа испытуемых			Всего
	I (студенты-билингвы)	II (взрослые билингвы)	III (не владеющие или слабо владеющие якутским языком)	
<i>Тыллары булкуйбакка</i> ‘не смешивая языки’	15,3	13,7	—	—
<i>Ыраастык санарар</i> ‘говорит чисто’	10	0,09	—	—
Не вставляет русские слова	—	—	12,6	12,6
Итого...	25,3	13,8	12,6	51,7

самой массовой во всех группах. Здесь испытуемые указали важнейший признак риторического идеала, в основе которого лежит понятие о чистоте речи;

- *ыраастык санарар* ‘чистая речь без изъянов’ — очевидно, имеются в виду отсутствие заимствований и правильность речи;
- *уус-ураннык* ‘искусная речь, речь художественной литературы’ — данная реакция, возможно, указывает на образное богатство речи как на одно из ее главных желаемых качеств;
- *баай тыллаах* ‘богатая речь’ — употребляется испытуемыми, как правило, без пояснения сути данного понятия, однако его содержание можно найти в ассоциативном поле.

Обширный психолингвистический материал классифицирован нами по принципу реализации в ответах испытуемых основных функций языка. Предполагалось, что подобный подход выявит актуальные ценностные установки респондентов, их восприятие риторического идеала как своего рода рефлексии языка. В коммуникативном сознании носителей якутского языка наиболее продуктивными и содержательными оказались следующие функции: эстетическая, отражающая преимущественно эстетическое отношение к языку, и регулятивная, указывающая на значимость акциональной стороны АП, эти функции предписывают нормы практического поведения человека; когнитивная функция содержит указание на прямую детерминированность между языком и мышлением. Далее представлены наиболее массовые репрезентации.

Этап структуризации материала показал преобладание *эстетической функции языка*, при этом образцом поэтической речи в большинстве случаев представлен язык фольклора (чаще тойуков и олонхо). Таким образом, якутский риторический идеал воспринимается

носителями якутского языка в первую очередь как эстетический феномен:

- *уус-ураннык* ‘искусная речь, речь художественной литературы’ — указывает на образное богатство как одно из самых главных желаемых качеств совершенной речи. Одна из самых частотных реакций;

- *тойугу туйар* ‘сказывает тойук’ (речь, похожая на язык тойука) — указывает на фольклорную составляющую риторического идеала;

- *олонхону өйдүүр* ‘понимает язык олонхо’ — также указывает на фольклорный компонент риторического идеала и др.

2. Было определено, что регулятивная функция языка является наиболее важным показателем социального аспекта языка, выступает средством регуляции социального поведения. По итогам НАЭ насчитывается около 30 различных реакций, связанных с указанной функцией языка:

- *төрүт культуратын, сизрин-туомун, өбүгэ үгэһин илдьэ сыдыар* ‘человек, следующий обычаям родной культуры, соблюдающий традиции, обычаи’ — отражает приоритет культурной категории языка, при этом акцент поставлен на обрядовой составляющей культуры, которая служит регулятором социального поведения человека. Данная реакция носит массовый характер, получена у первой и второй групп, причем у второй группы респондентов встречается чаще;

- *төрөөбүт айылҕатын, дойдутун таптыыр, харыстыыр, кинини кытта сибээстээх* ‘любит и бережет родную природу, родину, поддерживает связи с малой родиной’ — выражает своеобразный моральный императив, касающийся экологии окружающей среды, вероятно, распространяющийся и на экологию слова. Не самая массовая реакция, также свойственна в большей степени второй группе;

- *маатырылаабат, үөхсүбэт* ‘не использует бранные слова’ — устанавливает требование чистоты речи, основанное на запрете употребления бранной, инвективной лексики, которая не просто имеет особую эмоциональную окраску, но и практически является моделью поведения. Чаще встречается в ответах первой, молодежной, группы.

Также в составе риторического идеала представлены другие этические категории, категории престижности языка, толерантности, общительности, коммуникабельности носителей языка, категории техники якутской речи (*не торопясь, обстоятельно*) и др.

Безусловно, встречаются специфические реакции, которые не имеют адекватного перевода на русский язык: *Кэскиллээх, өркөн*

өйүнэн инникени анааран кэпсиир. Данное выражение «можно понимать как “с мыслью о грядущем”, но этот перевод явно недостаточен для столь поэтического образа. Использованный здесь эпитет “прядь солнечных лучей — *өркөн*” позволяет перевести данную реакцию как ‘человек, говорящий в первую очередь солнечные (т.е. благоприятные) мысли’. Здесь использована фольклорная образность, в первую очередь олонхо. В реакции реализована также этическая составляющая риторического идеала» [Современная этноязыковая ситуация..., 2013, с. 229–230].

Данная предписывающая группа реакций, реализующая регулятивную функцию языка, довольно многочисленна. «Главной темой оказывается императив, требующий от коммуниканта знаний норм речевого поведения, основанных на требованиях традиционной культуры. Здесь же мы находим указание на главный источник норм и требований, принятых в традиционной культуре, — это олонхо, эпическая традиция. При этом экспликация самого фольклорного жанра не происходит, что, очевидно, воспринимается носителями языка как нечто само собой разумеющееся, находящееся глубоко в контексте» [Там же].

С другой стороны, преобладание императивов, вероятно, можно считать следствием особого, самокритичного, склада характера якутов (что признают и они сами), особенно проявляющегося в дискурсе о родном языке. Указанное свойство, по-видимому, имеет этнокультурную обусловленность. Например, Г.А. Дырхеева еще в 2002 г. отметила, что пуризм, отстаивание своей культурной самобытности, ревностное отношение к родному языку не свойственны бурятам, они активно приобщаются к современным цивилизационным процессам, урбанизируются, к сожалению, утрачивая часть своей национальной культуры [Дырхеева, 2002].

3. Установлено, что познавательная (когнитивная, мыслеформирующая) функция языка представлена наиболее массово и разнообразно. Перечислим наиболее характерные и яркие реакции:

- *санаатын толору тириэрдэр* ‘передающий свою мысль полностью, достаточно, в полной мере’ — отражает не только когнитивную способность говорящего, но и его коммуникативную компетенцию;

- *өйдүнүмтүө, судургу* ‘понятная, доходчивая, простая, без затей’ — понятность речи воспринимается как умение реализовать свою мысль, т.е. выступает в качестве когнитивной категории;

- *сахалы толкуйдаах* ‘человек, обладающий якутским мышлением’ и др.

В результате анализа всего массива собранных в ходе эксперимента реакций мы пришли к следующим выводам:

— одним из продуктивных способов структуризации полученного материала оказывается анализ реализации в утверждениях (ассоциациях) основных функций языка;

— среди ответов наших респондентов наибольший процент получили реализации трех функций языка:

а) эстетической, указывающей на важность роли эстетического отношения к языку (*человек, в высокой степени владеющий культурой якутской речи, должен говорить красиво*);

б) регулятивной, подчеркивающей важность акциональной стороны категории (*человек, в высокой степени владеющий культурой якутской речи, должен вести себя соответствующим образом — специфически по-якутски*);

в) когнитивной, предполагающей прямую зависимость между мышлением и языком (*человек, в высокой степени владеющий культурой якутской речи, должен мыслить соответствующим образом — специфически по-якутски*).

В формулировке национального риторического идеала показан в эксплицитной форме и выявлен имплицитно присутствующий в структуре каждого национального языка социальный ракурс национального менталитета (мировосприятия). Респондентами — носителями якутского языка продемонстрирован не лингвистический, а комплексный речевой подход к родному языку, учитывающий максимально полный охват влияющих на коммуникативную ситуацию аспектов языка и речевой деятельности.

Основное требование к якутскому риторическому идеалу — чистота речи в значении свободы от иноязычных вкраплений, заимствований (51,69 % респондентов); к ядерной части категории (концепта) относится также эстетическое требование, при этом главным источником и образцом эстетизации речи выступает, с одной стороны, язык художественной литературы, с другой — язык фольклорных текстов (преимущественно олонхо). При этом большое количество реакций демонстрирует, что фольклорные образы и ассоциации занимают важное место в коммуникативном сознании носителей якутского языка. Наличие огромного количества реакций преимущественно предписывающего характера, моделирующих поведение человека, свидетельствует о том, что в современном якутском обществе вопросы языковой политики, направленной на сохранение родного языка, занимают значительное место [Иванова, 2013].

Категориальный анализ выявил наличие следующих приоритетных признаков: категорию книжности, утверждающую ценность печатного слова как возможного источника «идеальной» речи; категорию учености, утверждающую необходимость существования должной системы обучения родному языку; категорию фольклорности (респонденты ориентированы преимущественно на язык эпоса), устанавливающую связь между языком и традиционной культурой; категорию толерантности как одно из важных условий функционирования якутского языка.

Итоги направленного ассоциативного эксперимента, затрагивая различные аспекты осмысления якутской языковой личности, самым непосредственным образом соотносятся с высокими показателями языковой компетенции саха, отражающимися в результатах наших опросов (см. гл. 3), а также с компонентами этноязыковой идентичности саха, выявляя ее эстетическую, регулятивную, когнитивную составляющие.

Таким образом, структура риторического идеала, как и любая другая установка, базируется на классической трехкомпонентной модели У. Ламберта, включающей в себя когнитивный (знание), аффективный (оценки и эмоциональные реакции) и конативный (готовность к действию) уровни [Lambert, 1960]. Эстетический компонент, выявленный в установке на национальный риторический идеал, в целом укладывается в рамки аффективного уровня, включающего оценки и эмоциональные реакции, поскольку риторический идеал строится на эстетических образах этнической культуры, вызывающих эмоции.

При этом, обратившись к трудам российского этносоциолога Л.М. Дробижевой [2006], находим, что в структуре этнической идентичности ею вычленяются три основных взаимосвязанных компонента, выявляемых посредством установок: когнитивный (познавательный), эмоциональный и регулятивный (поведенческий). Следовательно, выявленный у современных носителей языка или представителей этнической общности комплекс ассоциатов риторического (коммуникативного) идеала вступает в отношения изоморфизма с указанными выше компонентами этнической идентичности и в этносоциопсихолингвистическом ракурсе нашего исследования языковой ситуации может представлять собой самостоятельную категорию, модифицирующую в числе других ее составляющих этноязыковую идентичность.

Современные якуты в качестве идеальной представляют речь, свободную от иноязычных вкраплений. Наибольшее количество ассоциативных реакций связано с тремя функциями языка: эстетиче-

ской, указывающей на важность роли эстетического отношения к языку; регулятивной, отражающей важность акциональной стороны; когнитивной, указывающей на то, что респонденты устанавливают прямую зависимость между мышлением и языком. В коммуникативном сознании якутов совмещены как современные императивы (чистота речи), так и традиционные, связанные с языком устного народного творчества. Формулировка риторического идеала современным носителем языка, на наш взгляд, может выступать в качестве отдельной категории (признака), репрезентирующей в ряду других категорий языковую идентичность носителей языка и содержащей в себе этнически обусловленные языковые установки актуального и традиционного характера.

4.3. Развитие двуязычной языковой ситуации в РС (Я): преобладающие языковые ориентации в национально-языковых отношениях

Глобализационные процессы вывели на авансцену проблему интолерантности как серьезный социальный вызов современности, в результате чего феномен толерантности стал актуальным предметом исследования в разных областях научного знания. Сегодня существует несколько подходов к изучению этого феномена: аксиологический, гносеологический, исторический, ксенологический и лингвокультурологический⁸.

⁸ Об этом см.: *Иссерс, О.С.* Максимум толерантности в аспекте коммуникативных стратегий и норм / О.С. Иссерс // Лингвокультурологические проблемы толерантности: тез. докл. Междунар. науч. конф. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. — С. 217–218; *Михайлова, О.А.* Лингвокультурологические аспекты толерантности / О.А. Михайлова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015; *Михайлова, О.А.* Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста [Электронный ресурс] / О.А. Михайлова. — Режим доступа: http://bookzie.com/book_179_glava_17_TOLE-RANT_NOST_I_TERPIMOST:_VZGL.html (дата обращения: 04.02.2018 г.); *Никитина, И.С.* Толерантность как объект современных междисциплинарных гуманитарных исследований / И.С. Никитина // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. — 2019. — № 1. — С. 78–83; *Романова, Т.В.* Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) / Т.В. Романова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 2 (52); *Стернин, И.А.* Коммуникативные аспекты толерантности / И.А. Стернин, К.М. Шилихина. — Воронеж, 2000. — С. 34–37; *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов / С.Г. Тер-Минасова. — М., 2000; *Южакова, Ю.В.* Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Южакова. — Челябинск, 2007. — 26 с.

4.3.1. Динамика и тенденции национально-языковых отношений в социалингвистических опросах и психалингвистических экспериментах

Возможные сценарии развития двуязычной ситуации в республике детерминируются якутско-русским и русско-якутским типами двуязычия, характеристики которых обусловлены национально-языковыми отношениями. В российской социалингвистике указанные отношения воспринимаются как «взаимные поведенческие и оценочные установки и предрасположенности носителей различных языков или форм существования языка по отношению как к чужим, так и к собственным языкам и языковым вариантам (в том числе оценки языка типа “богатый”, “бедный”, “красивый”); отношение к использованию языка, к языковой политике и пр.» [ССТ, 2006, с. 279] и имеют широкое поле для эмпирического исследования. Посредством выявления позитивных/негативных установок можно определить доминирующие национально-языковые отношения, причем применительно как к этническому или родному языку, так и к другим языкам, функционирующим в данном коммуникативном пространстве, либо к изучаемым языкам; обозначить конфликтогенную зону в национально-языковых отношениях.

Основополагающее значение в формировании национально-языковых отношений имеет понятие языковой толерантности. Данный термин в научном дискурсе еще не нашел единого применения, тем не менее в российской социалингвистике он релевантен в описании языковых отношений. В Словаре социалингвистических терминов он обозначен как «языковая терпимость» или «языковая толерантность» и имеет следующее определение: «Уважительное отношение со стороны численно или социально доминирующего на какой-либо территории этноса, а также соответствующих властных структур к языкам иных этнических групп, проживающих на той же территории (как правило, малочисленных или некоренных), соблюдение гражданских, языковых прав и экономических интересов их носителей, обеспечение возможности пользоваться родными языками в некоторых коммуникативных сферах, количество и состав которых зависит от демографической мощности этих групп, функциональной развитости их языков, исторических традиций бытования этих языков на данной территории» [Там же, с. 267].

Наша интерпретация термина, основанная на принципе равноправия языков независимо от количественного соотношения этносов, выглядит следующим образом: **Языковая толерантность** — это качество, свойство, характеризующее уважительное отношение к

языку другого индивида, другого этноса, совместно проживающего на какой-либо территории, при взаимном соблюдении гражданских, языковых прав, экономических интересов и обязательном обеспечении государством развития коммуникативных функций всех языков в соответствии с их юридическим статусом.

По данным нашего опроса (2007 г.), «в массовом сознании всех жителей республики присутствует убеждение в том, что следует защищать интересы родного языка: так ответили 93,1 % якутов; 82,2 % представителей других этнических групп и 62,9 % русских. Для якутян (якутов и русских) значимы этносохраняющие компоненты в вопросах языков, межэтнического взаимодействия, что подтверждается и в исследованиях этнологов — <...> 46 % якутов и 39 % русских выступают за равноправие всех языков; 41 % якутов и 38 % русских — за доминирование избранных языков» [Российская нация..., 2008, с. 35]. В качестве индикаторов этноязыковой идентичности также можно привести данные о смене этнических языков. С утверждением, что утрата родного языка и следующий за ней переход на другой язык означают утрату национальности, согласны 58,1 % якутов, 44,7 % представителей других этнических групп и всего 26,5 % русских. В этом находят отражение защитные механизмы внутриэтнической консолидации якутов и представителей других национальностей. У русских респондентов более выражено мнение об устойчивости этнической идентичности [Современная этноязыковая ситуация..., 2013, с. 28].

Всегда важно иметь представление о мнении населения относительно изменений, происходящих в языковой сфере. С этой целью в опросник 2007 г. был включен вопрос: «Произошли ли изменения в использовании якутского и русского языков?» Для облегчения заполнения респондентами анкеты в вопросе не указывался конкретный период, поскольку для нас важно было прежде всего обозначить существующее эмоциональное восприятие на уровне метаязыкового сознания (табл. 4.17).

Ситуация с функционированием якутского языка в г. Якутске оценена обеими группами опрашиваемых весьма неравнозначно. Большинство якутов не отмечают изменений в семейном общении, что вполне объясняется доминирующей ролью якутского языка в этой сфере; а также в образовании (видимо, в силу медленного характера изменений, связанных с недостатком детских садов, школ с якутским языком обучения и воспитания в г. Якутске), при общении в госучреждениях и на работе. При этом указывают на увеличение количества якутоязычных СМИ и общения на якутском языке на улице. Опрашиваемые считают, что использование якутского

Т а б л и ц а 4.17

Оценка изменений в использовании якутского и русского языков в г. Якутске (2007 г.), %

Ситуация общения	Оценка	Якутский язык		Русский язык	
		Якуты	Русские	Якуты	Русские
В семье	Сократилось	25	18,2	6,1	5,3
	Осталось прежним	53,2	52,5	69,4	79,6
	Расширилось	17,5	20,2	21,5	11,2
	Значительно расширилось	4,2	9,1	3	3,9
На работе	Сократилось	27,9	9,3	3,1	12,1
	Осталось прежним	53,5	48,3	63,3	75,2
	Расширилось	15,6	32,2	29,4	9,6
	Значительно расширилось	3	10,2	4,2	3,2
В системе образования	Сократилось	31,1	8,5	3,8	23,5
	Осталось прежним	40,8	38,1	58,9	62,1
	Расширилось	24,3	38,1	32,5	11,1
	Значительно расширилось	3,9	15,3	4,8	3,3
На радио/ТВ	Сократилось	18,3	5,8	3,4	19,6
	Осталось прежним	36,2	27,5	65,3	61,4
	Расширилось	39,7	49,2	27,9	15,8
	Значительно расширилось	5,8	17,5	3,4	3,2
В газетах/журналах	Сократилось	17,3	6	2,7	13,6
	Осталось прежним	40,9	27,6	64,3	68,2
	Расширилось	36,4	50,9	29,3	15,6
	Значительно расширилось	5,4	15,5	3,7	2,6
В госучреждениях	Сократилось	35,2	10,8	4,1	24,4
	Осталось прежним	45,9	36,7	60,2	61,5
	Расширилось	16,3	36,7	31,3	11,5
	Значительно расширилось	2,6	15,8	4,4	2,6
В сфере обслуживания	Сократилось	38,3	13,6	3,8	18,2
	Осталось прежним	35,7	34,7	61,3	67,9
	Расширилось	23,1	43,2	30,5	11,3
	Значительно расширилось	2,9	8,5	4,5	2,5
На улице	Сократилось	33,3	8,4	9,9	30,1
	Осталось прежним	30,1	28,2	56	54,5
	Расширилось	27,2	40,5	27	11,5
	Значительно расширилось	9,3	22,9	7,2	3,8

языка сократилось в сфере услуг, обслуживания, что также соответствует реальному положению дел, так как данная ниша занята мигрантами из стран СНГ.

Стабильность якутского языка в общении на работе и в семье отмечают и русские респонденты; в остальных сферах они наблюдают увеличение его объема. Рост употребления якутского языка отмечен жителями г. Якутска, и в этом вопросе мнение неякутского населе-

ния может быть объективнее мнения носителей якутского языка, в массе своей выходцев из улусов. Численность русского населения в республике в настоящий момент демографически уступает численности коренного населения, на их глазах происходит интенсивная миграция саха в столицу, а значит, и изменения в балансе языков в повседневной жизни русскими респондентами ощущаются лучше. Большинство (54,5–73,2 %) респондентов (якутов и русских) как стабильное оценили функционирование русского языка в регулируемых и нерегулируемых сферах общения. При этом русские указывают на сокращение общения на русском языке в сфере услуг, обслуживания, образования, в госучреждениях, на улице, что вполне объясняется объективными процессами внутриреспубликанской миграции и некоторой активизацией внедрения якутского языка в дошкольном и школьном обучении. Представляется возможным и то, что ответ о сокращении общения на русском языке мог быть обусловлен визуальной оценкой — вследствие внешней и внутренней миграции в городе преобладает население с азиатским типом внешности, что прежде не было характерно для Якутии. Данное явление не всегда отражает возрастание объема якутской речи, поскольку в госучреждениях, как правило, двуязычные якуты отвечают на языке обращения, и функционально первым языком для многих якутов в профессиональной деятельности остается, как и прежде, русский язык.

В целом мнение о степени распространенности языков в коммуникативном пространстве объективное. Важно, что сохранение объема общения на том или ином языке в ситуации «на работе», в особенности в оценках русских респондентов, свидетельствует о стабильности, отсутствии тревожности. Респонденты-якуты показали отличные металингвистические способности в вопросах установления баланса языков в г. Якутске. Особое языковое чутье саха отмечено нами выше; находим подобное и в работе других исследователей, в частности о корректном определении уровня своего владения родным языком [Grenoble, 2019].

Следующий вопрос касался мнения респондентов о функциональном статусе якутского языка и об отношении к данному статусу: «Согласны ли Вы с утверждением, что якутский язык способен быть значимым в следующих областях?» (табл. 4.18). Высказанные мнения в целом аналогичны ответам, полученным в ходе общереспубликанского опроса в 2007 г. [Иванова, 2012, с. 103–104], с той лишь разницей, что по итогам общереспубликанского опроса большинство из всех трех опрашиваемых групп согласны с тем, что якутский язык может выполнять функцию языка межэтнического общения.

Мнение респондентов относительно значимости якутского языка в выполнении социальных функций (г. Якутск), %

Социальная сфера	Вариант ответа	Якуты	Русские		Другие
		2007 г.	2007 г.	2016 г.	2007 г.
Государственное управление	Согласен	40,6	10,2	15	34,9
	Не согласен	31,2	59,9	51,9	41,9
	Затрудняюсь ответить	28,2	29,9	33	23,3
Образование	Согласен	62,2	19,3	31	46,5
	Не согласен	18,1	52,9	38,5	34,9
	Затрудняюсь ответить	19,7	27,8	30,5	18,6
Межэтническое общение	Согласен	51,1	33,5	44,8	55,8
	Не согласен	23,9	35,1	26,4	23,3
	Затрудняюсь ответить	24,9	31,4	28,9	20,9
СМИ	Согласен	72,2	24,9	46,2	64,4
	Не согласен	13,2	42,7	27,1	22,2
	Затрудняюсь ответить	14,5	32,4	26,7	13,3
Делопроизводство	Согласен	39,5	9,2	15,5	39,5
	Не согласен	36,9	59,5	50,6	39,5
	Затрудняюсь ответить	23,5	31,4	33,9	20,9
Судопроизводство	Согласен	34,8	8,7	14,2	32,6
	Не согласен	39,3	60,9	51,3	41,9
	Затрудняюсь ответить	25,9	30,4	34,5	25,6
Бизнес	Согласен	38,2	8,2	17,6	34,9
	Не согласен	35	61,4	45,5	46,5
	Затрудняюсь ответить	26,8	30,4	36,9	18,6
Дипломатия	Согласен	35	10,1	19,1	31,8
	Не согласен	36,6	57,4	49,8	43,2
	Затрудняюсь ответить	28,4	32,4	31,1	25
Наука	Согласен	34,9	9,5	13,8	20,9
	Не согласен	37,5	61,6	53,6	53,5
	Затрудняюсь ответить	27,6	28,9	32,6	25,6
Сфера обслуживания	Согласен	56,4	20,4	27,7	44,2
	Не согласен	21,8	49,5	40	41,9
	Затрудняюсь ответить	21,8	30,1	32,3	14
Интернет	Согласен	—	—	23,8	—
	Не согласен	—	—	45,5	—
	Затрудняюсь ответить	—	—	30,6	—

В г. Якутске же количественно преобладают русские респонденты, не согласные с этим.

Оценки якутов в целом адекватно отражают современное состояние якутского языка, прежде всего его неравномерное употребление, что было ранее установлено нами в ходе социолингвистиче-

ского исследования [Языковая ситуация..., 2005]. Так, большинством якутов выражено нигилистическое мнение о функциях якутского языка в сфере науки, дипломатии, судопроизводства, хотя в первой и последней из них якутский язык используется, особенно в улусах. Многие саха высказывались о значимости якутского языка в делопроизводстве (39,5 %), что свидетельствует о его востребованности в данной сфере, однако не согласных с этим мнением также немало (36,5 %).

В ответах русских респондентов весьма отчетливо выражено гетеростереотипное представление о другом языке, обозначившее конфликтную зону на уровне национально-языковых отношений и существующее в форме предубеждений: большинство респондентов-русских отрицают выполнение якутским языком каких бы то ни было социальных функций (табл. 4.18). Посредством вопроса о социальных функциях якутского языка выявлена психологическая основа конфликта, получено наиболее эксплицитное выражение социальных и языковых конфликтов. Изменение демографических и коммуникативных показателей якутов в г. Якутске, их стремление к сбалансированному двуязычию приводит к напряженности в русской этнической общности, в действительности не затрагивая их речевую практику, например, на работе (см. выше).

Устоявшийся в 1960–1980 гг. дисбаланс русского и якутского языков с минимальным включением якутского языка даже в нерегулируемые сферы общения (на улице, в общественном транспорте, на переменах в школах и т.д.) был благоприятен для русскоязычных, общение только на русском языке являлось для них понятным, доступным. Этноязыковые процессы, начавшиеся в 1990-е годы, активизировали использование языков коренных народов республики, что способствовало стремлению к выравниванию языкового баланса, вызывая у русскоязычных нигилизм по отношению к отличным от русского языкам и языковой дискомфорту ввиду недоступности иной речи, текстов. Таким образом, в негативных по отношению к функционированию якутского языка установках преобладает эмоциональный компонент.

Указанные особенности этнической идентичности русских в регионе отмечены в работе Л.М. Дробижевой: «Этническая идентичность русских в результате особенностей исторического развития, в том числе советского периода, мало связана, как показали материалы исследований, с культурными маркерами и больше базируется на государственности, зависит от политического контекста, доверия к власти. При идеологической нечеткости отношения к прошлому и проектам на будущее, в том числе в сфере этнонациональной

политики, массовое сознание русских может еще долго оставаться не консолидированным на позитивных ценностях, а чаще опираться на оборонительные, защитные настроения» [Дробижева, 2010, с. 57].

Необходимо отметить, что в то же время авгостереотипы якутов отражают отсутствие гиперболизации этнического самосознания, отрицательно влияющего на толерантность — оценки соответствуют реальному функциональному состоянию якутского языка в данных сферах, более того, присутствует доля нигилизма по отношению к родному языку. Факторы острой поляризации мнений, доходящей до конфликтной, совершенно понятны и, по сути, объективны — устанавливается новый баланс языков, особенно в столице республики, который, надо сказать, по многим признакам более близок к паритетному и функциональному двуязычию, чем существовавший в 1970–1980-е и 1990-е годы. Следовательно, начинаются адаптационные процессы среди русскоязычного населения — как русских, так и представителей других этнических групп. Постепенно подвергаются некоторым изменениям их речевое поведение, языковые ориентации, предпочтения. В табл. 4.18 третью группу «Другие» составляют в основном представители коренных малочисленных народов республики (эвены, эвенки), а также татары, башкиры. Их мнение тождественно с мнением респондентов-якутов, что также говорит о реальном статусе якутского языка, устанавливаемом в г. Якутске.

Данные 2016 г. показали значительные изменения во мнении русского населения, отражающие признание возросшей значимости якутского языка (табл. 4.18). Например, в 2016 г. согласны со значимостью языка саха в науке 12,3 %, в то время как в 2007 г. было 10,2 %; в сфере образования в 2016 г. — 30,6 %, в 2008 г. — 19,7 %. Число несогласных намного сократилось: с 52 % в 2008 г. до 38,7 % в 2016 г. Также в положительную сторону изменилось мнение о функциональном статусе языка саха в массмедиа, в качестве языка межнационального общения и т.д.

Позитивные изменения в характеристике национально-языковых отношений, выявленные в ответах русского населения о значимости якутского языка в коммуникативных сферах, имеют положительную корреляцию с установками, полученными методом направленного ассоциативного эксперимента, о чем будет рассказано далее. Проведение психолингвистического эксперимента позволило эксплицировать причины снижения языковой компетенции в якутском языке у молодежи саха, в результате чего обнаружены признаки ее «дистанцированности» от родного языка.

Наше особое внимание обращено также на выявление динамики и тенденций в национально-языковых отношениях в республике. Данный вопрос был исследован нами в ходе НАЭ, в результате которого удалось получить качественную экспликацию данных, установленных на макросоциолингвистическом уровне (табл. 4.19).

Материалы НАЭ позволяют выявить наибольшее количество актуальных для современного коммуникативного сознания признаков коммуникативных категорий «якутский язык» и «русский язык», репрезентирующих состояние национально-языковых отношений. Динамика отражает установление «дистанцированности» к родному языку в коммуникативном сознании студентов-саха вследствие его «сложности» (когнитивный компонент). Кроме того, встречаются яркие реакции, отражающие эмоциональный («родной») и эстетический («красивый») признаки. В целом стимульное словосочетание охарактеризовано положительно. В превосходной степени репрезентируется стимульное словосочетание «русский язык», к несомненному его достоинству относится «легкость» использования. Таким образом, по классической трехкомпонентной модели У. Ламберта [Lambert, 1960], включающей в себя когнитивный (знание), аффективный (оценки и эмоциональные реакции) и конативный (готовность к действию) уровни, в репрезентации якутского языка в коммуникативном сознании студентов-саха присутствуют два компонента установок: когнитивный и эмоциональный (эстетический).

Замещение показателя этноязыковой идентичности другими, более актуальными, реакциями наблюдается и в ядре АП ответов

Таблица 4.19

Описание ядра АП стимулов «якутский язык», «русский язык» в коммуникативном сознании якутских и русских студентов

Респонденты	Стимул «якутский язык»		Стимул «русский язык»	
	2008 г.	2014 г.	2008 г.	2014 г.
Студенты-саха	Родной (93)*, сложный (40), красивый (20)	Сложный (73), родной (64), красивый (47)	Великий (31), красивый (29), родной (29), богатый (22)	Красивый (44), богатый (33), великий (33), легкий (22)
	2008 г.	2017 г.	2008 г.	2017 г.
Русские студенты	Непонятный (44), сложный (26), странный (13), некрасивый (10)	Сложный (28), непонятный (15), интересный (14), красивый (11)	Родной (46), сложный (37), могучий (37), великий (34), красивый (33)	Красивый (50), великий (48), родной (40), сложный (38), могучий (36)

* В скобках указана частотность перечисленных реакций.

русских студентов на стимул «русский язык» (табл. 4.19), что позволяет предположить отсутствие языковой экспансии, снижение возможности за судьбы родных языков у проживающих в регионе якутов и русских. Также выявлено снижение негативных реакций у русских студентов на стимул «якутский язык»: если в 2007 г. негативные реакции составляли 37 % от всех реакций АП [Иванова, 2012], то в последнем НАЭ их практически нет, благодаря чему можем говорить о гармонизации межэтнических отношений русской и якутской молодежи (табл. 4.19). Тенденции этноязыковых установок идентичны изменению мнения о значимости якутского языка в коммуникативном пространстве г. Якутска, что в данном случае определяет мнения и установки как осознаваемых, так и неосознаваемых состояний.

В контексте вышесказанного необходимо отметить, что изучение региональных языков и культур народов РФ в системе дошкольного и школьного образования содержит в себе огромный гуманистический ресурс, воспитывающий толерантность, патриотизм, гражданскую идентичность, способствующие поступательным процессам гармонизации межэтнических отношений в обществе, поскольку в более взрослом возрасте практически нет возможностей для организованного массового взаимодействия. Актуальность данного ресурса возрастает в связи с расширением этнической структуры населения за счет мигрантов из стран ближнего зарубежья, в общении с которыми стоит задача выстроить систему бесконфликтных отношений.

В целом в регионе наблюдается высокая степень лояльности к родным языкам, более значимо ценностное отношение к этническому языку как к национально-культурному явлению, которое присутствует у носителей обоих языков. Российскими этносоциологами Л.М. Дробижевой [У жителей Якутии..., электронный ресурс] и С.М. Арутюновой [2019а, б] в ряду основных либо косвенных факторов не раз отмечались очень высокий уровень национального самосознания саха и стремление других этнических сообществ к воспроизводству этнических ресурсов.

Новый этнодемографический баланс, установившийся в истории современного Якутска, когда местное население стало количественно преобладать за счет саха, прибывших из сел и улусных центров, позитивно повлиял на индикаторы этноязыковой ситуации: повышение функционального статуса якутского языка (см. гл. 2) и языковой компетенции (см. гл. 3), рост показателей прямой языковой идентичности якутов (см. гл. 4). Сместились акценты в тенденциях развития двуязычия: если в 2007 г. в общей совокупности

ответов доля свободного владения русским языком у якутов на 14,5 % была выше доли владения этническим языком, то в 2014 г. эта разница уже не столь ощутима и составляет 5,8 %, что характеризует более сбалансированное состояние двуязычия.

В РС (Я) русский язык является государственным языком и языком межнационального общения [О языках в Республике Саха (Якутия)..., электронный ресурс], его юридический статус и коммуникативная мощность определяют его высокий фактический статус. Опрос, проведенный в 2007 г., показал, что 99,2 % русских свободно владеют русским языком. Среди представителей других этносов также высока доля свободно владеющих русским языком — 94,4 %. При этом 11,1 % опрошенных в республике отмечали, что говорят на русском с затруднениями, в том числе 8,7 % якутов, 0,2 % русских и 2,2 % представителей других этносов. По данным ВПН известно, что доля русских, свободно владеющих якутским языком, имеет тенденцию к росту: в 1989 г. — 1,4 %; 2002 г. — 2 %; 2010 г. — также 2 %, но, на наш взгляд, за счет сокращения выезда русских из Якутии в 2002–2010 гг. последняя цифра должна быть больше. Данные переписей населения показывают, что доля якутов, владеющих русским языком, растет: 1970 г. — 45,4 %; 1979 г. — 60,3 %; 1989 г. — 65 %; 2002 г. — 87,1 %. Итоги ВПН выявили, что 89,5 % якутов (428 280 чел. из 478 085), в том числе 94,9 % (183 389 чел. из 193 251) городского населения и 85,9 % (244 891 чел. из 284 834) сельского [Социально-демографический портрет..., 2012], владеют русским языком. Тем не менее социолингвистический опыт показывает, что реальное владение русским языком, в частности свободное владение им, ниже показателей переписи, что было выявлено нами при корреляции уровня владения языками и языком мышления, итогом которой стало установление типологии билингов-саха и количественного соотношения типов билингвизма среди жителей города и села (см. табл. 3.2).

При опросах русского населения г. Якутска нам удалось получить более детальную картину включенности якутского языка в русскую языковую компетенцию, показатели которой отражают относительную стабильность в исследуемые годы, но заметна тенденция к их снижению (табл. 4.20).

Для прогнозирования развития двуязычия релевантна и проблема языковой устойчивости, которую «можно определить посредством выявления установки об обязательности/необязательности владения этническим языком: данный императив в республике высоко значим для якутов (96,2 %), достаточно высоко ценится у русских (83 %) и представителей иных национальностей (86,7 %). Ответы на

Т а б л и ц а 4.20

Динамика самооценки русскими респондентами уровня владения якутским языком (г. Якутск), %

Уровень владения	2007 г.	2014 г.
Свободно говорю, читаю, пишу	2,7	0,6
Говорю, читаю, но не пишу	1,8	2,8
Говорю, но не читаю и не пишу	4,4	2
Говорю с затруднениями	4,4	2
Все понимаю, но не говорю	1,8	2,8
Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю	27,4	27,2
Не владею	57,5	62,6

вопрос “Как Вы относитесь к людям своей национальности, не владеющим родным языком?”, заданный с целью выявления стратегий внутриэтнического языкового исключения, оказались неоднозначными (от отрицательного до положительного), и этот вопрос оказался одним из наиболее сложных для определения — многие (в основном русские и другие) затруднились ответить. Но значимые результаты говорят в пользу толерантного отношения к подобному явлению: русские — 45,6 %; якуты — 39,4 %; другие — 38,8 %» [Иванова, 2013, с. 60].

Учет нерелевантности содержания языковых установок и мнений актуализирует изучение речевого поведения респондентов. Опрос показал, что половина этнических якутов (50,2 %) никогда не испытывала затруднений в использовании якутского языка, хотя на вопрос о свободном владении языком утвердительно ответило намного больше человек (77,6 %). Это указывает на то, что речевая практика в городе, в том числе профессиональные задачи, предполагает различные коммуникативные ситуации (например, публичное выступление), при реализации которых люди, свободно изъясняющиеся на родном языке в большинстве бытовых ситуаций, могут осознать недостаточность владения родным языком. Среди якутов-горожан 33,7 % редко и 12,4 % часто затрудняются в использовании якутского языка, очевидно, это часть якутской городской общности, слабо владеющая разговорной формой якутского языка.

По данным опроса 2007 г., 42,1 % русского населения г. Якутска всегда испытывали трудности из-за невладения якутским языком; 31,3 % никогда не испытывали, что в условиях активного контактного двуязычия в городе представляется достаточно распространенным явлением. В то же время корреляция языковой компетенции и данных о речевом репертуаре русских на якутском языке в различных сферах показала, что сфера обслуживания, предоставления услуг предстает как максимально реализующая русско-якутское двуязычие. При этом

«4,3 % свободно владеющих якутским языком и 5,1 % владеющих разговорной формой якутского языка применяют его в данной сфере весьма ограниченно — лишь 1,5 % русских общаются на якутском языке и 3,5 % на русском и якутском. Таким образом, корреляционный анализ материалов опроса русских респондентов в 2007 г. обнаружил, что заявленный уровень владения якутским языком в активной форме ни в одной сфере не реализуется в полной мере, либо данные были сильно завышены по субъективным причинам» [Иванова, 2013, с. 61]. С другой стороны, данные показывают повышение уровня двуязычия саха в повседневной речевой практике, например по прошествии 9 лет, т.е. в 2016 г., намного сократилось число русских респондентов, всегда испытывающих трудности из-за незнания якутского языка (9,4 %). Процентное соотношение возникновения ситуаций, в которых русские респонденты чаще испытывают затруднения из-за незнания якутского языка, представлены ниже (г. Якутск, 2016 г.):

В рабочей обстановке, при обсуждении производственных вопросов	15,3
В неофициальной обстановке на работе, во время обеденного перерыва	14,4
На собраниях, совещаниях, заседаниях	9,3
В сфере обслуживания	13,9
При просмотре фильмов	7,2
При прослушивании песен	6,7
При восприятии вывесок, объявлений и др. визуальной информации	14,1
В повседневном общении, в быту	19,2

Данные 2016 г. показывают определенные изменения в этноязыковых процессах среди русского населения: снизились показатели напряженности, психологического дискомфорта, связанных с ростом этнического самосознания якутов, что было нами зафиксировано в 2005–2007 гг. [Иванова, 2012].

Этот тезис подтверждает и сравнение трендовых языковых установок 2007 и 2016 гг. (табл. 4.21).

Русское население приблизительно в той же степени заинтересо-

Таблица 4.21

Динамика языковых установок русского населения в изучении и использовании языков в повседневной жизни (г. Якутск), %

Языки	2007 г.	2016 г.
Якутский	27	20,9
Русский	10,9	20
Иностранные (европейские)	51,7	46,7
Иностранные (восточные)	10,4	11,8
Другие	—	0,6

вано в изучении иностранных языков. Желание изучать якутский язык тоже выражено, но снизилось до 20, 9 %. Весьма показательно повышение интереса к изучению родного — русского — языка.

Опрос 2007 г. показал особенности установок по отношению к изучению языков. Например, желание изу-

чать русский язык зависит от уровня языковой компетенции — чем выше языковая компетенция, тем ниже интерес к изучению. Так, в этнически гомогенной моноэтнической якутской среде высока потребность в изучении русского языка. Но в целом по республике и отдельно в г. Якутске была выявлена единая стратегия в изучении языков: вслед за иностранным (каким-либо европейским) языком вторую позицию во всех этнических группах занимал якутский язык. В изучении и использовании якутского языка русским населением актуальна детерминированность от моно- или полиэтничности, характера контактов (активный/пассивный, контактный/дистантный) [Иванова, 2012, с. 84–88].

По итогам опроса 2007 г. наблюдались достаточно значимые, интегративные интенции, устанавливаемые посредством языка, при этом ярче они были выражены у русских, проживающих в условиях контактного двуязычия. Материалы автобиографических интервью с русскими респондентами, входящими в старшую возрастную группу (более 50 лет), позволили сделать следующее обобщение: «Русское население в целом положительно относится к необходимости изучения якутского языка, что вполне объяснимо: 1) в основном с позиций гражданского сознания — «...я живу в Якутии и должен/должна знать местный язык»; 2) прагматическими целями — знание языка титульной нации содействует социальной мобильности; 3) психологическими преимуществами — одноязычные русские в отличие от двуязычных якутов ограничены в получении информации на якутском языке, лишены доступа к якутской культуре, что отрицательно сказывается на их психологическом самочувствии. В целом ответы отразили открытость разных этнических сообществ, достаточно высокую этническую и языковую толерантность и осознанности стратегии в изучении языков» [Там же, с. 89].

Ориентации на изучение якутского языка, установленные по итогам социолингвистического опроса во всех трех группах респондентов (русские, саха и представители других национальностей), не владеющих в силу объективных социальных причин якутским языком, нацелили на дальнейшее изучение латентных процессов социальных отношений, в том числе мотивации, цели изучения, объема ожидаемого уровня владения языком.

4.3.2. Выявление мотивации в изучении якутского языка

С целью более аргументированного представления языковых ориентаций в вопросе изучения языков нами в 2007 г. был начат проект «Выявление мотивации в изучении якутского языка», наблюдения в рамках которого продолжают и в настоящее время.

В 2007–2008 гг. проведено 12 интервью с ключевыми информантами, наиболее интенсивно посещавшими курсы изучения якутского языка в образовательном центре «Современный лидер» в г. Якутске. Их ответы были обобщены в 1-й и 2-й группах в качестве мотивов. В 3-ю группу включены мнения, ориентации этнических русских, установленные в беседах при проведении массового социолингвистического опроса. Отбор интервьюируемых осуществлен по следующим параметрам: этническая принадлежность, уровень владения языком, половая принадлежность, возраст, социальный статус, желание обсудить интересующие нас темы. Результаты анализа материалов интервью с целью выявления мотивации к изучению якутского языка, потенциальных мотивационных структур связаны с экстралингвистическими социальными, психологическими, внутренними индивидуальными установками.

1. Корпус мотивов у респондентов — не владеющих якутским языком этнических якутов молодого и среднего возраста, которым они руководствуются при изучении якутского языка, отражает институциональные потребности — адекватность общения в межнациональной семье, на работе в смешанном или преобладающем якутоязычном коллективе. У интервьюируемых указанной группы, в отличие от респондентов старшего возраста, потребность в этнической идентичности выражена слабее, диффузна.

В целом активнее и интенсивнее курсы якутского языка посещают этнические саха, что показывают и более поздние наблюдения. В 2013–2014 гг. в Якутске по инициативе Управления образования МО «Город Якутск» подобные курсы были организованы на базе школы № 26. По словам руководителя курсов М.Н. Борисовой, «люди очень заинтересованы, они хотят изучать якутский язык. Им нужен этот язык в жизни. Большой интерес проявляют коренные саха, которые не владеют родным языком. Но это не их вина, это наша общая беда. И ее не надо стесняться. Не знать не стыдно, стыдно не хотеть знать. На старости лет все равно все мы возвращаемся к своим корням и традициям, родной язык становится необходим, как воздух. Поэтому надо не стесняться ни возраста, ни незнания, важно лишь личное желание человека раздвинуть рамки собственного миропонимания» [Первые выпускники курсов..., электронный ресурс].

В беседах с руководителями других курсов, которых в г. Якутске немного, подчеркивается успешность прохождения курсов этническими якутами, что показывает их высокую мотивацию, проявляющуюся, во-первых, в потребности обрести языковую компетенцию; во-вторых, в готовности оплачивать и интенсивно посещать занятия;

в-третьих, в стремлении получить реальные речевые навыки как основной маркер этнической идентичности якутов.

Корреляция показателей языковой компетенции и данных языковых установок у этнических якутов, не владеющих языком этноса, указывает на стремление к внутриэтнической интеграции, состоящей в росте интереса к этническому языку и ослаблении нигилизма по отношению к нему.

2. «Носители других языков, не владеющие якутским, руководствуются институциональными и лингвокультурологическими потребностями: кроме функционального использования, возникает желание глубже познать язык, например понимать юмор... Желание представителей иной этнокультурной общности изучать язык коренного населения, основного культурного маркера — весьма яркий показатель, ценностная установка, выявляющая языковую, межэтническую толерантность по отношению к титульному этносу, переживающему рост этнического самосознания, стремящемуся к повышению престижа родного языка, выравниванию социальных функций обоих государственных языков» [Иванова, 2012, с. 93–95]. Человек иной этнической принадлежности, демонстрирующий даже слабое владение якутским языком или выражающий неподдельный интерес к нему, вызывает глубокое уважение у якутов, а хорошо владеющего якутским языком «принимают за своего», т.е. принимают в этническую общность, поскольку владение языком предполагает аутентичное мышление, следовательно, он — «настоящий саха».

3. «Русские, не владеющие якутским языком, в основном руководствуются институциональными потребностями» [Там же, с. 92]. Однако мотивация среди них невысокая, на курсах изучения якутского языка в г. Якутске они массово не представлены либо по названной причине не завершают занятия. «В данную группу также включены респонденты — представители смешанных русско-якутских браков, у которых выявлена проблемная идентичность: люди вполне зрелого возраста затрудняются соотнести себя по этнокультурному признаку, также имеются случаи вполне осознаваемой, но лишь декларируемой гражданской позиции по поводу необходимости функционального двуязычия, не реализующегося по причине недостаточности личностной мотивации для изучения якутского языка или его совершенствования» [Там же].

А.А. Бурыкин, предвзяв сложную проблему переключения кодов как компонента языковой ментальности русскоговорящих монолингвов, билингвов и полиглотов, в свое время отметил, что «билингвизм в целом не характерен для русской языковой ментальности. На

уровне обыденного сознания владение и пользование языками иных этносов носителями данной ментальности не поощряется и не приветствуется. Владение каким-либо иным языком, кроме русского языка в статусе функционально первого языка, приводит к необратимым сдвигам в ментальности и языковом поведении русско-национальных билингвов и лиц, свободно владеющих иностранными языками. При этом в языковом поведении и в индивидуальном лингвокультурном комплексе таких лиц начинают присутствовать такие черты, которые становятся значимой маркировкой статуса этих лиц... Использование какого-то другого языка в существующем социокультурном контексте, создаваемом русской языковой ментальностью, не приветствуется» [Бурыкин, 2004, с. 58]. Возможно, по этой причине имеющиеся установки (ориентации, мнения) не переходят в состояние реальных мотивов.

Таким образом, в вопросах изучения якутского языка как второго государственного на территории Якутии в обществе существуют эмоциональные и институциональные установки, детерминированные высокой или низкой мотивационной структурой. Наиболее высокая мотивация обнаруживается у этнических саха с выраженной эмоциональной установкой. Представители нерусского и неякутского этнических сообществ, выбравшие платные языковые курсы, отличаются высокой мотивацией, руководствуются институциональными и лингвокультурологическими потребностями. У русских в целом недостаточно мотивации для целенаправленного изучения якутского языка.

4.3.3. Языковые установки русских респондентов

Помимо охарактеризованных выше факторов, релевантных для описания развития двуязычной ЯС в республике, важен вопрос этнической принадлежности и языковой компетенции политических элит в регионах, служащий индикатором баланса межэтнических отношений.

В 2007 г. на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что Президент РС (Я) должен свободно владеть государственными русским и якутским языками?» 83,6 % саха, 63,2 % русских и 73,9 % представителей других национальностей ответили согласием. Сопоставление указанных результатов с итогами исследования «Образ идеального Президента Республики Саха (Якутия)» (2001 г.), в котором знание якутского языка «очень важным» считают 37,2 % русских и 39,6 % представителей других национальностей [Образ идеального Президента РС (Я), 2001], свидетельствует о формировании в регионе билинг-

важных тенденций. Ответы русских респондентов в 2016 г. подтвердили значимость данной тенденции — сегодня 81 % русских считают, что глава РС (Я) должен свободно владеть обоими государственными языками.

Также среди русского населения сложилось мнение о необходимости равноправия в развитии обоих государственных языков, преодолен выраженный нигилизм по отношению к общественным функциям якутского языка. Ответы на вопрос об оценке будущего русского языка в Республике Саха (Якутия) не отмечены радикальной трансформацией: в 2008 г. 46,7 % русских были уверены в будущем своего языка, в 2017 г. — 48,6 %. Отношение русского населения к представителям других этнических сообществ претерпело незначительные изменения, которые в целом отражают укрепление позитивного отношения: в 2008 г. 23,2 % русских проявляли симпатию и интерес к ним, в 2017 г. — 31,9 % [Иванова, 2019в, с. 104].

Отсутствие напряженности в национально-языковых отношениях демонстрирует и ряд других показателей. На вопрос о формах поддержки родного языка большинство (29,7 %) респондентов затруднились ответить; 21,6 % отметили, что прививают детям любовь к родному языку и культуре; 13,9 % считают, что культура их народа не нуждается в защите; 13,5 % ничего не предпринимают, хотя считают, что поддержка их культуре необходима.

По итогам опроса 2007 г., в якутском и русском сообществах выявлены общие тенденции, заключающиеся в раннем приобщении детей к другому, не родному для них, языку: якуты выбирают детский сад с русским языком обучения и воспитания и изучением родного языка; русские и представители других этнических групп предпочитают вариант с русским языком обучения и воспитания и изучением якутского языка с целью приобщения детей к местному языку и культуре (данное убеждение доминировало во всех возрастных группах, в особенности у респондентов старшего возраста).

Опрос среди русских респондентов, проведенный в 2016 г., показал снижение в их среде интегрирующих установок. Кроме трансформаций в языковых ориентациях в изучении и использовании языков и т.д., о чем писалось выше, изменились установки русского населения в сфере обучения и воспитания. Так, с 46,4 до 32,4 % сократилось число респондентов, предпочитающих дошкольные учреждения с русским языком обучения и воспитания и изучением разговорного якутского языка. Аналогичные изменения наблюдаются в выборе языка обучения в школе: за 9 лет значительно увеличилось количество родителей, выбравших школу, где преподавание ведется

только на русском языке, — с 25 % в 2007 г. до 42,4 % в 2016 г.; число выбравших русскую школу с изучением якутского языка сократилось с 28,9 % в 2007 г. до 14 % в 2016 г.

В указанном опросе, нацеленном в основном на выявление установок на сосуществование, софункционирование русского и якутского языков, были обозначены достаточно сложные для представителей иноязычной общности вопросы. Так, на несколько вопросов было получено ограниченное количество содержательных ответов. Например, на вопрос «Какие, на Ваш взгляд, изменения произошли в последние годы в плане развития якутского языка, повышения его социальной роли после принятия закона РС (Я) “О языках” (1992 г.)?» затруднились ответить 48,8 %.

Однако вопрос «Что, по Вашему мнению, должно прежде всего способствовать активному повышению роли якутского языка в жизни общества?» вызвал активный отклик у представителей русской общности, отличающейся компетенцией в проблемах якутского языка; на данный вопрос затруднились ответить лишь 4,3 % респондентов. В процентном отношении оценку русскими респондентами значения проводимой языковой политики в повышении роли якутского языка в жизни общества можно представить следующим образом (г. Якутск):

Введение в образовательный стандарт изучения родного языка для лиц якутской национальности	18,2
Увеличение числа национальных школ, лицеев	7,1
Совершенствование качества преподавания якутского языка в школе, ссузе, вузе	15,4
Включение разнообразных факультативов на якутском языке для невладеющих в планы работы учебных заведений	12,4
Воспитание патриотических чувств	10,7
Владение и активное применение якутского языка национальной интеллигенцией	3,9
Изучение якутского языка неякутским населением	15,4
Государственная языковая политика в РС (Я)	3
Расширение применения якутского языка в административно-управленческой сфере, ведении официально-деловой документации	0,6
Расширение применения якутского языка на собраниях, конференциях, массовых мероприятиях	1,1
Расширение тематики программ и объема вещания на якутском языке по телевидению и радио	1,7
Увеличение количества печатных изданий на якутском языке (классические произведения, периодическая печать)	3
Активная пропаганда якутского языка в средствах массовой информации	2,6
Затрудняюсь ответить	4,9

Таким образом, респондентами была продемонстрирована значительная лояльность к якутскому языку в части расширения его коммуникативного пространства (33,6 %), в том числе за счет изучения якутского языка этническими якутами (18,2 %) и представителями других этнических общностей (15,4 %). Также 27,8 % русских выразили пожелание расширить доступ к изучению якутского языка («Изучение якутского языка неякутским населением» — 15,4 %; «Включение разнообразных факультативов на якутском языке для невладеющих в планы работы учебных заведений» — 12,4 %). В ответах отражена и осведомленность респондентов о проблемах в преподавании якутского языка — вариант «Совершенствование качества преподавания якутского языка в школе, сузуе, вузе» отметили 15,4 %.

4.4. Состояние языкового законодательства РС (Я) в контексте нормативно-правовых актов федерального центра и их оценка экспертным сообществом

Языковая политика в многонациональном государстве является главным компонентом государственной национальной политики, регулирующей этноязыковое и этнокультурное взаимодействие народов и обеспечивающей стабильность гармоничных межнациональных отношений, способствующих установлению взаимопонимания, толерантности в обществе.

Суть взаимоотношений языка и государства, как отмечает В.М. Алпатов [2013], состоит в удовлетворении потребности в идентификации и общении, при этом языковая ситуация и языковая политика каждого полилингвального государства являются результатом взаимодействия указанных противоположных потребностей.

В.В. Наумов полагает, что отношения языка и государства должны основываться на функциональной целесообразности: «Функциональная целесообразность — это единственный критерий, посредством которого возможно государственное регулирование отношений социума и языка, состоящее, прежде всего, в предупреждении и недопущении непродуманных и неоправданных акций государства в отношении языка. Функциональная целесообразность — категория, без которой языковая политика — произвол и дилетантизм государственного уровня. Языковая политика не может осуществляться только государством, без инициативы лингвистов, их квалифицированной, но не ангажированной помощи» [2010, с. 67].

4.4.1. Республиканское законодательство в контексте последних изменений законодательства и нормативно-правовых актов РФ

В данной части нашего исследования будет проанализирован в контексте последних изменений законодательства и нормативно-правовых актов РФ действующий вариант закона «О языках в Республике Саха (Якутия)», принятый Постановлением Верховного Совета РС (Я) 16 октября 1992 г.

В российской социолингвистике языковая политика определяется как «совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и соответствующих их целям» [ССТ, 2006, с. 265]. Цели и задачи декларируемой языковой политики реализуются посредством разработки концепций, принятия программ, которые должны составляться с учетом языковой ситуации, в том числе этноязыковых потребностей населения.

Государство и язык входят в объект-субъектную систему отношений. В качестве субъекта рассматриваются и общественные организации, деятельность которых централизуется вокруг идеи сохранения родного языка, расширения этноречевой среды в городах, что правомерно в условиях формирования гражданского общества. Исходя из данных детерминант, характеризующих современное сосуществование языков, в классической социолингвистике принято различать конструктивный/деструктивный, централизованный/нецентрализованный, ретроспективный/перспективный, демократичный/недемократичный типы языковой политики [Никольский, 1976]. Кроме того, выделяют следующие виды языковой политики: языковой плюрализм, национализм, языковой нигилизм, страннизм, языковой пуризм и т.д.

Отечественные исследователи в зависимости от структуры объектов языковой политики и языкового планирования выделяют следующие модели реализации языковой политики: «1) однокомпонентная модель языковой политики — языковая политика с разными формами существования русского языка; 2) двухкомпонентная модель языковой политики — языковая политика с двумя доминантами (русский язык + республиканский государственный язык); 3) трехкомпонентная модель языковой политики — языковая политика с тремя доминантами (русский язык + два республиканских государственных языка); 4) многокомпонентная модель языковой поли-

тики — языковая политика с четырьмя, пятью и более доминантами (например, русский язык + 14 языков Дагестана); 5) дифференциальная модель языковой политики — языковая политика в области функционирования языков малочисленных народов, а также мигрантских языковых общностей» [Биткеева, 2015, с. 6–7].

В целом в многонациональной стране национально-языковая политика зависит от поставленных государством в определенный период целей, которые могут быть направлены на:

«1) поддержание и развитие разных этнических сообществ и языков: выражается в законодательной защите и материальной поддержке языков, прежде всего языков малочисленных народов и этнических меньшинств;

2) поддержание только доминирующего в социально-политическом отношении этноса и соответствующего языка, который, как правило, является государственным в данной стране. Национально-языковая политика, безразличная или даже враждебная по отношению к иноэтническим и иноязычным сообществам, выражается в отсутствии законодательных актов, защищающих социальные и языковые права, в прямых законодательных актах, направленных на сокращение функций языков, прежде всего в сфере образования и др.» [ССТ, 2006, с. 146].

В.Ю. Михальченко [2016] на основе научного анализа соотношения ЯС и языковой политики в многонациональных странах мира выявила следующие закономерности:

— при проведении языковой политики в многонациональном, многоязыковом государстве необходимо учитывать интересы, предпочтения всех языковых общностей;

— законы о языках при сознательном воздействии общества на языковую действительность должны содержать длительные сроки языковой смены;

— в законах о языках необходимо избегать противопоставления языковых интересов одних языковых общностей соответствующим интересам других общностей;

— принятие и реализацию законов о языках нельзя использовать в политических целях;

— принятие законов о языках должно сопровождаться научным прогнозированием возможных социальных последствий — языковых конфликтов, поддержки сепаратизма, раскола страны по языковому признаку.

Рассмотрим действующее в РС (Я) языковое законодательство. Закон «О языках в Республике Саха (Якутия)» (далее — Закон) принят Постановлением Верховного Совета Республики Саха (Якутия) 16.10.1992 г. (в ред. законов Республики Саха (Якутия) от 04.10.2002 г.

51-3 № 439-II; 21.02.2012 г. 1019-3 № 929-IV; 28.06.2012 г. 1090-3 № 1071-IV; 14.12.2012 г. 1151-3 № 1173-IV; 30.04.2014 г. 1310-3 № 177-V; 01.10.2014 г. 1346-3 № 245-V; 01.10.2014 г. 1345-3 № 243-V; 09.10.2014 г. 1349-3 № 253-V; 17.06.2015 г. 1479-3 № 515-V; 27.11.2015 г. 1525-3 № 615-V; 20.12.2016 г. 1781-3 № 1119-V; 30.05.2017 г. 1861-3 № 1279-V, с изменениями, внесенными решениями Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 14.09.2000 г. № 3-34/2000; 29.05.2015 г. № 3-27/15). В Законе имеются 40 статей, 5 глав [О языках в Республике Саха (Якутия)..., электронный ресурс].

Законодательство о языках в РС (Я) основывается на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах РФ, законе РФ от 25.10.1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации», федеральных законах, иных нормативных правовых актах РФ, Конституции РС (Я) и состоит из настоящего Закона и иных нормативных правовых актов РС (Я).

В преамбуле Закона содержится указание на то, что «язык является уникальной ценностью и неотъемлемым признаком нации» [Там же], что каждый народ имеет суверенное право сохранить свою самобытную культуру, традиции, язык. Настоящим Законом декларируются правовые основы обеспечения государством языкового суверенитета народов и личности, функционирования и развития языков в республике.

В ст. 3 и 4 Закона говорится: «Республика Саха (Якутия) решает вопросы в области законодательства о развитии и использовании языков на своей территории с учетом интересов проживающих на ней народов. Республика Саха (Якутия) признает неотъемлемое право граждан любой национальности на свободное развитие их родного языка и культуры, равенство всех граждан перед законом, независимо от их родного языка» [Там же].

При этом языковая политика предстает как многокомпонентная: язык саха как язык коренной нации, давшей название республике, является государственным языком РС (Я); русский язык на территории Республики Саха (Якутия) является государственным и используется как средство межнационального общения; эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский и чукотский языки признаются местными официальными языками в местах проживания данных народов и употребляются наравне с государственными языками. Республика Саха (Якутия) осуществляет государственную защиту и проявляет заботу о сохранении и свободном развитии всех языков.

Представителям других национальностей предоставляется право на создание национальных культурных обществ, центров, землячеств,

клубов и ассоциаций, призванных удовлетворить культурно-образовательные потребности граждан на их родном языке. В Якутии обеспечивается дальнейшее устойчивое и гармоничное развитие национально-русского, русско-национального двуязычия, а также многоязычия, поддерживается стремление граждан к изучению функционирующих в республике языков. В общих положениях Закона также детально регламентируется порядок разработки государственных программ по сохранению и развитию языков коренных народов РС (Я).

Гл. II Закона содержит статьи о порядке использования языков в деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций. «Для развития понятия государственного языка имеет важность закрепление данного понятия в законодательных текстах на обоих государственных языках республики. Законодательные тексты обладают высокой социальной значимостью, в них выражены когнитивные модели социальных ситуаций, на основе которых в перспективе происходят становление и развитие общественных отношений (социально-исторического контекста)» [Батюшкина, 2017, с. 115].

Фактический статус языков в указанных сферах подробно проанализирован в настоящем исследовании на материале официальных данных, массовых социологических и экспертных опросов (см. гл. 2).

Последние изменения в этой главе (от 30.05.2017 г. 1861-3 № 1279-V) коснулись ст. 21, где был сокращен перечень официальных документов, удостоверяющих личность или сведения о ней и оформляющихся на саха и русском языках. Из предыдущего варианта убраны документы об усыновлении (удочерении), установлении отцовства, о перемене имени.

Несмотря на изменение демографической мощности, в г. Якутске сохраняется доминирование русского языка в государственно-административном управлении, а также в ведении делопроизводства. Но при этом при обращении в официальные органы, органы власти, в сфере публичного и непубличного официального общения стало чаще наблюдаться двуязычие, расширение употребления якутского языка зафиксировано в устной форме. В муниципальных образованиях в зависимости от этнического состава используется русский язык, русский и якутский языки, якутский язык.

Применение русского языка стабильно в сфере торговли и услуг в силу устоявшегося с советских времен стереотипа о русском языке как языке общения в данной сфере, а также за счет использования русского языка мигрантами из стран ближнего зарубежья. Вместе с тем наблюдается увеличение объема двуязычного общения, а также

паритетного общения, устанавливаемого на языке обращения. В сфере обслуживания (торговля, медицинская помощь, местный транспорт, бытовое обслуживание, междугородная связь и др.) (ст. 25) чаще стали встречаться двуязычие и якутский язык.

В ст. 26 декларирован порядок обеспечения многоязычия на предприятиях, в учреждениях, организациях, расположенных на территории РС (Я), посредством создания в коллективах всех условий для изучения должностными лицами и работниками сферы обслуживания языка саха, а в местах компактного проживания эвенков, эвенов, юкагиров, долган и чукчей — языка соответствующей национальности на уровне, достаточном для выполнения на этих языках служебных обязанностей. Из этого следует, что создание условий для изучения местных языков возложено на должностные лица и работников обслуживания. Об имеющихся сложностях в реализации данной статьи Закона говорится в начале настоящей главы.

Большое влияние на функционирование языков оказывают унифицирующие процессы глобализации, миграционные процессы. Меняется парадигма образования, принят новый закон «Об образовании в Российской Федерации», поэтапно внедряются федеральные государственные образовательные стандарты. Существенность изменений в Закон подтверждает ст. 27.1: «Преподавание и изучение государственных языков Республики Саха (Якутия) в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ осуществляются в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, образовательными стандартами (введены Законом Республики Саха (Якутия) от 30.04.2014 г. 1310-3 № 177-V)» [О языках в Республике Саха (Якутия)..., электронный ресурс].

В ст. 27 Закона гражданам РФ гарантируется свободный выбор языка воспитания и обучения в соответствии с законодательством об образовании. В редакции законов РС (Я) от 21.02.2012 г. 1019-3 № 929-IV; 28.06.2012 г. 1090-3 № 1071-IV; 30.04.2014 г. 1310-3 № 177-V языком воспитания в дошкольных образовательных организациях и обучения в общеобразовательных учреждениях, а также в отдельных классах и группах являются русский, якутский, эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский и чукотский языки [Там же]. В национальных общеобразовательных организациях русский язык изучается как предмет — здесь речь идет о гомогенных этнических улусах, чаще якутоязычных.

Далее указано, что «в русскоязычных общеобразовательных организациях, классах и группах, в местах смешанного или компактного проживания якутского населения язык саха изучается как **предмет**, а в других местах — исходя из потребностей населения»

[О языках в Республике Саха (Якутия)..., электронный ресурс]. Ключевым моментом является создание условий для обучения и воспитания на родном языке — «...исходя из потребностей населения», т.е. ответственность за выбор языка в сфере образования возлагается на родителей (законных представителей).

Такая формулировка четко прописывает устанавливаемый порядок, который, однако, намеренно не соблюдается руководством части русскоязычных общеобразовательных школ г. Якутска (в частности, при записи школьников в 1-й класс в устной форме игнорируется изъятие права выбора языка обучения кроме русского, в итоге в данном учреждении якутский язык как предмет не преподается). Закрепление школьника за образовательной организацией по месту официальной прописки и отсутствие языка саха в качестве предмета или языка обучения приводят к конфликтным ситуациям.

В ст. 29 уточняется: «В профессиональных образовательных организациях, образовательных организациях высшего образования и организациях дополнительного профессионального образования язык образования определяется локальным нормативным актом организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализуемым ею образовательным программам, в соответствии с законодательством Российской Федерации (в ред. Закона РС (Я) от 27.11.2015 г. 1525-3 № 615-V). Республика Саха (Якутия) обеспечивает прием вступительных экзаменов в профессиональные образовательные организации и образовательные организации высшего образования, расположенные на территории республики, на языках обучения (в ред. Закона РС (Я) от 30.04.2014 г. 1310-3 № 177-V)» [Там же].

Указанные требования сегодня соблюдаются лишь частично — например, при поступлении на специальности, связанные с якутским языком и литературой, с языками коренных малочисленных народов Севера, но в целом данная статья располагает ресурсами для внедрения языкового многообразия.

Содержание ст. 30, косвенно утверждая диспозитивную норму, входит в противоречие с содержанием преамбулы Закона, где говорится о неотъемлемом праве каждого народа на сохранение своей самобытной культуры, традиций, языка, и ст. 27 этого же Закона: «В государственных и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории Республики Саха (Якутия), *может вводиться* (курсив наш. — Н.И.) преподавание и изучение языка саха как одного из государственных языков Республики Саха (Якутия) (в ред. Закона РС (Я) от 01.10.2014 г. 1346-3 № 245-V)» [Там же].

Диспозитивный характер статьи, на наш взгляд, очевиден и в сравнении с содержанием другого абзаца ст. 27: «Местные официальные языки *изучаются как предмет* (курсив наш — *Н.И.*) в русскоязычных общеобразовательных организациях в местах компактного проживания малочисленных народов Севера». В данном случае императивная норма сильнее выражена и отражает, несмотря на приоритетное внимание к языкам малочисленных народов Севера, принижение статуса государственного языка саха.

Такие изменения продиктованы изменениями федеральных нормативных актов, прежде всего поправками к ФЗ РФ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», суть которых заключается в установлении «возможности получения образования на родном языке из числа языков народов РФ, изучения государственных языков республик РФ, включая русский язык, по выбору обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся (до получения ими основного общего образования)» [Об образовании в РФ..., электронный ресурс]. Но основа конвергентной образовательной политики была заложена еще изменениями в 2006 г. Базисного учебного плана, принятого в 1993 г., в котором утрачено упоминание о необходимости учета национальных особенностей при разработке и реализации региональных программ развития образования; далее был упразднен национально-региональный компонент (2007 г.), а также принят единый федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) в системе общего образования. Лингвополитический фактор повлиял также на следующие решения в области образования: возможность сдавать квалификационные экзамены лишь на русском языке; преподавание региональных языков стало относиться к добровольной (вариативной) части образовательной программы, в результате чего родители как представители интересов учащихся вправе выбирать один из нескольких вариантов учебного плана, который может содержать якутский язык или может быть составлен без него.

Неоднородность языковой ситуации в субъектах РФ, выражающаяся в различии уровней языковой компетенции, этноязыковой идентичности, языковой лояльности, возрастании мотивации к использованию родного языка, наконец, в соблюдении гарантированного Конституцией РФ права на обучение на родном языке, обязательств перед международным сообществом, должна учитываться при принятии мер государственной языковой политики. Как подчеркивает М.А. Горячева, все нововведения в области образования должны внедряться последовательно и на принципах «поэтапности и обратной связи» [2018, с. 191].

«Снижение языковой компетенции молодежи, умеренное на данное время, имеет все предпосылки к дальнейшему ее снижению вследствие изменяющихся экстралингвистических условий (глобализация, интернетизация). В таком случае без институциональной поддержки в области образования в условиях контактного якутско-русского двуязычия, когда вторым языком владеет 86,4 % саха и активно реализует его в официальной и неофициальной сферах, существует реальная угроза снижения его жизнеспособности» [Иванова, 2019в, с. 105]. Как пишет В.М. Алпатов, «в любом государстве ведется та или иная языковая политика. Даже если власть не предпринимает каких-либо специальных мер по распространению или подавлению того или иного языка, такое распространение или подавление происходит через политику в области образования, средств массовой информации и др. И всегда языковая политика в том или ином виде осуществляется стихийно, через “экономический оборот”, развитие рынка» [2013, с. 11–22].

Памятуя о законе «Об укреплении связи школы с жизнью», принятом в 1958 г. и повлекшем резкое сокращение числа национальных школ в СССР, можно предположить подобные негативные тенденции ассимиляции, деэтнизации с далеко идущими последствиями для недоминирующих языков и их носителей, демографически и коммуникативно в значительной степени уступающих русскому населению, что идет вразрез декларируемой государственной политике сохранения языкового разнообразия.

Вторая поправка была внесена в п. 4 ст. 14 «Язык образования» и содержит новое определение русского языка как родного: «Граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, в порядке, установленном законодательством об образовании» [Об образовании в РФ..., электронный ресурс].

В целом на сегодня отмечается правовая поддержка русского языка в одностороннем порядке — о внимании к роли русского языка как государственного свидетельствует ряд решений на высшем уровне: утверждение Правительством РФ Федеральной целевой программы (ФЦП) «Русский язык» на 2001–2005 гг. (1996 г.); восстановление ликвидированного в 1997 г. Совета по русскому языку при Правительстве РФ; принятие закона «О государственном языке РФ» (2005 г.); утверждение ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (2013 г.), в которой

в качестве одних из ключевых проблем указаны сложное социокультурное самочувствие русского народа, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей; поручение Президента РФ Генеральной прокуратуре, Рособнадзору проверить соблюдение в субъектах РФ положений законодательства, касающихся обеспечения прав граждан на добровольное изучение родного языка из числа языков народов России и государственных языков республик РФ (2017 г.). Произошли также другие изменения в законодательстве в сфере образования, о чем написано выше.

Однако реализация некоторых мер языковой политики послужила причиной для ограничений языкового и этнокультурного образования, интенсификации процессов языковой ассимиляции, в связи с чем в субъектах РФ стало возникать общественное напряжение. По России данные, отражающие уровень языкового многообразия в 2015/16 уч. г., следующие: в 90,5 % школ обучение осуществляется только на русском языке, в 4,4 % — на русском и других языках, в 5,1 % — на национальных языках [Сведения о распределении..., электронный ресурс]. Доля обучающихся на родных (нерусских) языках и изучающих родной (нерусский) язык составляет менее 10 % от всего числа обучающихся, и такое соотношение, на наш взгляд, при поддержке государства должно непременно сохраняться.

Социолингвисты А.Н. Биткеева, М. Вингендер, В.Ю. Михальченко прогнозируют продолжение процесса выхода из области активного функционирования языков малочисленных народов России. Несколько иное состояние обнаруживают остальные языки РФ (численность носителей которых составляет более 50 000). Прежде всего это сворачивание социальных функций языка, что проявляется в его замене в тех или иных сферах общегосударственным или местным государственным языком и свидетельствует об отрицательном языковом сдвиге [Биткеева, 2019, с. 22]. Т.Г. Боргоякова, А.Н. Биткеева отмечают процессы языкового смещения у молодых носителей тувинского языка, обладающего значительной демографической и коммуникативной мощностью [Боргоякова, 2020]. Г.А. Дырхеева, Ч.С. Цыбенова в ходе анализа некоторых оценочных параметров ЯС в Бурятии и Туве выявили, что на языковую лояльность и языковые установки современных бурят и тувинцев огромное влияние оказывает демографически и функционально доминирующий русский язык [Дырхеева, 2020].

Результаты экспедиции научных сотрудников в Ширинский и Орджоникидзевский районы Республики Хакасии показали критическое положение кызыльского и качинского диалектов хакасского языка — уровень владения хакасским языком у носителей качинского диалекта по сравнению с данными 2013 г. в среднем снизился на 30 %, у носите-

лей кызыльского диалекта — на 40 %; резко снизилось функционирование хакасского языка у носителей кызыльского диалекта [Абдина, 2020].

Таким образом, социолингвистами установлены показатели сокращения условий для развития билингвизма, неравномерных по всем субъектам российского коммуникативного пространства, что создает предпосылки для расширения тенденций к моноязычию.

Исследование функционирования национальных языков как государственных в республиках РФ в правовом и экономическом аспектах в равной мере отражает ограничение сфер их применения. «Изучение судебной практики также позволило выявить изменения большинства судебных решений, начиная с 2008 г., в направлении сужения сферы использования национальных языков как государственных как в законодательстве, так и в официальной жизни. Все описанные явления свидетельствуют об определенной тенденции размывания государственного статуса национальных языков республик. Рассмотрение основных аспектов увеличения зависимости бюджетов регионов от трансфертов из федерального бюджета позволяет утверждать, что тренды бюджетной политики, равно как и языковой, развиваются в одном направлении» [Одинг, 2019].

В то же время продолжается юридический дискурс о государственном статусе языков в российском пространстве; проблеме поддержки русского языка как государственного языка РФ; состоятельности иметь статус государственных языков в условиях снижения функционального статуса государственных языков в некоторых республиках и т.д.⁹

⁹ Об этом см.: *Васильева, Л.Н.* Совершенствование законодательства в области использования языков народов России / Л.Н. Васильева // Журн. рос. права. — 2006. — № 3. — С. 53–60; *Воронецкий, П.М.* К вопросу о конституционно-правовом статусе субъектов языковых правоотношений / П.М. Воронежский // Журн. рос. права. — 2007. — № 11. — С. 40–48; *Кропачев, Н.М.* Требования к устной речи при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации / Н.М. Кропачев, Л.А. Вербицкая, С.А. Белов // Вестн. СПбГУ. — 2017. — Т. 14, вып. 4. — С. 519–524; *Белов, С.А.* Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации [Электронный ресурс] / С.А. Белов, Н.М. Кропачев, А.А. Соловьев // Вестн. СПбГУ. — 2016. — Т. 14; вып. 3. — Режим доступа: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/5847/1/Белов_Кропачев_Соловьев.pdf (дата обращения: 30.03.2020 г.); *Батюшкина, М.В.* Государственные языки республик: к вопросу о моделировании статуса, функциональной роли и ситуациях употребления / М.В. Батюшкина // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2017. — Т. 3, № 3. — С. 113–128; *Бондаренко, Д.В.* Право на использование родного языка в Российской Федерации в условиях глобализации / Д.В. Бондаренко, Н.В. Путило // Журн. рос. права. — 2019. — № 7. — С. 43–55.

М.В. Батюшкина по итогам исследования юридического дискурса, моделируемого вокруг использования государственных языков республик, входящих в состав РФ, заключает: «Исследование юридического дискурса вокруг использования государственных языков республик направлено на решение проблем моделирования социально-исторического контекста с помощью лингвистических механизмов. Проанализированные законодательные тексты содержат внутреннее противоречие. С одной стороны, посредством законодательных текстов позиционируется статусное равноправие государственных языков республик. С другой стороны, моделируемые ситуации использования данных языков (в частности, безальтернативный, альтернативный и дублирующий способы) свидетельствуют не только о неоднородности функций государственных языков республик и, в связи с этим, о необходимости дифференцированного подхода к государственным языкам, но и о преобладании функционально более востребованного языка» [2017, с. 122].

Далее снова обратимся к закону «О языках в Республике Саха (Якутия)». Так, в ст. 31 настоящего Закона регламентируется использование языков в СМИ и книгоиздании. Данная сфера, как и сфера образования, находится в зоне особого внимания государства и общества и имеет достаточные ресурсы для исполнения.

В статьях Закона, входящих в гл. IV, учитывается языковое разнообразие республики. В Законе наблюдаются позитивные сдвиги в части установления двуязычия в оформлении городской визуальной информации, аудиоинформации в транспорте (объявлении автобусных остановок, объявлении авиарейсов), при написании личных имен, отчеств, фамилий, топонимов. Ведется работа по оформлению наименований географических объектов на дорожных и иных указателях в РС (Я) с учетом языкового многообразия и интересов населения соответствующих территорий.

Вместе с тем недостаточно соблюдаются статьи Закона, посвященные языку вывесок органов государственной власти и местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций, которые должны быть оформлены на государственных языках РС (Я), а в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера — и на местных официальных языках. Данные статьи не противоречат федеральному законодательству. Так, п. 2 ст. 16 ФЗ, регламентирующий использование языков в официальном делопроизводстве, гласит: «2. Тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций, предприятий и учреждений оформляются на государственном языке Российской Федерации, государственных языках

республик и иных языках народов Российской Федерации, определяемых законодательством республик» [О языках народов РФ..., электронный ресурс].

Следовательно, на территории Якутии как республики РФ независимо от статуса ведомственной принадлежности организации (федеральный/республиканский) все вывески должны оформляться на двух государственных языках и в соответствии с государственным стандартом, регламентирующим расположение якутского и русского текстов и размер шрифтов. Недостаточно работает ст. 36 Закона об оформлении текстов этикеток (ярлыков) товаров, произведенных в РС (Я), и иных информационных текстов, содержащих сведения об указанных товарах.

Соблюдение требований статей данного раздела имеет ресурсы для исполнения, однако сдерживающими факторами здесь выступают правовой и языковой нигилизм, а также финансовые расходы, необходимые для реализации содержания Закона.

4.4.2. Экспертные оценки содержания языкового законодательства и языковой политики РС (Я)

Мнения независимых друг от друга отдельных экспертов (опрос 2016 г.) приводятся нами далее для объективной оценки сложившейся проблемы.

В ходе ответа на вопросы «Как, по Вашему мнению, выполняется закон “О языках в РС (Я)”»? Какие успехи, трудности, противоречивые тенденции Вы бы отметили?» все эксперты признали имеющиеся проблемы в исполнении Закона, при этом большинство из них отметили непоследовательность в реализации законов о языках вследствие отсутствия системного подхода, недостаточности финансирования программ по языковому строительству. Экспертное сообщество возлагает ответственность, и прежде всего в сфере государственного регулирования мер по реализации закона «О языках в РС (Я)», на Совет по развитию языков в Республике Саха (Якутия) при Главе РС (Я) и Управление по вопросам развития языков Администрации Главы РС (Я) и Правительства РС (Я): *«В условиях усиления места государства в жизни человека, а именно это происходит в современной России, огромное значение приобретает роль государства в языковом строительстве»; «В моем восприятии, языковой политики, в полном понимании смысла политики, в государстве нет. Есть отдельно принимаемые в связи с возникшими обстоятельствами решения. Нужен статусный целостный подход, который очень гибко и быстро реагирует на происходящие изменения в обществе»; «...наш закон должен быть скорректирован, стать более практичным, конкретным, а не декларативным» [Иванова, 2019а]* и т.д.

В ряду причин ослабления языковой политики республики эксперты называют и опасения федерального центра относительно последствий активного этноязыкового развития в субъектах РФ. Однако осознание экспертами высокой лояльности якутского общества Российскому государству, стабильности межнациональных отношений в республике (*«Ответственность граждан за судьбу общей Родины, где свободное развитие одного должно быть условием свободного развития всех, свободное развитие всех — условием свободного развития каждого»*) позволяет перенести проблемное поле нерешенных языковых проблем во внутрирегиональную плоскость. При этом отчетливо высказывается мнение о том, что отсутствие или недостаточность усилий законодательной и исполнительной властей, соответствующих государственных органов «народ воспринимает как равнодушные».

Данный тезис находит вполне логичное развитие в последующих точках зрения об ответственности самой этнической общности за судьбу родного языка: *«Нужно преодолевать иждивенческое настроение. Надо понимать, что все зависит от нас самих»; «Преодолеть иждивенческое отношение. Повысить ответственность носителей языка»; «Нужен шаг навстречу со стороны носителей языка».*

В общей доле ответов значимо количество установок, выражающих готовность общества пойти на диалог с властью: *«...расширение социальных функций языка в якутском обществе — ее собственное конкурентное преимущество»; «...само общество должно подавать сигналы власти, иначе власть не будет знать, что предпринять в первую очередь в области языковой политики».*

В последние годы в республике, действительно, многое в преобразованиях языкового характера, отстаивании прав, в том числе в сфере образования, происходит усилиями общественных организаций. Примечательно, что данное движение инициируется и организуется представителями молодежи саха: молодыми родителями, молодыми учителями и т.д. В республике насчитывается около 20 общественных организаций, проводящих языковую политику, в том числе по инициированию, налаживанию механизма открытия классов, групп с компонентом якутского языка, по внедрению якутского языка в ИКТ, работе с населением. Таким образом, общественность саха активно участвует в гражданском регулировании языковой политики, следовательно, можно отметить, что благодаря наличию сильной социальной базы якутского языка, языковые установки этнической общности постепенно переходят в состояние мотивов, воплощающихся в эффективной гражданской языковой политике.

Проблемы витальности языка напрямую зависят от способов и интенсивности его воспроизводства следующими поколениями носителей, от их языковых установок. Преобладающая часть экспертов отметила положительные языковые установки в области родного языка у современной молодежи, которые, по их мнению, с возрастом будут лишь усиливаться; другие эксперты подчеркнули инструментальный подход к языку у молодежи, что невозможно отрицать; но имеются также единичные ответы, содержащие весьма пессимистичный настрой по данному вопросу [Иванова, 2019a].

Способы повышения интереса молодежи саха к родному языку одни эксперты видят в активном и незамедлительном внедрении якутского языка в область цифровых технологий, ИКТ, поскольку своевременная адаптация языка в киберпространстве повышает его конкурентоспособность; другие — в культивировании традиционных ценностей (например, сельского уклада жизни), воспитании гражданской идентичности, развитии билингвальных установок во всех сферах жизни.

В целом экспертным сообществом даны рекомендации в виде конкретных мер языкового строительства, касающиеся широкого спектра задач по всем направлениям применения языков, требующих административного регулирования [Там же].

Завершающими и обобщающими анализ действующей языковой политики были аргументированные развернутые ответы экспертов на вопрос об особенностях языковой политики республики в отношении якутского языка.

Были выделены следующие объективные факторы, сформировавшие благоприятную языковую ситуацию в регионе: высокая языковая лояльность к родному языку; уважительное отношение к языкам, культурам, верованиям других народов; исторически сложившийся многоязычный социум с двумя межнациональными языками (русским и якутским); территориальная удаленность и компактность расселения коренного населения; лингвистическая образовательная политика в республике; деятельность Национальной вещательной компании; наличие программ языкового строительства и т.д. К числу факторов, снижающих эффективность работы по сохранению и поддержке якутского языка, отнесены: дисперсность расселения коренного населения; инертность части якутской общности к решению вопросов сохранения языков.

Неоднозначно оценена степень эффективности государственного участия в сфере регулирования ЯС в г. Якутске и республике в целом. Большинство экспертов, не отрицая его значения, отмечают его непоследовательность и непродуманность. Подчеркивается

необходимость широкого обсуждения мер государственной языковой политики в республике.

На наш взгляд, в следующих трех репрезентациях якутского этноса и языковой политики в РС (Я), отобранных нами из ответов экспертов, выражена сущность этноязыковой идентичности саха и заложена определяющая лингвистическую перспективу мотивация: *«В Республике Саха (Якутия) есть тот общественный задел и человеческий ресурс, который можно использовать как движущую силу языковой политики региона»; «...как человек, побывавший во многих национальных субъектах РФ и за рубежом, я бы отметил, что относительно большое количество людей в республике правильно понимают положение дел в языковой сфере и, самое главное, надеются не только на власть или кого-то еще, но и на себя»; «Якутский народ является народом с языковым духом, потому легко преодолевает многие трудности».*

В будущем позитивные сдвиги в сфере языковой политики на уровне республики могут быть связаны с принятием в течение последних 2 лет ряда важных документов, объектом которых являются язык и культура. Так, в закон «О Стратегии социально-экономического развития РС (Я) до 2032 г. с целевым видением до 2050 г.» (19.12.2018 г.; 3 № 46-VI) включены задачи создания условий для сохранения и защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни многонационального народа Якутии [О Стратегии..., электронный ресурс].

В целях определения основных направлений развития государственных и официальных языков республики Указом Главы РС (Я) от 21.02.2019 г. № 383 утверждена Концепция сохранения, изучения и развития государственных и официальных языков РС (Я) [Об утверждении..., электронный ресурс].

Указом Главы РС (Я) от 16.12.2019 г. № 901 утверждена государственная программа «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 гг.» в целях создания условий для сохранения, изучения и развития государственных и официальных языков Якутии [О государственной программе..., электронный ресурс].

Обозначена конкретная цель программы — повышение качества владения государственными и официальными языками РС (Я), для решения которой поставлены следующие задачи: повышение роли государственных и официальных языков в РС (Я); развитие целостной системы обучения на государственных языках и изучения государственных и официальных языков РС (Я); расширение сферы использования государственных и официальных языков РС (Я) и их популяризация.

В то же время анализ документа показывает несоразмерность цели и задач программы, сложность структуры документа. Финансовое обеспечение программы неоднозначно: за 5 лет ее реализации лишь в 2022 г. из республиканского бюджета планируется выделить 100 тыс. руб. на проведение заявленных мероприятий. Недофинансирование программ по языковому строительству в республике стало системной проблемой и отмечалось также другими исследователями [Саввинов, 2013].

По поручению Президента РФ В.В. Путина 17.01.2019 г. подписан совместный приказ Министерства просвещения РФ и Федерального агентства по делам национальностей «О создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации и утверждении устава Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации» [Создан Фонд сохранения и изучения..., электронный ресурс]. Создание Фонда говорит о начале разработки механизма реализации этнокультурных образовательных потребностей.

01.10.2019 г. принята Концепция преподавания родных языков народов России, цели которой следующие: способствование сохранению уникального этнокультурного и языкового разнообразия Российской Федерации; обеспечение условий для осуществления конституционного права граждан на обучение на родных языках и их изучение в организациях, реализующих программы общего образования [Концепция преподавания..., электронный ресурс].

Можно предположить, что этнокультурное разнообразие РФ постепенно начинает входить в сферу внимания государственной языковой политики и в российском образовании идет поиск оптимального сочетания изучения государственного русского языка при сохранении и поддержке языкового разнообразия жителей России.

* * *

Преобладание языкового фактора в этнической самоидентификации городских и сельских саха остается основным и стабильным признаком данной этнической общности, подтверждая факт этнической целостности. Влияние продолжающейся миграции сельского населения с прямой языковой идентификацией перекрывает показатели обозначившегося смещения языковой самоидентификации городского социума.

Сельское население, не вовлеченное в сложные процессы урбанизации, отличается сохранностью этнического языка, наиболее выраженное изменение в идентификации с языком (двойственная

языковая идентификация) происходит преимущественно в городской молодежной среде. Вариативность языковой идентичности молодежи саха формируется под воздействием глобализационных процессов, неравномерности социально-экономических условий в обществе, способствующих урбанизации сельского населения, растущей интенсификации межэтнических контактов, а также установления инструментального подхода к языкам.

С другой стороны, урбанизация, интеграция городских и сельских саха способствуют консолидации этнической общности, повышению национального самосознания в столице республики. При этом сельские саха проходят три этапа языковой социализации в городе: I — начальный этап (установка на русский язык); II — адаптационный (установка на двуязычие); III — генерирующий установки на воспроизводство этнических ценностей и формирующийся после 10 лет проживания в городе. Якутская языковая компетенция саха — бывших жителей сел республики среднего и старшего возраста отличается устойчивостью в городской коммуникации; вместе с тем урбанизированность обуславливает в основном двуязычное речевое поведение в различных сферах общения и порождает двуязычное мышление. Таким образом, базовые ценности этноса в условиях унификации и стандартизации современного общества относительно устойчивы.

Потребность в расширении социальных функций якутского языка, выраженная в субъективных оценках (языковых установках, предпочтениях) его носителей, выше объективно сложившегося функционального статуса якутского языка в СКС г. Якутска и достаточно отчетливо выражает стремление этнической общности противостоять давлению со стороны более мощных языков и сохранять использование своего языка. Однако установившийся в течение длительного времени своеобразный языковой баланс, стереотипы городского речевого поведения, языковая толерантность являются весьма устойчивыми и представляют собой сдерживающий фактор в развитии социальных функций якутского языка.

Якутский язык в коммуникативном сознании студентов-саха представлен когнитивным и эмоциональным (эстетическим) компонентами. Несмотря на высокий уровень свободного владения якутским языком среди саха (у городских — 80,6 %; у сельских — 92,5 %), установка «якутский язык трудный, сложный» находится в ядре их коммуникативного сознания. Базовый культурный компонент в коммуникативном сознании саха замещается прагматическим, утилитарным под воздействием внешних факторов, актуализируя сле-

дующие признаки: «сложный», «родной», «красивый» (у студентов-саха); «трудный», «богатый», «родной» (у жителей села).

Формулировка риторического (коммуникативного) идеала современных носителей якутского языка выражает сущность их национального самосознания и может выступать в качестве отдельной категории (признака), модифицирующей этноязыковую идентичность, представляя собой ее эстетическую, регулятивную, когнитивную составляющие и содержащей в себе этнически обусловленные языковые установки актуального и традиционного характера. В ходе исследования у респондентов выявлен комплекс коммуникативных категорий, учитывающих максимально полный охват влияющих на коммуникативную ситуацию аспектов языка и речевой деятельности, следовательно, ими продемонстрирован не лингвистический, а комплексный речевой подход к родному языку.

Установки, отражающие защитные механизмы внутриэтнической консолидации посредством языка, характерны для горожан-саха и проявляются в этноохранительных мотивах, предпочтениях. Но в то же время автостереотипы якутов отражают отсутствие гиперболлизации этнического самосознания, значимость толерантных установок.

Этноязыковые установки саха, прежде всего родительского общества городских саха, характеризуются растущей потребностью в обучении и воспитании на родном языке, сопряженной с институциональной поддержкой в условиях возрастания рисков для этнокультурного развития детей. При этом установки городских и сельских саха дифференцируются: в полиэтничной гетерогенной общности отмечены конкурирующие установки на якутский и русский языки; в моноэтнической гомогенной общности сильнее выражены билингвальные установки и достаточно значимы установки на русскоязычный монолингвизм, в целом демонстрируется гипертрофированная значимость русского языка.

Характер национально-языковых отношений в республике отличается положительной динамикой: высока степень лояльности к родным языкам, значимо ценностное отношение к этническому языку как к национально-культурному явлению, которое имеет место у носителей и якутского, и русского языков. Наблюдаются изменения в этноязыковых процессах среди русского населения: снижение напряженности и психологического дискомфорта, последовавшее после адаптационного периода к росту этнического самосознания якутов, который был зафиксирован нами в 2005–2007 гг. [Иванова, 2012], сменяется повышением этнического самосознания, ослаблением интегрирующих установок посредством языка.

В рассматриваемых национально-языковых отношениях оппозиция «свой/чужой» естественным образом встроена в структуру данных отношений, однако толерантность воспринимается прежде всего как позиция признания иных ценностей, взглядов, как свойство, качество народа саха и является устойчивым признаком в системе его ценностей. При ограничении новой идеологии унификации в государственной языковой политике, включающей избыточную поддержку русского языка в системе образования, перспективы благоприятного, неконфликтного развития массового якутско-русского двуязычия и более локального русско-якутского двуязычия вполне реальны.

Анализ основных действующих законодательных документов, подзаконных актов, экспертного мнения отражает сложность и неоднозначность государственной языковой политики, проводимой в РС (Я) в отношении якутского языка как одного из двух государственных языков республики, наиболее выраженной в сфере реализации этнокультурных прав на язык обучения и воспитания.

Языковая политика в настоящее время может быть расценена как многокомпонентная, перспективная. С учетом того, что конструктивная языковая политика предполагает стремление к балансу в ЯС, созданию социальной базы для всех языков, составляющих лингвистическую парадигму республики, повышению престижа родных языков с учетом интересов и потребностей народов и каждой языковой личности, тип политики, реализуемой властями, можно обозначить как условно конструктивный.

Полноценное функционирование языка во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в официальных кругах, является залогом его витальности. Для укрепления витальности региональных языков законодательство нуждается в определенном изменении, направленном на: 1) использование всех возможностей, предоставленных федеральным законодательством; 2) выработку языковой политики, основанной на аналитико-статистической информации исполнения принятых законов; 3) синхронизацию мероприятий языковой политики с потребностью этнической общности; 4) применение методов лингвистического прогнозирования при принятии решений языковой политики.

Полноценное использование языков России, наряду с проведением комплекса других мероприятий по возрождению материальной и духовной культуры отдельных этносов, является залогом стабильного сосуществования народов страны в эпоху глобализации, цифровизации.

Экспертное сообщество, отмечая позитивные факторы, формирующие ЯС в республике, называют языковую, культурную, религиозную толерантность; языковую лояльность саха; полиэтничность населения республики; компактность расселения коренного населения и географическую отдаленность от центра России; наличие двух межнациональных языков (якутского и русского) у коренных народов республики и т.д. К негативным факторам, сдерживающим развитие якутского языка, отнесли: недостаточную активность общества в решении вопросов языковой политики; дисперсность расселения коренного населения; непоследовательность в исполнении законов о языках вследствие отсутствия системного подхода со стороны государства; недостаточность финансирования программ по языковому строительству; низкую эффективность государственного участия в сфере сохранения и поддержания этноязыкового развития, отсутствие свободного дискурса по проблемам ЯС и языковой политики.

Признавая неравномерное развитие государственного языка РФ и этнических языков в субъектах РФ, эксперты рекомендуют культивировать ценности традиционного уклада жизни; повышать гражданскую идентичность; развивать билингвальные ориентации в социокультурном поведении саха; инициировать финансовые отчисления промышленных предприятий, ведущих деятельность на территории республики, на развитие и возрождение малых языков; обеспечивать полноценное функционирование якутского языка в новых для него условиях приоритета ИКТ; начать документирование якутского языка; приступить к созданию национальных корпусов миноритарных языков; создавать общественные организации по сохранению и развитию языков; в сотрудничестве с общественными организациями, активистами вести просветительскую работу среди населения по проблемам языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве итогов проведенного нами исследования представляем следующие обобщающие выводы и тезисы:

1. Современная социолингвистика, опираясь на достижения прошлого и включая в себя все более различные научные традиции смежных с ней дисциплин, предстает как многоаспектная, открытая к интеграции система, способная решать комплекс задач гуманитарной проблематики. Научное осмысление проблем ЯС в условиях языковой неоднородности, разноплановый характер объекта исследования и неоднозначность этноязыковых процессов, детерминирующихся тенденциями к унификации языковых процессов и стремлением к сохранению этнического языка и осложненных внутренними миграционными потоками, вызвали необходимость обращения к комплексному интегрированному подходу, предполагающему использование этносоциопсихолингвистического анализа взаимодействия языковых систем и его результатов.

2. В целом языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) характеризуется как многокомпонентная, экзогlossная, гетерогенная, гетероморфная, неравновесная, несбалансированная. Разнонаправленные миграционные процессы, начавшиеся в 1990-е годы и продолжающиеся в настоящее время, ставшие причиной установления нового языкового баланса, влияют на все компоненты языковой ситуации, в том числе на объективные и субъективные факторы ее развития.

3. Функциональный статус якутского и русского языков, а также степень распространения якутско-русского двуязычия, впервые установленные посредством анализа объективных факторов в 11 сферах, в том числе 20 подсферах СКС, отражают динамичное изменение социальных функций языков. Так, этносоциальная функция якутского языка интенсивно реализуется в области духовной культуры и семейного общения. Увеличение демографической мощности

якутского языка, вызвавшее в целом положительную динамику его коммуникативной мощности, наиболее характерно для столицы республики; им предопределен и умеренный рост использования якутского языка в регламентируемых сферах СКС, обозначивший расширение применения устной формы якутского языка в официальном общении. При этом наблюдается стабильность высокого функционального статуса русского языка для носителя якутского языка.

Социальные функции компонентов государственного двуязычия находятся в отношениях функциональной дополнительности. Языковая дистрибуция в СКС детерминирована следующими параметрами: этническим составом административно-территориальной единицы; мерами проводимой государственной языковой политики; институциональными особенностями; установившимся регламентом государственных органов в использовании языков; возрастом, языковой компетенцией, степенью урбанизированности, родом деятельности носителей языка; сложившимся стереотипом в выборе языка в городском дискурсе; параметрами ситуации и т.д. Однако в производственных отношениях двуязычие как компонент урбанизационного феномена составляет основу коммуникативной стратегии.

Функционирование якутского языка как этнообразующего элемента в лингвистическом образовательном пространстве, регламентируемое государством и предопределяющее смысл государственной национальной политики в отношении отдельно взятого языка, постепенно подвергается изменениям вследствие сокращения условий не только для этнокультурного образования, но и для существования билингвизма.

4. Устойчивость литературных норм якутского языка и документированные образцы якутской речи разных стилей, массовая село-городская миграция саха в столицу республики, начавшаяся в 90-е годы XX в., обусловили стабильность высокой языковой компетенции носителей якутского языка в родном языке в условиях г. Якутска. Так, уровень свободного владения якутским языком колеблется в пределах 80,6 — 92 % в зависимости от степени урбанизированности и 78–88,9 % в зависимости от возраста его носителей. Сохраняется прямая зависимость уровня владения языком от языка школьного обучения. В сельской местности языковая компетенция в родном языке оценивается как более равномерная, не детерминированная параметром возраста.

Изучение динамических показателей языковой компетенции отражает:

— разнонаправленные тенденции развития в городском и сельском поселениях, проявляющиеся в незначительном повышении уровня владения якутским языком и снижении владения русским языком у горожан, а также в снижении уровня владения обоими языками у жителей села;

— изменение типологии нарушений литературных норм якутского и русского языков, что выражается в сокращении зоны интерферентного влияния и расширении зоны интеркаляционного воздействия. В целом произошло смещение акцентов в тенденциях развития двуязычия: поступательное развитие экстенсивности русского языка совмещается со снижением интенсивности родного языка.

Комплексный характер нашего исследования позволил установить социолингвистические характеристики молодежи саха, в том числе устойчивость ее этноязыковой идентичности при агрессивном влиянии внешних факторов: объективное снижение языковой компетенции в сопоставлении с показателями респондентов других возрастных групп выражается у них в снижении активных и усилении пассивных навыков. При этом коммуникативная стратегия отличается замещением языковой компетенции социолингвистической компетенцией и социолингвистической аккомодацией, выражающимися в варьировании функционально-речевого континуума использования родного языка от минимальных 3,1 % до максимальных 73,3 %; а также сохранением позитивных языковых установок по отношению к родному якутскому и русскому языкам. Значимой социолингвистической характеристикой молодежи, родившейся в г. Якутске, является продолжение в их среде процесса воспроизводства родного языка.

Высокий уровень владения родным языком отрицательно коррелирует с наличием высшего образования, но предопределяет экономически стабильное положение, социальную мобильность носителей языка саха.

5. Основным этнодифференцирующим признаком саха, способствующим сохранению этнической целостности, остается этнический язык, который служит средством выражения и формирования национального самосознания, продолжающего поступательное развитие с 90-х годов XX в. Устойчивость языковой идентичности саха обеспечивают высокий уровень языковой компетенции и языковой самоидентификации, рост демографической и коммуникативной

мощности, чему способствует продолжающаяся сельско-городская миграция.

Основной детерминирующий параметр этноязыковой идентичности саха — возраст. Этноязыковая идентичность молодых саха характеризуется подвижностью во времени и пространстве, не приводящей к абсолютному снижению ее проявления; лояльностью к постмодернистским ценностям, отличающимся толерантностью, склонностью к самовыражению, прагматизму. Этнической общности важно принимать проявления их этноязыковой идентичности как ответ на вызовы времени и видеть в современной молодежи важнейший социальный ресурс.

6. В любом обществе социально-экономическое развитие и культурная трансформация протекают неравномерно в территориальном и социальном плане, что закономерно порождает противоречия в установках, ценностных ориентациях членов этнической общности. Посредством предложенной нами расширенной категориальной структуры этноязыковой идентичности сделана попытка представить ее сущность и своеобразие в единстве общих свойств.

В двуязычном коммуникативном пространстве республики имеются социокультурные ресурсы для взаимного уважительного отношения к языку другого этноса. Родные языки для якутской и русской общностей представляют высокую этническую ценность, причем данная языковая установка формируется у русской общности под влиянием сильных этноязыковых установок якутской общности. Языковая толерантность якутов и русских подразумевает использование позитивных, положительно направленных моделей, способствующих социальному контакту. В целом якутский этнос в процессе развития совершенствовал свои отношения с другими этническими общностями и выработал такие формы взаимодействия и общения, которые облегчают совместную жизнь людей, их социокультурную интеграцию и адаптацию в полиэтническом обществе при сохранении константы национального сознания.

Своеобразие этноязыковой идентичности саха состоит в общенародном характере ее проявления, естественном характере ее воспроизводства, особом метаязыковом чутье, присущем саха; при этом консолидирующая сила родного, этнического языка на данном этапе превосходит воздействие унифицирующих урбанизационных процессов.

7. Междисциплинарный подход исследования предоставил возможность увидеть и воссоздать в описательной этносоциопсихолингвистической модели разные состояния динамической концептуаль-

ной системы «якутский язык» широкого круга респондентов-саха. Когнитивный компонент языковых установок по отношению к родному якутскому языку более полно представлен в реакциях саха среднего и старшего возраста, в чем проявляются их жизненный опыт, высокий уровень национального самосознания и языковой компетенции, максимальное использование родного языка в большинстве функциональных сфер. Современные социально-экономические, социально-политические, социокультурные условия определяют снижение языковой компетенции молодых саха, их дистанцированность от родного языка, что фиксируется в социолингвистических процедурах и психолингвистических экспериментах. Определяющими коммуникативное сознание носителей якутского языка по отношению к родному языку как в городской, так и в сельской местности становятся признаки «трудный», «сложный». Ассоциативное поле стимула «якутский язык» у сельских саха содержит поляризацию признаков «нужный»/«ненужный», «понятный»/«непонятный», обусловленную экстралингвистическими факторами.

Аффективный компонент выражен эмоциональным отношением к родному языку, преобладает во всех возрастных группах. Коммуникативная категория «якутский язык» в целом положительно оценена носителями языка, но среди ассоциаций молодежи присутствуют незначительные негативные признаки, связанные с недостаточно высоким функциональным статусом языка саха.

Поведенческий компонент представляет собой готовность носителей языка действовать в отношении объекта в соответствии со знаниями о нем, т.е. на основе имеющегося когнитивного образа и эмоционального отношения. Поведенческие интенции у саха ярко выражены в желании изучать этнический язык, в выборе этнического языка родителями в качестве языка обучения и в комплексе императивных установок:

«Человек, в высокой степени владеющий культурой якутской речи, должен говорить красиво» [Современная этноязыковая ситуация..., 2013, с. 232];

«Человек, в высокой степени владеющий культурой якутской речи, должен вести себя соответствующим образом — специфически по-якутски» [Там же];

«Человек, в высокой степени владеющий культурой якутской речи, должен мыслить соответствующим образом — специфически по-якутски» [Там же].

Риски сокращения языкового многообразия, способствующие формированию не билингвизма, а монолингвизма, обусловленные

изменением экстралингвистических факторов в условиях цифровой и унифицирующей глобализации, неизбежны и разнообразны, но и готовность сохранять и развивать родной язык остается естественным стремлением носителей языка. Сегодня наблюдается умеренное, но непрерывное снижение языковой компетенции (в целом этнический язык для сегодняшних школьников представляет собой качественно новый вариант родного языка), что прогнозирует ее дальнейшее, возможно, резкое снижение у подрастающего поколения. Динамичность событий в эпоху ИКТ в языковой сфере уникальна — распространение разговорных навыков и снижение навыков чтения на якутском языке значительно повлияли на языковые предпочтения в сфере массмедиа и предопределили участь печатных видов этнических массмедиа. Предпосылки к трансформации обозначились в семейном общении — за 7 лет объем общения на родном языке в этой сфере снизился на 10 %. В наиболее сложной социокультурной ситуации в данный период находятся сельские жители, население моноэтнических однородных сред. Реальная языковая ситуация, характеризовавшаяся якутским моноязычием, не совпадает с трансформирующимися социальными установками, отражающимися в речевом поведении. Поэтому в якутском обществе сегодня сильна установка на обязательное владение этническим языком (96,2 %).

Лингвополитический фактор в системе отношений центр – регион приобретает все большее значение, устанавливая конвергентную языковую политику, что увеличивает очевидную диспропорцию русского и нерусского компонентов в сфере образования, усиливает тенденции размывания государственного статуса языка в субъекте РФ, национальных языков республик.

20-е годы XXI в. ознаменовывают некий рубеж, когда будущее этнического языка в республике зависит от выбора родительского сообщества: родной этнический язык, русский язык, являющийся функциональным языком большинства, либо творческая реализация обеих языковых компетенций, способствующая передаче билингвальной, бикультурной ценности своим детям. При этом важно принять во внимание импульсы сохранения родного языка, идущие от молодежи, содействовать реализации их языковых проектов.

8. Предложенная модель исследования ЯС дала возможность представить этнический менталитет как новый нестандартный компонент, а современный якутский риторический (коммуникативный) идеал в ряду других признаков этноязыковой идентичности саха признать одним из способов его проявления. Совмещение этно-

социолингвистического и психоллингвистического анализа количественных/качественных, объективных/субъективных параметров ЯС в городских и сельских поселениях, отличаясь многомерностью, значительной экспланаторностью изучаемого объекта, выявило широкий спектр социолингвистических фактов и закономерностей, отражающих современную языковую ситуацию первых 20 лет XXI в.

Исследование показало, что в условиях языковой неоднородности сохранение и развитие языков не только коренных малочисленных народов, но и государственных языков в субъектах РФ становятся все более трудно осуществимыми задачами. Реализуемая в настоящее время языковая политика может быть расценена как многокомпонентная, перспективная, условно конструктивная. Языковая политика, ведущая к сокращению этнокультурного пространства и билингвизма, расценивается как нелегитимная, поскольку не учитывает уровень развития ценностей родного языка для саха, фактически отрицая принцип соответствия воле народа.

Сложившиеся социолингвистические условия позволили выработать в дополнение к рекомендациям экспертного сообщества, изложенным выше, ряд практических мер в целях сохранения этноязыкового единства саха, развития якутского языка и установления в регионе сбалансированного двуязычного коммуникативного пространства, отвечающего потребностям носителей якутского языка:

- отстаивать государственный статус якутского языка как этнообразующего фактора наиболее крупного коренного народа Сибири;
- «...на государственном уровне пропагандировать идею о культурном и психологическом преимуществе двуязычия (многоязычия) по сравнению с одноязычием, о пользе воспитания детей в двуязычии (этнический язык + русский язык), о том, что русский язык, знание которого необходимо всем гражданам РФ, должен усваиваться детьми не вместо этнического языка, а вместе с ним» [Резолюция международной конференции..., электронный ресурс];
- регулярно отслеживать вопрос о включении в образовательный стандарт обязательного изучения коренных языков, в том числе титульных языков республик;
- взять на особый контроль экспертизу учебников по якутскому языку и литературе;
- разработать механизм синхронизации процессов осознанного выбора родительским сообществом языка обучения их детей и обеспечения их конституционного права на получение образования на родном языке или изучения родного языка;

— обеспечить изучение якутского языка и якутской культуры для всех обучающихся в образовательных (дошкольных, школьных, средних профессиональных, высших учебных) учреждениях и заведениях республики как условие сохранения межэтнического согласия;

— обеспечить проведение мониторинга на всей территории РС (Я), в том числе среди детей дошкольного и школьного возраста, родительского и педагогического сообщества в городских и сельских поселениях. Научное обоснование проблем воспроизводства якутского языка может быть разработано с применением комплексного междисциплинарного (социо- и психолингвистического, педагогического и т.д.) подхода в мониторинговом режиме;

— расширить движение языкового активизма в интересах просветительской работы, консолидации, объединения усилий по обсуждению этноязыковых проблем;

— достичь транспарентности в обсуждении проблем языковой ситуации и языковой политики с языковыми сообществами республики и учесть их мнение при определении мер государственной языковой политики.

Общество, выражая потребность в активной стимулирующей позиции государства как субъекта языкового планирования, обращает особое внимание на учет изменяющейся языковой ситуации, факт возрастания у коренного населения потребности в этнической идентичности, этническом воспроизводстве, сохранении и развитии языка. Следовательно, существует объективная необходимость в принятии ряда реальных мер в сфере языковой политики, направленных на повышение ее эффективности и результативности при использовании имеющихся этнокультурных ресурсов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ассоциативное поле стимула «якутский язык» в реакциях студентов-саха (г. Якутск, 2014 г.)

Сложный (сложный (40)* + трудный (29) + *ыарахан* ‘сложный’ (4) + тяжелый (3) + *уустук* ‘сложный’ (2) = 78); родной (64); красивый (47); богатый (30); интересный (24); древний (21); хороший (хороший (7) + *үчүгэй* ‘хороший’ (9) = 16); понятный (18); исчезающий (11); национальный (11); легкий (11); непонятный (9); вымирающий (8); любимый (8); отличный (8); смешной (7); интересный (7); тюркский (5); простой (5); старый (5); нужный (5); сильный (4); старинный (4); редкий (3); *чэлчэки* ‘легкий’ (3); великий (3); широкий (3); северный (3); быстрый (3); грубый (3); холодный (3); загадочный (3); долгий (3); близкий (3); светлый (2); традиционный (2); необходимый (2); глубокий (2); резкий (2); далекий (2); звучный (2); *харана* ‘темный’ (2); *сырдык* ‘светлый’ (2); лучший (2); *кэрэ* ‘прекрасный’ (2); *олонхо* ‘якутский героический эпос’ (2); деревенский (2); чистый (2); белый (2); витиеватый (2); народный (2); улуу ‘великий’; *модун* ‘мощный’; *иһирэх* ‘задушевный’; *хоһуун* ‘энергичный’; *истин* ‘сокровенный’; удобный; прекрасный; многогранный; острый; *үрдүк* ‘высокий’; *кырдыаҕас* ‘древний’; нужный; *саха кийитэ билиэн наада* ‘якут должен знать’; *хараарбыт* ‘потемневший’; *маҕан* ‘белый’; *кытарбыт* ‘покрасневший’; короткий; нераспространенный; разный; смысловой; жесткий; длинный; инвариантный; певучий; поэтичный; эмоциональный; зеленый; красный; синий; неисчерпаемый; недоисследованный; объединяющий; *сымнаҕас* ‘мягкий’; *билишилээх* ‘владеющий знаниями’; *алгыстаах* ‘благословенный’; архаичный; тонический; дурманящий; неудобный; частный; холодно; трудно; неудобно; быстро; свободолобивый; мирный; культурный; не забудьте свой родной язык; увлекательный; нормальный; процветающий; разговорный; малораспространенный; познавательный; доступный; все

* Здесь и далее в скобках отмечена встречаемость перечисленных реакций в анкетах респондентов. У единичных реакций частотность не указана.

понимают родной язык; правдивый; некоторые не знают; иногда непонятный; запутанный; исторический; неизвестный вне республики; для якутов; это сила; Родина; уникальный; *кыраһыабай* ‘красивый’; *өйдөнөр* ‘понятный’; основной; креативный; не встречающийся; редкий; запутанный; необычный; малоизвестный; якутский; часто не используемый; свой; уважаемый; культура; *осуохай* ‘национальный круговой танец якутов’; пляска; дружба; *ураса* ‘старинное жилище якутов’; иногда совсем непонятный; могучий; классный; необычный; *нарын* ‘нежный’; *уһун (тыл суруллуута)* ‘долгий (написание слов)’; другой; *хорсун* ‘смелый’; *эйэбэс* ‘приветливый’; *өйдөөх* ‘умный’; экзотический; перспективный; удобный; уникальный; понимающий; живой; разнообразный; неостребованный; неавторитетный; многообразный; яркий; торжественный; *эриэккэс* ‘редкостный; чудный; изумительный’; метафоричный; искренний; четкий; мягкий; краткий; *ыһыах* ‘ысыах — якутский национальный праздник’; дом; *алаас* ‘алас — круглое поле или круглый луг в лесу’; лучший; похож на латинский язык; еще жив; неизвестный; самый родной; необычный; мрачный; потерянный; экзотичный; емкий; прелестный; теплый; настоящий; затруднительный; умирающий; заковыристый; старые слова; сложнопишущийся; трудночитаемый; неизвестный; интересный; первобытный; забываемый; отрезанный; языческий; бесперспективный; непонятливый; закрытый; замкнутый; непонятно как образуются некоторые слова; очень длинные; трудно читаемые; странный; вымирающий; местный; разный; *уһун* ‘долгий’; *өр* ‘долго’; *бытаан* ‘медленный’; обширный; *чэгиэн* ‘крепкий’; Намцы (название села в Якутии); твердый; летний; веселый; горловой; несложный; низкий; дедушка; *ураһа* ‘ураса — старинное жилище якутов’; мама; земля; учить трудно некоторые слова; трудно понять.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — ассоциативное поле
БЭС — Большой энциклопедический словарь
ВПН — Всероссийская перепись населения
ВПр — Всероссийские проверочные работы
ДФО — Дальневосточный федеральный округ
ЕГЭ — Единый государственный экзамен
ИГИиПМНС СО РАН — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИКТ — информационно-коммуникационные технологии
ИЯКН СВ РФ — Институт языков и культур народов Северо-Востока Российской Федерации
КМНС — коренные малочисленные народы Севера
НАЭ — направленный ассоциативный эксперимент
НВК «Саха» — Национальная вещательная компания «Саха»
НИЦ НЯО — Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания Российской академии наук
ОГЭ — Основной государственный экзамен
ПМА — полевые материалы автора
РС (Я) — Республика Саха (Якутия)
РФ — Российская Федерация
СВФУ им. М.К. Аммосова — Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
СКС — социально-коммуникативная система
ССТ — Словарь социолингвистических терминов
ФЗ — федеральный закон
ФЦП — федеральная целевая программа
ЯС — языковая ситуация

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные источники

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] // Фед. служба гос. статистики: офиц. сайт. — Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ). — Ростов н/Д: Феникс, 2014. — 60 с.

Концепция преподавания родных языков народов России [Электронный ресурс] // Банк документов. М-во просвещения РФ: офиц. сайт. — Режим доступа: https://docs.edu.gov.ru/document/616ab265aa2810f14a2c3fd1203_a0aaa/download/2400/.

Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Саха (Якутия) Стат: офиц. сайт. — Режим доступа: <http://sakha.gks.ru>.

О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 гг.»: Указ Главы РС (Я) от 16.12.2019 г. № 901 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: сайт. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/561673207>.

О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 г. с целевым видением до 2050 г. (с изм. на 18.06.2020 г.): Закон РС (Я) от 19.12.2018 г. 2077-3 № 45-VI [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: сайт. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/550299670>.

О языках в Республике Саха (Якутия) (с изм. и доп.): Закон РС (Я) от 16.10.1992 г. № 1170-XII [Электронный ресурс] // Система «Гарант»: сайт. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/26701253/e88847e78ccd9fdb54482c7fa15982bf/#ixzz6cF8lpbT>.

О языках народов Российской Федерации: Закон РФ от 25.10.1991 г. № 1807-I [Электронный ресурс] // Система «Гарант»: сайт. — Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/10148970/paragraph/9806/doclist/10484/showentries/0/highlight>.

Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // Система «КонсультантПлюс»: сайт. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

Об утверждении Концепции сохранения, изучения и развития государственных и официальных языков Республики Саха (Якутия): Указ Главы РС (Я) от 21.02.2019 г. № 383 [Электронный ресурс] // Официальный информационный портал РС (Я). — Режим доступа: <https://www.sakha.gov.ru/ukaz-glavy-respubliki-saha-jakutija-ot-21-fevralja-2019-g383-ob-utverzhenii-kontseptsii-sohraneniya-izucheniya-i-razvitiya-gosudarstvennyh-i-ofitsialnyh-jazykov-respubliki-saha-jakutija>.

Отчет М-во культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) об итогах деятельности за 2018 г. и задачах на 2019 г. [Электронный ресурс] // М-во культуры и духовного развития РС (Я): офици. сайт. — Режим доступа: minkult.sakha.gov.ru/files/front/download/id/2054937.

Пресс-выпуск № 01-35-343 от 26.09.2019 г. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Фед. службы гос. статистики по РС (Я) — Саха (Якутия) Стат: офици. сайт. — Режим доступа: <http://sakha.gks.ru>.

Сведения о распределении учреждений, реализующих программы общего образования, и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка [Электронный ресурс] // М-во образования и науки РФ: офици. сайт. — Режим доступа: <https://data.gov.ru/opendata/7710539135-d7?language=ru>.

Создан Фонд сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации [Электронный ресурс] // М-во просвещения РФ: офици. сайт. — Режим доступа: <https://edu.gov.ru/press/1142/sozdan-fond-sohraneniya-i-izucheniya-rodnyh-ya/>.

Социально-демографический портрет России: по итогам Всерос. переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] / Фед. служба гос. статистики. — М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. — 183 с. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/.

Статистический ежегодник: Республика Саха (Якутия): стат. сб. / Территориальный орган Фед. службы гос. статистики по РС (Я). — Якутск, 2019. — 654 с.

Литература

Абдина, Р.П. Современное состояние качинского и кызыльского диалектов хакасского языка: отчет науч. экспедиции сектора языка ХакНИИЯЛИ за 2019 г. / Р.П. Абдина, П.Е. Белоглазов, З.Е. Каскаракова [и др.] // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 2 (81). — С. 441–442.

Абдулатипов, Р.Г. Россия на пороге XXI в.: состояние и перспективы федеративного устройства / Р.Г. Абдулатипов. — М.: Славян. диалог, 1996. — 253 с.

Аверинцев, С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции: сб. ст. / С.С. Аверинцев. — М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. — 446 с.

Аворин, В.А. Ленинские принципы языковой политики / В.А. Аворин // Вopr. языкознания. — 1970. — № 2. — С. 6–16.

Аворин, В.А. Языковая ситуация как предмет социальной лингвистики / В.А. Аворин // Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер.: Обществ. науки. — 1973. — № 11, вып. 3. — С. 7–11.

Аворин, В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики / В.А. Аворин; АН СССР, Ин-т языкознания. — Л.: Наука, 1975. — 276 с.

Актуальные проблемы перевода в свете языковой политики: материалы науч.-практ. конф. «Практика перевода в Республике Саха (Якутия): проблемы

и перспективы», посвященной 300-летию русско-якутского перевода (24 февр. 2005 г., Якутск) / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гум. исслед. — Якутск, 2006. — 157 с.

Алексеев, И.Е. Стратегия языкового развития / И.Е. Алексеев // Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия): актуал. проблемы / науч. ред. П.А. Слепцов; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гум. исслед. — Новосибирск: Наука, 2003. — С. 5–11.

Алексеева, Т.С. Социопсихолингвистические составляющие речевого поведения коммуникантов в условиях неформального диалогического общения: экспериментальное исслед.: дис. ... канд. филол. наук / Т.С. Алексеева. — Ульяновск, 2002. — 137 с.

Алефиренко, Н.Ф. Парадигмы современной науки о языке // Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. — М.: Флинта; Наука, 2005. — С. 17–33.

Алпатов, В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции / В.М. Алпатов // Comparative politics. — 2013. — № 2 (12). — С. 11–22.

Алпатов, В.М. Социолингвистика в России и СССР / В.М. Алпатов // Материалы междунар. конф. «Языки в полиэтничном государстве: развитие, планирование, прогнозирование» (Респ. Бурятия, Улан-Удэ — Горячинск, 1 июля — 4 июля 2019 г.). — Улан-Удэ, 2019. — С. 5–7.

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В.Г. Николаева; под ред. С.П. Баньковской. — М.: Кучково поле, 2016. — 413 с.

Андросов, И.М. Перспективы развития Национальной вещательной компании «Саха» / И.М. Андросов // Региональные телерадиокомпании в медиапространстве России: проблемы и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (29–30 марта 2012 г., г. Якутск) / Ч.Н. Гаврильев и др.; отв. ред. В.Б. Игнатьева. — Якутск: Бичик, 2012. — С. 5–9.

Андросова, Ю.В. Психологическое просвещение родителей детей, обучающихся в условиях билингвального образовательного процесса / Ю.В. Андросова // Психология образования в поликультурном пространстве. — 2018. — № 2 (42). — С. 109–112.

Андросова, Ю.В. Модель развития национально-русского двуязычия у детей через игровую деятельность [Электронный ресурс] / Ю.В. Андросова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2019. — Т. 7, № 6. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-razvitiya-natsionalno-russkogo-dvuyazychiya-u-detey-cherez-igrovuyu-deyatelnost/viewer>.

Аргунова, Т.В. Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект) / Т.В. Аргунова. — Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1992. — 88 с.

Аргунова, Т.В. Лингвистическая образовательная политика / Т.В. Аргунова // Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия): актуальные проблемы / науч. ред. П.А. Слепцов; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гум. исслед. — Новосибирск: Наука, 2003. — С. 67–87.

Аргунова, Т.В. Проблемы родного языка и тенденции современной языковой политики в Российской Федерации / Т.В. Аргунова // Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции современного общества: сб. науч.

ст. / Ин-т гум. исслед., Совет по языковой политике при Президенте РС (Я). — Якутск, 2007. — С. 35–41.

Арутюнова, Е.М. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании / Е.М. Арутюнова // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. — 2019а. — № 1. — С. 50–61.

Арутюнова, Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности русской молодежи в Республике Саха (Якутия): динамика представлений / Е.М. Арутюнова // Социологическая наука и социальная практика. — 2019б. — № 4. — С. 111–121.

Аюпова, Л.Л. Языковая ситуация в республике Башкортостан: социолингвистический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.Л. Аюпова. — Уфа, 1998. — 40 с.

Аюпова, Л.Л. Языковая ситуация (социолингвистический аспект) / Л.Л. Аюпова. — Уфа: Вост. ун-т, 2000. — 156 с.

Байрамова, Л.К. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия / Л.К. Байрамова. — Казань, 2001. — 267 с.

Баскаков, Н.А. Введение в изучение тюркских языков: учебник для гос. ун-тов / Н.А. Баскаков. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1969. — 383 с.

Баскаков, А.Н. Двухязычие и проблема взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков / А.Н. Баскаков // Проблемы двухязычия и многоязычия: сб. ст. / редкол.: П.А. Азимов (отв. ред.) [и др.]. — М.: Наука, 1972. — С. 74–82.

Баскаков, А.Н. Социолингвистический анализ ЯС в регионе Средней Азии и Казахстана / А.Н. Баскаков. — Нукус: Билим, 1992. — 48 с.

Баскаков, А.Н. Языковая ситуация и функционирование языков в регионе Средней Азии и Казахстана / А.Н. Баскаков, О.Д. Насырова, М. Давлатназаров. — М.: Наука, 1995. — 165 с.

Баскаков, А.Н. Социолингвистические проблемы тюркских языков в Российской Федерации / А.Н. Баскаков // Вопр. филологии. — 1999. — № 2. — С. 21–29.

Баскаков, А.Н. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации: краткий социолингвистический очерк / А.Н. Баскаков, О.Д. Насырова // Языки РФ и нового зарубежья: статус и функции. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 34–129.

Баскаков, Н.А. Тюркские языки / Н.А. Баскаков. — М.: URSS; Изд-во ЛКИ, 2007. — 241 с.

Батюшкина, М.В. Государственные языки республик: к вопросу о моделировании статуса, функциональной роли и ситуациях употребления / М.В. Батюшкина // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Гум. исслед. Humanitares. — 2017. — Т. 3, № 3 — С. 113–128.

Беликов, В.И. Социолингвистика: учебник / В.И. Беликов, Л.П. Крысин; Ин-т «Открытое о-во». — М.: Изд-во РГГУ, 2001. — 436 с.

Белл, Р. Социолингвистика: цели, методы и проблемы / Р. Белл. — М.: Междунар. отношения, 1980. — 320 с.

Белоусов, В.Н. Русский язык в межнациональном общении: проблемы исследования и функционирования / В.Н. Белоусов, Э.А. Григорян, Т.Ю. Позднякова. — М.: Изд-во Ин-та рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2001. — 240 с.

Бертагаев, Т.А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления / Т.А. Бертагаев // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. ст. / редкол.: П.А. Азимов (отв. ред.) [и др.]. — М.: Наука, 1972. — С. 14–19.

Биткеева, А.Н. Социальные функции национального языка в современном мире: ойрат-калмыцкий язык: дис. ... д-ра филол. наук / А.Н. Биткеева. — М., 2006. — 435 с.

Биткеева, А.Н. Предисловие [Электронный ресурс] // Языковая политика в контексте современных языковых процессов / А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко. — М.: Издат. центр «Азбуковник», 2015. — 472 с. — Режим доступа: <http://docplayer.ru/70295829-Yazykovaya-politika-v-kontekste-sovremennyh-yazykovyh-processov.html>.

Биткеева, А.Н. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации (социолингвистический аспект) / А.Н. Биткеева, М. Вингендер, В.Ю. Михальченко // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер.: Языкознание. — 2019. — Т. 18, № 3. — С. 6–22.

Большаков, А.Г. Этнополитическая ситуация в республиках Поволжья с тюркским населением, Республике Саха (Якутия) / А.Г. Большаков // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации: Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Северный Кавказ, Поволжье, Республика Карелия, Республика Коми, Удмуртская Республика, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия): сб. экспертных докл. / отв. ред. М.А. Омаров. — М.: Изд-во РГГУ, 2018. — С. 298–348.

Боргоякова, Т.Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири / Т.Г. Боргоякова. — Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2002а. — 166 с.

Боргоякова, Т.Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири: дис. ... д-ра филол. наук / Т.Г. Боргоякова. — М., 2002б. — 327 с.

Боргоякова, Т.Г. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении [Электронный ресурс] / Т.Г. Боргоякова, А.Н. Биткеева // Новые исследования Тувы. — 2020. — № 1. — Режим доступа: <https://nit.tuva.asiant/article/>.

Буренина, Л.М. Функционирование русского языка в Литве в новых социальных условиях / Л.М. Буренина // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. — М.: URSS, 2000. — С. 329–332.

Борисова, У.С. Анализ воспроизводства коренных народов Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс] / У.С. Борисова // Современные исследования социальных проблем. — 2013. — № 6 (26). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vosproizvodstva-korenyh-narodov-respubliki-saha-yakutiya>.

Брагина, Д.Г. Межнациональные браки и семьи в Республике Саха (Якутия) в XX в. / Д.Г. Брагина. — Новосибирск: Наука, 2018. — 136 с.

Бурыкин, А.А. Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие: язык меньшинства как «тайный язык» в отечественном социокультурном контексте / А.А. Бурыкин // Отражение русской ментальности в языке и речи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (8–9 апр. 2004 г.). — Липецк, 2004. — С. 50–60.

Бурятско-русский билингвизм (психолингвистический аспект) / П.П. Дашинаева [и др.]; отв. ред. Б.Д. Цыренов; Рос. акад. наук, Сиб. отд.-ние, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. — 165 с.

Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. — М.: Прогресс, 1972. — Вып. 6: языковые контакты. — С. 25–61.

Вайнрайх, У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх; пер. с англ. и коммент. Ю.А. Жлуктенко. — Киев: Вища шк., 1979. — 263 с.

Вайсгербер, Й.-Л. Родной язык и формирование духа / Й.-Л. Вайсгербер; пер. с нем.; вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. — 3-е изд. — М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 232 с.

Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. — М.: Логос, 2001. — 304 с.

Валеева, А.Ф. Влияние урбанизации на языковое поведение жителей полиэтнического региона / А.Ф. Валеева // Социс. — 2002. — № 8. — С. 40–49.

Валеева, А.Ф. Воздействие социально-правового регулирования на языковое поведение личности в полиэтническом обществе / А.Ф. Валеева, Л.Ш. Фахреева // Современные языковые процессы в Республике Татарстан и РФ: законодательство о языках в действии: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 15-летию принятия Закона о языках. — Казань, 2007. — С. 71–72.

Васильева, М.И. Этническая идентичность современных якутов: автореф. дис. ... канд. социол. наук / М.И. Васильева; Бурят. гос. ун-т. — Улан-Удэ, 2001. — 19 с.

Васильева, Р.И. Современные этноязыковые процессы в полиэтнических улусах Республики Саха (Якутия) (1995–2003 гг.): науч.-практ. пособие / Р.И. Васильева; Совет по языковой политике при Президенте РС (Я), Ин-т гум. исслед. АН РС (Я), Центр языковой политики; [отв. ред. Н.И. Иванова]. — Якутск: Изд-во ИГИ АН РС (Я), 2007. — 76 с.

Васильева, Р.И. Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект / Р.И. Васильева, М.Г. Дегтярева, Н.И. Иванова, Л.Н. Семенова. — Новосибирск: Наука, 2013. — С. 112–147.

Вахтин, Н.Б. Социолингвистика и социология языка / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головки. — СПб.: Издат. центр «Гум. акад.»; Изд-во Европ. ун-та, 2004. — 336 с.

Верещагин, Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. — М.: Изд-во МГУ, 1969. — 160 с.

Верещагин, Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. — М.: Директ-Медиа, 2014. — 162 с.

Виноградов, В.А. Социолингвистическая типология: Западная Африка / В.А. Виноградов, А.И. Коваль, В.Я. Порхомовский. — М.: Наука, 1984. — 128 с.

Виноградов, В.А. Социолингвистическая типология / В.А. Виноградов, А.И. Коваль, В.Я. Порхомовский. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2008. — 126 с.

Винокурова, Д.М. Уровень осведомленности сельчан и горожан об олонхо (на примере г. Якутска и с. Бердигестях) / Д.М. Винокурова // Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции современного общества: сб. науч. ст. / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гум. исслед., Совет по языковой

политике при Президенте РС (Я). — Якутск: Изд-во ИГИ АН РС (Я), 2007. — С. 109–115.

Винокурова, У.А. Ценностные ориентации якутов в условиях урбанизации / У.А. Винокурова; отв. ред. Е.С. Кузьмин; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Якут. ин-т яз., лит. и истории. — Новосибирск: Наука, 1992. — 141 с.

Габышева, Ф.В. Развитие языковой личности в полилингвальной образовательной среде / Ф.В. Габышева, С.С. Семенова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы V Конгр. РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 окт. 2016 г.). — СПб.: Изд-во РОПРЯЛ, 2016. — Вып. 5. — С. 1151–1157.

Гаврильева, Т.Н. Факторы бедности в Республике Саха (Якутия) / Т.Н. Гаврильева, А.Т. Набережная, М.А. Иванова, Ф.В. Никифоров // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — Т. 15, № 1. — С. 38–47.

Гак, В.Г. К типологии форм языковой политики / В.Г. Гак // Вопр. языкознания. — 1989. — № 5. — С. 104–105.

Глобализация — этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 кн. / М.Б. Ешич [и др.]; отв. ред. Г.П. Нешименко; Рос. акад. наук, Науч. совет «История мировой культуры», Ин-т славяноведения. — М.: Наука, 2006. — Кн. 1. — 486 с.; Кн. 2. — 461 с.

Горячева, М.А. Типология языковых ситуаций: Российская Федерация: дис. ... канд. филол. наук / М.А. Горячева. — М., 2003. — 209 с.

Горячева, М.А. Законодательство о языках народов Российской Федерации в сфере образования: современное состояние и перспективы / М.А. Горячева // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: материалы междунар. конф. (Москва, 14–17 нояб. 2018 г.) / отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева; Ин-т языкознания РАН, Науч.-исслед. центр по нац.-язык. отношениям. — М.: Языки народов мира, 2018. — С. 187–193.

Губогло, М.Н. Этническая социоллингвистика или социальная этнолингвистика / М.Н. Губогло // IV Конгр. этнографов и антропологов России. — Нальчик, 2001.

Губогло, М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки / М.Н. Губогло; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 2003. — 764 с.

Гузельбаева, Г.Я. Практики использования государственных языков жителями Татарстана в ситуации официального двуязычия / Г.Я. Гузельбаева // Вестн. ТГГПУ. — 2013. — № 4. — С. 44–51.

Дегтярева, М.Г. Этноязыковая ситуация в Мегино-Кангаласском улусе в условиях социально-экономических преобразований: состояние и перспективы // Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихоллингвистический аспект / М.Г. Дегтярева, Р.И. Васильева, Н.И. Иванова, Л.Н. Семенова. — Новосибирск: Наука, 2013. — С. 148–181.

Дешериев, Ю.Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия / Ю.Д. Дешериев // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. ст. / редкол.: П.А. Азимов (отв. ред.) [и др.]. — М.: Наука, 1972. — С. 26–42.

Дешериев, Ю.Д. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху: развитие общественных функций литературных языков / Ю.Д. Дешериев. — М.: Наука, 1976. — 431 с.

Дешериев, Ю.Д. Социальная лингвистика: к основам общей теории / Ю.Д. Дешериев; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1977. — 382 с.

Дешериев, Ю.Д. Проблема взаимоотношения между функционально-типологической и другими классификациями языков / Ю.Д. Дешериев // Теоретические проблемы социальной лингвистики. — М., 1981. — С. 11–32.

Дешериева, Ю.Ю. Проблемы интерференции и языкового дефицита: на материале русской речи носителей английского языка: дис. ... канд. филол. наук / Ю.Ю. Дешериева. — М., 1976. — 182 с.

Дмитриев, Н.К. Долгие гласные в якутском языке / Н.К. Дмитриев // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков / под общ. ред. [и с введ.] чл.-кор. АН СССР Н.К. Дмитриева; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955–1962. — Ч. 1: фонетика. — 336 с.

Дмитриев, Н.К. Строй тюркских языков: избр. тр. / Н.К. Дмитриев; Акад. наук СССР, Отд-ние литературы и языка. — М.: Вост. лит., 1962. — 607 с.

Дмитриева, Е.Н. Сопоставительная грамматика русского и якутского языков / Е.Н. Дмитриева; М-во образования Рос. Федерации, Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова. — Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 2000. — Ч. 1: фонетика и морфология. — 2000. — 121 с.

Дробижева, Л.М. Этничность в современном обществе: этнополитика и социальные практики в Российской Федерации / Л.М. Дробижева // Мир России. — 2001. — № 2. — С. 167–180.

Дробижева, Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Л.М. Дробижева // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Ин-т социологии Рос. акад. наук, Урал. межрегион. ин-т обществ. наук, Новгород. межрегион. ин-т обществ. наук; отв. ред. В.С. Магун. — М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. — С. 10–29.

Дробижева, Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде / Л.М. Дробижева // Социс. — 2010. — № 12. — С. 49–58.

Дуличенко, А.Д. Этносоциоллингвистика «перестройки» в СССР: антология запечатленного времени / А.Д. Дуличенко. — Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1999. — 584 с.

Дырхеева, Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: история и современность, проблемы и перспективы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г.А. Дырхеева; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — Улан-Удэ, 2002. — 52 с.

Дырхеева, Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента) / Г.А. Дырхеева; отв. ред. Б.Д. Цыренов; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020а. — 236 с.

Дырхеева, Г.А. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) [Электронный ресурс] / Г.А. Дырхеева, Ч.С. Цыбенкова // Новые исследования Тувы. — 2020б. — № 1. — Режим доступа: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/905>.

Дьяконова, Ю.Н. Языковая ситуация в сельских районах Якутии / Ю.Н. Дьяконова // Культурное строительство в Советской Якутии: сб. науч. тр. / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Якут. филиал, Ин-т языка, литературы и истории; ред.

кол.: И.Г. Романов (отв. ред.) [и др.]. — Якутск: Изд-во Якут. филиал СО АН СССР, 1984. — С. 94–100.

Дьячковский, Н.Д. О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке / Н.Д. Дьячковский; Якут. респ. ин-т усовершенствования учителей. — Якутск: Якуткнигоиздат, 1962. — 72 с.

Едличка, А. Литературный язык в современной коммуникации / А. Едличка; пер. с чеш. Г.Я. Романовой и М.А. Уварова // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1988. — Вып. 20: теория литературного языка в работах ученых ЧССР: переводы. — С. 38–134.

Закирьянов, К.З. Двужычие и интерференция / К.З. Закирьянов. — Уфа, 1984. — 80 с.

Иванова, Н.И. Интерферентные явления в устной речи билингвов-саха (на материале телевизионной речи представителей гуманитарной интеллигенции): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Иванова. — Якутск, 2002. — 22 с.

Иванова, Н.И. Языковая ситуация и проблемы функционирования языков в Республике Саха (Якутия): аналитические, справочные материалы / Н.И. Иванова, М.Г. Дегтярева, В.Н. Петров. — Якутск, 2005. — 52 с.

Иванова, Н.И. Современный якутский риторический идеал / Н.И. Иванова, Л.Н. Семенова // Вестн. Якут. гос. ун-та. — 2007. — Т. 4, № 2. — С. 71–77.

Иванова, Н.И. Функционирование государственных языков в Республике Саха (Якутия) в СМИ: социолингвистическая парадигма / Н.И. Иванова. — Новосибирск: Наука, 2011. — 240 с.

Иванова, Н.И. Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект / Н.И. Иванова. — Новосибирск: Наука, 2012. — 130 с.

Иванова, Н.И. Статус русского языка в Республике Саха (Якутия) / Н.И. Иванова // Вестн. Сев.-Вост. фед. ун-та им. М.К. Аммосова. — 2013. — Т. 10, № 3. — С. 58–63.

Иванова, Н.И. Современный носитель якутского языка в г. Якутске: социопсихолингвистическая характеристика в динамике (2008 и 2014 гг.) / Н.И. Иванова // Сев.-вост. гум. вестн. — 2015а. — № 2 (11). — С. 64–69.

Иванова, Н.И. Социопсихолингвистический портрет редактора и ведущего НВК «Саха»: результаты мониторинга 2012–2013 гг. / Н.И. Иванова // Сев.-вост. гум. вестн. — 2015б. — № 1 (10). — С. 99–105.

Иванова, Н.И. Языковая ситуация в г. Якутске: экстенсивные и интенсивные показатели владения якутским языком / Н.И. Иванова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Педагогика. Филология. Философия. — 2016а. — № 5. — С. 68–77.

Иванова, Н.И. Современные тенденции в сфере образования г. Якутска: языковые установки носителей якутского языка и мнение экспертов / Н.И. Иванова // Обществ. науки. — 2016б. — Т. 1, № 6. — С. 179–188.

Иванова, Н.И. Якутско-русское двужычие: особенности и динамика интерферентных явлений на фонетическом уровне // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: филология. — 2016в. — № 4. — С. 103–109.

Иванова, Н.И. Языковая дистрибуция в репертуаре носителей якутского языка / Н.И. Иванова // Вестн. Брянск. гос. ун-та. — 2016г. — № 2. — С. 170–175.

Иванова, Н.И. Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты / Н.И. Иванова; отв. ред. П.А. Слепцов. —

М.: Языки народов мира; Изд-во Ин-та гум. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН, 2017. — 260 с.

Иванова, Н.И. Современное состояние языка саха и языковой политики в Республике Саха (Якутия) (по материалам экспертных интервью) / Н.И. Иванова // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 27–29 июня 2019 г., г. Якутск / редкол.: Н.И. Данилова (отв. ред.) и др.; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Фед. исслед. центр «Якут. науч. центр», Ин-т гум. исслед. и проблем малочисл. народов Севера [и др.]. — Якутск, 2019а. — С. 205–211.

Иванова, Н.И. Функциональный статус якутского языка в Республике Саха (Якутия) / Н.И. Иванова // Филол. науки. — 2019б. — № 12. — С. 182–187.

Иванова, Н.И. Функциональный статус русского языка в Республике Саха (Якутия) / Н.И. Иванова // Сев.-вост. гум. вестн. — 2019в. — № 4 (29). — С. 101–106.

Игнатъева, В.Б. Дальневосточный федеральный округ: этнокультурная ситуация в Якутске / В.Б. Игнатъева // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / М-во регион. развития РФ, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М., 2008. — С. 230–252.

Игнатъева, В.Б. Кто поддержит модель современной школы / В.Б. Игнатъева // Этнокультурное образование: методы социальной ориентации российской школы / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; отв. ред. В.В. Степанов. — М.: Изд-во ИЭА РАН, 2010. — Вып. 1. — С. 137–166.

Игнатъева, В.Б. Этничность как идеология потребительства: антропологический анализ повседневности саха / В.Б. Игнатъева // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации: материалы Междунар. конф. (Барнаул, 25–27 нояб. 2012 г.). — Барнаул, 2012а. — С. 82–90.

Игнатъева, В.Б. Демография и территориальное расселение якутов / В.Б. Игнатъева // Якуты (саха) / отв. ред.: Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Ин-т гум. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН. — М.: Наука, 2012б. — С. 19–32.

Игнатъева, В.Б. Перформанс как ресурс формирования этнической идентичности современных горожан-саха / В.Б. Игнатъева // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы Всерос. конф. (Казань, 25–27 сент. 2014 г.). — Казань, 2014а. — С. 161–166.

Игнатъева, В.Б. «Человек — хвоинка Земли»: проблемы сохранения этнической самобытности коренных народов Якутии в эпоху глобализации / В.Б. Игнатъева, Е.Н. Романова // Культура Арктики: коллектив. моногр. / М-во культуры Рос. Федерации, Аркт. гос. ин-т культуры и искусств, М-во культуры и духовного развития Респ. Саха (Якутия); под. общ. ред. д-ра социол. наук У.А. Винокуровой; идея проекта А.С. Борисов. — Якутск: ИД СВФУ, 2014б. — С. 238–244.

Игнатъева, В.Б. Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества / В.Б. Игнатъева // Сев.-вост. гум. вестн. — 2017. — № 4 (21). — С. 86–95.

Искужина, Н.Г. Языковая ситуация в районах Зауралья Республики Башкортостан: социолингвистический аспект / Н.Г. Искужина. — Уфа: Гилем, 2008. — 216 с.

Исмагилова, Н.В. Социо- и психолингвистический портрет носителя языка в условиях полиязычного Башкортостана / Н.В. Исмагилова, Л.А. Калимуллина, Э.А. Салихова; Вост. ин-т экономики, гум. наук, упр. и права. — Уфа: Изд-во Вост. ун-та, 2007. — 255 с.

Исхакова, З.А. Функциональное взаимодействие татарского и русского языков в современном Татарстане / З.А. Исхакова // Язык и этнос на рубеже веков: этносоциолог. очерки о языковой ситуации в Респ. Татарстан / редкол.: Р.Н. Мусина (отв. ред.) [и др.]. — Казань: Магариф, 2002. — С. 13–42.

Каратаев, И.И. Лингвистические основы обучения орфографии родного языка в начальных классах якутской школы: пособие для учителя / И.И. Каратаев; под ред. Н.Д. Дьячковского. — Якутск: Кн. изд-во, 1987. — 166 с.

Карлинский, А.Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: дис. ... д-ра филол. наук / А.Е. Карлинский. — Алма-Ата, 1980. — 434 с.

Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфическое в языке / А.Е. Кибрик. — 2-е изд., стереотип. — М.: URSS, 2001. — 336 с.

Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфическое в языке / А.Е. Кибрик. — 4-е изд., стереотип. — М.: URSS, 2005. — 332 с.

Комплексный анализ деятельности учреждений культуры Республики Саха (Якутия): итоги науч. исслед. / под общ. ред. С.С. Семенова. — Якутск, 2016. — 164 с.

Коновалова, Н.И. Этносоциоллингвистика: учеб. пособие / Н.И. Коновалова; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. — 121 с.

Коростылев, А.Д. Религиозность в контексте межэтнических отношений / А.Д. Коростылев // Социальная и культурная дистанции: опыт многонациональной России / В.В. Амелин [и др.]. — М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998а. — С. 194–229.

Коростылев, А.Д. Язык источник согласия и противоречий / А.Д. Коростылев // Социальная и культурная дистанции: опыт многонациональной России / В.В. Амелин [и др.]. — М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998б. — С. 18–194.

Крючкова, Т.Б. О понятийно-терминологическом аппарате описания языкового состояния / Т.Б. Крючкова // Решение национально-языковых вопросов в современном мире: страны СНГ и Балтии / под ред. Е.П. Чельшева; Рос. акад. наук, Науч. совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, Ин-т языкознания РАН. — М.: Издат. центр «Азбуковник», 2010. — С. 58–63.

Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX в.: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН. — М.: Изд-во Рос. гос. гум. ун-та, 1995. — 432 с.

Кудрявцева, Р.А. Будущее марийского языка в восприятии современной молодежи / Р.А. Кудрявцева, В.И. Шабьков // Языки в полиэтническом госу-

дарстве: развитие, планирование, прогнозирование: материалы Междунар. конф. (Респ. Бурятия, Улан-Удэ — Горячинск, 1–4 июля 2019 г.). — Улан-Удэ, 2019. — С. 174–178.

Кузьмин, М.Н. Языковая ситуация в субъектах Российской Федерации: новые тенденции в развитии билингвизма / М.Н. Кузьмин, О.И. Артеменко, К.Н. Бичелдей [и др.] // Обучение родному (нерусскому) языку в условиях двуязычной образовательной среды: I–IV классы: сб. науч.-метод. материалов, посвященный 80-летию д-ра пед. наук, проф. Н.Б. Экбы. — М.: ИНПО, 2008. — С. 18–28.

Лаптева, О.А. Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О.А. Лаптева. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 520 с.

Лаптева, О.А. Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О.А. Лаптева. — 7-е изд. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — 517 с.

Ларина, А.А. Основные ценности современной молодежи [Электронный ресурс] / А.А. Ларина // Территория науки. — 2015. — № 5. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyie-tsennosti-sovremennoy-molodezhi/viewer>.

Леонтьев, А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / А.А. Леонтьев; под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. — М.: Смысл, 2008. — 271 с.

Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья: по материалам экспедиций 2001–2004 гг. / Г.А. Анимидца [и др.]; отв. ред. М.Л. Кисилиер. — СПб.: Алетейя, 2009. — 443 с.

Маклашова, Е.Г. Государственная национальная политика России: практика реализации в Дальневосточном федеральном округе / Е.Г. Маклашова. — Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2018. — 224 с.

Мечковская, Н.Б. Языковой контакт / Н.Б. Мечковская. — Минск: Вышш. шк., 1983. — 456 с.

Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика: учеб. пособие для студентов гум. вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская. — 2-е изд., испр. — М.: Аспект-Пресс, 2000. — 205 с.

Михальская, А.К. Основы риторики: мысль и слово / А.К. Михальская. — М., 1996. — 416 с.

Михальченко, В.Ю. Развитие литовского языка и литовско-русского двуязычия (социолингвистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук / В.Ю. Михальченко. — М., 1984. — 370 с.

Михальченко, В.Ю. Проблема витальности языков малочисленных народов России / В.Ю. Михальченко // Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. — М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 1992. — С. 39–44.

Михальченко, В.Ю. О принципах создания словаря социолингвистических терминов: к постановке проблем / В.Ю. Михальченко // Методы социолингвистических исследований / Рос. акад. наук, Отд-ние литературы и яз., Ин-т языкознания РАН, Науч.-исслед. центр по нац.-яз. отношениям; редкол.: В.Ю. Михальченко [и др.]. — М., 1995. — С. 191–204.

Михальченко, В.Ю. Российская социальная лингвистика: прошлое, настоящее, будущее / В.Ю. Михальченко // *Вопр. филологии.* — 1999. — № 1. — С. 22–28.

Михальченко, В.Ю. Принципы функциональной типологии языков России / В.Ю. Михальченко // *Язык и общество в современной России и других странах: междунар. конф. (Москва, 21–23 июня 2010 г.): докл. и сообщ. / отв. ред. В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко.* — М.: Тезаурус, 2010. — С. 42–44.

Михальченко, В.Ю. Языковое планирование в полиэтнических странах / В.Ю. Михальченко // *Вестн. КИГИ РАН.* — 2016. — № 5. — С. 137–145.

Михальченко, В.Ю. Социоллингвистика как научная дисциплина в прошлом, настоящем и будущем / В.Ю. Михальченко // *Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: материалы Междунар. конф. (Москва, 14–17 нояб. 2018 г.) / отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева.* — М.: Языки народов мира, 2018. — С. 13–23.

Мюллер, Д. Тенденции развития обучения на родных языках и обучения родным языкам в Российской Федерации за последние 6 лет (2013–2018 гг.) / Д. Мюллер // *Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму: Междунар. круглый стол (Москва, 5–6 нояб. 2019 г.): докл. и сообщ. / отв. ред. М. Вингендер, А.Н. Биткеева, Э.В. Хилханова.* — М., 2019. — С. 25–27.

Насырова, О.Д. Языковая ситуация в Республике Каракалпакстан / О.Д. Насырова. — М., 1997. — 98 с.

Наумов, В.В. Государство и язык: формулы власти и безвластия / В.В. Наумов. — М.: URSS; КомКнига, 2010. — 182 с.

Нещименко, Г.П. Языковая ситуация в славянских странах: опыт описания. Анализ концепций / Г.П. Нещименко; Ин-т славяноведения РАН. — М.: Наука, 2003. — 279 с.

Низамова, Л.В. Модерная этничность и ее модусы: теория и практики / Л.В. Низамова // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гум. науки.* — 2012. — № 6. — С. 105–116.

Никифорова, Е.П. Языковая образовательная политика в Республике Саха (Якутия) / Е.П. Никифорова, Л.П. Борисова // *Современные исследования социальных проблем.* — 2015. — № 9 (53). — С. 543–552.

Никольский, Л.Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие / Л.Б. Никольский // *Язык и общество.* — 1968. — № 4. — С. 35–39.

Никольский, Л.Б. Синхронная социоллингвистика: теория и проблемы / Л.Б. Никольский; Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. — М.: Наука, 1976. — 168 с.

Образ идеального Президента РС (Я). — Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2001. — 44 с.

Одинг, Н.Ю. Использование национальных языков как государственных в республиках РФ: правовые и экономические аспекты / Н.Ю. Одинг, А.О. Юшков, Л.И. Савулькин // *Terra Economicus.* — 2019. — Т. 17, № 1. — С. 112–130.

Олонхо и общество: тезаурус современных этнокультурных представлений о героическом эпосе народа саха / В.Б. Игнатьева, Е.Н. Романова, О.В. Осипова [и др.]. — Якутск, 2013. — 272 с.

Ольшанский, Д.В. Основы политической психологии: учеб. пособие для вузов / Д.В. Ольшанский. — Екатеринбург: Деловая кн., 2001. — 494 с.

Орусбаев, А. Языковая жизнь Киргизии / А. Орусбаев // *Функциональная дистрибуция языков.* — Фрунзе, 1990. — 279 с.

Осипова, В.О. Аккультурационные стратегии молодежи Арктики / В.О. Осипова // *Сев.-вост. гум. вестн.* — 2014а. — № 2. — С. 54–59.

Осипова, В.О. Место и роль этнической идентичности у молодежи (на примере арктических территорий Якутии) / В.О. Осипова, Е.Г. Маклашова // *Этносоциум.* — 2014б. — № 8. — С. 132–143.

Осипова, О.В. Идентичность молодежи Арктики / О.В. Осипова, Е.Г. Маклашова // *Социологич. исслед.* — 2015. — № 5. — С. 139–144.

Перевод в поликультурном языковом пространстве Российской Федерации: потенциал и перспективы [Электронный ресурс]: сб. тез. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Якутск, 12–13 апр. 2019 г.) / [редкол.: Е.С. Герасимова и др.]. — Якутск: Издат. дом СВФУ, 2019. — 487 с. — Режим доступа: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/in>.

Подойницына, И.И. Новый профиль социальной стратификации общества России / И.И. Подойницына. — Гамбург: Palmarium academic publishing, 2012. — 245 с.

Подойницына, И.И. Воспроизводство национальной культуры народов саха в современных условиях / И.И. Подойницына, М.А. Кузьминов // *Социологич. исслед.* — 2013. — № 12. — С. 42–51.

Поливанов, Е.Д. Статьи по общему языкознанию: избр. работы / Е.Д. Поливанов; Акад. наук СССР, Ин-т народов Азии, Отд-ние литературы и языка, Комис. по истории филол. наук. — М.: Наука, 1968. — 376 с.

Попова, З.Д. Концептосфера и картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин // *Язык и национальное сознание.* — Воронеж: Истоки, 2002. — С. 4–8.

Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Воронеж: Истоки, 2007. — 250 с.

Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин; Фед. агентство по образованию, Воронеж. гос. ун-т. — М.: АСТ; Восток — Запад, 2009. — 314 с.

Потапов, В.В. Проблема вымирающих языков в Российской Федерации / В.В. Потапов // *Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран: материалы к XIII Всемир. конгр. социологов (Германия, Билефельд, 18–23 июля 1994 г.).* — М., 1994. — С. 68–73.

Путеводитель инвестора по Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Агентство инвестиционного развития Республики Саха (Якутия). — 2015. — 25 с. — Режим доступа: https://www.pwc.ru/ru/doing-business-in-russia/assets/pwc_sakha_rus_preview.pdf.

Резолюция междунар. конф. «Лингвистический форум 2019: коренные языки России и мира» (4–6 апр. 2019 г., Москва) [Электронный ресурс] // Ин-т языкознания РАН: офиц. сайт. — Режим доступа: https://iling-ran.ru/web/ru/conferences/2019_indigenous/resolution.

Республика Саха (Якутия) — 2050: форсайт-исследование: докл. / Е.И. Михайлова [и др.]; науч. ред.: Е.И. Михайлова, В.С. Ефимов; Сев.-Вост. фед. ун-т

им. М.К. Аммосова, Сиб. фед. ун-т. — Якутск: Издат. дом Сев.-Вост. фед. ун-та им. М.К. Аммосова, 2014. — 184 с.

Розенцвейг, В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов / В.Ю. Розенцвейг // Языковые контакты. Новое в лингвистике. — 1972. — № 6. — С. 5–25.

Романова, Е.Н. Этнический феномен народа саха: национальный праздник якутов Ысыах, мифосимволическая система, «культуротворчество» и понятие «границы» / Е.Н. Романова // Социальная и культурная дистанции: опыт многонациональной России / В.В. Амелин [и др.]. — М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. — С. 152–171.

Романова, Е.Н. Ысыах — главный праздник якутской традиции / Е.Н. Романова // Якуты (саха) / отв. ред.: Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.Н. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. М.Н. Миклухо-Маклая РАН, Ин-т гум. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН. — М.: Наука, 2012. — С. 246–247.

Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / отв. ред. В.А. Тишков. — М., 2008. — 308 с.

Руссо, Л.-Ж. Разработка и проведение в жизнь языковой политики / Л.-Ж. Руссо // Языковая политика в современном мире. — СПб.: Златоуст, 2007. — С. 97–121.

Рязанов, В. Язык и национальное самосознание [Электронный ресурс] / В. Рязанов // Моя округа: сайт. — 2019. — 22 мая. — Режим доступа: <https://moiaokrug.ru/Print.aspx?articleId=258173>.

Саввинов, А.И. Этнотерриториальные группы якутов в сопредельных регионах / А.И. Саввинов // Якуты (саха) / отв. ред.: Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Ин-т гум. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН. — М.: Наука, 2012. — С. 32–39.

Саввинов, В.М. Анализ проблем и критических ситуаций в системе образования с точки зрения задач сохранения культуры и языков коренных народов Республики Саха (Якутия) / В.М. Саввинов // Наука и образование. — 2013. — № 4. — С. 100–105.

Сагитова, Л.В. Выживание татарского языка в глобализирующемся татарстанском сообществе: «за» и «против» [Электронный ресурс] / Л.В. Сагитова // Казанский федералист. — 2006. — № 4 (20). — Режим доступа: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n20/6/>.

Самсонов, Н.Г. Развитие двуязычия в Республике Саха / Н.Г. Самсонов // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: материалы междунар. конф. (Москва, 22–25 окт. 1996 г.) / отв. ред.: В.М. Солнцев, В.Ю. Михальченко. — М., 1996. — С. 121–122.

Самсонова, Т.П. Сравнительная характеристика звуковой системы русского и якутского языков / Т.П. Самсонова; под ред. проф. Л.Н. Харитоновна. — Якутск: Якуткнигоиздат, 1959. — 92 с.

Сахалыы таба суруйуу тылдьыта / Саха Респ. Наукатын акад., Гум. чинчийии ин-та; редкол.: В.М. Анисимов уо.д.а. — Дьокуускай: Сахаполиграфиздат, 2002. — 543 с.

Светана, С.В. Телевизионная речь: функции и структура / С.В. Светана; под ред. проф. Я.Н. Засурского. — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1976. — 151 с.

Седов, К.Ф. Социальная психоллингвистика в системе смежных наук / К.Ф. Седов // Социальная психоллингвистика: хрестоматия / сост. К.Ф. Седов. — М.: Лабиринт, 2007. — С. 3–7.

Седов, К.Ф. М.М. Бахтин — знамя отечественной антропологической лингвистики: предисловие / К.Ф. Седов // Антропологическая лингвистика: избр. тр. / М.М. Бахтин. — М.: Лабиринт, 2010. — 255 с.

Сивцева, Н.А. А.Е. Кулаковский и проблемы языковой политики 20-х годов XX в. в Якутии: дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Сивцева. — Якутск, 2007. — 258 с.

Скачкова, И.И. Языковые права личности / И.И. Скачкова // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 22 апр. 2015 г.) / редкол.: Н.Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. — Минск: Изд-во БГУ, 2015. — Т. 1. — С. 151–158.

Сковородников, А.П. О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности / А.П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл. / Краснояр. гос. ун-т. — Красноярск; Ачинск, 1997. — Вып. 5. — С. 27–37.

Слепцов, П.А. Актуальные проблемы изучения современных языковых процессов в РС (Я) / П.А. Слепцов // Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия): актуальные проблемы / науч. ред. П.А. Слепцов; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гум. исслед. — Новосибирск: Наука, 2003. — С. 11–42.

Слепцов, П.А. Олонхо тылын чинчийии соруктара, хайысхалара / П.А. Слепцов // Ступени и проблемы якутского языкознания: сб. науч. ст. — Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2008а. — С. 331–337.

Слепцов, П.А. Современная языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) и проблемы паритетного двуязычия / П.А. Слепцов // Ступени развития якутского языкознания: сб. науч. ст. / сост.: Н.И. Данилова, Н.Н. Васильева; отв. ред. Н.И. Иванова; Совет по языковой политике при Президенте РС (Я), Ин-т гум. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН. — Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2008б. — С. 470–480.

Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова, И.Л. Бабич [и др.]; отв. ред.: Е.И. Филиппова, С.В. Соколовский. — М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2019. — 260 с.

Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихоллингвистический аспект / Р.И. Васильева [и др.]; отв. ред. П.А. Слепцов; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гум. исслед. и проблем малочисл. народов Севера. — Новосибирск: Наука, 2013. — 250 с.

Соколовский, С.В. Законы и идеологии: политика и управление языковыми ситуациями / С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова // Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. — 2020. — С. 5–19.

Солнцев, В.М. Русский язык: проблема языкового пространства / В.М. Солнцев, В.Ю. Михальченко // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; редкол.: В.Ю. Михальченко [и др.]. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 5–17.

Социолингвистика и социология языка: хрестоматия / сост.: Н.Б. Вахтин, Е.В. Головки; пер. с англ. под общ. ред. Н.Б. Вахтина; отв. ред. Н.Б. Вахтин. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2012. — 588 с.

Степанов, Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г.В. Степанов; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1976. — 224 с.

Стернин, И.А. Русский коммуникативный идеал и толерантность / И.А. Стернин // Языковое сознание и образ мира: сб. науч. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред. Н.В. Уфимцева. — М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 2000. — С. 163–166.

Стернин, И.А. О русском коммуникативном идеале: экспериментальное исследование / И.А. Стернин // Профессиональная риторика: проблемы и перспективы. — Воронеж, 2001. — С. 11–13.

Стернин, И.А. Немецкий язык в русском коммуникативном сознании / И.А. Стернин // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. — Воронеж, 2002а. — С. 114–118.

Стернин, И.А. Русское коммуникативное сознание / И.А. Стернин // Коммуникативное поведение: русское и финское коммуникативное поведение. — Воронеж, 2002б. — Вып. 3. — С. 3–13.

Сукнева, С.А. Факторы демографического роста якутского этноса на рубеже веков / С.А. Сукнева, А.С. Барашкова // Современные проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений / сост.: Е.Д. Кули, Т.В. Парников; под. ред. Е.М. Махарова, А.А. Пахомова. — Якутск, 2016. — С. 273–280.

Сукнева, С.А. Современные особенности сельско-городской миграции в северном регионе / С.А. Сукнева, О.М. Тарасова-Сивцева // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера: сб. ст. VI Всерос. науч.-практ. конф. (Сыктывкар, 19–21 сент. 2018 г.). — Сыктывкар: Коми респ. тип., 2018. — С. 238–245.

Сулейменова, Э.Д. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане / Э.Д. Сулейменова, Ж.С. Смагулова; под общ. ред. Э.Д. Сулейменовой. — Алматы: Қазақ университеті, 2005. — 344 с.

Сулейменова, Э.Д. Архетип «гадкого утенка» и языковая идентичность / Э.Д. Сулейменова // Язык и идентичность: материалы междунар. конф. «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ / отв. ред. Э.Д. Сулейменова. — Алматы: Қазақ университеті, 2006. — С. 15–25.

Сусов, А.А. Теория межкультурной коммуникации vs. контрастивная этносоциолингвистика / А.А. Сусов // Лингвистич. вестн. — 2001. — Вып. 3. — С. 3–12.

Теоретические проблемы социальной лингвистики / Ю.Д. Дешериев, Ю.В. Рождественский, О.С. Ахманова [и др.]; редкол.: Ю.Д. Дешериев (отв. ред.) [и др.]. — М.: Наука, 1981. — 365 с.

Тишков, В.А. Советская этнография: преодоление кризиса / В.А. Тишков // Этнограф. обозрение. — 1992. — № 1. — С. 5–19.

Томаска, А.Г. Миграция сельского населения Республики Саха (Якутия): стратегии социально-экономической адаптации / А.Г. Томаска // Сев.-вост. гум. вестн. — 2014. — № 2. — С. 59–63.

Томаска, А.Г. Внутренняя миграция Республики Саха (Якутия) и социальный портрет сельского мигранта в городских поселениях / А.Г. Томаска // Этно-

социологические исследования в Республике Саха (Якутия) / отв. ред. В.Б. Игнатьева. — Якутск, 2015. — С. 23–43.

Томпсон, Д.Л. Социология / Д.Л. Томпсон, Д. Пристли; пер. с англ. А.К. Меньшикова. — Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1998. — 491 с.

Тошович, Б. Сравнительно-социолингвистическая парадигма югославско-советской языковой ситуации / Б. Тошович // Функционирование языков в многонациональном обществе: сб. ст. / Акад. наук СССР, Науч. совет «Язык и общество» и др.; редкол.: В.М. Солнцев, В.Ю. Михальченко (отв. ред.) [и др.]. — М.: Наука, 1991. — С. 102–130.

Тощенко, Ж.Т. Религиозная идентичность и бюрократия / Ж.Т. Тощенко // Религия в самосознании народа: религиозный фактор в идентификационных процессах / отв. ред. М.П. Мчедлов. — М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2008. — С. 62–85.

Трескова, С.И. СМИ в условиях развитого двуязычия / С.И. Трескова. — М.: Наука, 1983. — 134 с.

Трескова, С.И. Методика измерения в социолингвистике / С.И. Трескова // Принципы и методы социолингвистических исследований / [С.И. Трескова, К.К. Гаршва, М.С. Исмаилов и др.]; отв. ред. [и авт. предисл.] А.Н. Баскаков, В.Ю. Михальченко; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания, Науч. совет по комплекс. проблемам «Закономерности развития нац. яз. в связи с развитием соц. наций». — М.: Наука, 1989а. — С. 7–30.

Трескова, С.И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации: принципы измерения языковой вариативности / С.И. Трескова. — М.: Наука, 1989б. — 153 с.

Трубина, А.В. Современные причины внутрирегиональной миграции в Республике Саха (Якутия) / А.В. Трубина // Региональная экономика: теория и практика. — 2009. — № 14 (107). — С. 126–128.

Туманян, Э.Г. Роль религии в процессах культурно-языковой интеграции и дифференциации / Э.Г. Туманян // Глобализация — этнизация и этноязыковые процессы: в 2 кн. / отв. ред. Г.П. Нешименко; Науч. совет РАН «История мировой культуры», Ин-т славяноведения РАН. — М.: Наука, 2006. — С. 252–284.

Федоров, К.Ф. Обучение видам русского глагола в 6–7 классах якутской школы: пособие для учителя / К.Ф. Федоров. — Якутск: Кн. изд-во, 1990. — 118 с.

Федотова, Л.Н. Радио и телевидение в переломный период / Л.Н. Федотова. — М.: Обществ. мнение, 1992. — 137 с.

Федотова, Л.Н. Массовые коммуникативные процессы в условиях общественной модернизации России: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.Н. Федотова; МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 1997. — 48 с.

Фергюсон, Ч.А. Проблемы влияния языковой ситуации на обучение второму языку / Ч.А. Фергюсон // Новое в зарубежной лингвистике: контрастивная лингвистика: переводы. — М.: Прогресс, 1989. — Вып. 25. — С. 122–127.

Халина, Н.В. Кинетическая функция русского языка / Н.В. Халина // Международный науч.-исслед. журн. — 2015. — № 8 (39), ч. 4. — С. 119–122.

Хасанов, Б.Х. Казахско-русское двуязычие: социолингвистический аспект / Б.Х. Хасанов. — Алма-Ата, 1987. — 154 с.

Хилханова, Э.В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой

ситуации в этнической Бурятии): дис. ... д-ра филол. наук / Э.В. Хилханова. — Улан-Удэ, 2009. — 344 с.

Хилханова, Э.В. Языковое сознание и языковые установки: социолингвистический аспект / Э.В. Хилханова // Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края) / Э.В. Хилханова, Г.А. Дырхеева, Л.М. Любимова, Д.Б. Сундуева; Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — М.: Наука; Вост. лит., 2016. — С. 5–47.

Хилханова, Э.В. Об изучении «человеческого фактора» в социолингвистических исследованиях / Э.В. Хилханова // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве: междунар. конф. (Москва, 14–17 нояб. 2018 г.): докл. и сообщ. / отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева; Ин-т языкознания РАН, Науч.-исслед. центр по национально-языковым отношениям. — М.: Языки народов мира, 2018. — С. 164–172.

Цыбенова, Ч.С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ч.С. Цыбенова. — Улан-Удэ, 2013. — 24 с.

Челомбицкая, М.П. Ценностные ориентиры современного общества / М.П. Челомбицкая, Н.Г. Лавинский // Молодой ученый. — 2011. — № 12, т. 1. — С. 198–201.

Шабьков, В.И. Языковая ситуация в Республике Марий Эл (по результатам социологического исследования 2006 г.) / В.И. Шабьков, Р.А. Кудрявцева // Современные языковые процессы в Республике Татарстан и РФ: законодательство о языках в действии: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 15-летию принятия Закона о языках. — Казань, 2007. — С. 123–129.

Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. — М.: Наука, 1976. — 176 с.

Швейцер, А.Д. Введение в социолингвистику: учеб. пособие для пед. ин-тов / А.Д. Швейцер. — М.: Высш. школа, 1978. — 216 с.

Швейцер, А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А.Д. Швейцер. — М.: Наука, 1983. — 216 с.

Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. — 2-е изд. — М.: Кн. дом «Либроком», 2009. — 176 с.

Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. — 3-е изд. — М.: Либроком, 2010. — 174 с.

Широканова, А.А. Индивидуализация постсоветской молодежи в сфере морали / А.А. Широканова // Социс. — 2009. — № 12. — С. 21–26.

Шумарова, Н.П. Языковая компетенция личности: социопсихолингвистический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.П. Шумарова. — Киев, 1994. — 48 с.

Щеглова, И.В. Национально-русское двуязычие в коммуникативном поведении естественных билингов: характеристики, типы, тенденции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.В. Щеглова. — Майкоп, 2019. — 41 с.

Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность: сб. работ / ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич; Акад. наук СССР, Отд-ние литературы и языка, Комис. по истории филол. наук. — Л.: Наука, 1974. — 427 с.

Эхала, М. Измерение этнолингвистической витальности / М. Эхала // Язык и общество в современной России: материалы Междунар. конф. (Москва, 21–24 июня 2010 г.) / отв. ред.: В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко; Ин-т языкознания РАН, Науч.-исслед. центр по национально-языковым отношениям. — М.: Тезаурус, 2010. — С. 84–87.

Юрганова, И.И. Православное христианство в Якутском крае / И.И. Юрганова // Якуты (саха) / отв. ред.: Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.Н. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. М.Н. Миклухо-Маклая РАН, Ин-т гум. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН. — М.: Наука, 2012. — С. 351–359.

Язык и этнос на рубеже веков: этносоциологич. очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан / [редкол.: Р.Н. Мусина (отв. ред.) и др.]. — Казань: Магариф, 2002. — 206 с.

Язык. Культура. Этнос / С.А. Арутюнов, А.Р. Багдасаров, В.Н. Белоусов и др.; редкол.: Г.П. Нешищенко (отв. ред.) [и др.]; Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры. — М.: Наука, 1994. — 234 с.

Языковая политика, конфликты и согласие / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; под ред. С.В. Соколовского, Е.И. Филипповой. — М.: Изд-во ИЭА РАН, 2017. — 272 с.

Языковая ситуация и проблемы функционирования языков в Республике Саха (Якутия): аналитические, справочные материалы. — Якутск: Изд-во АН РС (Я); Изд-во ИГИ, 2005. — 52 с.

Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края) / Э.В. Хилханова, Г.А. Дырхеева, Л.М. Любимова, Д.Б. Сундуева; Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — М.: Наука; Вост. лит., 2016. — 174 с.

Яковлева, Н.Н. Об этноязыковой политике в Якутии в советский и постсоветский периоды / Н.Н. Яковлева // Власть. — 2010. — № 3. — С. 34–36.

Alisaari, J. Monolingual practices confronting multilingual realities. Finnish teachers' beliefs about linguistic diversity / J. Alisaari, L.M. Heikkola, N. Commins [et al.] // An International Journal of Research and Studies. — 2019. — Vol. 80. — P. 48–58.

Backhaus, P. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo / P. Backhaus. — New York; Ontario; Clevalon, 2007. — 158 p.

Barnet, V. Vztah komunikativní sféry a různotvaru jazyka v slovanských jazycích (k sociolingvistické interpretaci pojmu jazyková situace) / V. Barnet // Slavia. — 1977. — N 4. — P. 337–347.

Boumeester, M. Sequential multilingualism and cognitive abilities: Preliminary data on the contribution of language proficiency and use in different modalities / M. Boumeester, M.C. Michel, V. Fyndanis // Behavioral Sciences. — 2019. — Vol. 9 (9).

Crate, S. Oshukhai: Transmitter of Biocultural Heritage for Sakha of Northeastern Siberia / S. Crate // Journal of Ethnology. — 2019. — Vol. 39 (3). — P. 409–424.

Ferguson, J. Code-mixing among Sakha-Russian bilinguals in Yakutsk: a spectrum of features and shifting indexical field / J. Ferguson // Journal of Linguistic Anthropology. — 2016a. — Vol. 26 (2). — P. 141–161.

Ferguson, J. Language has a spirit: Sakha (Yakut) Language ideologies and Aesthetics of sustenance / J. Ferguson // *Arctic Anthropology*. — 2016b. — Vol. 53 (1). — P. 95–111.

Gorter, D. Introduction. The Study of Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism / D. Gorter // *International Journal of Multilingualism*. — 2006. — Vol. 3. — P. 1–6.

Grenoble, L. Evidence of syntactic convergence among Russian–Sakha bilinguals / L. Grenoble, J. Kantarovich, I. Khokholova [et al.] // *Suvremena lingvistika*. — 2019. — Vol. 45 (87). — P. 41–57.

Haugen, E. Language planning in modern Norway / E. Haugen // *Scandinavian Studies*. — 1961. — Vol. 33. — P. 68–81.

Lambert, W.E. Evaluation Reactions to Spoken Languages / W.E. Lambert // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. — 1960. — Vol. 60 (1). — P. 44–51.

Lanza, E. 5 Urban multilingualism and family language policy / E. Lanza // *Urban Multilingualism in Europe: Bridging the Gap between Language Policies and Language Practices*. — 2019. — Vol. 110.

Liu, L. A bilingual advantage in infant pitch processing / L. Liu, P. Varghese, G. Weidemann // *Proceedings of the International Congress of Phonetic Sciences*. — International Phonetic Association, 2019. — P. 1397–1401.

Martinet, A. A Functional view of language / A. Martinet. — Oxford: Clarendon Press, 1962. — 184 p.

McConnell, G.D. A model of Language development and vitality / G.D. McConnell // *Indian journal of applied linguistics*. — 1996. — Vol. 22 (1). — P. 33–48.

Obojska, M.A. ‘Ikke snakke norsk?’—Transnational adolescents and negotiations of family language policy explored through family interview / M.A. Obojska // *Multilingua*. — 2019. — Vol. 38 (6). — P. 653–674.

Pot, A. Intensity of multilingual language use predicts cognitive performance in some multilingual older adults / A. Pot, M. Keijzer, K. De Bot // *Brain sciences*. — 2018. — Vol. 8 (5).

Purkarthofer, J. «Prétendre comme si on connaît pas une autre langue que le swahili»: Multilingual parents in Norway on change and continuity in their family language policies / J. Purkarthofer, G.B. Steien // *International Journal of the Sociology of Language*. — 2019. — Vol. 2019 (255). — P. 109–131.

Словари, справочники

Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т.В. Жеребило; Чечен. гос. пед. ун-т. — Изд. 6-е, испр. и доп. — Назрань, 2016. — 609 с.

Культура русской речи: энцикл. словарь-справочник / под общ. ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева; Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. — М.: Флинта; Наука, 2003. — 840 с.

Нелунов, А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь / А.Г. Нелунов; отв. ред. П.А. Слепцов; Ин-т гум. исслед. — Новосибирск: Изд-во СО РАН; Науч.-издат. центр ОИГГМ, 2002. — Т. 2. — 424 с.

Педагогическое речеведение: словарь-справочник / под ред. Т.А. Ладыженской, А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта; Наука, 1998. — 312 с.

Письменные языки мира: языки Российской Федерации: социолингвист. энцикл. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; редкол.: В.М. Солнцев (отв. ред.) [и др.]. — М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 2000. — 651 с.

Политический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://gufo.me/dict/politics_dict.

Словарь социолингвистических терминов. — М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 2006. — 312 с.

Социологический словарь / сост. А.Н. Елсуков, К.В. Шульга; науч. ред.: Г.Н. Соколова, И.Я. Писаренко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск: Университетское, 1991. — 528 с.

Тезаурус социологии. Методология и методы социологических исследований: тематич. словарь-справочник / под ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: Юнити-Дана, 2013. — 415 с.

Язык и общество: энцикл. — М.: Издат. центр «Азбуковник», 2016. — 872 с.

Языкознание: Большой энцикл. словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Бол. рос. энцикл., 1998. — 685 с.

Antipazi: словарная ст. [Электронный ресурс] // Энцикл. социологии. — Режим доступа: rus-sociologia.slovaronline.com.

Полевые материалы автора

Материалы М-ва связи и информационных технологий РС (Я) от 10.10.2018 г.
Материалы Управления образования Окружной администрации г. Якутска от 26.06.2019 г.

Направления развития этноречевой среды в сфере образования и воспитания: круглый стол: [рукопись]: 13.02.2019 г. / начальник Управления образования Окружной администрации г. Якутска А.К. Семенов.

Направления развития этноречевой среды в сфере образования и воспитания: круглый стол: [рукопись]: 13.02.2019 г. / зам. руководителя отдела общего образования М-ва образования и науки РС (Я) Т.С. Абрамова.

Публичный отчет об итогах деятельности Управления образования Окружной администрации г. Якутска за 2016 г. [Электронный ресурс] // Управление образования Окружной администрации г. Якутска: офиц. сайт. — Режим доступа: http://yagu.ru/files/godovoy_otchet_uo_za_2016.doc.

Интернет-ресурсы

В школах Якутска не хватит места для всех первоклассников [Электронный ресурс] // Sakhalife: сайт. — 2017. — 20 февр. — Режим доступа: <http://sakhalife.ru/v-shkolah-yakutska-ne-hvatit-mesta-dlya-vseh-pervoklassnikov-2/>.

В Якутии стали меньше рожать [Электронный ресурс] // Ysia: сайт. — 2019. — 7 июня. — Режим доступа: <https://ysia.ru/v-yakutii-stali-menshe-rozhat/>.

В якутском Интернете стало больше мужчин старше 60 лет [Электронный ресурс] // YKT: сайт. — 2018. — 22 июня. — Режим доступа: <https://news.ykt.ru/article/74014>.

Николаев, А. Динамика изменения религиозного самосознания жителей Республики Саха (Якутия) по данным социологических исследований 1993–2010 гг.

[Электронный ресурс] / А. Николаев // Якутия — образ будущего: сайт. — Режим доступа: <http://yakutiafuture.ru/2015/10/27/dinamika-izmeneniya-religioznogo-samosoznaniya-zhitelej-respubliki-saxa-yakutiya-po-dannym-sociologicheskix-issledovanij-1993-2010-gg/>.

О якутском языке [Электронный ресурс] // YKT: сайт. — 2010. — 16 нояб. — Режим доступа: <http://dnevniky.ykt.ru/POL1/426310>.

Первые выпускники курсов якутского языка получили удостоверения [Электронный ресурс] // Sakhapress: сайт. — 2014. — 14 мая. — Режим доступа: <https://sakhapress.ru/archives/179068>.

У жителей Якутии очень высоко национальное самосознание [Электронный ресурс] // Sakhalife: сайт. — 2017. — 17 дек. — Режим доступа: <https://sakhhalife.ru/u-zhiteley-yakutii-ochen-vyisoko-nacionalnoe-samosoznanie-sociolog/>.

Учащиеся и школьники Якутии оказались самыми продвинутыми в РФ по техническому оснащению: исследование [Электронный ресурс] // Интерфакс: сайт. — 2020. — 15 апр. — Режим доступа: <https://www.interfax-russia.ru/far-east/news/uchitelya-i-shkolniki-yakutii-okazalis-samymi-prodvinutymi-v-rf-po-tehnicheskomu-osnashcheniyu-issledovanie>.

29 января в ходе отраслевого отчета министр культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) Юрий Куприянов подвел итоги ушедшего года [Электронный ресурс] // One Click Yakutia: сайт — 2019. — 28 янв. — Режим доступа: <https://minkult.sakha.gov.ru/>.

Якутия возглавила список самых читающих регионов Дальнего Востока [Электронный ресурс] // ИА «Красная весна»: сайт. — 2020. — 25 мая. — Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/news/68800ed6>.

Якутия вошла в число самых читающих регионов России [Электронный ресурс] // YKT: сайт. — 2019. — 28 окт. — Режим доступа: <https://ysia.ru/yakutiya-voshla-v-trojku-samyh-chitayushhih-regionov-rossii/>.

Якутский энтузиаст о своих глобальных планах [Электронный ресурс] // Sakhalife: сайт. — 2020. — 18 мая. — Режим доступа: <https://sakhhalife.ru/yakutskij-entuziast-o-svoih-globalnyh-planah/>.

РАЕХ публикует рейтинг 100 лучших школ России по конкурентоспособности выпускников [Электронный ресурс] // РАЭК Аналитика: сайт. — 2019. — 17 апр. — Режим доступа: <https://raex-a.ru/releases/2020/21April>.

Научное издание

Иванова Нина Иннокентьевна

**ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)
ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК В НАЧАЛЕ ХХI в.**

*(этносоциопсихолингвистический
аспект)*

Редактор *Е.М. Исаевич*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *С.И. Мельникова*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева*
Оператор электронной верстки *Р.Г. Усова*

Подписано в печать 25.07.22. Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 17,75.
Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 100 экз. Заказ № .

ФГБУ «Издательство «Наука»
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.
(383)343-35-45, (383)344-33-75
rednauka@yandex.ru

Сайт издательства <https://naukapublishers.ru>
Сайт интернет-магазина «Академкнига» <https://naukabooks.ru>

ISBN 978-5-02-041499-0

9 785020 414990